

КАК ОДИН ЧЕЛОВЕК РАСКРЫЛ «ГЛОБАЛЬНЫЙ ЗАГОВОР»,
ВЫШЕЛ ИЗ ТЮРЬМЫ И СТАЛ МИЛЛИОНЕРОМ

ИГРА ЛЮЦИФЕРА

Брэдли С. Биркенфельд

 альпина
ПАБЛИШЕР

Брэдли Биркенфельд — тот самый человек, который первым раскрыл всю подноготную «черного» швейцарского банковского бизнеса. Книга «Игра Люцифера» рассказывает историю этого великого разоблачения. Показания Брэдли Биркенфельда привели к широкомасштабному расследованию деятельности швейцарского банка UBS и других банков, которые способствовали сокрытию от американского правительства огромных сумм налогов. Благодаря Биркенфельду казначейство США смогло вернуть в страну более 12 миллиардов долларов в виде налогов, штрафов и прочих санкций, наложенных на американских налоговых мошенников, — но сам он, как бывший сотрудник банка UBS, был осужден на 40 месяцев тюремного заключения, из которых отбыл 31 месяц. Спустя месяц после выхода на свободу Биркенфельд получил заслуженную награду от американского налогового ведомства — 104 миллиона долларов. В книге «Игра Люцифера» человек, которого называют самым значительным изобличителем финансовых махинаций всех времен, рассказывает свою историю от первого лица. Книга читается как увлекательный детектив, но будет интересна и тем, кто хочет больше узнать о банковском деле и финансовом бизнесе.

Брэдли Биркенфельд

Игра Люцифера

Как один человек раскрыл «глобальный заговор», вышел из тюрьмы и стал миллионером

«Брэдли Биркенфельд — имя, которое вы никогда не забудете».

New Haven Register

«Самый значительный разоблачитель финансовых махинаций всех времен».

CNBC

«Проще говоря, Биркенфельда можно считать одним из крупнейших разоблачителей всех времен».

Tax Notes

«Если и есть какой-то человек, которому удалось привлечь внимание общественности к миру офшоров, то это Брэдли Биркенфельд».

FinancialTimes

«В 2007 году тайное стало явным благодаря человеку по имени Брэдли Биркенфельд».

The Washington Post

«Разоблачитель деятельности UBS Брэдли Биркенфельд заслуживает памятника на Уолл-Стрит, а не тюремного заключения».

New-York Daily News

«Послушайте, если бы летом 2007 года мистер Биркенфельд не пришел сам в министерство юстиции, то правительству США до сих пор вряд ли удалось бы раскрыть эту масштабную мошенническую схему».

прокурор, представитель министерства юстиции

«Итак, заслуживает ли мистер Биркенфельд награды в 104

миллиона долларов?.. Да, до последнего цента!»

агент Федеральной налоговой службы

Моему брату Дугу, который был со мной с первого дня, когда я начал свое путешествие по этим американским горкам. Он как добрый друг и великолепный юрист своими глазами видел факты коррупции, понимал, что именно происходит и постоянно давал мне ценные советы.

Данная книга является документальным произведением. Хотя рассказанные в ней истории подлинные, некоторые имена и детали изменены.

Предисловие к русскому изданию

Кто владеет информацией — тот владеет миром

Эти слова, сказанные основателем английской ветви Ротшильдов, Натаном Майером Ротшильдом, стали крылатой фразой после поражения Наполеона при Ватерлоо 18 июня 1815 года. Именно тогда Ротшильд, первым получив информацию от своего агента об истинном исходе сражения, решился на блеф, сам пришел на биржу и начал продавать свои акции. Сделав вывод, что Наполеон одержал победу, все тоже стали продавать, началась паника. В этот момент люди Ротшильда скупали акции за бесценок. Лишь через два дня пришел рапорт: «Наполеон разбит». Цены на бирже снова взлетели, но для многих и многих эта победа, увы, обернулась банкротством. Что это: гениальный финансовый ход или циничная манипуляция информацией?

Информация — самый востребованный и желанный в современном мире ресурс. С ее помощью развязываются и прекращаются войны, рушатся целые государства, свергаются и приходят к власти различные политические силы и персоны и, конечно же, по-прежнему кто-то разоряется, а кто-то наживает баснословные богатства. Особенно ценность информации высока, когда ей владеет лишь узкий круг самых доверенных лиц.

Книга «Игра Люцифера» об этом и еще о многом другом! Основанная на реальных событиях, интригующая, не оставляющая равнодушным. Эта книга позволяет увидеть изнанку швейцарской банковской отрасли, рассказывает об американской системе правосудия со всеми ее недостатками и достоинствами, о «красивой» жизни и тюрьме, о выборе и ответственности за свой выбор. Изложенная живым и эмоциональным языком, история создает впечатление того, что все происходило на ваших глазах.

Самый высокооплачиваемый сотрудник отдела Private Banking крупного швейцарского банка американец Брэдли Биркенфельд занимался тем, что, кочуя с одной пафосной вечеринки на другую, посещая мировые премьеры и показы, выдающиеся выставки и спортивные состязания, выстраивал доверительные отношения с богатыми и очень богатыми людьми. По собственному признанию, Биркенфельд гордился тем, что умело продавал потенциальным клиентам «нули»: 0 доходности, 0 подоходного налога и 0 налога на наследство! После таких встреч миллионы и миллиарды долларов неспешно перетекали в Швейцарию и надежно прятались там, защищенные законом о банковской тайне, от бизнес-партнеров, супругов и налоговых органов.

Что произошло потом? Какие события стали толчком к одному из самых громких финансовых скандалов нашего времени? Как случилось, что в результате долгого и напряженного процесса в американское казначейство поступило более 15 миллиардов долларов недоимки, а сам Биркенфельд, отсидев 31 месяц в тюрьме, получил после освобождения 104 миллиона долларов как изблечитель многочисленных налоговых махинаций? И пока вы будете переворачивать страницу за страницей, полностью погрузившись в сюжет, вы сами решите для себя, кто же такой на самом деле Брэдли Биркенфельд — национальный герой, честный гражданин, ищущий справедливости, или игрок без совести и морали, торговец конфиденциальной информацией, которому удалось выиграть свой раунд в одной из игр Люцифера.

«Свершилось нечто, о чем трудно говорить и невозможно молчать».

Эдмунд Берк, англо-ирландский философ

«...Я опасаясь, что известные своим лукавством и хитроумными трюками иностранные банкиры возьмут под свой полный контроль огромные богатства Америки и направят их на систематическое разращение цивилизации».

Отто фон Бисмарк, канцлер Германии

8 января 2010 года, Майнерсвилль, Пенсильвания.

Все дороги, ведущие к федеральным тюрьмам, почему-то кажутся очень длинными. На них практически нет съездов или обходных путей, позволяющих сократить путешествие и хоть как-то избавиться от скуки и мучительного ожидания. Зато на них много незаметных поворотов и заброшенных участков. И будь это короткая поездка от здания суда или шестичасовой маршрут в чадающем тюремном автобусе, этот путь всегда символизирует расплату за безумную жизнь и всегда заканчивается одинаково.

Неудивительно, что в то морозное пятничное утро дорога в федеральное исправительное учреждение Скулкилл казалась мне вечной. Хотя ехать от моей гостиницы в Скрэнтоне, штат Пенсильвания, до затерянной в глуши тюрьмы не больше часа, мне казалось, что мы находимся в пути уже не меньше года. Даже сидя в Lexus, я видел пар, вырывающийся у меня изо рта, а за окном снег, подхваченный ветром, закручивал вокруг нас причудливые вуали. Ехать по скользкой дороге становилось все опаснее. Я бы с радостью сел за руль и в последний раз прокатился куда-нибудь перед тюрьмой, однако у меня больше не было машины, мне было запрещено выезжать за пределы определенного ареала, а на ноге у меня было закреплено следящее устройство. Поэтому вести машину сквозь бурю пришлось моему старшему брату Дугу — здоровяку за метр девяносто, как и я сам. Я позвонил из машины нескольким друзьям, однако в основном мы сидели молча, двигаясь навстречу роковой неизбежности.

Я знал, что это будет очень сложно для Дуга, может быть, даже сложнее, чем для меня. Он очень гордился тем, что я раскрыл чуть ли не самое значительное в истории мошенничество в области налогов и банковской деятельности и был вне себя от ярости из-за того, что сделало со мной министерство юстиции. Дуг полагал, что я заслуживаю Президентской медали Свободы, а никак не наручников. Я пытался убедить его в том, что все будет хорошо.

— Чувак, расслабься, — сказал я, глядя на побелевшие костяшки пальцев, которыми он стискивал руль. — Подумаешь, три года в кутузке, наплевать и забыть.

Но Дуг на это не купился. Он был полон возмущения, горечи и жажды мести. И, честно говоря, я испытывал те же самые чувства.

Я оставил свою фальшивую браваду, когда автомобиль въехал в поворот на лесной дороге, по бокам которой стояли заснеженные сосны. Колеса внезапно потеряли сцепление, машина ушла в занос, однако Дуг справился с этим, как опытный пилот «Формулы-1», и даже не сбросил скорость. Он навис над рулем, глядя в ветровое стекло, на котором бешено работали дворники, разгребая снег. Звук их работы напоминал мне тиканье часового механизма, подключенного к mine замедленного действия. Возможно, это звучит слишком драматично, но именно так мне тогда и казалось.

— Не гони, брат. — Я потянулся к нему и сжал его плечо. — Я никуда не тороплюсь.

Дуг наконец-то вымученно улыбнулся, и мы снова погрузились каждый в свои мысли.

Я слышал, что перед смертью у человека перед глазами проносится вся его жизнь. К счастью, со мной такого не было, однако могу авторитетно заявить, что, когда вас вот-вот закроют в тюрьме, вы испытываете нечто подобное. Оглядываясь назад, я чувствовал себя смертельно больным, перебирая радостные и грустные моменты жизни, а также свои удачи и пару невероятно грубых ошибок. Жизнь не проносилась у меня перед глазами, а, скорее, медленно прокручивалась, как старый фильм на трясущемся кинопроекторе.

Я ни о чем не сожалел, да я и не любитель жаловаться. Однако кое-что я бы точно хотел изменить, будь у меня такая возможность. К примеру, я бы не стал верить, что мои швейцарские боссы-банкиры меня защитят, ведь в глубине души я знал, что добросовестность не их качество. И я точно не отправился бы в министерство юстиции США, ожидая, что оно защитит меня после того, как я преподнесу им на блюде крупнейшую в истории мошенническую схему с налогами. Даже в зрелом 44-летнем возрасте я все еще верил в американскую систему правосудия. Что ж, учиться никогда не поздно.

Больше всего я думал о том, чего мне будет не хватать: о стиле жизни, ради которого я рвал свои жилы, о родителях и братьях, о моих друзьях и свободе. Я знал, что уже через час Диснейленд моей жизни сменится на Тауэр.

Я откинулся назад и закрыл глаза, вспоминая свое путешествие по «американским горкам» карьеры. Всего два года назад я жил жизнью, о которой большинство людей может только мечтать. Картины, запахи и ощущения этой жизни нахлынули на меня, как теплая карибская волна.

Я представил себе, как отдыхаю в Женеве на веранде моей роскошной трехэтажной квартиры с видом на площадь Рив. Из фарфоровой чашки струится запах эспрессо, а оранжевые страницы газеты *Financial Times* колеблются под утренним ветерком. На мраморном столе стоит коробочка со свежей клубникой с соседнего фермерского рынка, а швейцарские трамваи под окном катятся туда-сюда, напоминая детскую железную дорогу. По субботам мой обычно оживленный район О-Вив стихал. Все кабаре закрывались на рассвете. Я слышу, как где-то далеко раздается цоканье копыт по брусчатке — это карета, в которой катаются туристы. Солнечный свет отражается от покрытых снегом вершин Швейцарских Альп, а через высокие французские окна моей квартиры пробивается голос Дайаны Кролл, поющей джаз.

Моя экзотичная бразильская подружка Таис отдыхала внутри квартиры на куче персидских подушек. Несмотря на похмелье, мы оба счастливы. Я не мог отделаться от мыслей о ее коже, мягкой, как непальский шелк. У меня в ушах постоянно звучал легкий португальский акцент, и я, ухмыляясь, слушал ее голос.

— Брэдлииии, возвращайся в кроватку, дорогой. И ту штуку, которая мне так нравится, не забудь.

Это был один из тех прекрасных уик-эндов, когда мы могли запрыгнуть в мой огненно-красный Ferrari 550 Maranello и поехать в Церматт, с ревом проносясь по невероятно красивым горным перевалам. Мое швейцарское шале располагалось чуть выше этого живописного городка, в который был запрещен въезд автомобилей, поэтому мы парковались в крошечной деревушке у подножия горы, а затем долго поднимались вверх на подъемнике над долиной. Последний подъем — и мы на месте, у моего окна, из которого открывается

вид на гору Маттерхорн.

Возможно, в этом и нет ничего особенного. Но если вам нравится шампанское Laurent-Perrier, свежая черная икра, сигары Churchill прямо из Гаваны, швейцарский шоколад Frigor, часы Audemars Piguet, костюмы от Brioni и роскошные девушки, которые хотят лишь хорошо провести время и сделать вам приятное, то представьте себе все это — и самое главное, что все это можно купить *за деньги*.

В конечном счете все сводится к деньгам, не правда ли? Именно поэтому я занялся международным банковским делом, получил степень магистра в университете Ла Тур-де-Пей и с радостью бросился в банковские жернова Женевы. Именно поэтому меня взяли на желанную работу в Union Bank of Switzerland, UBS, крупнейший и лучший банк мира. А там я, как единственный американец в элитной команде швейцарских частных банкиров, достиг совершенства. Я летал только первым классом, жил в пятизвездочных отелях и соблазнял самых богатых людей мира на то, чтобы те переводили свои состояния на секретные швейцарские номерные счета без лишних вопросов со стороны банкиров. Меня отличали храбрость, финансовая смекалка и обаяние, и поэтому мне удалось зарабатывать миллионы долларов как для UBS, так и для моих клиентов, не забывая при этом себя.

Лишь потом я понял, что на самом деле это не был вопрос денег. Я чувствовал себя героем романов Яна Флеминга^[1], жил в постоянном возбуждении, а эта страсть способна погубить любого. Это могло бы продолжаться, но оказалось, что у меня есть такая назойливая мелочь, как совесть, и я в конце концов понял, что у «Фирмы»^[2] ее нет. Коварные ублюдки из UBS, мои гнусные швейцарские боссы с самого начала знали, что все, что мы делаем, грубо нарушает американские налоговые законы и что я мог сесть за это в тюрьму до конца своих дней. Они пытались подставить и меня, и моих клиентов, и моих коллег, поэтому я решил переиграть швейцарскую мафию и сделать первый ход.

Но этот ход оказался не самым удачным. Министерство юстиции США должно было принять меня, защитить меня, *поблагодарить* меня за то, что я был первым и единственным швейцарским частным банкиром, который смог взломать непроницаемую стену банковской секретности и коррупции, присущих этой стране. Министерство юстиции должно было сделать все для того, чтобы никто больше не мог дурачить американских налогоплательщиков. Вместо этого оно одной рукой жадно схватилось за сокровище, которое я принес, а другой надело на меня наручники.

Ублюдки. И это я еще мягко выражаюсь.

Меня охватил прилив ярости, и я открыл глаза, но окружающие виды быстро привели меня в себя. *Биркенфельд, ты не единственный, кому тяжело*. Мы ехали по угледобывающим районам средней Америки, с ветхими домами и фермами, с дымом, поднимавшимся из потрескавшихся труб, и ржавыми старыми автомобилями без колес, стоявшими на кирпичах. Я видел лошадей, пасшихся на холмах и пытавшихся найти хоть немного травы под снегом. Для местных жителей, которые не могли позволить себе безбожно подорожавший бензин, это был единственный вид транспорта. Я знал, что когда-то здесь жили американские герои — люди, ценой невероятных усилий добывавшие из-под земли черное золото, в котором так нуждались их соотечественники. Многие из них погибали в аварийных шахтах, еще больше людей умирали от проблем с легкими. А теперь эти люди превратились в изгоев, которых проклинали защитники окружающей среды и от которых всеми силами отмахивались избранные ими политики. Эти люди, как и я, были преданы своей стране. С тем лишь исключением, что они никогда не видели горного шале в

Церматте.

Мы проехали мимо дорожного знака «Майнерсвилль». Пора входить в роль. Совсем скоро моя пятая точка поступит в полное распоряжение правительства США. Что ж, порой надо платить за излишнюю доверчивость и болтливость. *Спасибо, дядя Сэм.*

Федеральным болванам невдомек, что весь этот швейцарский блеск мало что значил для меня. Я вырос без него и умел жить даже в самых суровых условиях. В конце концов я смог закончить Норвичский университет в штате Вермонт, одну из самых старейших и жестких частных военных академий в стране, где каждый день мы начинали с отжиманий в снегу, десятимильных марш-бросков с полной выкладкой и криков сержантов, обожавших муштровывать кадетов, затем до одури «пахали» в классах — и так до поздней ночи. Я ничего не знал о том, что мне предстоит в Скулкилле, но предполагал, что федералам далеко до военной академии — иначе преступников было бы куда меньше.

Будь что будет, а я не сдамся. Я обожал старый комедийный сериал «Герои Хогана» о противостоянии военнопленных из союзных армий и нацистских надзирателей. Скулкилл станет моим «Шталагом 13», а я буду полковником Хоганом. *Давай, детка, не облажайся!*

Я еще раз посмотрел на Дуга. Он — приятный парень, куда красивее меня или нашего старшего брата Дейва. У него ослепительно-белые зубы и красивые рыжеватые волосы. Дуг — довольно жесткий юрист, и когда приходит его время, он поднимает свой тяжелый подбородок и нацеливает на жертву лазерный взгляд своих холодных голубых глаз.

Но теперь его подбородок дрожал.

— Что-то ты не в себе, — сказал я.

— Конечно, я просто *обожаю* возить своего младшего брата в тюрьму. Может быть, нам удастся заставить Дейва сделать что-нибудь противозаконное, чтобы я отвез и его?

Я искренне посмеялся над этими словами. В ту минуту, когда вы больше не в состоянии смеяться, считайте, что с вами покончено.

— Расслабься, чувак, — сказал я. — Вот увидишь, это время пролетит незаметно.

— Я бы убил кого-нибудь, — ответил он. — Кого-то вроде Кевина Даунинга.

Трудно было не согласиться. Кевин Даунинг был старшим прокурором в налоговом подразделении министерства юстиции и одним из первых, к кому я обратился. Я вручил ему ключи от королевства, все секреты незаконных операций швейцарских банкиров, а он набросился на меня, как бешеный пес. Дуг, юрист с безупречной этикой, воспринимал Кевина Даунинга как низшую форму жизни в своей профессии — мелкого, лицемерного, корыстного и злобного придурка.

— Кто еще в твоём списке? — спросил я.

— После Даунинга? Конечно, Оленикофф.

Ну, конечно, Игорь Оленикофф. От одного упоминания его имени моя кровь вскипала. Оленикофф был уроженцем России, калифорнийским магнатом в сфере недвижимости, мультимиллиардером и самым крупным моим клиентом в годы работы в UBS. Впервые мы встретились с ним в одной из морских гаваней, где каждая яхта стоит как дом, их экипажи будто сошли с рекламных плакатов марки Abercrombie & Fitch, а любовницы их владельцев трясут своими силиконовыми сиськами и алмазными браслетами прямо перед лицами их жен. Затем я встретился с ним еще один раз и представил его моему коллеге из Лихтенштейна, Марио Стагглу, настоящему мастеру в деле сокрытия денег и личностей их владельцев.

Оленикофф имел *большие* деньги, и он хотел, чтобы значительная их часть была

припрятана на черный день где-нибудь подальше от хищных глаз налоговой службы США. Поэтому Марио создал два траста в Лихтенштейне с тремя принадлежавшими им голландскими фирмами-однодневками, в которых Оленикофф был единственным бенефициаром. Вскоре после этого я разместил на нескольких номерных счетах в швейцарском UBS 200 миллионов долларов прибыли от операций Оленикоффа с недвижимостью в США. Единственное, что могло идентифицировать Оленикоффа как настоящего владельца счета, была специальная карточка с его именем и кодовое слово. Эта карточка была закрыта в сейфе в нашей женевской штаб-квартире, а доступ к этому сейфу был только у меня и моего босса, Кристиана Бовэя. Никто другой в UBS не знал имени Оленикоффа.

С технической точки зрения в этой операции не было ничего незаконного, за исключением того, что Оленикофф «забыл» упомянуть швейцарские деньги в своей налоговой декларации, поданной в США. У меня было немало богатых американских клиентов в UBS, и, то, заполняют ли они налоговую форму W-9 или нет, совершенно меня не касалось. Однако не поймите меня неправильно. Я не был ребенком и знал, что я делаю. А UBS продолжал науськивать своих «охотников» в Штатах, чтобы те привлекали еще больше парней с деньгами, поэтому я отправил свою совесть на каникулы и продолжал игру. Но это продолжалось лишь до тех пор, пока я не выяснил, что мои боссы собираются выжать меня досуха — тогда я нанес упреждающий удар и сдал их правосудию.

Затем министерство юстиции США сделало мне предложение, от которого я не смог отказаться. «Дайте нам имена американских владельцев счетов, Биркенфельд. Причем *все* имена — или мы подвергнем уголовному преследованию вас самого». У меня не оставалось особого выбора. Когда занимаешься разоблачениями, каждый за себя.

В то время Игорь Оленикофф казался мне типичным высокомерным миллиардером, а по правде говоря — просто дешевкой; мне ни капли не совестно так о нем говорить — этот человек был способен нанять лучших адвокатов, которых только можно найти за деньги, и выкрутиться из любой неприятной ситуации. Как-то раз Игорь доверительно сказал мне, что в следующей жизни хотел бы быть калифорнийской домохозяйкой из Ньюпорт-Бич. Это показалось мне странным, и я спросил почему. Он ответил: «Потому что все, что они делают, это тратят деньги мужей». Классный парень, правда?

В оценке этого человека я не ошибся, однако недооценил жуликов из министерства юстиции. В их ДНК нет гена благодарности. Они обвинили Оленикоффа в налоговом мошенничестве — и *меня* вместе с ним как соучастника! А чтобы уже точно засадить меня в тюрьму, они заявили, что я предал огласке его имя уже после того, как мне было предъявлено обвинение.

Это было просто охренительно невероятно. Да, я не говорил его имени министерству юстиции — и они знали почему. Однако я дал показания под присягой, когда меня вызвали на слушания в Сенат США, и сообщил массу деталей о моих многочисленных сделках с Оленикоффым. Тем не менее на слушании, посвященном моему приговору, Кевин Даунинг, глядя судье прямо в глаза, сказал, что я скрыл имя Оленикоффа.

Даунинг, человек с лицом игрока в покер и искренний, как сам сатана, заявил, что я прикрывал богатого клиента и надеялся получить за свое хорошее поведение жирный куш.

Бабах! — стукнул молоток судьи. В тюрьму Биркенфельда!

Я никогда не забуду этого ощущения и звука молотка, бьющего по столу из красного дерева. В тот момент я ощутил себя Ли Харви Освальдом, козлом отпущения.

Сам же Оленикофф заключил сделку с дьяволом и отделался двухлетним испытательным сроком и штрафом. Сумма штрафа составила 52 миллиона долларов — для кого-то это большая сумма, для него — карманные деньги. Но это были еще цветочки. Оленикофф подал иск против UBS, меня и более *тридцати* других людей и компаний, заявив, что это мы виноваты в том, что он не заплатил налоги! Поразительная наглость! Вы десятилетиями обманываете правительство, на вас кто-то дает показания, и его-то вы и начинаете преследовать! В итоге он идет в тюрьму, а вы возвращаетесь к своим оргиям с шампанским. К тому времени расходы на юристов уже опустошили мои карманы, и адвокаты меня покинули. У меня не осталось защиты, и мне предстояло совсем скоро оказаться в тюрьме, а Оленикофф веселился на вечеринках и стирал меня в порошок в зале суда.

Что за страна... Страна Свободных, если вы можете позволить себе заплатить за эту свободу.

Одно меня не отпускало. У Оленикоффа был любимый сын по имени Андрей, который нравился мне гораздо больше его отца. Он был отличным трудолюбивым молодым человеком с хорошим вкусом. Я даже был гостем на его свадьбе в Ньюпорт-Бич, когда он женился на милой молодой женщине по имени Ким. Как-то раз Андрей ехал на своем джипе по шоссе вдоль берега, у машины отказали тормоза, и он погиб. Я был искренне расстроен и даже шокирован этой новостью. Ким была вне себя от горя, а сердце Игоря Оленикоффа было разбито навсегда.

Полагаю, что истинная мораль этой истории такова — неважно, сколько у тебя денег и насколько ты умен, ты все равно не сможешь оживить мертвого. Как говорит старая пословица, в мире нет ничего неизбежного, кроме смерти и налогов^[3], и, как это ни иронично, Игорь убедился и в том и в другом.

Я вновь посмотрел на Дуга. На его губах появилась ухмылка. Я был уверен, что и он сейчас думает о том, какой неожиданный поворот совершила судьба Оленикоффа.

У нас, Биркенфельдов, есть свои особенности — мы жесткие, мы готовы к схватке, и мы прирожденные борцы. Наш отец — известный нейрохирург, и мы, трое братьев, выросли, играя в хоккей и футбол и занимаясь различной работой с тех пор, как научились ходить. С нами приятно иметь дело, но мы не поддаемся. Наша фамилия означает на немецком «березовое поле». Так и есть — мы высокие, твердые, порой мы гнемся под ветром, но никогда не ломаемся. И если вы хотите срубить нас, то вам лучше вооружиться чем-то покрепче.

Мы свернули с дороги под порывами бури, проехали немного по узкой тропинке, а затем я увидел Скулкилл (по-английски это название похоже на слова «школа» и «убивать» и звучит странным каламбуром, как будто попавший в это место ничему не научится). Тюрьма была окружена лесами, а ее площадь была не меньше десятка футбольных полей. Главный вход представлял собой невысокий бетонный прямоугольник с затемненными окнами и рядами колючей проволоки, натянутой по всей крыше. Американский флаг трясся под порывами ветра, а его веревочные шкивы с силой били по флагштоку. Мой желудок сжался. *Пришла пора расплачиваться.*

На улице перед входом стояло несколько телевизионных автобусов и автомобилей, в которых приехали журналисты. Рядом стояли собравшиеся со всего мира репортеры в пуховых куртках и пытались согреться, размахивая руками. Увидев нашу машину, они побросали чашки с кофе и принялись включать свои прожектора и микрофоны. Многим я

заплатил, чтобы они приехали. Я собирался провести пресс-конференцию и сообщить правительству США все то, что я думал об его наглой лжи, которая привела меня в тюрьму.

И если вы еще не поняли, кто я такой, скажу, что я — молоток, который только и ждет, чтобы забить очередной попавшийся на пути гвоздь.

— Ну, началось, — сказал Дуг, припарковавшись рядом с другими машинами.

Я выбрался наружу и посмотрел на небо. Снег падал сверху крупными хлопьями. Это был мой последний взгляд на свободный мир, прежде чем я сяду в тюрьму на три года. Я был одет довольно просто — в клетчатую фланелевую рубашку и красную горнолыжную куртку, на голове у меня была черная бейсболка. Я заметил в толпе одно дружелюбное лицо.

Единственным адвокатом, который остался со мной, был Стивен Кон — притом что я не платил ему ни цента. Этот миниатюрный парень с копной выющихся серых волос, в очках, всегда настроенный оптимистично, был невероятно умен и при этом мог быть злобным, как питбуль. Он был главным советником Национального центра помощи информаторам в Вашингтоне. Стив был убежден в том, что правительство должно заплатить мне немалую награду, и собирался приложить к этому все усилия. Я любил этого парня, но считал его мечтателем. Двинувшись в направлении тюрьмы в сопровождении Дуга, я поприветствовал Стива кивком.

Репортеры столпились вокруг меня. Я увидел, как в нашу сторону от главного входа топают двое тюремных стражей в черных куртках-парках, ухватившись за пистолеты и дубинки. Один из них панически помахал рукой в перчатке.

— Вы не можете проводить здесь пресс-конференцию! — закричал он. — Это частная территория!

Я ткнул пальцем в направлении дороги и ответил с нарочитым акцентом уроженца Новой Англии:

— Эта дорога принадлежит людям Америки, а не *вам*. Это *федеральная* собственность. Вы хотите сказать, что Первая поправка^[4] в моем отношении уже не действует?

Стражники посмотрели друг на друга, чертыхнулись и отступили. Невысокая женщина-репортер сунула мне под нос микрофон.

— Мистер Биркенфельд, вы собираетесь сдать федеральным властям, обвиняющим вас в заговоре с целью совершить налоговое мошенничество, — сказала она, приняв красивую позу перед камерой. — Вам есть, что сказать?

Я изо всех сил попытался изобразить из себя Клинта Иствуда.

— Я бы хотел сказать, как я горд тем, что мне хватило смелости выступить с разоблачением крупнейшего налогового мошенничества в мире. — Репортеры принялись писать в блокнотах и щелкать кнопками диктофонов.

— И вот что я получаю за это! — Я кивнул в сторону тюрьмы. — Обвинение от министерства юстиции!

Затем я попытался придать своему лицу максимально умудренный вид.

— Выводы вы можете сделать сами...

Из толпы послышались другие вопросы, однако я уже сделал главное — выпустил свою стрелу в направлении правительства. Стив Кон, не скрывавший своих эмоций, смог протиснуться ко мне.

— Вы хватаете изоблачителя, благодаря которому американским налогоплательщикам вернулась огромная сумма денег, и бросаете его в тюрьму? Это пародия на справедливость! Это *ошибка*! Это настоящий *абсурд*!

Я похлопал Стива по плечу, пожал руку брату, выбрался из толпы и поднялся ко входу по бетонным ступенькам. Стражники заломили мне руки за спину и сковали наручниками. *Щелк.*

Затем меня затащили внутрь через открывшиеся двери. Крики репортеров были почти не слышны на территории тюрьмы; никаких звуков, кроме завывания метели. Мы прошли через комнату, в которой принимали новых заключенных. На ее выбеленных стенах висели портреты довольных надзирателей. Линолеум в комнате пах, как в школьном спортзале, этот запах нравился мне с детства. В углу комнаты сидела за высоким столом дородная блондинка, такая же приветливая, как Гудвин, Великий и Ужасный. Она уже знала, кто я такой, однако я все равно попытался привлечь ее внимание.

— Биркенфельд, Брэдли С., — доложил я.

Она не оценила моего жеста.

— Мистер Биркенфельд, у вас есть с собой какие-то личные вещи?

Я снял часы, Audemars Piguet Royal Oak Offshore T3 — ту же самую модель, которую носил Арнольд Шварценеггер в фильме «Терминатор 3».

— Только это, — сказал я, передавая ей часы. — Не потеряйте. Они стоят 25 000 долларов.

Она заморгала, глядя на меня, взяла часы — осторожно, как шипящую кобру, — и бросила их в конверт из плотной бумаги.

Надзиратели проводили меня в еще одну комнату — пустую, уставленную стальными шкапами с замками. В комнате отчетливо пахло грязными носками. Меня поставили у стены и сфотографировали. Когда сверкнула вспышка, я улыбнулся.

— Какого черта ты лыбишься? — оскалился один из охранников.

— Весело же, — сказал я.

Охранники напряглись и обменялись быстрыми взглядами. Один показал на мою ногу.

— Где твое следящее устройство?

— Я срезал его ножом прошлой ночью и вернул своему инспектору по надзору.

Охранники сняли с меня наручники и уставились на меня, как пара котят, запертых в камере вместе с шакалом. Я разделся и отдал им свою одежду.

Через несколько минут я уже был облачен в узкие белые штаны, серую футболку, оливково-серую куртку и рабочие ботинки на шнуровке. Такая одежда меня не смутила. Я уже знал, что меня поместят в крыло с минимальной степенью безопасности, напоминавшее армейские бараки. Именно там отбывали свой срок «белые воротнички».

В комнату вошел врач в белом халате, померил мое давление и заявил, что я в нормальной физической форме для того, чтобы носить наручники. Меня снова сковали и вернули к столу, за которым сидела и штамповала какие-то документы Мисс Приветливость.

— Так, и где спальный корпус? — спросил я. — Я бы не хотел пропустить обед.

Она уставилась на меня поверх очков.

— Сегодня вы туда не попадете, мистер Биркенфельд.

— Неужели? А куда же вы меня отправите?

— В одиночку, — ответила она и указала в потолок. — Приказ сверху.

Я все понял. Судя по всему, начальника тюрьмы сильно разозлил спектакль, который я устроил перед входом в его заведение, и он решил немного меня остудить. Однако я знал, что, если спрошу, сколько мне там сидеть, это воспримут как проявление страха, поэтому включил самую яркую улыбку Биркенфельдов.

— Мне подходит, — сказал я. — Мне нравится быть наедине с самим собой.

Один из стражников крепко ухватил меня за локоть и провел меня в дверь с электронным замком. Уходя, я услышал, как другой стражник прошептал, обращаясь к Мисс Приветливость: «Такого я еще не видел».

Мы прошли по длинному тихому коридору, ведущему к тяжелой двери с небольшим пуленепробиваемым окном и огромным замком. Надзиратель открыл ее, снял с меня наручники, толкнул меня внутрь и с грохотом захлопнул дверь за моей спиной. Пока он поворачивал ключ в замке, я повернулся к окошку, подмигнул надзирателю и сказал:

— Хороших выходных!

Он вздрогнул и быстро ушел.

Давным-давно, задолго до того, как я начал работать и попал в банк, я узнал кое-что важное. И узнал я это на льду, играя за школьную хоккейную команду в Массачусетсе. Другие игроки должны сразу же понять, что ты за фрукт — будь дружелюбен и полностью непредсказуем. Посмотри на них сверху вниз, улыбнись им одними губами, и они поймут, что с тобой лучше не связываться.

Конечно, вы можете бросить меня в тюрьму. Притворяйтесь, что за вами закон, что вы защищаете людей и делаете правильные вещи. Вы приглашаете меня добровольно поделиться своими секретами, за разглашение которых я рискую карьерой, не говоря уже о самой жизни. Затем вы предаете меня, говорите мне, что я — подонок, а сами заключаете тайное соглашение с большими шишками и позволяете настоящим акулам спокойно уплыть восвояси. Ну что ж, давайте бросьте меня в одиночку и потеряйте ключ.

Но помните, ребята, когда-нибудь я выйду. И вы за все заплатите.

«Жадность — за неимением более точного слова — это хорошо!»

Гордон Гекко, герой фильма «Уолл-Стрит»

Вряд ли вам интересно знать о моем детстве. Однако я все равно расскажу вам о нем, так что потерпите мои лирические разглагольствования.

Я вырос в замке.

Возможно, эта фраза привлекла ваше внимание, но на самом деле это была не крепость с рыцарями и прекрасными дамами; так получилось, что все жители небольшого городка Хингэм, штат Массачусетс, почему-то так его и называли — «Замок». Это было большое каменное здание с шестью спальнями, фронтонами, башнями и окнами со свинцовой оплеткой. Его построил в начале XX века зажиточный промышленник. Замок стоял в центре участка размером в 2 гектара в окружении идеально ровных лужаек и нескольких гектаров природоохранной зоны. На участке проходило около 90 метров дороги, ведущей к довольно необычной гавани Хингэма. Проехав мимо такого дома в наши дни, вы наверняка подумаете о его обитателях что-нибудь типа «богатый папаша, испорченные дети», но на самом деле этот дом превратился в «Замок Биркенфельд» в конце 1960-х, причем за цену, по которой в наши дни можно купить джип Wrangler.

Причина, по которой я так хорошо помню размер нашего участка, состоит в том, что мы с братьями постоянно косили траву на лужайках — каждую неделю весной, летом и осенью. Как я уже говорил, мой отец был уважаемым в Бостоне нейрохирургом и человеком, который верит, что нужно упорно учиться, еще упорнее работать и наслаждаться отдыхом только тогда, когда вы его заслужили. В детские годы он учился в квакерской школе в Пенсильвании (что всегда казалось мне странным, поскольку его предки были евреями, эмигрировавшими из России), и именно там он приобрел свое особое отношение к образованию, о котором говорил так: «Ты ничему не научишься, если болтаешь о вещах, в которых не разбираешься». Моя мама в молодости была моделью, а потом получила образование медсестры. Она воспитывалась в протестантском духе и довольно легко отказалась от работы в мире «от кутюр» ради жизни матери-домохозяйки. В те времена это было совсем не зазорным (что бы многие ни думали об этом в наши дни).

Еще одним важным человеком в мои молодые годы был мамин брат, генерал-майор ^[5]Э. Дональд Уолш, человек, которого я очень любил и уважал. Мы редко видели дядю Дона, поскольку он работал генералом-адъютантом Коннектикута ^[6], однако он все равно оказывал на нас большое влияние. Этот человек был настоящей легендой, заслуженным ветераном битв на Иводзиме и Окинаве, и я предполагаю, что именно от него я унаследовал страсть к адреналину и приключениям.

И понятно, что, если ваша мама, человек высокого стиля с хорошими манерами, уделяет вам все свое время, если ваш отец представляет собой великолепного нейрохирурга с безупречной трудовой этикой, а ваш дядя — герой Иводзимы и Окинавы, вы вырастаете незаурядными личностями. Мои старшие братья, Дейв и Дуг, были хорошими ребятами с головой на плечах и стремлением добиться цели. У меня самого всегда был блеск в глазах, и

это было хорошо, потому что часто третьему ребенку в семье недостает родительского внимания. При этом никто из нас не был бездельником. Нам приходилось выкашивать лужайки размером с поле для гольфа и приводить в порядок кусок дороги шириной со взлетно-посадочную полосу. Летом мы занимались разной случайной работой, например косили соседские лужайки и перевозили мебель вместе с сотрудниками профсоюза Teamsters^[7]. Папа всегда ждал от нас хороших оценок и постоянно призывал нас играть в хоккей и футбол для развития конкурентных навыков, что совершенно определенно принесло свои плоды в моем случае. Мы знали, как завязывать галстук, говорить «мэм» и «сэр» на коктейльных приемах, которые устраивала мама. Мы научились время от времени заниматься всякими шалостями так, чтобы об этом не узнал папа. Даже боюсь представить себе, что могло бы случиться, если бы ему стало известно о наших делишках.

Когда пришло время идти в среднюю школу, я принялся умолять отца позволить мне поступить в частную академию. Это было не что-то наподобие школы Гарри Поттера (в те времена книги о нем еще не были написаны), просто мне казалось, что это будет круто. Врачебный опыт моего отца был очень востребован, и я знал, что плата за обучение не опустошит его кошелек. В какой-то момент отец со вздохом согласился, и я отправился в частную школу Тайер Академи, чтобы облачиться в пиджак с галстуком и обмениваться с соучениками шуточками на понедельничных службах в церкви. Я получал вполне достойные оценки, бился на хоккейных и футбольных полях, заигрывал с девчонками на выходных и пил довольно много пива с группой самых близких друзей.

Думаю, теперь вы уже видите, что у меня всегда присутствовала тяга к приключениям и стремление к независимости, несмотря на все то, что должны были мне передать предки. Мне всегда было мало того, что у меня уже есть. К 18 годам я уже был заядлым стрелком и купил себе «Кольт» 45 калибра, точно такой же, какой висел на портупее дяди Дона. Я прыгал с парашютом в Нью-Йорке и частенько тащил своих стонущих приятелей в трехдневные походы в горы Вермонта, где мы разбивали лагерь, ловили рыбу, охотились и размышляли о том, каких следующих девчонок нам стоило бы закадрить. Нормальная, понятная жизнь в стиле Тома Сойера и Гека Финна.

Несмотря на все это, я начал серьезно задумываться о своем будущем. Мой старший брат Дейв интересовался медициной, а Дуг собирался стать юристом. Чем стоило заняться мне? Я заинтересовался военной карьерой, и не только потому, что мне нравилось оружие. Я хотел стать пилотом истребителя и летать над всем земным шаром как «бог солнца в костюме с молниями». Поэтому я заполнил все бумаги, необходимые для поступления в военную академию, и мне удалось поступить в прекрасное место — Норвичский университет в Нортфилде, штат Вермонт, самую старую частную военную академию в стране. Как можно было ожидать, она располагалась в пышной долине, окруженной горами. Ее здания были выстроены из кирпича и гранита. В центре академии стояла красивая белая церковь, а вокруг нее было много густых лесов и рек, где нас учили солдатскому ремеслу. В Норвиче обучали солдат всех специальностей, и я стал кандидатом в офицеры резерва ВВС. Однако в течение всего первого года я был всего лишь обычным «духом». Это значило, что я находился на испытательном сроке до тех пор, пока мой наставник (настоящий действующий офицер) не убеждался в том, что я могу быть достоин звания «кадет».

— Дух! Солнце уже минуту как встало. Почему ты, черт возьми, еще лежишь?!

— Дух! Эти ботинки должны сиять, как зеркало. Если я не могу смотреться в них при бритье, ты не сможешь в них воевать!

— Дух! Ты на что уставился? Быстро за рюкзаком и винтовкой, 30 секунд — время пошло! Мы идем на *прогулку*.

Стоит ли говорить, что зачастую такие «прогулки» проходили по колено в снегу, и обычно мы шли не меньше 15 километров. Мы научились носить форму и освоили полную боевую выкладку. Нас научили стрелять, правильно двигаться, ориентироваться на местности, поддерживать безукоризненную чистоту в доме и повторять приказания автоматически, как роботы. Мы бесконечно приседали, отжимались и бегали, но это меня совсем не напрягало. В школе я уделял много внимания спорту, поэтому мог заниматься физподготовкой сколько угодно.

Учебные занятия были непростыми; у нас были и военные дисциплины, но в основном мы учили математику, историю, английский и другие языки. Все, что от нас требовалось, — это упорная учеба, но здесь таился подвох, своего рода «уловка-22»^[8]. Мы не могли братья за книги, не выполнив все солдатские обязанности, но очень сложно концентрироваться на чистке пряжек и винтовок, когда ты знаешь, что у тебя куча невыученных уроков. Поэтому каждый день заканчивался глубоко за полночь, а через пять часов нас снова безжалостно будили. «На строевую! На учебу!»

Все же к концу первого года мне удалось стать кадетом. И вот тогда началась настоящая работа. Я выбрал в качестве основной специализации экономику. Но знаете, что случилось, когда мы приступили к учебе? Мне тут же стало скучно. Сами занятия были достаточно интересными, и мне нравилось узнавать что-то новое о финансах, статистике, фондовом рынке и тому подобном; но все это было лишь неинтересной теорией, а интерес для меня возникал только тогда, когда появлялся риск.

— Слушай, Бикер, — сказал я как-то ночью своему соседу по комнате Дейву Бикеру, когда мы готовились к экзамену. — Давай займемся бизнесом.

— Что значит — бизнесом?

Я сел в кровати. Мы жили в довольно большой комнате с подобием гостиной, хотя в целом место было унылым, как пункт приема платежей на платной автотрассе.

— Тебе не кажется, что эта школа похожа на монастырь? В свободное время нам вообще нечем заняться. А когда начинается этот чертов снег, мы даже не можем выбраться в город и сходить в кино!

— И что предлагаешь, Биркенфельд? Открыть топлесс-бар?

Я ухмыльнулся и поднял палец.

— Видеопрокат!

— Да ты рехнулся.

— Нет, я серьезно! У многих есть телевизоры, но смотреть по ним нечего, кроме прогноза погоды и сериалов. А что, если бы у нас было несколько видеомagneтофонов и фильмы?..

Заинтересовавшись, Бикер тут же уселся в свой постели.

— А нас за это не накажут? Что говорят о таких вещах правила?

— Я уже почитал правила, — ухмыльнулся я. — Никто не запрещает нам здесь зарабатывать деньги.

— Ты — хитрый ублюдок, — сказал Бикер.

— Сам знаю!

В ближайшие выходные мы собрали все имевшиеся у нас деньги, поехали в Бостон и вернулись оттуда с четырьмя видеомagneтофонами, тридцатью кассетами с фильмами,

шестью киноафишами и цветным телевизором. Затем мы измерили параметры своей гостиной, отправились в Нортфилд и купили там деревянную обшивку для стен, большой ковер и три мягких удобных кресла (кадеты, у которых не было телевизора, могли бы за небольшую плату смотреть фильмы в нашем «кинотеатре»). Совсем скоро наша гостиная превратилась в Парижскую синематеку, а слухи о ней начали распространяться по ротным казармам быстро, как лесной пожар.

К нам повалили целые толпы! Оказалось, что куча народа готова выложить денежки за то, чтобы взять к себе в комнату видеомагнитофон и посмотреть свежий фильм со Сталлоне. Некоторые не брали у нас фильмы, видимо, у них где-то была припрятана порнушка. Но даже если бы кто-то из начальства устроил им взбучку, это никак меня не касалось. А тем, кто просто хотел взять фильм напрокат и посмотреть его в нашем кинотеатре, мы предлагали попкорн по разумной цене.

Довольно быстро мы с Дейвом начали наслаждаться главной целью любого бизнеса — хорошей Отдачей от Инвестиций. Мы тратили деньги на покупку книг, качественное снаряжение, пиво и поездки по выходным в город Берлингтон, штат Вермонт. Все шло как по маслу, пока однажды вечером не раздался громкий стук в нашу дверь. Я открыл ее.

Черт! Полковник Карбоне!

Когда Дейв увидел полковника в дверном проеме, его глаза чуть не вылезли из орбит, как у цикады.

Карбоне был кадровым, эталонным полковником армии США и советником коменданта по вопросам отношений с кадетами. У него был ежик из жестких волос. Пряжки и прочие металлические аксессуары на его форме сверкали будто золотые. Зайдя в комнату, он не сказал ни слова. Мы застыли, как ледяные скульптуры, пока его глаза внимательно сканировали деревянные панели на стенах, плакаты, видеомагнитофоны и стопки кассет на полках. Он посмотрел на свои вычищенные до блеска ботинки, утопавшие в ковре с высоким ворсом, а затем на наши кожаные шезлонги. А затем он кивнул.

— Я впечатлен, джентльмены. У вас тут даже лучше, чем у меня дома. — На его губах возникло подобие улыбки. — Занимайтесь.

Он развернулся на каблуках и вышел. Я повернулся к Дейву и ухмыльнулся.

— Я же тебе говорил, что в правилах об этом ничего не сказано!

— Боже! — рассмеялся Дейв. — Я чуть не напрудил в штаны!

В конце второго года моего обучения я отправился домой и попытался устроиться на летнюю работу где-нибудь в районе Бостона. Я полагал, что мои знания в области экономики и обучение в военном заведении делают меня достаточно привлекательным кандидатом для кадровиков, которые уже наверняка устали отшивать длинноволосых студентов колледжей с глазами, покрасневшими от марихуаны. Я получил работу в одном из лучших и самых почтенных финансовых учреждений Бостона, банке State Street Bank and Trust Company. Зарплата была просто фантастической — около четырех тысяч долларов за лето. За три месяца, в течение которых я приносил кофе финансовым менеджерам и бегал с отчетами о состоянии фондового рынка, я узнал о реальном мире серьезных финансов больше, чем мог рассказать мне любой из преподавателей.

Где-то в глубине души я понимал, что если действительно хочу стать боевым пилотом, то мне стоило бы искать работу в какой-нибудь аэрокосмической компании. Однако меня прельстили деньги, которые был готов платить банк: к деньгам у меня всегда была слабость. И как оказалось впоследствии, все случившееся было предначертано.

К концу следующего года я уже был старшим кадетом, покрикивавшим на духов, сильным как бык и легко справлявшимся и с тренировками, и с учебой. Тем летом я снова пошел работать в State Street, а в начале осени вернулся в Норвич к последнему учебному году. Одним прекрасным днем я стоял на плацу и смотрел, как новички пытаются отличить равнение направо от равнения налево. Вдруг я почувствовал, что рядом со мной находится кто-то еще. Это оказался полковник Карбоне.

— Кадет Биркенфельд, — сказал он, дождавшись, пока смолкнет эхо от команд сержантов. — Я хотел бы с вами поговорить.

— Да, сэр!

— Вы хороший солдат — толковый, дисциплинированный и целеустремленный. Однако я думаю, что вам стоит пересмотреть свое будущее.

Я повернулся и посмотрел на него сверху вниз — с таким ростом вы будете смотреть сверху вниз на кого угодно.

— Что вы имеете в виду, сэр?

Полковник Карбоне ответил мне прямо и без уловок.

— Вы никогда не станете военным пилотом, Брэд. В наши дни пилотами становятся выпускники военно-воздушных академий с идеальными оценками. Вы хорошо учитесь, но вы по своей натуре финансист, и вы никогда не сможете добиться того же, что они. — Он пожал плечами, будто извиняясь. — Кроме того, вы не поместитесь в кабине F-16 — разве что с мылом.

Это не особенно меня шокировало. Кадеты часто беседовали о том, какие у них есть шансы получить желаемую должность в армии, и я понимал, что лично мои шансы невелики. Карбоне просто подтвердил мои собственные подозрения.

— А что бы вы порекомендовали мне, сэр?

— Осмотритесь, — ответил он. — Найдите что-нибудь более подходящее. Если вы пойдете по прежнему пути и поступите в ВВС, то закончите свою карьеру, сидя за пультом управления ракетой в километре под землей где-нибудь в Небраске.

Ни больше ни меньше. Я серьезно отнесся к его словам, но при этом не расстроился, не впал в депрессию и даже не думал о том, что напрасно потратил несколько лет. Клинт Иствуд говорил в фильме «Грязный Гарри»: «Человек должен знать пределы своих возможностей». Так что, может быть, мне и не было суждено стать лихим пилотом, но я уже понимал, что мне по силам стать настоящим асом в области банковской деятельности и финансов.

Зимой 1987 года я упаковал свои вещи и отдал последний салют Норвичскому университету. Меня приняли на заключительный семестр в Ричмонд-колледж в лондонском Южном Кенсингтоне. Меня невероятно волновали перспективы погрузиться в жизнь центра международных финансов, завести новых друзей в новой стране и впитать в себя все богатство европейской культуры. Я чувствовал себя полностью сформировавшимся и готовым к этому. Я знал, что не стану военным героем, но тем не менее собрался завоевать мир.

Так я и оказался на своем длинном пути, который привел меня в тюремную камеру.

Но если бы вы тогда сказали мне, что в конце всех поворотов и маневров, удовольствий, интриг и приключений меня будет ждать Скулкилл, то я бы ответил:

— Вы рехнулись. Биркенфельд не может попасть в тюрьму.

«Незаурядный человек скромнен в своих речах, но действия его говорят о многом».

Конфуций, китайский философ

State Street Bank and Trust Company, 1989 год.

Когда я впервые увидел Ника Лопардо, руководителя компании State Street Global Advisors, я подумал, что он, наверное, завернул сюда со съемок «Крестного отца-3», ошибившись зданием.

Этот высокий человек, весом не менее 110 килограммов, в блестящем серебристом костюме с кроваво-красным галстуком пронесся по этажу, на котором сидели аналитики. Его сопровождал еще более массивный телохранитель, у которого вместо правой руки был протез в форме крюка. У Лопардо были плотные черные волосы, брови, напоминавшие мохнатых сороконожек, сломанный нос, а его челюсть казалась даже шире толстой шеи. Он только что пришел с какой-то неприятной встречи, поэтому его лицо было красным от гнева. Когда Лопардо пробежал мимо столов, затряслись кофейные чашки. И первые слова, которые я от него услышал, были адресованы какому-то недостаточно проворному пареньку:

— А ну-ка быстро снял свои ноги с дьявольского стола! Это тебе не парк!

Паренек подскочил в кресле и моментально спрятал ноги под стол. В какое-то мгновение мне показалось, что он даже обмочился со страха. Глядя на то, как Лопардо с грохотом открывает стеклянные двери, ведущие к лифту, мой приятель Рик Джеймс наклонился ко мне и прошептал:

— Это — новый босс.

Николас А. Лопардо. Не самый типичный образ бостонского банкира.

Он был сыном владельца магазина, торговавшего металлоломом в Бруклине. В годы учебы в университете Саскуэханна в Пенсильвании он играл в бейсбол (как шорт-стоп^[9]) и в футбол (защитник). Он ограничился степенью бакалавра в области маркетинга и менеджмента, поняв, что ему не нужна вся та чепуха, которую преподают в бизнес-школах типа Уортона. Лопардо удалось перенести дух опасных улиц Маленькой Италии в мир высоких финансов^[10]. Он провел 19 лет, занимаясь маркетингом институциональных пенсионных планов в компании Equitable Life, и все в State Street знали, что ему удалось успешно превратить старомодную компанию, предпочитающую обслуживать богатых и знатных людей, в нечто существенно большее.

Когда в 1987 году Лопардо пришел в State Street, под управлением компании находились активы на сумму 18 миллиардов долларов. А когда он покидал контору в 2001 году, эта сумма выросла до 700 с лишним миллиардов. Мы все им восхищались и хотели быть, как он. Он был лоялен к своим сотрудникам. Он защищал их как доберман, но при этом был чертовски требователен к ним. Ник Лопардо не брал пленных. С ним нужно было вести себя осторожно. Каждый раз, когда он восклицал: «Так, люди, пора кого-то замочить!», это могло означать как предстоящую схватку с компанией-конкурентом, так и желание придушить какого-то придурка на манер того, как это делал Аль Капоне.

Итак, Ник Лопардо задавал ритм, а мы все под него танцевали. State Street Bank and Trus

Сотрапу оказалась моей первой пристанью в путешествии по миру больших финансов. Конечно, я занимался этой работой и раньше — летом между семестрами в колледже, — однако чаще всего я проводил время в подвале с другими молодыми сотрудниками, мечтавшими стать очередными уорренами баффеттами. Мы передавали сообщения, обрабатывали кучи бумаг для банкиров, обращались к ним «сэр», приносили сэндвичи и газировку на собрания, посвященные недоступным для нас темам, делали заметки во время выступлений, а затем быстро передавали их всем, кому это было нужно. Я часто чувствовал себя мальчиком на побегушках, но мне хорошо платили. Кроме того, в Бостоне было очень жарко. В городе и его окрестностях свыше 70 университетов и колледжей, и девушки, оставшиеся в городе на лето, ограничивались минимумом одежды.

Теперь же я стал полноценным сотрудником, и после последнего семестра в Лондоне я заважничал. Как и многие другие свежее испеченные выпускники колледжей, я считал себя невероятно толковым и сведущим в области финансов. Так или иначе, это был для меня очень важный период. Я впитывал знания как губка, работал не покладая рук и упорно карабкался по лестнице, ведущей к богатству.

State Street управлял несколькими крупными национальными и международными пенсионными фондами. Благодаря маркетинговому гению Лопардо компания раскидывала свои щупальца во все стороны и захватывала все больше крупных корпоративных счетов. Позвольте вкратце объяснить вам, в чем заключается этот вид банковского бизнеса.

Возьмем, к примеру, корпорацию с многомиллиардным оборотом типа General Electric. В крупной компании такого рода имеется особая структура для организации пенсионных выплат. Выплаты начинаются, когда лояльный сотрудник после 25 лет работы собирает свои вещи, получает в подарок золотые часы и отправляется домой ловить рыбу. Пока шел срок работы этого сотрудника, компания размещала небольшую долю своей прибыли в его пенсионном фонде. Иногда сотрудник переводит туда часть своей зарплаты, чтобы в итоге у него оказалось больше денег на лодку и весла.

В компании типа GE работают тысячи сотрудников, поэтому ее пенсионный фонд огромен — он составляет миллиарды долларов. Но вы же не хотите, чтобы все эти деньги лежали просто так или приносили вам паршивые три процента годовых, как в розничных банках. Вы инвестируете деньги — обычно в инструменты, приносящие больший доход, типа акций и облигаций. И тут на сцене появляется State Street, принимает на себя управление пенсионным фондом GE и зарабатывает намного больше денег для всех участников. Понятно, что при этом State забирает себе определенную долю за услуги по организации сделок и управлению ими.

Именно таким бизнесом мы и занимались. И именно так я в возрасте 23 лет начал работать на международных финансовых менеджеров, сотрудников Ника Лопардо, имевших впечатляющие резюме с аббревиатурами MBA и CFA^[11] после своих имен. Я находился на низшей ступени иерархии, но именно так обучают всех новичков.

— Биркенфельд, сложи эти цифры, проверь результат трижды и не облажайся!

— Биркенфельд, беги с этой заявкой на покупку в валютный отдел и убедись в том, что эти клоуны знают, по какой ставке нужно делать покупку. Шевели ногами! Мы должны купить немецкие марки, а европейский рынок закрывается через полчаса!

— Биркенфельд, если ты уйдешь с работы вечером до того, как Чикаго подтвердит покупку, завтра тебя найдут плавающим в аквариуме лицом вниз!

Я обожал все происходившее вокруг меня. Все двигалось в режиме нон-стоп, с

матерком и ветерком. Я общался с компанией профессионалов в области инвестирования и получал настоящее наслаждение от окружавшей меня атмосферы. Каждый день, да что там, каждый час я узнавал что-то новое. Все мы работали в операционном зале, миниатюрной версии поля битвы на Уолл-Стрит. Там постоянно звонили телефоны, стучали клавиши, факсы выплевывали листы бумаги, а парни типа меня бегали вверх-вниз по лестницам, умудряясь устраивать друг другу постоянные розыгрыши. Мы плевались бумажными шариками, подкладывали друг другу подушки, издававшие непристойные звуки, и заклеивали ящики столов суперклеем. Как-то раз один парень раздобыл запись сцены из фильма «Когда Гарри встретил Салли», в которой Мег Райан имитирует звуки оргазма, сидя в ресторане, и запустил ее через колонки своего компьютера на полную громкость. Все в зале тут же в один голос заорали знаменитую фразу из фильма: «Я буду то же, что ест она!» (правда, этот розыгрыш больше не повторился — на нас пожаловалась одна коллега, родом с Ближнего Востока).

Понятно, что все это происходило лишь до тех пор, пока в зале не появлялся Ник Лопардо или кто-то из его помощников. Тогда зал моментально превращался в некое подобие библиотеки: туго затянутые галстуки, прямые спины и демонстративно профессиональное поведение. В глазах Лопардо мы все должны были выглядеть идеально. Как-то раз он заплатил огромную сумму чистильщику обуви, сидевшему напротив нашего офиса, и огласил следующую директиву: «Приходите на работу в начищенных ботинках или не появляйтесь здесь вообще. За это уже уплачено». Один управлявший портфелями инвестиций расценил эту директиву как «лицензию на чистку» и притащил на работу всю свою коллекцию обуви.

Лопардо, бывший спортсмен и огромный фанат хоккейной команды Boston Bruins, знал, как управляться с коллективом. Чтобы всегда выигрывать, требовался *корпоративный дух*, и в этом Лопардо поддерживали все менеджеры. Вы и *подумать* не могли о том, чтобы, выключив компьютер в 17:00, отправиться домой. Вы шли с парнями (и немногими работавшими у нас девушками) на матч Bruins или в соседнее заведение типа Brandy Pete's, Tia's или Clarke's. Там мы ели, шумели, пили до полуночи, потом шли домой, отрубались, затем приходили в себя через шесть часов и возвращались на работу — причем *вовремя!* Если вы избегали этого, то рисковали столкнуться с принятым у нас наказанием — придя на работу с утра, вы находили на своем столе розовую женскую туфельку с острым длинным каблуком. Если такие туфельки оказывались на вашем столе слишком часто, окружавшие начинали смотреть на вас, как на прокаженного.

Поскольку я все же закончил военную академию, такой стиль жизни был по мне: много работать, делать крупные ставки и никогда не упускать возможности повеселиться. Меня прозвали «Штанкист» за мою фирменную выходку — когда мы отправляли кого-то из ребят в бар за пивом для наших дам и он возвращался обратно с занятыми руками и совершенно беззащитный, я подкрадывался к нему сзади, стягивал с него штаны до колен, и все окружающие могли насладиться видом его трусов. Я организовал в State Street команду по софтбоулу (с отличным названием Liquid Assets^[12]), и мы успешно противостояли командам других банков, а иногда и команде бостонской полиции. Моему розыгрышу со штанами подверглись почти все участники, и я стал «Командиром штанка». Разумеется, я знал, что рано или поздно они захотят мне отомстить, и стал потуже затягивать свой ремень.

Но вернемся к бизнесу. Когда я работал в State Street, компания заключала все больше контрактов с международными и американскими институциональными пенсионными

фондами. Мы управляли пенсионными активами компаний со многомиллиардными оборотами, такими как Amoco, IBM, General Electric и NYNEX. Чтобы ценность активов росла, мы инвестировали их в акции, облигации и иностранные валюты. Постепенно я начал работать с управляющими портфелями и принимать решения относительно слияний, поглощений, управления правами, реинвестирования дивидендов и так далее. Моя работа предполагала организацию отношений с брокерскими домами и помощь в выборе «правильной лошадки» в нужный для работы момент.

Затем я переместился в группу международных доверенностей, где мы издавали руководства по голосованию для наших представителей по всему миру с тем, чтобы их решения шли на пользу нашим клиентам из пенсионных фондов (по сути, мы советовали акционерам, как нужно голосовать по корпоративным действиям типа слияний и поглощений). Я сам получил доверенность на голосование от акционеров одной японской компании. Мы работали в подразделении State Street, занимавшемся институциональными инвестициями, изначально известном как отдел управления активами. Однако его важность росла, и он получил новое название — подразделения глобальных советников State Street, или SSgA, а я очутился в отделе работы с валютами, созданном нашими собственными силами. Сотрудники этого отдела были опытными и толковыми. Некоторые из них знали по нескольку иностранных языков, и сферой их деятельности был весь мир. Товаром, с которым они работали, была иностранная валюта — они заключали соглашения с другими банками, оформляли кредитные линии для наших клиентов, а затем исполняли сделки по покупке иностранных валют для финансирования покупок недвижимости и корректировки наших валютных позиций для целей хеджирования. Я с головой погрузился в изучение массы новых для себя вещей.

Позвольте мне объяснить суть концепции иностранной валюты. Возможно, вы как инвестор не хотели бы ограничиваться инвестициями в одни лишь американские ценные бумаги. В случае экономического спада диверсификация позволяет значительно снизить риски. Мы заключали сделки по всему миру, и зачастую иностранные рынки обеспечивали нам более высокую отдачу, чем Нью-Йоркская фондовая биржа. Однако для того, чтобы купить иностранные акции, вам нужна иностранная валюта.

К примеру, если бы вы хотели купить акции французской фармацевтической компании Sanofi, то вам понадобились бы для этого французские франки (в то время Европейский союз еще не ввел в обращение свой жуткий евро). А эти франки вам пришлось бы купить за доллары США, и поскольку курсы покупки и продажи иностранных валют скачут, как и курсы акций, вы должны были хорошо знать свое дело, а затем быстро думать и действовать, чтобы Ник Лопардо не дал вам коленом под зад.

Я достиг подлинной славы, работая в новом валютном отделе. Работа напоминала мне карнавал, на котором вокруг тебя постоянно вращается куча людей, занимающихся совершенно разными делами. Все нужно было делать быстро — оценивать ситуацию, заключать сделку, проверять результаты и браться за следующее дело.

Мы должны были уделять огромное внимание деталям. Мы работали с десятью разными банками-контрагентами, и для каждого из них у нас были открыты кредитные линии примерно для сотни счетов корпоративных клиентов. Нам приходилось торговать практически всеми основными мировыми валютами — французскими франками, немецкими марками, итальянскими лирами, испанскими песетами, британскими фунтами, голландскими гульденами и так далее. А затем мы быстро расширили свою деятельность на

валюты растущих рынков — индийские рупии, корейские воны, тайские баты, филиппинские песо и т. д. Мы должны были вносить в нашу субдепозитарную банковскую сеть детальные инструкции по работе с каждым банком — идея состояла в том, чтобы быть готовыми моментально продать или купить иностранные ценные бумаги в практически любой стране мира.

До того как в компании появился валютный отдел, все наши менеджеры счетов самостоятельно заключали свои валютные сделки. Теперь все эти действия были объединены, и одна-единственная группа занималась всеми рыночными исследованиями, покупкой, продажей валют и погашением задолженностей. Раньше пять разных менеджеров покупали французские франки в разное время и по разной цене, теперь мы делали это в рамках одной сделки, аккумулируя все заявки и получая более выгодные условия. Кроме того, мы работали с департаментом информационных технологий над созданием продвинутой компьютерной системы. Мы сделали все для того, чтобы все процедуры были автоматизированы и работали в рамках сложной системы сдержек и противовесов. Все это позволило серьезно упростить процесс и сэкономить немало денег и для наших клиентов, и для банка благодаря снижению транзакционных издержек, уменьшению количества незаключенных по разным причинам сделок и улучшению качества реализации каждой из них.

Я работал с международными финансовыми менеджерами каждый день, и уже через год я занимался управлением валютными сделками типа «спот» и «форвард» для 90 институциональных счетов, имевших активов более чем на 30 миллиардов долларов. Я наслаждался адреналиновой лихорадкой и заключал хорошие сделки, зарабатывая при этом для себя около 40 000 долларов в год. В конце 1980-х, особенно после краха 1987 года, это были неплохие деньги, но мне было мало.

Вспомнив о своем бизнесе с видеомэгнитофонами в Норвиче, я начал искать возможности подзаработать. Я обитал в жилом комплексе в Веймуте, штат Массачусетс, представлявшем собой три красивых 12-этажных здания с видом на залив и панораму Бостона. Как-то в субботу, когда я стоял в холле здания и пролистывал утреннюю газету, ко мне обратилась приятная пожилая соседка:

— Доброе утро, молодой человек!

— И вам самого доброго утра, миссис Суонвик.

— Могли бы вы сделать мне одолжение, Брэдли? Вы такой высокий...

— И красивый? — подмигнул я.

— Ну да, конечно, — она покраснела и махнула на меня носовым платком.

Оказалось, миссис Суонвик никак не могла отмыть верхнюю часть окна своей квартиры. Я отправился за ведром, губчатой шваброй и скребком, после чего потратил около получаса, приводя ее окно в идеальное состояние. Когда я закончил, она ущипнула меня за щеку и вручила мне 50 долларов.

Как вы понимаете, совсем скоро я уже напечатал листовки с рекламой моего бизнеса по мойке окон и чистке ковров и распихал их под двери всех квартир дома.

Каждую субботу после этого я арендовал паровой пылесос в ближайшем магазине U-Haul, вооружался тряпкой и ведром и в течение пяти часов занимался уборкой, получая за это 100 долларов в час. Затем я занялся и укладкой покрытий на балконах, что дало возможность заработать еще больше денег. Мой побочный бизнес никак не лишал меня радостей жизни, поскольку я активно веселился вечерами в рабочие дни.

Работа в State Street Global Advisors была хорошей и стала еще интереснее, когда пришли 1990-е. Репутация банка и его активы росли, и Ник Лопардо был в своей лучшей форме. Мы искренне гордились тем, как он выступил перед довольно недружелюбной аудиторией на собрании профсоюза Teamsters в Бостоне. По сути, Лопардо сказал собравшимся, что они слабаки, которые просто не знают, как управляться со своими деньгами. После этого профсоюз попросил State Street заняться его пенсионным фондом. Лопардо, сумевший чудесным образом обратить ситуацию в свою пользу, назвал фонд именем «Джимми Хоффа»^[13].

Мой менеджер в SSgA Джо Фостер был честным и искренним парнем, и мне было приятно работать с ним. Этот выпускник программы MBA Бостонского университета с квалификацией CFA был на 15 лет старше меня — яркий, стильный и профессиональный. Ничто не могло ускользнуть от его внимательных глаз, он всегда был открыт, и я научился от него тому, что даже крошечная ошибка может иметь серьезные последствия. Мы никогда не уходили с работы в конце дня, не перепроверив условия каждой сделки, зато после этого мы могли позволить себе накачиваться пивом и болтать о спорте.

У меня было много друзей в банке, однако лучшим из них был Рик Джеймс. И хотя у Рика были бизнес-образование и квалификация CFA, он никогда ими не кичился. Он гениально обращался с цифрами и интерпретировал постоянно менявшиеся котировки так же умело, как врач — кардиограмму. Я был высоким, шумным, при разговоре я постоянно размахивал руками, длинными, как у обезьяны. Рик же был ниже меня, плотно сбитым, мрачновато-красивым и тихим. У него была милая постоянная подружка. Всем было очевидно, что когда-нибудь она станет миссис Джеймс, что у них родится много детей и что они купят себе автомобиль Volvo. Я же несся с одного свидания на другое, как скоростной поезд. Мы с Риком любили пошутить о том, насколько разные у нас стили жизни, но мы всегда уважали выбор друг друга. Это было некое подобие «инь и ян», которое успешно работает и по сей день.

Что же касается банка, спустя примерно три года после начала моей работы в State Street сказка постепенно начала тускнеть. Чем активнее рос бизнес в области управления активами и услуг по глобальному хранению ценностей, тем больше людей нанималось на работу, и на нашу крепко спаянную группу начали влиять «негласные законы», которых мы не знали или которым не доверяли. Так, в работе валютного отдела мы с моим боссом Джо, опытным трейдером, смогли довести управление сделками и связанную с ними техническую работу до совершенства, однако высшее руководство решило нанять пару ковбоев из Нью-Йорка и назначить их начальниками Джо. Мне это показалось глупостью. Если что-то не сломано, зачем это чинить?

— На кой черт нам нужны эти парни? — спросил я у Джо, помрачневшего от этих новостей.

— Руководство говорит, что хочет расширить деятельность валютного отдела, — пробормотал он. — Они хотят предлагать его услуги в качестве отдельного продукта и продавать их так же, как инвестиционные стратегии.

Мне показалось, что это объяснение дурно пахнет, но я просто закатил глаза и пустился в бой. Если говорить мягко и коротко, эти два ковбоя из Нью-Йорка были высокомерными засранцами. Настоящими идиотами. Они тут же принялись заниматься крайне странными вещами. До сих пор наша деятельность на валютном рынке ограничивалась финансированием покупок акций и облигаций на международном рынке, а также

тщательным управлением позициями для клиентов, желавших обезопасить себя от колебаний валютных курсов. Однако новые парни решили управлять валютными позициями для наших клиентов более агрессивно. Вместо того чтобы следовать принятым в компании моделям изучения недооцененных и переоцененных валют, они принялись стрелять от бедра, совершать агрессивные шаги, иногда меняя состав клиентских портфелей по нескольку раз на дню. Подобная деятельность противоречила нашей консервативной философии, основанной на покупке и долгосрочном сохранении инвестиций — именно этого ждали от нас клиенты, а, кроме того, у нас имелись определенные контрактные обязательства, которым мы должны были следовать.

По мере того как в банке начали накапливаться убытки от таких сделок, управляющие международными портфелями, напрямую общавшиеся с клиентами, были вынуждены защищать действия, которые они не авторизовали и которые не одобряли, но которые не могли прекратить. Два приятеля в руководстве рассматривали клиентские портфели как бездонные бочки для финансирования своих странных экспериментов. Эти ребята хотели получать быструю прибыль, а вместе с ней и свои бонусы. Похоже, они считали, что находятся не в банке, а в казино в Лас-Вегасе!

Этих двух клоунов не волновали проблемы наших управляющих портфелями. Эти парни из Нью-Йорка вообще мало в чем разбирались, а ветераны State Street были людьми опытными и знающими. Сами понимаете, школьные задиры обычно недолюбливают умников. Я же, со своей стороны, прошел четыре года военного образования. И хотя карьера в этой области у меня не задалась, я все же не забыл основные принципы этой культуры — играй в команде, поддерживай своих и никогда их не бросай. Управляющие портфелями любили меня, ведь я делал все возможное для того, чтобы их сделки закрывались вовремя и по хорошей цене. Кроме того, я своевременно делился с ними информацией о рынках, соответственно, они могли выгоднее купить те или иные ценные бумаги для пенсионных фондов своих клиентов. И вдруг оказалось, что я застрял посередине между новыми, зелеными засранцами-всезнайками и моими закаленными в боях товарищами.

Первый красный флажок возник, когда эти манхэттенские уроды пригласили для работы в валютный отдел нового парня по имени Дэн, «только что из Гарварда». Я попытался научить его старым методам, принятым в SSgA, однако он просто ухмыльнулся в мою сторону и поправил свой галстук-бабочку. Он делал кучу ошибок, которые я терпеливо поправлял, пока как-то раз в пятницу не возникла по-настоящему большая проблема. Дэн подтвердил крупный ордер на покупку японской иены, однако вместо того, чтобы убедиться, что его партнер в Нью-Йорке согласится с ним и подтвердит покупку, он отправился домой пораньше, чтобы потусить со своей девчонкой. Сделка была заключена.

Через два месяца, когда пришла пора исполнять обязательства по этой сделке, в офисе моего босса Джо зазвонил телефон. На другом конце линии был наш партнер из Нью-Йорка. Джо включил громкую связь, и через пару секунд я чуть не обделался от услышанного.

— У нас тут небольшая проблема, Джо.

— Какая проблема, Ларри?

— Помнишь ордер на покупку иен? Твой парень Дэн сделал все наоборот.

— *Наоборот?* — Джо ослабил галстук и начал активно потеть.

— Именно так. Он ошибочно указал, что мы продаем, а не покупаем. И у нас тут возникли убытки.

— Убытки, — долгая пауза. — Насколько большие?

— Семьсот восемьдесят тысяч долларов.

Твою мать!

И в этот момент с верхушки горы начал катиться снежный ком, остановить который было уже невозможно. Разумеется, Джо был вынужден сообщить об этом фиаско нью-йоркским ковбоям. У нас не было никакого способа спрятать потери в три четверти миллиона долларов, и казалось, что единственное, что мы можем сделать для клиента, — это компенсировать все за счет средств SSgA. Однако у этих двух типов возникла другая идея. Кто-то из них позвонил в Нью-Йорк сотруднику Chemical Bank и сказал примерно следующее:

— Ребята, предлагаем вам вот что. Начиная с этого момента, вы должны немного повышать для нас цену по всем будущим сделкам, пока не отобьете сумму, которую мы вам должны.

Что? Услышав это, я чуть не свихнулся! Эти два клоуна сказали, что если нам, State Street, понадобится купить французские франки для одного из наших клиентов — типа Amoco, — Chemical Bank сможет продавать нам валюту с негласной наценкой и накапливать у себя разницу! Такая практика была настолько незаконной, что заставила бы покраснеть даже Тони Сопрано. Фактически эти клоуны говорили Chemical: «Ребята, вы будете и дальше иметь с нами дела, если только заткнетесь и начнете играть по нашим правилам».

И тут снежный ком, катившийся с вершины, начал цеплять с собой все больше проблем. Как я уже говорил, наш отдел консолидировал все покупки иностранной валюты управляющими портфелями во всем банке. Если десяти управляющим портфелями требовались итальянские лиры для покупки итальянских ценных бумаг, то мы покупали всю сумму в течение одного рабочего дня, чтобы обеспечить оптимальный средний курс.

Однако если вы покупаете сумму на уровне 100 миллионов лир, то вынуждены действовать в рамках имеющихся траншей, а это может означать заключение десяти различных сделок в течение срока работы рынка. Курсы для каждой сделки будут немного различаться, некоторые сделки будут выгоднее других, и мне казалось вполне справедливым распределять результаты колебания курсов одинаково между всеми менеджерами.

Но знаете что? Эти нью-йоркские ковбои имели в банке «любимчиков». Они ценили одних управляющих (целовавших им зад) и с неприязнью относились к другим. Поэтому они приказали, чтобы результаты всех валютных сделок не оглашались до конца торгового дня. Затем они просматривали результаты и отдавали самые выгодные сделки своим фаворитам. И это *невероятно* меня бесило.

— Ты видел, какая фигня творится с распределением результатов сделок? — как-то вечером спросил я Рика после пары кружек пива. Я решил пойти с ним не в наше обычное место, а в другой бар, где мы могли бы спокойно поговорить наедине.

— Ну да, — кивнул он, глядя в свою кружку с пивом Sam Adams. — Я все ждал, когда же ты об этом заговоришь.

— Это просто невероятно, — выпалил я. — У какого-нибудь Джека есть миллион долларов на покупку японских иен, и такая же сумма есть у Джо, но в итоге Джо получает на 10 000 иен меньше! Это просто отвратительно!

— Да еще, возможно, и незаконно, — сказал Рик.

Я наклонился ближе к нему и прошептал:

— Пожалуй, я начну записывать разговоры этих ублюдков со мной.

— Я так и думал, что ты на это решишься. — Рик чокнулся своей кружкой с моей. — У

тебя большие яйца и никаких мозгов.

После этого в течение довольно долгого времени я держал рот на замке, а глаза широко открытыми. Каждый раз, заметив сомнительную сделку, я делал копию документов и добавлял их к постоянно растущей пачке бумаг в моей квартире. Но держаться спокойно было все тяжелее. Эти барыги наверху становились все наглее и наглее. Они создавали фальшивые отчеты о прибыльности для клиентов пенсионного фонда, представлявшие их в лучшем свете, и в то же самое время скрывали убытки так, что никто не знал, насколько сильно они облажались.

Затем наше высшее руководство принялось вынуждать менеджеров жертвовать значительные суммы из личных рождественских бонусов на избирательные кампании «дружественных» государственных казначеев по всей стране. После избрания эти казначеи подписывали контракты с State Street на управление государственными пенсионными фондами, составлявшие многие миллиарды долларов. Я даже не особенно удивился, когда узнал, что один из высших чиновников ОАЭ, доктор Бин Харбаш, принял от нашей компании взятку, а взамен мы получили контракт на управление активами Abu Dhabi Investment Authority, составлявшими 2 миллиарда долларов. Судя по всему, команда руководителей SSgA была просто незнакома с американским законом о коррупции за рубежом^[14].

К 1994 году наша компания начала нарушать все больше законов. Я работал в State Street уже пять лет, и хотя я никогда не собирался оставаться там навсегда, меня начала мучить совесть.

А затем в крышку моего гроба был забит последний гвоздь. Операционный зал купил специальную систему, и предполагалось, что мы должны записывать все наши телефонные переговоры и договоренности на диктофоны. В принципе это нормально до тех пор, пока вы говорите об этом своему собеседнику. «Мистер Джонс, для вашей и нашей безопасности наш разговор записывается». Однако наши боссы не хотели, чтобы клиенты знали о факте записи. Это давало им возможность выбирать при необходимости нужные записи и притворяться, что всех остальных записей нет.

Такая деятельность называется *прослушкой*, и она совершенно незаконна. Когда дело заходит о записи разговоров, Массачусетс был и остается штатом, в котором обе стороны разговора должны дать на это согласие. В противном случае такие действия становятся преступлением.

— Мы не можем заниматься этой ерундой, Джо! — Я ворвался в офис своего менеджера и начал бегать по комнате, как дикий мустанг. — Если об этом узнают регулирующие органы, нам запретят заниматься банковской деятельностью до конца дней!

— Я знаю, Брэд, я знаю. — Он попытался меня успокоить. — Но именно этого они хотят.

— Да ну на фиг — я пошел к начальству!

Так я и сделал, и это привело к возникновению настоящей бури из дерьма. В какой-то момент к процессу подключились юристы, которые тут же начали спорить и суетиться. Разумеется, меня обозвали плохим болтливым мальчишкой. Менеджеры, завидев меня, делали каменные морды. И чем же все кончилось? Юристы быстренько издали *письменную* директиву о том, что, хотя подобная практика технически находится за пределами нормы, мы будем продолжать записывать разговоры без согласия собеседника. Мне казалось, что они просто хотят сказать другими словами что-то вроде: «Думаем, что мы делаем нечто

незаконное, однако полагаем, что даже если кто-то об этом узнает, то нас отшлепают не слишком сильно».

Я отказался пользоваться этой системой. Мне назначили испытательный срок. Я настаивал на своем. А потом в операционном зале появились два сотрудника службы безопасности, которые проинформировали меня о том, что я должен покинуть банк, и попросили меня собрать вещи и двинуться на выход. Я улыбнулся им, встал ногами на сиденье своего кресла, раскинул руки в стороны и сделал для своих коллег, смотревших на меня с отвисшими челюстями, следующее заявление:

— Дамы и господа, коллеги, я хотел бы проинформировать вас о том, что я не увольняюсь из этого учреждения *добровольно!*

Охранники забрали мой пропуск и проводили меня к выходу. Был ли я расстроен? Думаю, что мои чувства сложно описать именно этим словом. Я не сделал ровным счетом ничего неправильного, а банк имел меня чертовски грубо, долго и без смазки. Они хотели, чтобы я уволился по своей воле, чтобы не заплатить мне никакой компенсации. Не выйдет!

На следующий день Рик Джеймс, рискуя своей карьерой, пропустил меня внутрь, дважды приложив свой пропуск ко входной двери офиса. Я проскользнул к своему рабочему месту. В поле моего зрения снова появились сотрудники службы безопасности.

— Какого черта ты здесь делаешь, Биркенфельд? Ты вчера уволился!

— Я *не* увольнялся, — сказал я. — Я здесь работаю.

Тут пришли начальники.

— Хорошо, умник. Ты уволен.

— Хорошо, такой вариант мне подходит, — сказал я.

Я распрощался со своими приятелями, которые тихо бормотали проклятия в адрес начальства, и ушел. Но, если вам интересно, дело этим не закончилось. State Street предложил мне в качестве компенсации годовую зарплату в обмен на подписание документа о неразглашении информации. Я порекомендовал им отвалить и нанял адвоката. Затем мы собрали полное досье обо всех грязных делишках банка и отправили его председателю правления Маршаллу Н. Картеру. В сопроводительном письме, написанном моим адвокатом, говорилось: «Мистер Биркенфельд рассмотрит предложение о компенсации в размере 500 000 долларов, поскольку действия State Street разрушили его карьеру». Однако Маршалл Н. Картер посчитал, что сможет перехитрить молодого и наглого банкира, и отверг наше предложение.

Но я еще не закончил со State Street. Они сломали мой меч и навесили на меня ярлык персоны нон грата, однако у меня все еще оставались отличные друзья в банке, невероятно расстроенные моим увольнением, и время от времени они негласно делились со мной информацией. Банк планировал провести ежегодное и очень пафосное собрание акционеров в огромном зале в штаб-квартире State Street. Я все еще был законным акционером компании, поэтому решил воспользоваться своими правами.

Это обещало быть очень милым мероприятием с присутствием более 250 акционеров и представителей прессы. Маршалл Н. Картер правил бал. На мероприятии присутствовали и Ник Лопардо, и остальные гуру. Я просидел там около часа, позволил им поговорить о смелости и успехах руководства State Street, а затем встал и задал свой вопрос.

— Мистер председатель, я акционер и бывший сотрудник SSgA. Не так давно мой адвокат представил детальную информацию о бухгалтерских нарушениях, совершенных руководителями SSgA, и их незаконных действиях. Могли бы вы сообщить нам о том, что вы

сделали для выяснения этой ситуации и наказания виновных? Также я хотел бы знать, почему правление отказалось ответить на множество моих заявлений, связанных с откровенно незаконными действиями банка и нарушениями законодательства США.

Бум! На меня тут же уставилось двести пятьдесят пар выпученных глаз.

— Что это за парень?

Лицо Картера покраснело, а распорядитель мероприятия вскочил и закричал:

— Дамы и господа, на сегодня собрание закончено. В соседней комнате для вас приготовлены пончики и кофе.

Что ж, я люблю пончики и кофе не меньше, чем все остальные. Стоит ли говорить, что на этой вечеринке все от меня шарахались, как от криптонита^[15]. Все, кроме журналистов. Меня окружили репортеры, а я улыбался им и собирал их визитные карточки.

— Благодарю вас за внимание, — сказал я. — Вы обо мне еще услышите.

Однако этого так и не случилось. Дело происходило утром 19 апреля 1995 года, и в этот самый момент Тимоти Маквей взорвал федеральное здание имени Альфреда П. Марра в Оклахома-Сити. Было понятно, что история молодого банкира, сражавшегося с мельницами наподобие Дон-Кихота, была куда менее интересной новостью.

Тем не менее в новости все же попал последний удар, который я нанес в сердце State Street через пару месяцев. Против State Street подала иск его сотрудница, Лайза Цуй (мой первый босс), обвинившая работодателя в несправедливых и пристрастных действиях. Сначала она ушла в декретный отпуск с разрешения Ника Лопардо, а затем, после ее возвращения, он понизил ее в должности, заявив о том, что прежняя должность уже занята другим сотрудником! Это расстроило меня, поскольку в то время он мне еще нравился, однако я понимал, что он несет ответственность за мое фиаско, ведь Ник должен был дать пинка этим ковбоям. Сам Ник ушел в отставку в 2001 году вскоре после того, как поссорился со своим руководством — те не разрешили Рэю Бурке, герою из команды Bruins, прилететь на корпоративном самолете в Бостон из Колорадо с победным Кубком Стэнли.

В общем, Лопардо вызвали в суд на дачу показаний по иску Лайзы о дискриминации. Кто-то достал для меня копию его повестки, и я распечатал пятьсот копий на толстой бумаге розового цвета. Затем я нанял двух клоунов в оранжевых париках, балахонах в крупный горошек, с красными накладными носами и в огромных ботинках. Приятным летним днем они появились перед штаб-квартирой State Street и принялись раздавать копии повестки, врученной Лопардо — в самом центре финансового района и в обеденный перерыв, когда все сотрудники вышли на улицу. Местные новостные станции говорили об этом весь день. Кто же не любит клоунов? Конечно, все это было не больше, чем детские шалости. Это не могло заставить State Street прекратить обманывать своих клиентов и плевать на закон. Поэтому пришло время бросить в их бункер последнюю гранату.

Тем же летом я пришел в офис ФБР с пачкой документов. С одной стороны, агенты выглядели вежливыми, заботливыми и заинтересованными. С другой стороны, они не скрывали своего скепсиса. В конце концов я был всего лишь 29-летним безработным банкиром, который рассказывал им о том, что одно из старейших и крупнейших финансовых учреждений Бостона занималось, по сути, незаконными мошенническими действиями. Но я знал свое дело, и по итогам шести отдельных встреч агенты начали все чаще кивать в ответ на мои слова и удивленно поднимать брови. Они хотели железных доказательств, и было очевидно, что они у меня есть.

ФБР открыло формальное расследование деятельности State Street, и его возглавил

специальный агент Рональд Китинг из бостонского полевого офиса. Каким-то образом слухи о расследовании утекли в СМИ (интересно, как?). State Street нанес ответный удар, заявив что все это были лишь «рутинные и регулярные вопросы», однако это совсем не было рутинной, и об этом знали все. Лопардо созвал внутреннее совещание и принялся там разглагольствовать. Один из участников рассказал мне, что Ник хвастался: «Они не посмеют нас тронуть! У нас есть друзья в ЦРУ и ФБР!»

Таких слов можно было ожидать от мафиози, отдавшего приказ об убийстве и не беспокоившегося о последствиях, потому что он прикармливает федералов. Однако Лопардо был не бандитом, а старшим руководителем банка! И он контролировал работу пенсионных фондов с деньгами тысяч людей во всем мире и активами на миллиарды долларов.

Как оказалось, у конторы действительно имелись друзья в ЦРУ и ФБР, причем влиятельные. Отец исполнительного директора State Street Маршалла Н. Картера был заместителем директора ЦРУ, именно он был первым, кто показал президенту Кеннеди фотографии строительства советских пусковых ракетных установок на Кубе, после чего и начался Кубинский кризис.

А как насчет ФБР? Там тоже не было никаких проблем. Все было прикрыто. Одним из участников совета попечителей State Street Bank был адвокат по имени Труман Каснер, партнер влиятельной юридической фирмы Ropes & Gray. State Street наняла Ropes & Gray для организации обороны банка против ФБР. Первое, что сделала Ropes & Gray, — она наняла бывшего специального агента из бостонского полевого офиса для *противодействия* расследованию ФБР. Услышав о этом, я сказал себе: «Так вот как это работает. Неудивительно, что Лопардо был настолько уверен в себе на собрании».

Возможно, вы думаете, что я слишком предубежденно относился к бостонскому офису ФБР. Однако дальнейшая история показала, что в 1995 этот офис был самым коррумпированным в истории страны. В то самое время, когда ФБР должна была расследовать деятельность State Street, сотрудники офиса вступили в сговор с известным гангстером Джеймсом Уайти Балджером. Да-да. Федеральные агенты из Бостона покрывали делишки Уайти и его банды, принимали от него взятки в течение многих лет и закрывали глаза на многочисленные случаи убийств представителей конкурирующих банд и невинных жертв.

И хотя сотрудники ФБР в Бостоне должны были расследовать дело State Street Bank имея на руках множество улик и мои показания, их работа сначала приостановилась, а потом и вовсе прекратилась. Несмотря на свидетельства и показания под присягой, данные еще одним свидетелем из числа работников банка, расследование развалилось. Оказалось, что бывший агент ФБР, нанятый Ropes & Gray для прекращения расследования, частенько встречался и обедал с Рональдом Китингом, агентом, который *возглавлял* это расследование! Ну не сказка ли? Надеюсь, что они не подавились своими суши, пока пенсионеры по всему миру страдали от действий банка.

Вскоре после этих негласных переговоров расследование было прекращено. Потому давайте больше не будем говорить об «истине, справедливости и американском образе жизни»^[16]. Что касается лично меня, то я извлек немало уроков — о банках, федералах и о том, как общаться с ними. Но про это я еще расскажу.

В конце концов я решил махнуть на все рукой. Пришла пора возвращаться на работу и зарабатывать себе на жизнь. Два банковских учреждения в Бостоне изучили мое резюме и предложили мне должность. Но как только я выбрал одно из предложений, банк отозвал его.

State Street пустил обо мне слухи по всему городу. Мне вручили черную метку, и в моей голове само собой зазвучало старинное голливудское проклятие: «Ты никогда больше не будешь работать в этом городе!»

Пришло время уйти, а еще лучше — уехать куда-нибудь подальше. Я знал, что где-то далеко наверняка смогу найти дружелюбные края, в которых толковый молодой банкир сможет обрести имя и славу. Я много размышлял над тем, куда податься. Где же может быть такое место?

Ах да. *Швейцария.*

«Куда катится этот мир, если мы больше не можем доверять швейцарскому банкиру?»

Джеймс Бонд в фильме «И целого мира мало»

Лето 1995 года.

Швейцария была настоящим Диснейлендом для банкиров, и мне было невероятно интересно оказаться там.

Я смотрел из окна самолета на равнины Европы, открывавшиеся подо мной в тумане. Я бы и так, без сомнения, выбрал ночной перелет, однако с восходом солнца я понял — подсознание подсказало мне, что нужно встретить рассвет именно в самолете. Это был знак возрождения и начала нового приключения. Бостон остался позади, уплывая в реактивной струе моего самолета, как обломки кораблекрушения в кильватере морского фрегата.

Когда я сжег за собой все мосты в Бостоне, подбросив в пламя несколько ручных гранат, для меня настало время взять тайм-аут в другой стране. Я подумал, что если мне удастся найти за океаном достойное место для получения MBA, то после возвращения на тропу войны я буду цениться намного выше. Кроме того, исчезновение на некоторое время помогло бы мне начать с чистого листа. Я нашел небольшой американский университет в приятном старом швейцарском городке Ла Тур-де-Пей на берегу Женевского озера. Все занятия в нем проводились на английском, поэтому мне не нужно было вспоминать полузабытый французский. И как знать? Возможно, кто-то в Европе и мог бы предложить мне работу. Еще ребенком, в 1979 году, я побывал с бабушкой в швейцарском городе Лугано. Это был прекрасный, чистый и безопасный город, отлично подходивший для занятий моим любимым горнолыжным спортом. И если бы мой гамбит с работой не получился, я бы как минимум развлекся.

Пока самолет кружил над Цюрихом, я думал как о Бостоне, в котором научился множеству вещей, так и о своей идеалистической картине мира, как печальном рецидиве детских фантазий. Возможно, если бы я все же закончил военную академию и стал офицером ВВС, то мне повезло бы жить среди подлинных героев, но теперь мне казалось, что и это, скорее, сказка, а не возможная реальность.

State Street научил меня тому, что в мире больших банков и мегафинансов герои встречаются так же редко, как бойскауты в банде байкеров. Если вы вступали в конфликт с системой, то тут же превращались в одинокого изгнанника, которому никто не верит и которого никто не принимает в свою компанию. Вы проводили свои дни в каком-нибудь гараже, отмывая масляные пятна в то время как все остальные парни веселились, катались на своих машинах, кадрили самых привлекательных девчонок — и все им сходило с рук. Я хотел работать с крутыми профессионалами, но не обманывая клиентов и не испытывая мук совести. Я уже узнал множество профессиональных трюков, однако хотел использовать их для того, чтобы мои клиенты стали богаче — а затем пожинать плоды и для себя. Именно в этом я видел свою роль как банкира — все должны оставаться довольными.

Самолет начал снижаться, приглушая двигатели, и я наконец-то смог разглядеть эту землю королей и миллиардеров, боссов корпораций и священников, мягкого сладкого шоколада и богатого выбора женщин. Работая на State Street, я уже имел дело со

швейцарскими банкирами и знал, что в Швейцарии деньги решают все, а болтовня не стоит ничего. Вы могли делать со своими секретными счетами почти все, что угодно в рамках закона, а швейцарский закон позволял почти все, кроме убийства. Я не знал, как работает эта система в деталях, но рассчитывал быстро это узнать. В момент приземления, когда меня вдавило в кресло, а колени чуть не уперлись в подбородок, я улыбнулся и сказал себе: «Биркенфельд, если все сработает как надо, то это — последний раз, когда ты летишь в эконо-классе».

Я пропущу скучные детали моего дальнейшего обучения. Скажу лишь, что следующий год пролетел невероятно быстро — так бывает, когда вам 29 лет и вы пускаетесь в первое огромное путешествие в своей жизни. Я снял квартиру в Ла Тур-де-Пей и погрузился в изучение корпоративных финансов, эконометрики, делового права, управленческого учета и международного маркетинга. Мои коллеги-студенты были богатыми, амбициозными и довольно необычными людьми из разных стран — ОАЭ, России, Германии и Финляндии. Я подружился со многими из них и продолжаю дружить до сих пор. На выходные мы выезжали в Копенгаген, Барселону, Прагу и Рим. Я много учился, еще больше веселился на вечеринках катался на всех горах, на каких только были подъемники, и с большим удовольствием выяснил, что европейские женщины предпочитают носить лишь одну часть бикини — нижнюю. Я встретил прекрасную девушку Шарлотту, наполовину австрийку и наполовину шведку. Мы принялись вместе наслаждаться всеми радостями, которые только могут возникать во времена страстной юности и безграничной энергии. Ближе к завершению учебы, весной 1996 года, я почувствовал себя «вооруженным и финансово опасным», однако не представлял себе, что будет дальше. Я приехал в Швейцарию, чтобы улучшить свое резюме с помощью строки об МВА, однако было понятно, что для продолжения карьеры мне нужно швейцарское разрешение на работу. Но я решил плюнуть на это и ходить на собеседования, чтобы не упустить свой шанс.

В конце весны 1996 года я отправил свое резюме доктору Рето Каллегари, главе франкоговорящего подразделения огромного банка Credit Suisse, занимавшегося вопросами частного банковского обслуживания. К моему приятному удивлению, меня пригласили на собеседование с ним. Это был высокий худой человек с седыми волосами и в очках. Он получил докторскую степень в области финансов в Цюрихском университете и идеально говорил по-английски благодаря обучению в Стэнфорде, где он получил МВА. Я понял, что обязан поразить этого человека.

Доктор Каллегари задал мне множество профессиональных финансовых вопросов, на которые мне удалось дать безукоризненные ответы. А затем я решил сам обратиться к нему.

— Доктор Каллегари, — сказал я. — У меня к вам тоже есть вопрос.

Мой собеседник недоуменно приподнял бровь.

— Мистер Биркенфельд, вы понимаете, что это я провожу с вами собеседование, а не вы со мной?

— Да, сэр, конечно. — Я тепло улыбнулся. — Но мне просто необходимо задать вам этот вопрос. Какие, на ваш взгляд, три самые значительные проблемы имеются в вашем банке?

Каллегари поднял уже обе брови, но я не уступал.

— Видите ли, я считаю себя человеком, который умеет решать проблемы. Поэтому, если даже вы считаете возможным взять меня на работу, дать мне хорошую зарплату и предоставить швейцарское разрешение на работу, но я при этом не знаю, какие проблемы

стоят перед компанией, то вам не стоит меня нанимать.

Казалось, что эти слова позабавили его. Понятно, что он не поделился со мной никакой информацией о возможных проблемах, однако я этого и не ожидал. Мы обменялись визитными карточками, и на этом все кончилось.

Хотя не совсем. За годы работы в Бостоне я понял, что быть толковым и талантливym — это хорошо, но еще лучше иметь друзей. А в мире бизнеса вы заводите друзей не во время обедов с парочкой мартини. Вы должны сделать для людей что-то весомое. И я обслуживал своих клиентов так, как будто каждое из их заданий было для меня вопросом жизни и смерти. Мою рабочую этику можно было описать словами: «Не жди. Сделай *прямо сейчас*», — и именно так я подружился с Джо Джельсомино, который работал на Credit Suisse First Boston и занимал должность главы отдела валютных операций в Нью-Йорке. Я провел для Джо множество сделок, и он искренне мне нравился, поэтому я позвонил ему сразу же после собеседования.

— Брэд! Как дела, приятель?

— Привет, Джо. Мне нужно от тебя небольшое одолжение. Я прохожу собеседование в швейцарском отделении Credit Suisse в Женеве и хотел бы узнать, можешь ли ты замолвить за меня словечко.

— Разумеется! А с кем надо поговорить? Дай имя.

— Доктор Рето Каллегари.

— О, это серьезный человек! Хорошо, я все сделаю.

Через несколько минут Джо отправил доктору Каллегари электронное письмо из Нью-Йорка. Могу догадываться, что оно было крайне вежливым и уважительным, но суть его состояла в следующем: «Брэдли Биркенфельд — это лучший из молодых банкиров, с которым мне довелось работать в State Street».

Через неделю, незадолго до последних экзаменов, я получил от Credit Suisse предложение: начальная зарплата 150 тысяч швейцарских франков в год ^[17] плюс разрешение на работу и четырехнедельный отпуск. Черт возьми! Это было в четыре раза больше моей зарплаты в State Street, и к тому же я должен был работать непосредственно на доктора Каллегари в Женеве. Я подумал, что он таким образом хочет за мной приглядывать, но не имел ничего против, поскольку не собирался его подводить.

Печальная часть этой истории состояла в том, что нам пришлось расстаться с Шарлоттой. У нее была прекрасная работа в Nestlé, и она не собиралась переезжать. Я, с своей стороны, не был готов каждый день ездить в Женеву на поезде и автобусе. Я был сильно расстроен, но мой приятель Луиджи вытащил меня на обед и расставил все точки над «i»:

— Брэдли, друг мой, ты вообще понимаешь, в каких кругах ты будешь вращаться уже совсем скоро? Ты представляешь, с какими женщинами ты сможешь встречаться? Все будет здорово, просто подожди немного.

Эти слова показались мне несколько бессердечными, однако я довольно скоро понял, что он был прав. Раны затянулись, когда Credit Suisse нашел мне великолепную квартиру в центре Женевы — второй этаж, паркетные полы, мраморный камин, французские двери, ведущие к двум балконам. Идеальное место для холостого парня, и всего за 1200 швейцарских франков в месяц! Мое беспокойное сердце тут же излечилось.

Начав работать в Credit Suisse, я быстро обнаружил, что мне, как хорошо оплачиваемому американскому «гостевому работнику», по сути, нечего было делать. Европейцы и, в

частности, банкиры, имеют довольно интересную рабочую этику: она заключается в том, чтобы появляться на работе в нормальное время, хорошо одеваться и всецело принимать корпоративную культуру, наслаждаться вкусным обедом, растягивавшимся на пару часов, уходить с работы в часы, когда начинались первые коктейльные вечеринки, далее смотри пункт первый. Доктор Каллегари хотел, чтобы я стал экспертом в области частного банковского обслуживания. Это означало, что я должен был обслуживать зажиточных клиентов, тусоваться вместе с ними и предлагать им различные творческие способы, с помощью которых те могли бы заработать еще больше денег — инвестируя в биржевые товары, нумизматику, произведения искусства, ценные бумаги, другие валюты и т. д. Кроме того, предполагалось, что в это же время я напишу свою дипломную работу для получения МВА: «И если вы не возражаете, Брэдли, напишите в ней побольше хороших слов о работе *этой* компании», — да, сэр, конечно!

По сути, мне платили за то, что я учился основам. Помимо прочего, я изучал историю и механизмы работы «творческого» швейцарского частного банковского обслуживания. И если вы читаете эту историю, то наверняка не знаете, что я имею в виду. Если вы знаток международного банковского дела, листайте дальше. А если нет, предупреждаю, что это не самая радужная история.

Швейцарские номерные счета... Вы наверняка слышаны об этом. Про них ходит немало легенд.

На протяжении почти целого столетия секретные банковские счета в Швейцарии служили сокровищницей для богатых и всемогущих людей этого мира. Именно здесь прятали золото, алмазы, кучи наличных и облигаций на предъявителей, без имен. Попастъ сюда могли лишь избранные, которым завидовали толпы остальных. Швейцарию любили нефтяные короли, а авторы шпионских романов с восхищением описывали ее в своих книгах. Диктаторы из стран третьего мира пользовались Швейцарией, чтобы лишать свои страны природных ресурсов и отправлять награбленное в Женеву на частных самолетах. Политики очищали свои предвыборные кассы и делали короткую остановку в Цюрихе, чтобы пополнить свои «пенсионные накопления» — на несколько десятилетий вперед. Магнат-судостроитель мог продать здесь 100-футовую яхту за наличные, доехать до депозитария в Базеле и не особо задумываться об уплате налогов.

Все это было так же безопасно, как исповедь папе римскому. Кто станет их выдавать? Уж точно не швейцарцы.

Впрочем, Швейцария не всегда была тихой гаванью для мошенников. Традиции швейцарского банковского обслуживания зародились с отказа Людовика XIV от Нантского эдикта в 1685 году, что привело к объявлению протестантизма во Франции вне закона. За этим последовали казни и пытки множества протестантов и постепенная миграция сотен тысяч людей в другие страны, включая Швейцарию. Там было основано множество частных банков, предлагавших инвестиционные услуги для зажиточных новопривывших протестантских мигрантов. Это было не секретным предприятием, а возможностью управления капиталом для влиятельных людей. Позднее Швейцария сыграла свою роль и в появлении Международного Комитета Красного Креста, и в подписании Женевской конвенции, определяющей правила поведения во время войны, и в возникновении Лиги Наций, которая потом развилась (или, с моей личной точки зрения, деградировала) в ООН. В любом случае в этих многолетних традициях не было ничего плохого. Это были достижения, которыми швейцарцы могли бы гордиться.

Затем, в 1934 году, в конституцию страны (статья 47) был добавлен Закон о банках, заложивший основы швейцарской банковской тайны. С этого момента ни один швейцарский банкир не мог раскрывать детали клиентского счета или личность клиента, не рискуя при этом подвергнуться уголовному преследованию и попасть на всю жизнь за решетку. Случайно или нет, но это произошло в тот самый момент, когда нацисты взяли в свои руки всю власть в Германии. Фашисты по всей Европе были в восторге от возможности разместить похищенные ими активы у банкиров с каменными лицами, которым теперь было запрещено законом разглашать имя источника. Евреи, которые уже подвергались преследованиям и чуяли неладное, устремились в Женеву и Цюрих в надежде на то, что их сбережения смогут пережить там грядущий катаклизм. И действительно, сбережения выжили, в отличие от многих владельцев счетов, и в сейфах швейцарских банков, к немалому удовлетворению банкиров, исчезли миллиарды.

В течение Второй мировой войны Швейцария сохраняла нейтралитет и ни единого волоска не упало с головы ни одного банкира. Все хранили свои состояния в швейцарских банках — и гитлеровцы с союзниками, и антигитлеровская коалиция. Шутили, что в Швейцарию никто и никогда не вторгнется — какому идиоту придет в голову бомбить свой собственный банк?

К началу XXI века в одной лишь Женеве было свыше 130 частных банков, по одному на каждый квартал города. Частные банковские услуги составляли одну шестую всей экономики Швейцарии, и швейцарские политики регулярно мигрировали от исполнения государственных обязанностей к руководству банками, трастовыми компаниями и юридическими фирмами, гарантируя этому порядку определенный статус-кво. Мошенники со всего мира извлекали немалую пользу от сомнительных банковских практик, принятых в Швейцарии. Сумма спрятанных в стране активов составляла уже не миллиарды, а триллионы долларов.

Богатые и знаменитые, плохие и злые, агенты спецслужб и мафиози использовали свои номерные счета, чтобы спрятать деньги от жен, мужей и партнеров по бизнесу, исказить данные о прибыльности компаний, спонсировать небольшие войны и финансировать наркокартели. Кинозвездам льстила связанная с этим процессом интрига, а любовницам миллиардеров нравилось прятать черные швейцарские карты Black American Express в свои сумочки от Луи Вюиттон. Никто не обращал внимания на то, что владельцы номерных счетов на самом деле *платили* фиксированную сумму за право ими пользоваться и никогда не получали ни копейки процентов на свои вклады. Счет был самостоятельной ценностью, надежно спрятанной под стальным швейцарским матрасом.

А самое интересное состояло в том, что деньги, о которых никто не знал, *не облагались налогами*. Для зажиточных американцев, не склонных к излишней честности, это было настоящим подарком с небес. Американский рынок был богат на потенциальных клиентов, и швейцарские банки начали собирать команды менеджеров, которые путешествовали в Штаты, посещали шикарные мероприятия и вечеринки, где их потенциальные клиенты купались в деньгах, и приносили обратно в клювах жирные кусочки.

Таков мой краткий урок истории секретов швейцарского банковского дела к тому моменту, как в дело вступил я. Изучив всю историю от самого начала до нынешних времен, я понял, что швейцарцы действовали очень тонко — вместо лишних слов они кивали и улыбались. Заботило ли меня то, что деньги, которыми я управлял, были получены в результате сомнительной деятельности или спрятаны от правительства какой-то страны,

жадного до налогов? Ничуть. Кто-то, находившийся намного выше меня в пищевой цепочке, решил, что это совершенно законно. Я не собирался надевать на себя терновый венец и каяться.

Кстати, о покаянии. Работая в Credit Suisse, я впервые погрузился в мир глубоких интриг, связанных с номерными счетами. Как-то раз, когда я подменял свою коллегу, Кэрол Хэмблтон-Мозер, ушедшую в отпуск, ко мне обратились двое из ее клиентов. Они пришли вместе, каждый из них хотел снять по 100 000 долларов со своего счета. Никаких проблем! Консьерж на входе отправил их на лифте ко второму консьержу, который сопровождал их в отдельный кабинет. Я зашел туда, представился и объяснил, что подменяю Кэрол. Моими собеседниками были итальянцы, чисто выбритые, в свитерах и брюках, с чемоданами в руках.

Я попросил у них паспорта и кодовые имена, а затем включил компьютер. Система имела несколько уровней безопасности, чтобы гарантировать, что никто посторонний не сможет прийти в банк и забрать чужие деньги. Проверялось все — номера паспортов, кодовые имена, соответствие лиц фотографиям, возрасту и физическому описанию. Я позвонил своей ассистентке, и она появилась с коробкой и машинкой для подсчета денег. Вскоре в чемодане каждого из итальянцев оказалось по сотне тысяч. Они подписали документы о выемке. Они знали, что с них возьмут плату за выдачу наличных, но казалось, что это их совершенно не беспокоит. Мы улыбнулись и пошли каждый своей дорогой.

После того как они ушли, я пролистал компьютерные записи. Это были монахи из Ватикана! Почему они держали свои деньги на секретных швейцарских счетах? Я никогда и никого об этом не спрашивал. *В чужой монастырь со своим уставом не ходят.*

Прошла примерно половина срока моего обучения в Credit Suisse, за которое я получал неестественно высокие деньги, когда доктор Каллегари сказал, что его переводят в Азию. Я нравился ему, и он хотел взять меня с собой, однако мне нравилось в Женеве, и я не очень хотел в Сингапур, где за выплюнутую на улице жвачку вы можете получить от полицейских пятьдесят ударов палками на городской площади. Поэтому некоторое время я был «бездомным» в собственной фирме и шатался по этажам в поисках нового приемного отца. И я нашел его в лице Оливера Шедела.

Оливер был серьезным игроком, отвечавшим за работу всех частных банкиров в Северной Америки, Великобритании, Израиле и всей англоговорящей Африке. Это был изящно одетый швейцарско-немецкий джентльмен под пятьдесят, с зачесанными назад темными волосами, холодными синими глазами, сильной челюстью и раздвоенным подбородком. Он свободно говорил по-английски, по-немецки, по-французски и по-испански. В понедельник он мог появиться в офисе, покрытый загаром после катания на лыжах в Альпах, в среду облачался в смокинг перед походом в оперу, а в пятницу садился в свой BMW Z3 и уезжал в Сен-Тропе. Он сразу мне понравился, и с первого рукопожатия я понял, что мы — родственные души.

Первые дни работы я провел в отделе по работе с англоговорящими клиентами, просматривая записи о клиентских счетах, и довольно быстро заметил кое-что странное. В хранилищах Credit Suisse лежали сотни миллионов «англоговорящих» денег, однако никто не видел этих богатых парней в лицо до тех пор, пока они сами не приезжали в банк. *Ни один* банкир никогда не наносил им ответного визита.

Невероятно! Для меня это было все равно, что ездить с фургоном мороженого в разгар лета и никогда не съезжать с шоссе в город.

— Мистер Шедель, — как-то раз обратился я к своему боссу за кофе (настоящим швейцарским кофе, а не подделкой из Starbucks). — Кто из нашего подразделения обслуживает этих клиентов?

— Как тебе сказать, мальчик мой, — он сделал драматическую паузу, и его глаза под очками марки Ray-Ban лукаво засияли. — Никто.

— Никто не ездит к ним? Никто их не обхаживает и не использует их для получения новых контактов и привлечения клиентов?

— Обхаживает... — сказал он. — Интересное слово, но нет. Если ты, Брэдли, вдруг этого не заметил, то Credit Suisse — очень консервативная фирма.

— А маркетинг? Кто-то же должен быть там, предлагая наши продукты и услуги. Это довольно небольшая инвестиция с потенциально высокой отдачей.

— Докажи свою правоту, Брэдли. — Он улыбнулся и чокнулся своей кофейной чашкой с моей. — Продемонстрируй мне, на что ты способен. Организуй это!

Так я и сделал. Я выбрал три города — Торонто, Бостон и Гамильтон на Бермудах, а затем позвонил всем своим контактам, оставшимся со времен работы в State Street, и сообщил им о том, что мой новый босс в Credit Suisse хотел бы угостить обедом их лучших клиентов. Я забронировал все авиабилеты и номера в пятизвездочных гостиницах, а затем мы с Оливером на две недели погрузились в мир стейков Шатобриан, лучших мест на хоккейных матчах, оперы, джаз-клубов и разговоров о секретных счетах за сигарами и коньяком Courvoisier. К концу этой поездки шесть очень богатых североамериканцев уже жаждали приехать в Женеву и передать свои состояния Оливеру Шеделю.

— Что ж, Брэдли, это было впечатляюще, — сказал он мне за победным бокалом martini на веранде гостиницы на Бермудах. — Ты смог сделать серьезную работу. И мне очень жаль, что я не смогу воспользоваться ее плодами.

— Что ты имеешь в виду, Оливер?

Мы уже были на «ты».

— Я забыл рассказать, что решил уволиться из Credit Suisse.

— Что??? — Я вскочил и разлил половину своего напитка.

— Да. Я устроился на работу в Barclays Bank в Женеве. — Он наслаждался моим ошалевшим выражением лица, а затем ухмыльнулся.

— Но не переживай, мальчик мой. Ты поедешь со мной.

Прощай, Credit Suisse, здравствуй, Barclays, центр силы британского банковского дела. Моя зарплата подскочила до 200 000 швейцарских франков ^[18], я остался в своей роскошной квартире, и все, что мне нужно было сделать — это собрать вещи на работе и переместиться через несколько кварталов в офис Barclays. Проверив мои таланты, Оливер понял, что обрел идеального помощника, которому можно доверять.

Он выделил мне офис и прекрасную молодую швейцарскую ассистентку, Валери Дюбуи. Затем он уселся на кожаный трон за дверью из красного дерева в своем кабинете и вызвал меня. Он напомнил мне М, Валери была мисс Манипенни, а я — сами знаете кем ^[19].

— Брэдли, присядь. Думаю, что новости тебя ошарашат.

— И что же это за новости, босс?

— Barclays Zurich прекращает свою работу и консолидирует все свои счета здесь, в Женеве, а это значит, что мы получим счета всех американских и канадских клиентов.

— С чего вдруг они решили это сделать?

— Они англичане до мозга костей, мой мальчик. Никакого воображения. Отделение в

Цюрихе просто отказывается от миллиардов во имя бюрократической простоты.

— Дай угадаю, — сказал я. — Этим североамериканцам еще никто не предлагал наши услуги?

— Как говорят на вашем странном молодежном языке — бинго! Ты знаешь, что делать. Вперед!

Это звучало, как вид на убийство. «Рад познакомиться. Я Биркенфельд... Брэдли Биркенфельд, агент 00\$». Я собрал досье по всем нашим североамериканским держателям секретных счетов, обратился к ним (само собой, без лишней шумихи) и заполнил свой ежедневник записями о запланированных обедах с клиентами. Затем я отправился в Канаду и США и опять отлично провел время, останавливаясь в пятизвездочных отелях, катаясь в лимузинах и пожирая огромные стейки в ресторане Peter Luger на Манхэттене, параллельно с этим обхаживая клиентов, предлагая им новые виды инвестиций и соблазняя их на то, чтобы поделиться со мной именами своих невероятно богатых друзей. Понятно, что все эти люди не были дурачками. Чаще всего это были влиятельные, богатые и успешные мужчины среднего возраста, и было понятно, что они не могут просто вручить мне портфель с наличными и попросить отвезти его в Европу. Потому обычно наши совместные трапезы заканчивались сигарами, коньяком, обменом визитными карточками и намеком.

— Вы, вероятно, знаете, как прекрасна Женева в любое время года. Человеку вашего круга, с огромным объемом обязанностей и такой нервной работой, стоит сделать небольшой перерыв и насладиться ее чудесами. Прекрасные горы, рестораны для подлинных знатоков, лучшие магазины — порой кажется, что вы попали в сказку. А женщины... Боже мой! Знаете, я с огромным удивлением узнал, что вся эта швейцарская спесь не больше, чем прикрытые, как и у японцев. Рынок секс-услуг процветает, и он совершенно легален. Не знаю, насколько это вам интересно, но есть у них такая культурная аномалия (подмигивание).

Конечно же, они приезжали. Я возвращался в Женеву в полном изнеможении, моя челюсть болела от улыбок и разговоров. Но не успевал я распаковать свои чемоданы, Валери тут же выталкивала меня к дверям, чтобы поприветствовать парней, с которыми я совсем недавно расстался. И все начиналось снова: вкуснейшие ужины, шампанское, швейцарский шоколад и великолепные русские девушки, «очаровывавшие» моих клиентов по довольно разумным расценкам. А затем подарки — деньги, ювелирные украшения, произведения искусства. «Приятно иметь с вами дело, сэр». И так по кругу — с 200 000 швейцарских франков, с роскошной жизнью, с полностью оплаченными издержками. Я просто надевал по утрам костюм и делал все для того, чтобы люди, с которыми я встречался, были счастливы. Кроме меня, ни один частный швейцарский банкир в Barclays этим не занимался — полная монополия. Плюхаясь на свое место в салоне первого класса, я начинал мурлыкать свою собственную версию песни «Битлз» «Билет для поездки»: «Пожалуй, буду кутить. Пожалуй, сегодня!»^[20]

Это было настоящим безумием. Даже мои отпуска редко проходили столь динамично. Бизнес сам падал мне в руки. Сделав небольшую остановку в Сен-Бартелеми, я повстречался с красивой блондинкой, которая оказалась порноактрисой. Она провела со мной два дня, так что отдохнуть мне не удалось, однако ей очень понравилась идея секретного швейцарского счета, поскольку ее основные гонорары выплачивались наличными. Через несколько недель она объявилась в моей квартире в Женеве с розовым дорожным чемоданом и гигантским игрушечным медведем. Она попросила у меня нож, обезглавила медведя и вытащила из него

300 000 долларов наличными. Barclays с радостью принял эти деньги. Через некоторое время власти США отправили ее в федеральную тюрьму. Ее обвинили в инсайдерской торговле, но меня это уже не касалось.

— Плохие новости, Брэдли.

Я сидел в офисе Оливера. Он выглядел мрачным.

— Я трачу слишком много денег на телефон?

— Нет, в прошлом месяце это была всего тысяча долларов. Вполне разумная сумма. Не дело в том, что банк Barclays, с присущей ему безграничной мудростью, решил больше не связываться с североамериканцами. Наши боссы немного нервничают.

Я понимал, о чем он. Я внимательно читал *Financial Times* и тщательно отслеживал деятельность регулирующих органов США, таких как государственное казначейство и налоговая служба. Надвигался 2000 год, американская экономика была в состоянии неразберихи, и власти стали пристальнее смотреть на богатых людей — особенно на тех, кто пытался уклоняться от налогов. Я подумал, что мои хорошие деньки окончились.

— Что ж, — кивнул я. — Было весело.

— Не торопись, мой мальчик. Я отправляю тебя в Лондон. Не на постоянной основе, а пара недель тут — пара недель там. Ты будешь работать с тремя премиальными офисами в лондонской сети — в Найтс-бридже, на Слоун-сквер и на улице Пэлл-Мэлл. Они оперируют большими суммами, приходящими от разных богатых клиентов, и им нужно офшорное убежище для размещения средств.

На моем лице вновь моментально засияла улыбка, яркая как лампочка. Налоговое законодательство Британии было, мягко говоря, деликатным. Законодатели страны не считали, что прибыль английского джентльмена за границей каким-то образом грабит правительство. Британские граждане могли взять все свое состояние, привезти его в Швейцарию и инвестировать во все, что считали нужным. Любая прибыль от такой деятельности не облагалась налогом, если она тратилась за пределами Великобритании. Фактически, сходное законодательство было в большинстве цивилизованных стран: «Не спрашивай, не говори» [\[21\]](#). Жестко к вопросу налогов относились лишь американцы и японцы. Но британцы? «Джентльмен никогда не обсуждает свои болезни и свои финансы».

— Итак, Оливер, — сказал я. — Еще одно путешествие, чтобы очаровать клиентов?

— Просто выуди у них несколько миллионов фунтов и привези их сюда. И будешь молодцом. Ступай!

Когда я вернулся в свой офис, Валери сидела за своим столом, опираясь подбородком о ладонь и сияя своими прекрасными карими глазами. Она уже все знала о моем новом назначении.

— Мне нравятся сигареты Rothmans, — произнесла она.

Валери предпочитала тонкие сигареты.

— И шарфы Hermès, и отпадные британские рок-н-рольщики.

— Я привезу тебе сигареты и шарф, — сказал я. — Контрабандой музыкантов я не занимаюсь. А кроме того, я точно не нужен тебе в качестве свахи.

Нужно сказать, что я ни разу не делал Валери никаких намеков. Она была слишком хорошей помощницей. Время от времени мы вместе ходили на вечеринки, несколько раз съездили покататься на лыжах и постоянно подшучивали друг над другом, но я не распускал руки.

Лондонский гамбит оказался невероятно простым, как и описывал Оливер. Приехав в

город, я поселился в здании Королевского автомобильного клуба, одного из престижных английских джентльменских клубов, членом которого я был. Клуб располагался на улице Пэлл-Мэлл неподалеку от Пикадилли, он представлял собой роскошный пятизвездочный отель с собственным неплохим рестораном, вкусным кофе, дансингом, библиотекой, двумя барами и спа-салонем — но, черт побери, я же не мог выглядеть, как какая-то дешевка! Затем я нанес визит в отделения банка. Банковские менеджеры в Найтсбридже, на Слоунсквер и на улице Пэлл-Мэлл встретили меня с радостью, поскольку они не знали, что им делать со всеми этими невероятно богатыми европейскими магнатами, торговавшими огромными многоквартирными домами, контейнеровозами и стартапами. Они сидели на куче денег и ждали, что кто-нибудь в Barclays каким-то волшебным образом сделает эту кучу еще больше. И тут появляюсь я, швейцарский мастер по решению проблем.

— Биркенфельд, старина, мы так рады, что вы здесь. У нас тут имеется румынский клиент, большая шишка в мире недвижимости. У него лежат в нашем банке без дела несколько миллионов фунтов. Мы хотели бы предложить вам взять его в качестве своего клиента в Женеву, чтобы он вел свои дела за пределами страны. Кстати, он любит теннис. Вот его визитная карточка.

И я устраиваю встречу с этим румынским парнем, приглашаю его на ужин в ресторан Quaglino's, где болтаю с ним обо всем, *кроме* денег: о девушках, скаковых лошадях, кинофестивале в Каннах. А затем я внезапно вытаскиваю из кармана пару билетов.

— Хосро, я где-то слышал, что вы любитель тенниса. У меня тут завалилась пара билетов на очень хорошие места на игру в Уимблдоне на следующей неделе. Почему бы нам не обсудить идею увеличения вашего состояния под солнышком в приятном месте?

— Отлично, Брэдли!

И он был не один такой. Клиенты никогда не приступали к разговору о делах на первой встрече. Я был членом нескольких лучших британских мужских клубов — East India, Royal Automobile — и развлекал там своих потенциальных партнеров, потчевал их отличной едой, скотчем и сигарами, после этого я соблазнял их какой-то из их страстей: показами мод, регби, крикетом, футболом или скачками в Эскоте. Когда фаворит вашего собеседника оказывается на два корпуса впереди остальных, и тот прерывает разговор и с криками вскакивает — это идеальное время для рассказа о хеджевых фондах: в такой момент он согласится почти на все.

После каждого двухнедельного вояжа я возвращался в Женеву и вез с собой от трех до шести папок с инструкциями о переводе миллионов фунтов. Лондон просто передавал мне деньги, будто представителю курьерской службы! Работа была настолько простой, что с ней мог бы справиться и орангутанг, и я доил свою швейцарскую корову, не глядя по сторонам.

Вы наверняка думаете: «Что, и в этом заключалась вся его работа?» Но, поверьте мне, через некоторое время даже такая работа становится изнурительной. Сколько вам нужно изысканных стейков и шариков мороженого, чтобы до смерти захотеть съесть хот-дог и выпить пива в Фенуэй Парке? Я летал как ракета, туда и обратно, привозя документы на миллионы фунтов, изо всех сил надрываясь для своего работодателя и собирая впечатляющее досье из VIP-клиентов с отличными связями. Однако, когда приходило время выплаты премии, она никогда не отражала моих успехов. Конечно, 20 000 долларов — отличный подарок на Рождество, но это ничтожно мало по сравнению с масштабами моих побед.

— Прости, Брэдли, — совершенно искренне говорил мне Оливер. — Это все друзья-англичане.

Затем он тыкал пальцем в потолок.

— Они просто делят между собой то, что причитается тебе.

Оливер был швейцарцем немецкого происхождения. «Друзья-англичане» на словах относились к нему хорошо, но за глаза, уверен, обзывали его «Германом Герингом».

Тем временем американские налоговые органы начали поддавать жару по всему миру. Barclays принялся все активнее избавляться от своих североамериканских офшорных клиентов, а это значило, что почти весь мой список клиентов оказался замороженным. Как-то раз ко мне в офис заглянула Валери.

— Звонит Пол Мейджор, менеджер по связям с клиентами из багамского офиса Barclays Bank.

Я поднял трубку.

— Брэдли Биркенфельд. Чем могу помочь?

— Добрый день, Брэдли. Это Пол Мейджор из багамского офиса. Скажите, пожалуйста, кто у вас возглавляет отдел по работе с американскими клиентами?

— Формально я, но мы больше не ездим в США. А что вы хотели?

— Дело в том, что мы здесь закрываем счета американцев. Не хотим связываться с Вашингтоном. У нас есть здесь один счет, и мы хотели бы знать, нельзя ли перевести вам остаток по нему.

— Насколько велик остаток, Пол?

— Двести.

— Двести тысяч? Мы не работаем с такими маленькими счетами.

Он рассмеялся.

— Не двести тысяч, Брэдли. Двести миллионов.

Я тут же собрался с мыслями.

— У вас клиент с двумя сотнями миллионами, и вы вышвыриваете его из банка?

— Больше никаких американцев. Все кончено. Без обид.

— Никаких проблем! Отправляйте его ко мне.

Но ничего не вышло. Этот жирный кот, калифорнийский магнат по недвижимости, хотел перевести свои деньги в Женеву, однако не был готов подписать соглашение с так называемым квалифицированным посредником (Qualified Intermediary, QI) — это контракт между иностранным банком и налоговой службой США, согласно которому банк предоставляет информацию о доходах клиента с целью налогообложения, сообщает о том, что ему не принадлежат ценные бумаги США, но при этом позволяет клиенту оставаться анонимным. Фактически Barclays хотел, чтобы этот парень заполнил налоговую форму W-9 и оставил себе основную часть своих 200 миллионов, а тот отказывался.

Я некоторое время поразмышлял над этой ситуацией, и поскольку я собирался на Гавайи на свадьбу друга, то решил сделать остановку в Калифорнии и поболтать с этим человеком. Я думал, что смогу заставить его изменить свою точку зрения или как-то еще творчески выманить его деньги.

Перед отпуском я еще раз съездил в Лондон для обычных процедур с выпивкой, ужинами и забалтыванием клиентов их блестящими перспективами. По этому случаю Гарри Пилкингтон, тамошний неотразимый «охотник за головами» из компании Armstrong International, вытащил меня на обед и рассказал о том, что другой швейцарский банк, UBS был очень заинтересован в том, чтобы переманить меня из Barclays Bank и предложить существенную прибавку к зарплате и кучу других благ. UBS был большим банком, однако я

вежливо сообщил Гарри, что мне уже не интересно снова работать на большую фирму, я предпочел бы банк-бутик без всякой бюрократической фигни. Он попросил меня еще раз подумать над предложением. Я отказался.

В апреле 2001 года я отправился в Лос-Анджелес. Где-то на дорогах моих странствий я подружился с Мартином Шуэрманном, главой компании Bertelsmann CLT-UFA, которая финансировала фильмы с участием Дона Джонсона и Арнольда Шварценеггера, в том числе «Терминатор 3». Теперь Мартин собирался жениться на Джулии Браун, красивой британской актрисе и бывшей ведущей MTV. Они были прекрасными, теплыми и щедрыми людьми, и я с нетерпением ждал, когда окажусь на их свадьбе на Гавайях.

Свадебная церемония не самое веселое дело, если вы оказываетесь там один, поэтому я прихватил с собой подружку. Ее звали Маркета, родом из Праги, хостес в баре, высокая, стройная, красивая девушка, и ей только что исполнилось 22 года. Она еще никогда не была в США, поэтому ее искренне порадовало мое приглашение полететь туда бизнес-классом, потусить в Голливуде, а затем увидеть настоящие вулканы. Маркета была милой девушкой, невинной во многих отношениях, а когда я привел ее в гостиницу Peninsula в Беверли-Хиллз, она не удержалась и громко ахнула. Было ли нам хорошо? Скажем так — секс с человеком, который вам благодарен, ни с чем не сравнить. Я называл ее Czech Mate^[22], она не понимала каламбура, меня это веселило.

Незадолго до начала всей свадебной кутерьмы мы с Маркетой лежали около бассейна. Она в почти невидимом бикини читала *USA Today*, пока я внимательно изучал *Financial Times*.

— Брэдли, кто такой Като Кэлин?

— Никто, дорогая, — сказал я и щелкнул пальцами. — Всего лишь один из гостей О. Джей Симпсона, который отказался дать ему алиби на время убийства его жены и симпатяги официанта.

— Понятно.

И знаете, кто оказался рядом с нами за столом тем же вечером на закрытой вечеринке в шикарном доме в Беверли Хиллз? Правильно — Като! На вечеринке была целая куча кинозвезд и знаменитых спортсменов, я боялся, что Маркета упадет в обморок от восторга. В какой-то момент она встала и отправилась в туалет, и я начал беспокоиться всерьез, потому что ее долго не было. Затем она вернулась.

— Брэдли, так странно! Я очень долго ждала у двери туалета, а потом оттуда вышли две блондинки и даже не смыли за собой воду!

Я поцеловал ее в щеку и похлопал по руке.

— Незачем смывать воду, — сказал я, — если нужна только верхняя крышка.

Она нахмурилась. Настоящая Алиса в Стране чудес.

На следующее утро я арендовал кабриолет Porsche 911 и мы поехали вдоль побережья в Ньюпорт-Бич. Там я оставил Маркету заниматься покупками, а сам направился в скромное бистро, чтобы встретиться с бывшим клиентом Пола Мейджора по имени Игорь Оленикофф. Я сидел и пил кофе, когда в бистро вошел Оленикофф. Я тут же понял, что этот человек не разбрасывает деньги направо и налево. Увидев его, я подумал: «Это Голдфингер^[23]». У него были шелковистые седые волосы, холодные голубые глаза, тонкие губы, а одна бровь была постоянно вздернута. С ним был молодой человек, который оказался его любимым сыном и наследником состояния. Его имя было Андрей, и он очень напоминал молодого Брэда Питта.

— Приятно познакомится с вами, Брэдли, — сказал Оленикофф, сев вместе с Андреем напротив меня.

Хоть он и иммигрировал в США в конце 1950-х, у него чувствовался акцент, как у Бориса Ельцина.

— Мне тоже очень приятно, мистер Оленикофф. Прошу прощения за глупости, происходящие в Barclays.

— Вы можете звать меня Игорь, и вам не за что извиняться.

Внезапно рядом с нами возник официант с соком, вафлями, клубникой и кофейником.

Судя по всему, Оленикоффы были завсегдатаями этого места.

— Я уверен, что найдется какое-нибудь более гибкое учреждение, которое захочет позаботиться о моих детках.

При этих словах его глаза сузились, он имел в виду свои деньги.

— Я ничего не имею против того, чтобы заплатить правительству справедливую долю. Однако понятие справедливости условно. Возможно, вы сможете предложить мне решение?

— Думаю, что могу, — ответил я.

После аккуратных расспросов о его финансовом положении я понял, что этот парень был мультимиллиардером, имел кучу недвижимости и страсть к автомобилям и яхтам.

— Я бы предложил вам двухуровневую стратегию, — сказал я. — Для начала я найду вам банк в Женеве, подходящий вам по статусу.

Мы все понимали, что я имел в виду *«кого-то, кто спрячет ваши деньги, и кого ни капли не волнует, платите вы налоги или нет»*.

— Затем я познакомлю вас с моим близким другом — толковым профессиональным бухгалтером и моим доверенным лицом в Лихтенштейне. Этот джентльмен создаст все необходимые корпоративные структуры, трасты, фонды и так далее. Ваше имя не будет фигурировать ни в каких записях, однако именно вы будете конечным бенефициаром.

Оленикофф улыбнулся и покачал своим толстым пальцем у меня перед носом.

— У меня было хорошее предчувствие насчет тебя, Брэдли.

Затем он взглянул на свой Rolex.

— Однако я боюсь, что мне пора на следующую встречу. Мы можем продолжить по телефону?

— Нет, только не по телефону.

Я встал, чтобы обменяться с ним рукопожатием, и улыбнулся, задержав его руку на секунду в своей.

— Но мы все устроим.

Я подобрал Маркету в районе дорогих магазинов центра Ньюпорт-Бич. У нее было 500 долларов на покупки, но она обзавелась лишь сарафаном и парой сандалий. Надо было жениться на ней, не сходя с места. Мы уже направлялись обратно в Лос-Анджелес, как вдруг зазвонил мой мобильный телефон. Это был Андрей.

— Вы очень понравились моему отцу, Брэд. У вас найдется время со мной пообедать?

Разумеется, время нашлось. Я развернул Porsche, и мы с Маркетой отлично пообедали в компании Андрея в Las Brisas, шикарном мексиканском заведении на берегу Ньюпорта. Андрей оказался очень приятным парнем, и в какой-то момент он сказал:

— Нам было бы очень приятно иметь с вами дело, Брэд. Мой папа так рад, что вы готовы помочь ему найти новое место, где можно спрятать деньги!

— Это моя работа, — сказал я. — Именно этим я и занимаюсь.

Мы подняли бокалы с «Маргаритой» и чокнулись.

— Андрей, я думаю, что это начало прекрасной дружбы.

Он не уловил моего намека на «Касабланку»^[24]. Парень был слишком молод.

На пути в Лос-Анджелес мой телефон зазвонил еще раз. Это был Гарри Пилкингтон звонивший из Лондона и вновь пытавшийся предложить мне работу в UBS. Внезапно у меня в голове будто зажглась лампочка. А вдруг?

— Гарри, — сказал я, — давайте встретимся на будущей неделе.

Свадьба Мартина и Джулии на Гавайях была просто потрясающей. Она проходила в усадьбе Пола Митчелла, obsługi на ней было больше, чем гостей, и я почти все время зависал с Доном Джонсоном и его женой Келли Фледжер. Это было круто, потому что я всегда любил сериал «Полиция Майами, отдел нравов», где Джонсон играл одну из главных ролей. После возвращения в Женеву Маркета улетела домой в Прагу, а я отправился домой, чтобы встретиться с Гарри.

— Возможно, я рассмотрю предложение от UBS, — сказал я ему за обедом, — но при одном условии.

— При каком условии, Брэдли? — Пилкингтон был очень похож на актера Рафа Файнса, не хватало лишь безумного взгляда.

— Железно — премия в зависимости от результатов работы.

Я имел в виду, что любая отдача на активы, возникавшие у банка за счет привлечения мной Новых Денег^[25], должна была обеспечивать мне определенный процент, причем как только я приступлю к работе.

— Такого еще не бывало, — сказал Гарри, и он был прав.

Большинство швейцарских частных банкиров даже не закончили колледжа, почти ни у кого не было MBA. Обычно они начинали карьеру как кассиры или офисные клерки, потом постепенно становились интернами, но даже став менеджерами, они зарабатывали довольно скромные суммы, редко превышавшие 100 000 долларов. Небольшими были и их премии, на Рождество они могли получать по несколько тысяч швейцарских франков.

— О какой сумме вы думаете?

— О 20 процентах.

— Господи боже, Брэдли!

— Да, и еще одна вещь. Со мной на работу придет моя помощница Валери.

— Они никогда на это не пойдут!

— Гарри, попробуйте сделать это так, как умеете вы, англичане, или ищите кого-то другого.

Он попробовал, и UBS отказался, но Гарри все равно должен был уговорить меня отдаться им по дешевке. Я же, в свою очередь, занялся своим негласным расследованием — почему UBS так сильно хочет взять меня на работу. Гарри снова встретился со мной за обедом.

— Послушайте, Брэд, они предлагают вам 250 000 долларов, корпоративный автомобиль и щедрую премию. Однако, что касается 20 процентов, этот номер не пройдет.

— Неужели? — спросил я. — Это очень интересно, потому что главная причина, по которой они хотят меня заполучить, связана с тем, что парня, раньше занимавшегося моей работой, поймали на просмотре порнушки на рабочем месте и его пришлось тут же уволить. Также я знаю, что вы общались с Фредом Риусом из Credit Suisse, и он отказался, так что у UBS не осталось других вариантов. Кроме того, они знают, что у меня MBA, сотни клиентов

и что я заработал для Barclays кучу денег. А еще у меня есть разрешение на работу, так что либо 20 процентов, либо ничего.

Вскоре после этого я уже входил в головной офис UBS для встречи с Кристианом Бовэем, главой всех англоязычных служб банка, находившихся в Женеве. Я тут же понял, что это — коварный ублюдок, но я и сам был далеко не бойскаут. Бовэй был худым беспокойным человеком, с тонкими волосами, перхоть покрывала его плечи, как снег — Швейцарские Альпы. А еще у него были жуткие кривые зубы, напомнившие мне набор отмычек для взлома. Мы проговорили в его офисе около получаса.

— Не беспокойтесь, мистер Бовэй, — сказал я. — Моя премия не разорит ваш банк. Я просто чувствую, что она принадлежит мне по праву с учетом моих прежних заслуг. Кроме того, если вы будете платить ее, я принесу вам очень много денег. А разве это не то, чего вы хотите?

Через неделю Гарри позвонил мне, чуть не писая в штаны от радости.

— Приходи и подписывай контракт! Они согласны на 18 процентов!

Что ж, это было довольно неплохо. Однако, прежде чем подписать контракт, я позвонил Андрею в Калифорнию.

— Привет, Андрей. Похоже, что я нашел супермаркет, которому нравится ваш продукт. Наши договоренности в силе?

— Конечно, Брэд! Это просто великолепно.

4 июля 2001 года я вновь вошел в офис UBS. Кристиан Бовэй и глава кадровой службы поставили свои вычурные, как у Джона Хэнкока^[26], автографы, и я подписал свой новый контракт с UBS, содержащий условие о 18-процентной премии за результаты работы. Не успели чернила высохнуть, как я сообщил Бовэю о том, что совсем скоро приведу в UBS своего первого клиента с активами на 200 миллионов долларов. Бовэй ошеломленно раскрыл свой рот с зубами-отмычками. Шах и мат!

В одно мгновение я стал самым высокооплачиваемым частным банкиром UBS во всей Швейцарии.

«Институт банков опаснее для наших свобод, чем вооруженная армия».

Томас Джефферсон, президент США

Осень 2001 г.

Кабриолет 2000 Ferrari 360 Modena ни с чем не спутаешь, особенно если он выкрашен в цвет «яблоко в карамели». Вы опускаете крышу, надвигаете на глаза солнечные очки Vuarnet, переключаете рычаг коробки передач — и двигатель V-8 Dino начинает рычать, как леопард. Вы воображаете себя чемпионом гонок в Ле-Мане^[27]. В этой машине — деньги, власть и секс.

Но самая лучшая Ferrari — та, за которую вы не заплатили ни копейки. Эта машина была второй, которую я купил за мой любимый вид средств — чужие деньги. У меня было несколько иностранных клиентов, которые просто хотели поиграть с такими машинками в Европе, но совершенно не собирались везти их на родину и платить безумные налоги на автомобиль за 250 000 долларов. Поэтому они просто сообщали мне, какую модель хотят купить, а я покупал их, оформлял финские номерные знаки, позволявшие не платить налоги, и перегонял в шикарный гараж в Женеве. Когда хозяева приезжали, я передавал им ключи, а в остальное время гонял на этих машинах сам — именно на таких условиях и заключались сделки. Грех, когда машина такого уровня ржавеет в гараже. Энцо Феррари перевернулся бы от этого в гробу.

На дворе стояло начало сентября — в Женеве это идеальное время года. Я слонялся по городу около полудня в поисках заведения, откуда я мог бы присматривать за припаркованной машиной во время обеда. К тому моменту я уже ушел из Barclays и распрощался с Оливером, что было очень печально, поскольку он был отличным боссом и я знал, что буду по нему скучать. Планировалось, что моя новая работа в UBS начнется со 2 октября, так что я уже пару месяцев находился в вынужденном отпуске. Это еще один странный европейский феномен — вы увольняетесь и вам платят зарплату за шесть месяцев, пока не начнется новая работа. Возможно, бывшие руководители хотят, чтобы вы не рассказывали о своем прежнем месте работы ничего плохого. За отсутствием собственного сада я мог поливать цветы на подоконниках, наслаждаться изысканными напитками и сигарами да зажигать с друзьями. Маркета вернулась в Прагу, и наша связь прервалась. Она занялась поисками мужа, а я — поисками удовольствий.

Лежавший рядом со мной телефон завибрировал, и я отозвался на звонок. Это был Джон Росс, мой канадский приятель, с которым мы познакомились на фестивале вина в Невшателе. Он с трудом выговаривал слова.

— Брэд, ты уже слышал?

— О чем, Джон?

— Только что в здание Всемирного торгового центра врезался самолет.

— Брехня, — сказал я, не веря ему ни на йоту. — Там вообще самолеты не летают.

— Говорю тебе, чувак. Огромный самолет.

— Джон, да ты бредишь. Этого не может быть.

Однако он стоял на своем, и я просто прекратил разговор.

— Ладно. Я сейчас за рулем. Перезвоню тебе попозже.

Я обеспокоенно отбросил телефон в сторону с мыслью о том, что людям все же стоит перепроверять факты, прежде чем заниматься распространением слухов. Единственный инцидент такого рода, который я только мог вспомнить, произошел в прошлом столетии, когда какой-то старый самолет типа «Локхид-Электра» врезался в здание Эмпайр-стейт-билдинг. Конечно, какой-нибудь идиот на «Сессне» и мог врезаться в здание Всемирного торгового центра. Кроме того, в этот момент я ехал по бульжной мостовой, стараясь не царапнуть днищем о камни. Телефон зазвонил еще раз.

— Что *теперь*, Джон?

— Еще один самолет врезался, уже во вторую башню.

— Ох... *твою ж мать!*

Я остановил автомобиль. Сердце начало бешено колотиться. Почти все жители планеты, наблюдавшие за этим ужасным событием, испытывали тогда почти такие же чувства. Один самолет — это несчастный случай. Но два самолета... да это гребаные террористы! И конечно, каждый американец, как и я, где бы он ни находился, чувствовал сильнейшую ярость. Я пригнал Ferrari обратно в гараж и бросил ключи парковщику. Я понимал, что мне лучше не садиться за руль, и начал просто бродить по городу, внезапно почувствовав себя очень одиноким. Швейцария была совсем не похожа на Соединенные Штаты, где в любом спорт-баре можно найти три больших телевизора с трансляцией новостей, там же выпить, дружно ругаясь вместе с незнакомыми собутыльниками. Я чувствовал себя на чужой планете, пока мой родной дом горел.

По дороге домой я покупал каждую газету, которую только мог найти, но в них были лишь вчерашние новости. Затем я полночи просидел перед своим большим телевизором, пил виски и раз за разом смотрел, как падают башни и горит здание Пентагона, а в штате Пенсильвания дымится воронка от самолета, упавшего в поле. Я знал немало ребят с Манхэттена, многие из моих друзей работали в области финансов. Я начал названивать им с замираньем сердца, а затем позвонил маме с отцом и братьям Дугу и Дейву.

Рик Джеймс был в порядке, хотя его голос звучал опустошенно и устало. Никто из тех, кого я знал и любил, не оказался в числе тысяч погибших невинных людей.

Следующее утро было ужасным. Я вновь скупил все газеты. Заголовок в *International Tribune* вопил об «угнанных самолетах, поразивших небоскребы в Нью-Йорке и здание Пентагона». Европейские газеты и телеканалы не подвергали цензуре информацию, поступавшую из Нью-Йорка. Я видел трупы на тротуарах, части тел и дымившиеся шасси самолетов, кадры охваченных пламенем людей, которые падали с небоскребов бесконечно долго, пока не разбивались в лепешку. Я чувствовал себя одновременно разъяренным и беспомощным. Я думал о том, что если бы остался в армии, то, возможно, уже паковал бы рюкзак, готовясь поехать в Афганистан, чтобы надрать задницу плохим парням. Однако я был 31-летним банкиром-иностранцем, сидящим в Швейцарии и не имевшим возможности сделать ровным счетом ничего. Я наблюдал, как начало трясти следующий колосс — фондовый рынок. «*Что ж, — думал я, — я хотя бы смогу помочь некоторым американцам обезопасить свое будущее в условиях грядущего глобального финансового кризиса*». Это было слабое утешение, но хоть что-то.

Обычно в это время года я брал три недели отпуска и пускался в путешествие с друзьями. Сначала мы ехали в Сен-Тропе на юге Франции, затем заезжали в Мюнхен на Октоберфест и заканчивали поездку на фестивале вина в Невшателе, в часе езды к северу от

Женева. Я подумал, не отменить ли мне поездку, но знал, что это ужасно расстроит Севрин — совершенно потрясающую швейцарку, с которой мы только начали встречаться. Как это ни эгоистично, я надеялся, что она позволит мне отвлечься. Сидеть и горевать в Женеве было бессмысленно, к тому же эти ублюдки как раз и хотели, чтобы мы отказались от своей свободы и радости.

Встретившись с Севрин, мы выдавили из себя несколько деланных смешков, а затем сели на пляже в Памплоне и стали пить розовое шампанское Laurent-Perrier, разговаривая о том, куда катится мир. Разумеется, она была в бикини без верха и выглядела просто божественно, однако мои мысли были заняты иным. Немцы в Мюнхене вели себя так, будто ничего не случилось — поглощали литры пива, пели баварские песни и, шатаясь, шли до ближайшей станции метро. Возможно, кому-то из них казалось, что Нью-Йорк — это запоздалая расплата за Дрезден^[28]. Почти всю поездку мы пребывали в состоянии апатии, да и винный фестиваль не слишком помог. Там не было никого из моих американских, канадских или британских друзей. Я приехал на Ferrari обратно в Женеву, поставил автомобиль в гараж и приготовился вернуться на работу.

Да, кстати. Как-то раз мне довелось выпивать с сестрой Усамы бен Ладена. Серьезно, я не шучу. Известно, что Мохаммед бен Ладен, отец Усамы и саудовский миллиардер, заработавший кучу денег в строительном бизнесе, имел 22 жены и 44 отпрыска, многие из которых жили в разных странах мира. То, что Надия была сестрой Усамы, совсем не означало, что накануне она могла чистить «калашников» своего старшего брата. Ей было около тридцати. У нее была типичная арабская внешность, длинные темные волосы, и одевалась она с иголки.

Мы вращались в одних и тех же кругах, поэтому, когда я наткнулся на нее в баре La Centra, то не мог отказать себе в удовольствии немного с ней поболтать. Она не избегала алкоголя, и я не думаю, что когда-нибудь носила хиджаб.

Наш разговор быстро принял серьезный оборот. Она перешла в защиту, что было вполне понятно, поскольку в те дни фамилия бен Ладен звучала не лучше, чем Гитлер.

— Вас, американцев, не должно удивлять произошедшее, — издевательски сказала она, потягивая коньяк Courvoisier. — Вас ненавидят во всем мире.

— Неужели? — Эти слова меня просто взбесили. — Попробуйте посмотреть на это с другой стороны, Надия.

Я пытался быть вежливым, однако порой я напоминаю себе бензопилу, которая ищет подходящее дерево, и в такие моменты меня сложно остановить.

— Просто представьте себе, что какой-то американец влетает на самолете в Мекку и убивает триста ни в чем не виновных мусульман. Вот о чем мы здесь говорим! *Понятно?*

Понятно, что танцевать с ней после этого мы не пошли.

2 октября я вошел в дом номер 16 по Рю де ла Корратери и начал свой первый рабочий день в компании UBS Private Wealth Management. Она располагалась в красивом 400-летнем здании высотой в пять этажей без каких-либо табличек или других знаков, обозначающих, что в нем располагается банк. Штаб-квартира UBS, значительно большее по размеру и современное здание, располагалась в нескольких кварталах от него и была украшена кроваво-красным логотипом UBS, состоявшим из трех огромных ключей. Наше крошечное здание будто говорило: «Мы здесь обходимся без имен, это и вас касается».

Я сразу понял, что работа здесь будет отличаться от того, что я делал в Credit Suisse или Barclays, где общение с офшорными клиентами всегда происходило с немалым апломбом и

без мыслей о том, что кто-то извне сможет отнестись к этой работе неодобрительно. Парни в UBS знали, что они вытаскивают прибыль из мутной воды нестыкровок в налоговых законах, и вели себя соответственно. Для того чтобы попасть через вход на второй этаж, нужно было пройти целый ряд проверок. А на втором этаже сидели 30 частных банкиров и их помощников, которые работали в так называемом североамериканском отделе — опенспейсе, напоминавшем операционный зал в State Street. Разница была лишь в том, что ничто здесь не напоминало бостонское студенческое братство — банкиры были одеты, как модели из журнала GQ, столы были тяжелыми и аккуратными, кресла и кушетки обиты плюшем, а на плоских, как в фильме «Матрица», экранах скакали цифры фондовых рынков. В зале было несколько баров со всевозможным алкоголем, что было на руку сотрудникам, изнемогавшим от многочасовых переговоров по телефону. А поскольку швейцарцы не поддались паранойе повсеместного запрета курения, над сотрудниками, обсуждавшими на множестве языков своих VIP-клиентов, Новые Деньги и изысканные обеды, время от времени поднимались облачка сигарного дыма. Вы не могли *и близко* подойти к компьютеру, не имея многоуровневого пароля. Это место напоминало шпионское гнездо ЦРУ времен «холодной войны» и безумно мне нравилось.

В первый же день на работе я получил список имен владельцев секретных счетов, которых должен был обслуживать. Имена некоторых из них, знаменитых корпоративных заправил, заставили меня удовлетворенно улыбнуться. А увидев одно, я даже перечитал его дважды — Абдулла бен Ладен, сводный брат печально известного Усамы. Абдулла имел 14 миллионов долларов на секретном счете, однако пообщаться с ним и обсудить его инвестиционные возможности было не так-то просто. Он жил в Бостоне вместе с другими членами семейного клана. Сразу же после 11 сентября, несмотря на то что всем коммерческим рейсам было запрещено летать над территорией США, администрация Буша отправила их прочь из страны на частном самолете. Мои новые клиенты обещали быть *очень* интересными.

В течение первого месяца работы мы с Валери расточали традиционные «Приятно с вами познакомиться» и «Рад, что мы с вами будем работать вместе». Валери все обожала — она идеально говорила на английском, французском и итальянском языках, курила за рабочим столом и могла по телефону заставить клиента сделать все что угодно, хоть расстегнуть штаны. Ко мне относились намного более настороженно. Я был новым главой отдела развития бизнеса, американским парнем, появившимся откуда-то из внешнего мира. К счастью, ни один из них не знал об условиях выплаты моей премии — в противном случае разразился бы огромный скандал. Однако я не жалел времени на то, чтобы их очаровать, и после нескольких вечеринок у меня дома и обедов с сырным фондю они несколько смягчились.

В начале ноября я поехал на выездной семинар по частному банковскому обслуживанию в Эрматингене. Выездной семинар на корпоративном жаргоне означает собрание, которое обычно проводят на каком-нибудь дорогом курорте. Там компания всячески угощает и балует своих лучших сотрудников, говорит им о том, какие они замечательные и насколько она станет лучше, если вы сделаете для нее еще больше. Однако это место было не просто дорогим курортом, куда там. Это был замок Вольфсберг, здоровенная 400-летняя крепость, в которой бывали Александр Дюма и Ференц Лист — настоящее волшебное королевство ценой в сотни миллионов. UBS купался в деньгах и попросту купил это место. Припарковав Ferrari и посмотрев на башни и парапеты замка, я

вспомнил о нашем доме в Хингэме и рассмеялся — вот *настоящий* замок!

В замке собралось около сотни частных банкиров из отделений в Цюрихе, Женеве и Лугано, никаких ассистентов. На собраниях и торжественных обедах председательствовали высшие боссы: Кристиан Бовэй, его коллега из Цюриха Ханс-Руди Шумахер и их начальник Мартин Лихти, который знал о моем существовании только потому, что ему нужно было поставить подпись под беспрецедентным договором об условиях моей премии. Думаю, что Лихти не обратил на этот договор особого внимания, потому что никто из банкиров в глубине души не верил, что я смогу привлечь по-настоящему крупного клиента. Все они полагали, что я блефую.

Сюрприз! В разгар ужина, происходившего в огромном замковом зале, где носились туда-сюда официанты в униформе, звенели бокалы для шампанского и трещали поленья в каменном камине, к Бовэю подошел человек и что-то прошептал ему на ухо. Бовэй поднялся из-за стола и подошел к моему. Я взмолился про себя о том, чтобы его перхоть не просыпалась и не испортила моего цыпленка по-французски.

— Брэдли, только что нам стало известно, что ваш клиент, мистер Оленикофф, перевел к нам первый транш со своего счета на Багамах.

— Правда? Отличная новость. И сколько?

— Восемьдесят девять миллионов долларов, — сказал он, моргая.

Я ухмыльнулся и попытался не испортить красоты момента.

— Не беспокойтесь. Я уверен, что пополнение до суммы 200 миллионов не заставит себя ждать.

Бовэй отбежал и вскоре вернулся ко мне со своим боссом, Мартином Лихти, неприятным худым человеком с черными волосами, уложенными гелем, и маникюром. Я встал, Лихти пожал мне руку и поздравил, а по столам пронесся шепот — быстрый, как лесной пожар.

— *Сколько* денег он смог принести?

— Девяносто миллионов!

— От *одного* клиента???

Ко мне один за другим начали подходить люди и хлопать меня по спине. Так я стал настоящей рок-звездой в UBS. Почти сразу я начал ездить от имени UBS в маркетинговые поездки, и со временем у меня образовался четкий график — пять-шесть поездок в Штаты в год. Однако перед первой поездкой я прошел стандартный внутренний тренинг и знакомство с процедурами, обязательные для всех новых сотрудников. Имея за плечами два года в Credit Suisse и еще четыре года в Barclays, я думал, что вряд ли смогу услышать что-нибудь новое о частном банковском обслуживании. Я оказался прав в отношении таких продуктов, как стандартные номерные счета, предложения о работе с акциями и облигациями, хедж-фонды, валютные сделки, покупка и продажа золотых и серебряных слитков, операции с драгоценными камнями и фьючерсами на энергоносители. Оказалось, однако, что UBS разработал свой творческий и довольно нечистый способ собирать деньги с клиентов. Руководители банка были скользкими, как угри в масле, и впервые я почувствовал это, когда Кристиан Бовэй собрал нас, «новичков», в своем зале заседаний.

— Джентльмены, первая цель вашей работы, естественно, должна состоять в получении денег от клиентов и обеспечении их безопасного хранения на наших номерных счетах.

Бовэй был суетливым парнем, ходившим взад-вперед вдоль своего стола, пока мы все развалились в кожаных креслах. Мысленно я закатывал глаза, думая о том, что эту комнату

стоило назвать «залом засыпания». Затем он улыбнулся, обнажив свои зубы-отмычки, и скорчил жуткую гримасу, которая могла бы напугать впечатлительную школьницу.

— Однако ваша вторая и более важная цель состоит в том, чтобы сделать эти деньги *недоступными* для клиента до тех пор, пока UBS не сможет извлечь из них пользу.

Эти слова заставили нас собраться и прислушаться. Бовэй взял черный маркер и написал «10 миллионов» на большом листе белой бумаги, висевшем на пюпитре.

— Давайте, к примеру, скажем, что ваш клиент разводит скот в Техасе и хочет перевести на номерной счет 10 миллионов долларов. Разумеется, мы ему помогаем.

Еще одна долгая зловещая улыбка.

— Он понимает, прочитав и подписав наш контракт, что его 10 миллионов долларов не будут приносить никаких процентов, если только он не даст нам особых инструкций по инвестированию, и что мы будем брать с него по три процента в год просто за управление его деньгами, а также списывать с его счета издержки и комиссии, связанные со сделками. Однако наш счастливый ковбой доволен тем, что он не платит никаких налогов на свой капитал, поэтому наша минимальная комиссия кажется ему привлекательной.

В сказанном не было ничего удивительного. Именно так управляли секретными счетами все швейцарские банки. Вы платили им комиссию за то, чтобы ваши секреты оставались секретами, а налоговые органы не хватали вас за задницу, однако вы не зарабатывали ни копейки процентов, если только не просили банк вложить ваши деньги во что-нибудь.

— Но теперь мы делаем творческий ход, — сказал Бовэй. — Вы говорите своему клиенту, что вам очень жаль его денег, которые просто так без дела лежат в Женеве, и предлагаете ему срочный депозит со ставкой пять процентов. «Прекрасно!» — говорит он, и мы забираем его деньги на год, в конце которого сумма превращается в 10,5 миллионов долларов.

Бовэй написал эту новую цифру под первой.

— Это выглядит достаточно привлекательно?

Конечно, это было привлекательно. Клиент зарабатывал полмиллиона долларов, не облагавшихся налогом, и не делал для этого ровным счетом ничего.

— А теперь, — напыщенно сказал Бовэй, — вы просто ждете, пока вашему ковбою внезапно не понадобятся эти деньги, а рано или поздно это случается со всеми нашими клиентами, и вы *ссужаете* их обратно по довольно разумной процентной ставке.

Что? Конечно, к концу этого первого тренинга я уже чертовски устал, но предложенная нам схема очень была похожа на мошенничество. Сначала вы заставляете клиента отдать вам 10 миллионов на год, однако затем он внезапно хочет купить какую-то недвижимость, а вы оглушаете его новостью:

— Мистер Эрп, боюсь, что мы не можем отдать вам ваши 10 миллионов до истечения срока депозита. Однако UBS может выдать вам кредит на сумму до 90 процентов от вашего капитала, 9 миллионов долларов. Вы понимаете, что мы *должны* оставить миллион долларов на счете в качестве обеспечения, и мы просим за это прощения. И само собой, банковский кредит предполагает определенные платежи и проценты. Однако наша ставка достаточно привлекательна и вы обеспечите себе необходимую ликвидность.

Понимаете? Сначала UBS зарабатывал комиссионные на том, что хранит деньги этого парня, а затем зарабатывает еще и на том, что кредитует его собственными деньгами! И знаете что? Клиент остается счастлив! Он получает то, чего хочет, и не думает ни о каких

налогах! Я не мог поверить своим ушам, но эта схема успешно работала.

Если у меня и оставались какие-либо сомнения в том, что UBS «творчески» относится к американскому налоговому законодательству и точно знает, что могут, а чего не могут делать американцы со своими деньгами, находящимися за границей, то в дальнейшем они полностью рассеялись. UBS имел сотни отделений во всех штатах. Там работали адвокаты и сертифицированные бухгалтеры, знавшие американское банковское и налоговое законодательство от корки до корки. Однако в охоту за деньгами в США могло ездить не больше 30 сотрудников американского отдела, которых руководство вновь собрало в зале заседаний.

На сей раз инструктаж проводил не Бовэй, а невысокий лысый чувак из отдела «Безопасности и соответствия законам». После его лекции я подумал, что название этого отдела стоит изменить на «Отдел обхода законов и прикрытия задницы». Нашего лектора звали Ганс, у него был сильный швейцарско-немецкий акцент, и он был одет, как типичный швейцарец, в аккуратный черный костюм и белые носки.

Мне казалось, что он вот-вот достанет откуда-нибудь стек и начнет бить им по ладони.

— Джентльмены! Прошу слушать меня вниматѐльно. Рано или поздно в ходе ваших путешествий амѐриканские тамошеники наверняка останоят фас и начнут задавать непростые вопросы. Фы должны быть готофы!

Я слушал его и думал, как все это странно похоже на фильм времен Второй мировой войны с Отто Премингером, а мы — на нацистских агентов, которых отправляют в Нью-Йорк.

— Иттак, продолжил Ганс, — фы никогда не храните имена и телефонные номера своих клиентов в мобильных устройствах. Затем он постучал по своему лысому черепу. — Фы храните их сдесь, ф сфоих головах. А если фам так уж нужно везти с собой какие-то финансовые данные, то фы *обязаны* хранить их только на зашифрованных ноутбуках, которые мы фам выдадим. Это понятно?

Я изо всех сил боролся с искушением вскочить, вытянуть руку к солнцу и крикнуть «Хайль UBS!». Конечно, я этого не сделал, но там и тогда я решил для себя, что никакой зашифрованный ноутбук я брать в США не буду, как не буду и запоминать сотню имен и телефонных номеров клиентов. Я понимал, что не буду раздавать направо и налево брошюры с информацией о номерных счетах, однако, с другой стороны, я не собирался вести себя как иностранный шпион, охотящийся за ядерными секретами. Если что-то и могло заставить меня насторожиться, то это было то, что я услышал от Ганса.

— Иттак, джентльмены. Што фы будете делатть, если фас останоят таможенники и начнут задафать фопросы? У фас есть три сценария. Прежде всего фас спросят, едете ли фы в Штаты по делам или на отдых. Что фы скажете?

Один из моих коллег сказал:

— По делам. Вы никогда не должны лгать.

— Неверно! — Ганс хлопнул по столу. — Фы *фсегда* путешестфуете ради разфлечения!

В таком духе все продолжалось еще около часа, и я был вынужден признать, что некоторые из мыслей Ганса все же заслуживали внимания. Однако в целом этот парень показался мне уж очень мерзопакостным, и я решил придумать свой собственный план «безопасности и соблюдения правил» — хотя бы потому, что нестандартные шаги снижали для меня опасность быть пойманным. Мне повезло, поскольку я здесь был единственным американцем. В конце занятия Ганс заявил, что его следующее занятие будет «отшень

интерэсным» и будет посвящено скрытому наблюдению и отрыву от слежки. Да, ребята из UBS ни хрена не шутили.

Погрузившись в культуру UBS, я обнаружил, что банк имеет хорошо разработанную программу отношений с богатыми людьми по всему миру, и она начала воплощаться в жизнь задолго до того, как здесь появился я. Казалось, что банк вкладывает огромные средства в благотворительность, поддержку художественных мероприятий, а также выступает спонсором популярных звезд спорта. Однако на каждой художественной выставке, теннисном матче, благотворительном собрании, яхтенной регате или этапе чемпионата «Формулы-1» банкиры UBS не упускали шанса постоять рядом с богатым парнем. Так что все это было напрямую связано с Новыми Деньгами и отдачей на активы. Одним из больших проектов банка был музыкальный фестиваль Вербье, проводившийся на одноименном горнолыжном курорте в Швейцарии. UBS оказывал финансовую поддержку молодым талантам, а затем организовывал для них концерты в Нью-Йорке, Вашингтоне, Чикаго, Майами и Лос-Анджелесе, а также в Сиднее и Мюнхене. Первый концерт тура начинался в Карнеги-холле.

— Хотите туда поехать, Брэд? — спросил меня как-то утром Бовэй, держа в руках пачку билетов.

— Конечно, клянусь вашими швейцарскими часами! — ответил я.

Это прозвучало забавно, поскольку Бовэй носил дешевые часы марки Hamilton. Я быстро уточнил в ежедневнике, свободен ли я в эти дни, и собрал вещи.

Прибыв в Нью-Йорк, я поселился в гостинице Plaza, взял напрокат смокинг и поехал на концерт в Карнеги-холл. Там я встретился с тремя приглашенными мной гостями — пластическим хирургом из верхнего Истсайда, стоматологом из Квинса и парнем из Джерси, торговавшим недвижимостью и очень похожим на Тони Сопрано. Оркестр заиграл Штрауса, причем довольно неплохо, а после концерта я пригласил своих гостей на поздний ужин в соседний ресторан «Русская чайная». В то время это было очень популярным местом, и если бы Ленин был жив, он тоже ходил бы туда. В зале стояли красные кожаные скамейки, на стенах висели картины с изображениями мчащихся казаков, а из еды там можно было найти великолепную черную икру, водку и борщ. По обыкновению я разговаривал обо всем, кроме денег, но в какой-то момент гости не выдержали.

— Итак, Брэдли, — заговорил профессионал из мира ботокса, пожирая кусок торта «Птичье молоко». — Что именно вы можете для нас сделать?

Я отхлебнул немного коньяка Anri XO и улыбнулся ему.

— Все, что я могу сделать для вас, доктор Голд, это *нуль*.

— Прощу прощения? — Он казался несколько озадаченным, как и близнец киношного гангстера с дантистом.

— Скажу точнее, — продолжил я, — *три* нуля. Нулевой налог на доходы, нулевой налог на прирост капитала и нулевой налог на наследство.

Это позволило растопить лед, и как только мои собеседники перестали смеяться, я пошел по привычному пути и принялся рассказывать им о зеленых денежных полях, которыми они могли бы наслаждаться на моих швейцарских пастбищах.

— Джентльмены, давайте просто представим себе сценарий, — предложил я. — Предположим, что вы — профессионал, которому удалось за годы упорного труда заработать 6 миллионов долларов. Кроме того, вы толковый и осторожный человек, поэтому не вложили деньги в рынок, который находится сейчас в плачевном состоянии из-за

Мохаммеда Атты^[29]. Вы меня понимаете?

Троица кивнула. По блеску в глазах Сопрано я понял, что такие деньги у него есть. У врачей тоже могло найтись по миллиону.

— Итак, — продолжил я, — эти 6 миллионов лежат в банке Chase и приносят вам паршивые 1,3 процента, поскольку процентные ставки в наши дни довольно жалкие. А затем вы решаете навестить меня в Женеве, где я беру у вас 5 миллионов долларов и помещаю их на декларируемый счет.

— Декларируемый счет? — усмехнулся стоматолог. — А какой смысл? Меня задушат налоги.

— Терпение, дружище. — Я поднял палец и улыбнулся ему улыбкой, говорившей «заткнись и слушай». — Мы берем еще один миллион и помещаем его на *недекларируемый* номерной счет, о котором никто не знает. Вы идете домой, а через месяц берете кредит в 4 миллиона долларов с вашего декларируемого счета, а я добавляю его к вашему номерному счету, и теперь его баланс составляет 5 миллионов. Пока все понятно?

Они кивнули как Три Балбеса^[30], но я понимал, что эти ребята — далеко не дурачки. Мне казалось, что я слышу, как в их головах работают крошечные калькуляторы.

— Я в это время ищу возможности для хороших инвестиций. И вот я нахожу, к примеру, компанию Rheinmetall AG из Дюссельдорфа, которая изготавливает оружие и боеприпасы. А поскольку немецкие войска уже находятся в Кабуле и мочат там «Талибан», можно предположить, что курс акций этой компании будет расти. Можете ли вы купить эти акции за американские доллары? Нет, не можете, поэтому я беру ваши пять миллионов и покупаю евро, которые теперь стоят очень дешево, а после этого покупаю вам акции Rheinmetall. Через шесть месяцев я продаю акции, заработав 20 процентов, и на вашем номерном счете оказывается 6 миллионов долларов.

— Звучит впечатляюще, Брэд, — сказал специалист по ботоксу. — Но это незадекларированные деньги. Я не могу ими пользоваться.

— У этой истории будет счастливый конец, док. Теперь вы используете эти деньги для возврата кредита.

Я благоразумно умолчал о комиссионных UBS. К чему портить удовольствие от десерта?

— И таким образом, у вас есть семь миллионов: пять задекларированных и два незадекларированных. И знаете что? Если вы берете кредит, особенно у самого себя, у вас не возникает никаких налоговых последствий! Вы можете использовать эти законные пять миллионов как хотите. А когда вы приезжаете в старую добрую Европу, то тратите остальные два миллиона на отпуск, вечеринки и покупку красивых безделушек для ваших жен. Черт возьми, если хотите, вы можете купить себе яхту и поставить ее у причала в Канне.

— Понятно, — сказал Сопрано. — Если федералы начнут что-то вынюхивать, у меня есть все документы по операциям на декларируемом счете. А все остальное они не увидят, поскольку вы защищены швейцарскими законами.

— Бинго! — сказал я и подмигнул ему.

— Вы действительно знаете свое дело, мистер Биркенфельд, — сказал стоматолог.

— Это мой единственный талант, док, — ухмыльнулся я, а затем поднял рюмку с коньяком и сказал, — вы знаете, Женеве прекрасна в это время года (*лично для меня Женеве прекрасна в любом месяце*). Подумайте над тем, чтобы ее посетить.

И вы уже знаете, что было дальше, потому что после всех моих командировок происходило одно и то же.

Богатый американец средних лет с нарочито скучающим видом появляется в женевском аэропорту, и тут для него начинается «Волшебное путешествие с мистером Биркенфельдом». Его ждет черный Mercedes с тонированными стеклами, который отвозит его в гостиницу Richemond. Там для него уже приготовлен великолепный номер с видом на озеро Леман, свежими цветами, тропическими фруктами и коробкой швейцарского шоколада Frigor. Я заезжаю за ним около семи вечера, выражаю сожаление о том, что к нему не смогла присоединиться его жена и предлагаю ему купить ей какой-нибудь красивый подарок. Мы ужинаем в Le Comptoir, пятизвездочном ресторане с потрясающей французской кухней. К девяти часам он уже достаточно выпил, и я предлагаю ему переместиться в Velvet, чтобы поглазеть на сексуальных девушек. Это очень популярное кабаре, в одном из углов которого располагается шест и небольшая сцена для «танцев». Там к нам присоединяется мой приятель из Лондона, Ладьел Джафарли, инвестиционный банкир алжирского происхождения, напоминающий молодого Омара Шарифа^[31] и обладающий довольно странным чувством юмора.

Я знаю многих девушек из Velvet. Почти все они — труженицы панели, русские, чешки, польки. Но я пользуюсь знакомством с ними исключительно в деловых целях. Некоторым из них просто нравятся острые ощущения, и все они прекрасны. К полуночи за спинкой кресла Мистера Клиента уже стоит высокая дружелюбная чешская блондинка, массируя ему плечи и шепча ему на ухо бог знает что. Я подмигиваю ей, она подмигивает мне в ответ. Это сигнал того, что я рассчитаюсь с ней позже. Ладьел зеваает и говорит:

— Брэдли, твой стиль жизни меня убивает. Если бы моя мама только знала, где я сейчас сижу!

Я смеюсь и отвечаю:

— Да, приятель, мне тоже пора двигать.

Мы встаем, и я бросаю на стол тысячу швейцарских франков.

— Мартина, дорогая, — говорю я девушке. — Ты отвечаешь за то, чтобы Мистер Клиент вернулся к нам целым и невредимым.

— Конечно, Брэдли!

К моменту, когда мы с Ладьелом выходим из дверей, она уже сидит на коленях этого счастливого парня. Примерно через час она устроит ему гонку, которую он запомнит на всю свою жизнь.

Утром, когда я заезжаю за Мистером Клиентом, он доволен как кот, слопавший канарейку. Он пребывает в полудреме, пока мы едем в одной из моих Ferrari до дома 16 по Рю де ла Корратери. Там я сопровождаю его самого и его здоровенный портфель до вестибюля. Затем мы проходим по идеально вымытому мраморному полу мимо массивных колонн, высоких окон, закрытых коваными решетками, и вездесущих камер безопасности. Мы садимся в лифт и поднимаемся в небольшую приемную. Тут же в нее входит рыжеволосая девушка, она несет серебряный поднос со свежими круассанами, фруктами и эспрессо. Появляется блондинка с машинкой для счета денег на небольшой тележке. Она одета в обтягивающую шелковую блузку и короткую серую юбку, а ее ноги на высоких каблуках кажутся просто бесконечными. Мистер Клиент открывает свой портфель и передает ей две увесистые пачки сотенных купюр. Она улыбается и пропускает его деньги через машинку — умело, как профессиональный пулеметчик, маникюр ей совершенно не

мешает. «Здесь двести тысяч», — говорит она мне, затем ставит машинку на тележку и уезжает.

После этого я вручаю Мистеру Клиенту стопку форм и контрактов, которые он едва читает, и проверяю, чтобы он поставил подпись в нужных местах.

Затем мы идем по длинному коридору, устланному персидским ковром. Улыбчивый охранник в отличном костюме с галстуком открывает мерцающие латуню двери лифта, и мы спускаемся на два этажа ниже. Следующая комната напоминает приемную для особо важных гостей в Форт-Ноксе^[32]. Еще один персидский ковер, хромированные кожаные стулья, вазы времен династии Мин, камеры наблюдения, две операционистки за высокой стойкой и огромная дверь с пневматическим замком. За ней — четыре этажа отполированных стальных депозитных ячеек. Некоторые из них достаточно велики, чтобы в них можно было положить картину Моне, другие крошечные, для драгоценных камней. Минимальная годовая комиссия за самую маленькую ячейку составляет 500 швейцарских франков, однако это ничуть не смущает Мистера Клиента, и он заказывает ячейку побольше. Затем он достает свой паспорт и заполняет небольшую белую карточку, на которой указаны сумма на его счете и его кодовое имя, случайным образом сгенерированное компьютером. После этого он подписывает карточку и получает два серебряных ключа от депозитной ячейки. Появляется еще один охранник, щелкают замки, звенят ключи, и мы переходим в хранилище, где Мистер Клиент, его портфель и большая отполированная коробка остаются на короткое время наедине в закрытой комнате. Возможно, он хочет положить в ячейку золотые слитки или несколько упаковок «экстази». Какая разница? Он выходит с пустым портфелем. Сотрудник банка забирает у него один экземпляр ключа от депозитной ячейки — его клиенту не стоит носить с собой. Если клиент захочет получить доступ к своей ячейке, ему придется приехать в банк еще раз.

Я отвожу его в аэропорт и обещаю нанести ему ответный визит при моей следующей поездке в Штаты. Он идет бодрым шагом, возможно, вспоминая о всем том, что она проделывала с ним прошлой ночью. Я усмехаюсь, уезжаю прочь и отдыхаю до конца дня. Эти 200 000 представляют собой своего рода декларацию о намерениях. Через месяц он переведет на свой номерной счет 3 миллиона долларов.

Отлично! Еще один прекрасный день в швейцарском раю.

На протяжении своей карьеры швейцарского частного банкира мне приходилось видеть множество вещей, и думаю, что многие мои клиенты искренне надеются, что я о них забуду. Иногда они показывают мне содержимое своих ячеек — то ли чтобы получить мой совет, то ли просто для того, чтобы оценить мою реакцию. Мне доводилось видеть золотые и серебряные слитки, жемчужины размером с виноградину, валюту всех стран мира, редкие почтовые марки, огромные изумруды и облигации на предъявителя. У одного парня было полмиллиона долларов наличными и шесть разных паспортов, он мог быть шпионом, наркодилером или наемным убийцей, но я и глазом не моргнул. Когда у клиента есть что-то большое, например, бесценное произведение искусства, он не попадает к нам через парадную дверь. Я обращаюсь к службе безопасности, картина приезжает в бронированном грузовике в подземный гараж. Затем мы переносим картину в хранилище. У меня были клиенты, которые после первого визита никогда больше не появлялись в банке. Я встречался с ними в гостиницах в Женеве, получал подтверждения, что это действительно мои клиенты, а затем они вручали мне инструкции, что делать дальше. Затем я вновь приезжал в гостиницу с деньгами. Могу сказать, что мне неоднократно доводилось ходить по Женеве с

миллионом долларов в портфеле.

Я обрел репутацию осторожного и знающего банкира и человека, которому можно доверять. Как-то раз мне позвонил клиент и спросил, могу ли я встретиться с его близким другом, у которого есть вопрос относительно номерных счетов. Я согласился. Он дал мне словесное описание своего друга и кодовую фразу. Никаких имен. Я сел в поезд и нашел этого человека в холле гостиницы в Милане. Сев рядом с ним, я сказал:

— Как прекрасна погода в это время года.

Он улыбнулся и ответил:

— Да, но я всегда ношу с собой зонтик.

Это был человек средних лет, хорошего телосложения, говоривший с непонятным акцентом. В течение часа он задавал мне вопросы относительно швейцарских секретных процедур со счетами, после чего вручил мне конверт.

— Это компенсация ваших расходов, — сказал он и ушел.

Я открыл конверт на пути обратно в Женеву. Там лежали 10 000 швейцарских франков наличными, комиссия за «консультацию».

Бывали времена, когда я щипал себя, чтобы убедиться в том, что я не сплю. К концу первого года моей работы в UBS значительная часть 200 миллионов долларов Игоря Оленикоффа уже оказалась на его номерных счетах и, в соответствии с его указаниями начала свое путешествие по разным офшорным компаниям и трастам.

Теперь — насчет тех 18 процентов. Условия моего договора не предполагали, что я буду получать кусок от всех Новых Денег, который я приносил в банк. Если бы это было так, то после сделки с первым же клиентом — Оленикоффым — я бы получил 36 миллионов долларов. Тогда я тут же ушел бы в отставку и купил бы себе какую-нибудь хоккейную команду. На самом деле я получал 18 процентов от *прибыли* с этих денег. Если, к примеру, UBS брал с Оленикоффа три процента комиссии за управление его 200 миллионами, то есть 6 миллионов, я получал от этой суммы 1,08 миллиона долларов.

Каждый раз, когда Оленикофф производил инвестиции и получал от них прибыль, мне доставалась доля и от этой суммы. Кроме того, совокупные портфели всех моих остальных клиентов также приближались к 200 миллионам, так что в итоге я получал 18 процентов от всех комиссионных, продажи ценных бумаг, процентов по вкладам, валютных сделок и прибыли от общей суммы 400 миллионов долларов. Эта сумма была почти в два раза выше, чем у большинства других банкиров в моем отделе. В банковском деле, как и во многом другом, размер имеет значение. А поскольку никому еще не удавалось забрать с собой деньги в могилу, я сделал все возможное, чтобы насладиться ими при жизни.

Я обожаю хорошие часы. У каждого есть своя ахиллесова пята. Я сходил с ума от модели Audemars Piguet Royal Oak Offshore T-3 — часов той же марки, которую носил Арнольд Шварценеггер в фильме «Терминатор 3». Я отправился в магазин и выложил за часы 25 000 долларов. Еще я обожаю хорошие сигары, и поскольку магазин марки Davidoff находился в трех кварталах от моей квартиры, я использовал его как мой личный хьюмидор, а сотрудники звонили мне каждый раз, когда им поступали из Гаваны коробки со свежими сигарами Romeo & Julieta Churchills или Partagas #4 Robustos. Я люблю красивую одежду, не без фанатизма — мне достаточно просто хорошо выглядеть. Я носил итальянские костюмы от Brioni и рубашки из египетского хлопка из магазина на Джермин-стрит в Лондоне. В Бангкоке мне по спецзаказу пошили туфли и ремни из крокодиловой кожи, так что я выглядел, полагаю, достаточно модно. Они стоили вовсе не бешеных денег — где-то около

тысячи долларов за комплект, и у меня их был всего десяток.

А вот в мою квартиру в доме 20 по Кур де Рив я вложил серьезные деньги. Холостяку нужна берлога, а если он работает частным банкиром и устраивает для своих клиентов домашние вечеринки, то ему стоит вести себя на манер финансового волшебника, который не боится прихвастнуть. Чтобы задать квартире тон, я заказал для парадной двери фарфоровую табличку с черепом и костями, надпись на ней гласила: «Крепкие напитки и падшие женщины». Потолки в квартире были на уровне четырех с половиной метров. Там были высокие французские двери, которые вели на два балкона, и полы из венгерского паркета. В квартире был резной мраморный камин с античными бронзовыми фигурками херувимов. А гостиную охраняла пара индийских скульптур, которые я привез из Мумбаи. Почетное место в квартире занимали две кровати, толстая зеленая кожа смягчалась персидскими подушками, что очень нравилось моим посетительницам. Нравилась им и огромная ванна, вода в которой всегда была кристально-голубой, поскольку это была чистая вода с гор. В кухне был итальянский мрамор и куча самых современных приспособлений. В гостиной стояли стереосистема и телевизор — лучшие из того, что можно было найти в Женеве. Возможно, вам интересно, как выглядела моя спальня. Она была большой, с двумя высокими дверями и колоссальной кроватью. Я покупал исключительно атласное постельное белье, девушкам не нравится, когда белье царапает нежную кожу.

И все это заставляет меня вспомнить о Таис, девушке, с которой я встречался и в то время, и довольно долго после него. Она была родом из Бразилии и работала в индустрии моды. Мы познакомились на какой-то вечеринке в Женеве. У Таис были длинные темные волосы, красивая фигура и прекрасная улыбка, открывавшая ослепительно-белые зубы. Как и большинство сексуальных женщин в Женеве, она одевалась довольно провокационно, имела невероятно стильную походку и говорила со смешанным португало-французским акцентом, который сводил меня с ума. Ее кожа была светло-коричневой и на ощупь напоминала оливку, только что вытасченную из банки. Ей очень нравились мои атласные простыни.

Таис обладала безграничной энергией и была готова веселиться в любом месте и в любое время. Поэтому, когда я сделал свою самую большую покупку, не сказав ей, что именно купил, она тут же приехала ко мне накануне выходных, тепло одевшись (как я и попросил) — в узкие джинсы, теплые ботинки, толстый свитер и норковую куртку. В то время я ездил на Ferrari Maranello, 12-цилиндровом звере стоимостью в 250 000 долларов, который купил для богатого друга из Азии (разумеется, за наличные). Мы запрыгнули в машину и двинулись в сторону Церматта. Даже после того, как мы припарковались, забрались вверх на подъемнике и прошли еще несколько сотен ступенек, она еще не понимала, в чем дело. Затем мы подошли к великолепному шале в деревенском стиле — его-то я и купил только что. Когда мы вошли внутрь, я испугался, что она упадет в обморок. В зале не было ровным счетом ничего, если не считать ковра с высоким ворсом перед панорамным окном, за которым открывался потрясающий вид на гору Маттерхорн — от подножия до вершины. Таис уронила сумку, у нее перехватило дыхание.

Я большой любитель фильмов про Остина Пауэрса, поэтому улыбнулся ей и сказал:

— Ну что, детка, это тебя заводит? [\[33\]](#)

Вдруг мы оказались лежащими на ковре.

Теперь я понимаю, что тот день был вершиной моей карьеры в швейцарском банковском мире. Я зарабатывал кучу денег, и моя жизнь представляла собой круглосуточную вечеринку. Моими клиентами были в основном безобидные зажиточные

американцы, которые просто считали, что правительство хочет взять с них слишком много налогов, а потом потратить их деньги, заработанные упорным трудом, на какие-то дурацкие программы, в которых они ничего не понимают. С такой точкой зрения сложно спорить, и к тому же мои клиенты были приятными людьми. В тех редких случаях, когда инвестиция оказывалась неудачной, они просто пожимали плечами и отсыпали мне еще больше денег. Я был рад, что не работаю в российском или китайском отделе, где ошибка с вашей стороны могла окончиться заплывом в Волге — лицом вниз.

Я отлично спал по ночам и, по уже сложившейся у меня привычке, редко проводил ночи в одиночестве.

«Нельзя вечно убиваться из-за ошибок. А ты совершил огромную ошибку — ты поверил нам».

Эрик «Бобер» Стрэттон из фильма «Зверинец»

К четвертому году работы в UBS я знал, что хожу по краю вулкана, притом босиком.

Не то чтобы это мне не нравилось, просто я время от времени смотрел себе под ноги, и у меня перехватывало дыхание. В разреженном воздухе надо мной ярко светило солнце и золотились пушистые облака, а тем временем где-то внизу звенели цепи, темнели пропахшие потом подземелья и пузырились озера раскаленной лавы.

В Швейцарии, где я жил и трудился, вся моя деятельность считалась абсолютно законной и уважаемой. Но в Америке... Если бы власти поймали меня на рискованной игре, которую я вел вместе со всеми остальными частными банкирами в UBS, меня признали бы жуликом и вором. Хрупкое равновесие могло нарушиться в любой момент.

Меня стали мучить угрызения совести. Ведь я начал свою работу примерно тогда же, когда была объявлена глобальная война против терроризма. И теперь моя страна воевала на двух фронтах, в Афганистане и Ираке, число погибших американцев стремительно росло... Мне не очень нравилось то, что Буш и его парни отказались от охоты на Усаму бен Ладена, но «диванных» стратегов я тоже недолго любил, поэтому предпочитал думать, что для войны с Саддамом Хусейном были веские причины. Тем не менее многие американцы в моей стране молча страдали — матери и отцы, отправлявшие своих сыновей и дочерей на войну и при этом старательно платившие свои налоги. В то время как налоговое ярмо тащили те, кто не мог или не умел откупиться от него, я помогал своим клиентам *не вносить* свой вклад в общее дело. Я знал, что в этом участвуют крупнейшие корпорации и самые влиятельные люди мира, которые всеми силами помогают таким же жирным котам, как и они сами. И я сам помогал «однопроцентникам»^[34] уклоняться от их налоговых обязательств, пока бремя, лежавшее на обычных людях, становилось все тяжелее и тяжелее. Это начало меня беспокоить. Представьте — меня, циничного, беспринципного, не берущего пленных бостонского банкира.

Разумеется, американские клиенты меня любили. Кто сказал, что любовь нельзя купить за деньги? Я делал их богаче с каждой секундой, которую отстукивали мои швейцарские ходики. Я реагировал на каждую их просьбу, даже самую необычную — все для того, чтобы они были счастливы. А мои клиенты составляли лишь небольшую долю американцев, уклонявшихся от налогов и прятавших свои состояния на секретных номерных счетах в UBS. Всего в Черной Книге Биркенфельда значилось около 150 клиентов, 30 из которых были североамериканцами. Однако если взять все отделения банка в Цюрихе, Лугано, Женеве и других городах, то у UBS было — держитесь крепче за свои бумажники — 19 000 американских клиентов, наслаждавшихся секретными офшорными номерными счетами. Это многие и многие миллиарды долларов, друзья мои. И это — огромные суммы, которые не пошли в уплату налогов, то есть на провиант и боеприпасы.

Но как бы уродливо и бесчестно это ни выглядело, я не собирался все бросать, принимать монашество или отказываться от излишеств. Боже упаси! Тем не менее я все время вспоминал реплику Роберта Де-Ниро из фильма «Ронин»: «Не люблю заходить туда,

откуда я не знаю выхода».

Честно говоря, я не знал, как выбираться из ситуации, в которой оказался, да и не был к этому готов.

И вот почему...

Вот я стою на балконе семиэтажного роскошного дома, глядя на холмы и петляющие улицы Монте-Карло в Монако. На Французской Ривьере сейчас конец мая, небо — прозрачно-синее, а солнечный свет отражается от белоснежных парусов яхт, стоящих в величественной гавани. Она наполнена дорогими мегаяхтами, похожими на блестящих белых китов. На их палубах расставлены стойки с зонтиками пастельных тонов, напоминающими летние коктейли. Королевы красоты в бикини треплют за щеки греческих магнатов-судовладельцев, многие из которых годятся им в отцы.

В воздухе раздается рев, как будто сейчас над нами пролетит эскадрилья истребителей. Сквозь проход, расположенный прямо под моим балконом, пронесется табун 900-сильных гоночных машин «Форму лы-1», и толпа зрителей вскакивает на ноги. Гонку возглавляет Дэвид Култхардт в автомобиле McLaren Mercedes, напоминающем сине-белый космический корабль повстанцев из «Звездных войн». Култхардт должен выиграть эту гонку, и это будет очень круто — ведь я, как и многие другие, поставил на его победу деньги.

Я арендовал эту шикарную квартиру на весь уик-энд по случаю пятничной гонки^[35], разумеется, на средства UBS. Разумеется, я позвал насладиться отличным видом нескольких своих клиентов и их зажиточных друзей. И вот теперь слева от меня стоит, облокотившись на балконные перила, молодая итальянская киноактриса с развевающимися черными волосами и фигурой Софи Лорен и попивает шампанское Cristal. Справа от меня стоит Карло Бандини, большой кинопродюсер из Рима и нынешний «благодетель» этой молодой актрисы. Он с улыбкой наблюдает за гонкой — вид с моего балкона намного лучше, чем с его яхты, пришвартованной в гавани. На балконе и в квартире сидят и стоят приглашенные мной прошлые, настоящие и будущие клиенты, а также парочка моих приятелей, которые обожают быстрые машины, французские ночные клубы и молодых красивых девушек, жаждущих внимания. Гости наслаждаются блюдами изысканной кухни, которые готовит на моей кухне нанятый мной на уик-энд шеф-повар.

Зрители на трибунах под нами предвкушают удовольствие от гонки. Но я знаю, что у моих гостей ничуть не меньшее возбуждение вызывают деньги. С каждого здания свисают спонсорские баннеры, над улицами висят рекламные растяжки, а на ограждающих трассу барьерах можно увидеть хорошо узнаваемые логотипы Bridgestone, Rolex, Foster's Lager, HSBC, Gauloises и Marlboro. Я знаю, насколько быстро эти картинки проносятся перед телевизионными камерами, следящими за стремительными машинами, поэтому оказался чуть умнее остальных рекламодателей и успел выкупить для банка лучшие рекламные места.

В конце трассы, на повороте, где все машины должны немного притормозить перед резким разгоном на прямом участке, стоит каменная конструкция, украшенная огромными плакатами UBS и флагом, колышущимся под порывами ветра. На то, чтобы арендовать это рекламное место и квартиру, нам пришлось потратить многие тысячи, но это стоило того. К моменту, когда гонка завершится, Бандини уже договорится со мной о встрече в Женеве через неделю. Он готов положить 10 миллионов евро на номерной счет. Понятно, что он не американский клиент и с технической точки зрения его должны обслуживать другие люди. Однако я расскажу об этом итальянскому отделу позже — намного позже, — после того, как получу свои 18 процентов.

Я просто *обожаю* «Формулу-1»...

А теперь я сижу в черном смокинге за столом стоимостью 10 тысяч долларов в огромном зале гостиницы Waldorf Astoria в Нью-Йорке, вместе с 1100 других гостей в смокингах и вечерних платьях. Мы присутствуем на Hot Pink Party — ежегодном благотворительном мероприятии для Фонда по исследованию рака груди. Я пришел сюда от имени UBS, и рядом с розовым платком в моем нагрудном кармане лежит солидный чек. Совсем скоро он станет частью суммы в 5,3 миллиона долларов, которую планируют собрать организаторы.

Зал напоминает главную сцену в Метрополитен-опере, за исключением того, что все здесь окрашено в розовый цвет: розовые банты на стенах, розовые скатерти, розовая посуда и букеты ярко-розовых цветов. Сотни звезд Бродвея и кино сплетничают, аплодируют и чокаются бокалами с шампанским. Многие женщины одеты в розовые платья стоимостью в несколько тысяч долларов. Рядом с моим столом стоит мэр Блумберг в розовом галстуке, а неподалеку от него я вижу бывшего губернатора Патаки с женой и половину клана Джорджа Сороса. Ведет церемонию кинозвезда Элизабет Херли, и я, как истинный фанат Остина Пауэрса, не могу сдержать улыбки ^[36]. Через несколько минут на сцену должен выйти Элтон Джон.

Элтон Джон не ограничивается парой песенок. Он исполняет «Rocket Man», «Tiny Dancer», а на песне «The Bitch Is Back» вся толпа уже на ногах и танцует. Когда он начинает петь «I Guess That's Why They Call It The Blues», сидящая рядом со мной статная брюнетка увешанная бриллиантами, встает и трогает меня за локоть. Стул, на котором сидел ее муж, пуст. Видимо, тот отлучился по каким-то делам. Я вспоминаю название романа Нормана Мейлера «Крутые ребята не танцуют», но говорю себе, что на банкиров это правило не распространяется. Я улыбаюсь, обнимаю женщину и начинаю танцевать с ней под медленную мелодию Элтона. Не зря я страдал на уроках бальных танцев пятничными вечерами в школе.

Я спрашиваю свою партнершу, чем занимаются она сама и ее муж.

— Он работает в авиации. Частные самолеты.

По выражению ее лица я понимаю, что муж завел любовницу, причем недешевую.

— А я просто трачу его деньги, — добавляет она.

Я смеюсь.

— Тяжелая работа, но кто-то должен ее делать.

Она усмехается в ответ.

— А чем занимаетесь вы?

— Я частный банкир из Швейцарии. Был бы рад с ним познакомиться.

— Вам будет скучно, — говорит она.

— Ничего, я заводной.

Она смеется и плотнее прижимается ко мне. К концу вечера у меня появляется новый клиент. А еще в моем кармане оказывается номер мобильного телефона его жены, но я выбрасываю его. Ни к чему портить хороший бизнес...

А теперь я в Кармеле, штат Калифорния. Жарким августовским днем на поле для гольфа в Пейбл-Бич я смотрю на Джея Лено ^[37], размахивающего клюшкой для гольфа перед своим автомобилем Cord Baby Duesenberg модели 1936 года стоимостью около полумиллиона долларов. Лено выглядит таким же, каким я привык видеть его на экране телевизора, — дружелюбным, веселым, всегда готовым пообщаться с простыми людьми и ни капли не

фальшивым. Понятно, что все эти «простые люди» вокруг него — такие же коллекционеры старых автомобилей, а это значит, что в карманах у них найдется куча денег на случай, если им вдруг захочется купить себе новую яркую игрушку.

Лено богат, как принц небольшой страны, в его частной коллекции около сотни четырехколесных безделушек. Но я знаю, что он никогда не будет клиентом UBS. Он из тех, для кого Америка — благословение, и он совершенно не против поделиться частью своего богатства с налоговой службой. Я уважаю такую позицию, однако я приехал на автомобильное шоу Concours d'Elegance, чтобы найти других парней — богатых смутьянов.

В этом году основным спонсором мероприятия выступает компания Rolex, а это значит, что победитель получит золотые часы стоимостью 25 000 долларов. Компания отлично умеет считать затраты и не забывает выставить в нескольких местах витрины с красивыми часами, которые охраняют крепкие парни в штатском, с наушниками и при оружии. Rolex чем-то напоминает UBS. Компания тратит деньги в расчете на то, что сможет привлечь много богатых клиентов; в конечном счете так и получается. Это место кишит профессиональными игроками в гольф, знаменитыми спортсменами, кино- и телевизионными продюсерами. Знаменитого гонщика Джеки Стюарта сопровождает толпа жаждущих сфотографироваться с ним или получить автограф, и я вижу, как он бережет от рукопожатий руку, которой переключает передачи автомобиля.

Я замечаю прекрасный классический кабриолет BMW 502 1954 года выпуска, стоящий на ковре из мягкой зеленой травы, и думаю о том, что владельцы поля должны искренне ненавидеть такие мероприятия. Это великолепная машина чистейшего зеленого цвета с кожаным верхом, который кажется мне мягким, как теплое масло. Ее владелец, приятный человек за 60, одетый в полотняные штаны для гольфа, розовую рубашку-поло и очки Ray-Ban, сидит на пляжном стуле и читает журнал *Hemmings Motor News*. Я подхожу к нему, чтобы завязать разговор.

— Прекрасная машина, — начинаю я. — Лучший образец модели, который мне только доводилось видеть.

Он смотрит на меня снизу вверх.

— Спасибо!

— Я сам большой фанат BMW. Только что купил себе новый M5 в Финляндии.

— Хороший выбор.

Мой собеседник отвлекается от журнала и снова смотрит на меня.

— Почему в Финляндии?

— Я живу и работаю в Женеве. Частный банкир. Полетел в Хельсинки и пригнал себе машину с финскими номерами, чтобы не платить налоги. — Я смотрю в глаза собеседнику и улыбаюсь. — У меня аллергия на налоги.

Он кладет журнал на колени.

— У меня такая же аллергия, жаль, что это не лечится.

— Возможно, я вас удивлю, — говорю я и протягиваю ему руку. — Брэдли Биркенфельд.

— Терстон Уайтгейт, — отвечает он.

— Приятно познакомиться с вами, Терстон. — Я оборачиваюсь по сторонам. — Ничего, если я присяду? Нога заболела.

— Конечно. — Он указывает большим пальцем себе за спину. — Там под навесом есть еще один стул.

Через 15 минут мы уже греемся на солнце и попиваем коктейль «Манхэттен». Уайтгейт — далеко не дурак. Он понимает, что я пришел сюда не ради машин.

— Итак, Брэд. Что вы продаете?

— Нули, — улыбаюсь я.

Он улыбается в ответ.

— Думаю, что вы говорите не о японских истребителях [\[38\]](#).

— Нет.

Я рассказываю ему уже знакомую вам байку о трех нулях, но расслабленно, без нажима. Вскоре мы уже говорим о номерных счетах, трастовых структурах и долгосрочном приросте капитала без налоговых последствий. К концу второго коктейля Терстон уже клянет правительство США и его устаревшую фашистскую налоговую систему. А я отвечаю, что именно по этой причине я живу в Швейцарии, стране сыра, шоколада и денег.

Через месяц мы уже выпиваем в баре *Perle du Lac* на берегу озера Леман. Я только что прокатил Терстона по окрестностям в своем Ferrari на скорости около 180 км/ч. Он говорит, что переводит 8 миллионов долларов в UBS. Я отвечаю, что тронут его дружбой и доверием...

А теперь я в Сен-Бартелеми, где в течение недели выступаю представителем UBS — спонсора знаменитой регаты *St. Barths Bucket*. *Бабах!* Еще больше клиентов. И вот я в Майами на выставке искусств *Art Basel*, которую также спонсирует UBS. Это скучновато зато в Майами очень активная ночная жизнь, а кому бы из нас не хотелось немного выпить и потанцевать с латиноамериканскими красотками? И я уже в Ньюпорте, штат Род-Айленд, на яхтенном соревновании, которое также спонсирует UBS. Эрнесто Бертарелли пытается завоевать кубок *America's Cup*. Его яхта выигрывает гонку под флагом *Société Nautique de Genève* [\[39\]](#). И угадайте, какой банкир оказывается в центре внимания после того, как все эти богатые любители яхтенного спорта внезапно становятся поклонниками всего швейцарского?

А еще я в течение трех месяцев организую эксклюзивную выставку Родена в офисе UBS в Женеве. Коктейльную вечеринку открытия ведет Джордж Ганебайн, глава UBS Wealth Management. Я привожу 44 знаменитые бронзовые скульптуры, и это оказывается самой большой коллекцией работ Родена в мире, собранных в одном месте. Разумеется, ее хотят увидеть буквально все, поэтому вполне очевидно, что я провожу там массу времени, организуя вечеринки и раздавая визитные карточки. Вы спросите, какой от этого толк? Да я сбился со счета, встречая этих любителей искусства в наших хранилищах.

От такой тяжелой работы — вечных переговоров, коктейлей и ужинов — надо отдыхать. И я оказываюсь на Филиппинах с моим приятелем-миллионером Мауро. Незадолго до Рождества мы собираемся на приятный семейный ужин в его доме вместе с его мамой. Это очень милая дама, и я предлагаю на следующее утро всем пойти на мессу. Мауро пинает меня под столом, но его мама хлопает в ладоши и складывает их в молитвенном жесте. Ей очень приятно, что у ее сына настолько религиозные друзья. Понятно, что мы просыпаемся «ранним полуднем», какая уж там утренняя месса.

Вместо этого мы встречаемся с Калвином Айром, капризным миллиардером, ставшим знаменитым благодаря игровому онлайн-сервису *Bodog*. А еще на нашей вечеринке присутствует Джимми Ян из китайской секретной службы. Этот человек выглядит так, будто он может уложить Джеки Чана одной левой. Мауро никуда не ходит без своей команды из пяти телохранителей, у каждого из которых из-под рубашки выпирает по три пистолета.

Один из них — парень огромного роста, напоминающий Солид Снейка из игры Metal Gear. В прошлом он был наемником в Юго-Восточной Азии. Я спрашиваю его, скольких он убил. Он неласково смотрит на меня. «Застрелил или зарезал?» Вопрос снят!

Затем мы летим на вертолете Мауро, чтобы посетить «Президентский самолет», но это никакой не самолет, а самый большой стрип-клуб из всех, что мне только доводилось видеть, с тремя этажами и парковкой на 600 машин. Там есть и обычный бар, и сцена со сверкающими шестами и лоснящимися девушками. Этажи разделены на зоны — «экономический класс», «бизнес-класс» и «первый класс». Мы поднимаемся на эскалаторе на верхний этаж, состоящий из отлично обставленных «массажных» комнат гостиничного типа с ваннами, наполненными горячей водой. Мы разваливаемся на мягких диванах с напитками в руках перед огромным колышущимся занавесом, который внезапно поднимается, открывая подобие бродвейской сцены. Там стоят в уверенных позах десять девушек с красивыми улыбками.

Мауро улыбается мне.

— Выбирай любую, Брэдли. Все за мой счет.

Выбрать очень сложно. Девушки роскошны и совершенно обнажены.

Вот почему я не могу прекратить заниматься своим делом. Это слишком весело и приносит слишком много денег. Целых четыре года я летал на волшебном ковре, сотканном из веселья и денег. Крайне редко выдавались уик-энды, в которые я оставался бы в Женеве, чтобы расслабиться в своей квартире и прогуляться в одиночку по парку. Обычно я подхватывал пару приятелей, и мы отправлялись в Марракеш, на Миконос, в Сен-Тропе или в Будапешт, чтобы познакомиться с новыми девчонками или полакомиться гуляшом. Если кому-то из моих приятелей, типа Джона Росса, удавалось поймать меня в субботу в моей квартире, он говорил: «Какие люди в Женеве!» Порой мне было очень трудно добраться до офиса в понедельник, и я не однажды засыпал в туалете.

Сотрудники моей команды в американском отделе UBS называли себя «охотниками и собирателями». Мы были сплоченной группой суперработников, которые не любят давать никому спуску и любят хорошо поразвлечься. Коллеги мне очень нравились, и мы всегда помогали друг другу, радуясь победам и выручая друг друга лишним долларом в трудную минуту.

Валери постепенно переросла свою роль «мисс Манипенни» и стала скорее напоминать Эмму Пил из сериала «Мстители». Она присматривала за мной, никогда не упускала важные детали и могла выполнить любое мое поручение.

Незадолго до ее 25-летия я спросил, что бы она хотела на день рождения, но предупредил, что мечты должны более-менее укладываться в рамки закона. Она улыбнулась:

— Я никогда не была в Амстердаме. Я слышала, что это очень сексуальный город.

— Так и есть, дорогая. — Я ухмыльнулся и щелкнул пальцами. — Раз — и ты в Амстердаме!

Мы провели в этом городе все выходные — компанией из четверых парней и четырех девушек из UBS. На свою кредитку Black American Express я забронировал два огромных номера в отеле Intercontinental Amstel, и мы захватили этот город. Мы лакомились экзотическими блюдами, хлестали спиртное в джаз-клубах и хохотали на умопомрачительных секс-шоу, а во время ночного путешествия по каналам в классической деревянной лодке мы попробовали настоящий голландский гашиш. Но что бы вы там ни думали, никто потом не оказался ни у кого в постели. Мы были товарищами по оружию. В

понедельник мы вернулись на рабочие места, еще не до конца придя в себя и хихикая над нашими голландскими приключениями. Валери светилась целую неделю. С днем рождения!

В банке и за его пределами у меня было полно друзей, так что мне всегда было, с кем потусить. Мой индийский приятель Шринавансан Рамашанран («Зовите меня Рам») любил развлечься и имел слабость к вегетарианской кухне. Он отвечал в Barclays Bank за работу с индийцами. Это было очень важно, к примеру, для Восточной Африки, где жили и работали многие богатые выходцы из Индии. Иногда я пускался на охоту за деньгами вместе с ним. Мой приятель Корнель Вермаак, родом из Южной Африки, был некурящим и непьющим банкиром и фанатиком велоспорта. Этот заводной парень вечно искал приключений, так что мы стоили друг друга. А еще Мауро, мой близкий друг из Манилы, для которого я купил автомобиль 550 Ferrari Maranello. Мауро был толстячком с ухмылкой, как у Чеширского Кота, и достаточно богатым, чтобы иметь вертолет Agusta. В перерывах между своими путешествиями в компании охотников и собирателей я заезжал в Манилу, а оттуда мы летели в Гонконг, Сингапур или на Бали, а там пели, танцевали и флиртовали в экзотических ночных клубах и на отвязных вечеринках. Это было сумасшествие в режиме нон-стоп, и я купался в нем с головой.

Однако в моем сумасшествии была своя система. Несмотря на всю свою страсть к удовольствиям, я никогда не спускал глаз с потенциальных клиентов. Я бережно хранил большую черную записную книгу, в которой я фиксировал только имена людей, места, где я с ними встретился, и контактную информацию. Мне было достаточно этого, чтобы запомнить, кто это такие и чем зарабатывают на жизнь. На своем компьютере я вел огромную электронную таблицу, и каждый год на Рождество я рассылал обычной почтой более двухсот поздравлений, напечатанных на дорогой бумаге, с моим фото на белом песчаном пляже в Азии, или на фоне египетских пирамид, или на яхте в Канне. У меня была еще одна таблица с перечнем всех ежегодных значительных событий в мире — яхтенных регат, теннисных турниров, кинофестивалей, дегустаций вина, автосалонов и автогонок, а также списки лучших ресторанов, баров и гостиниц в каждой стране.

В какой-то момент я превратился в нечто среднее между банкиром, агентом бюро путешествий и организатором вечеринок. Клиенты и их друзья могли позвонить мне и сказать: «Брэд, я собираюсь в Брюссель в мае, и Гарри сказал, что с вами стоит посоветоваться». Я отвечал: «Ну конечно!» — выбирал Брюссель в своей таблице и изучал список фестивалей, гостиниц, ресторанов и лучших ночных заведений города. Понятно, что после того как эти парни получали от меня наводку и отлично проводили время в городе, они обращались ко мне по денежным вопросам или рекомендовали своих богатых друзей. Это была социальная инженерия, которая приносила неплохую прибыль. Думаю, что это мог бы делать кто угодно, однако именно я превратил это в свою фишку. Брэдли Биркенфельд — «парень, который не подведет». Я вел светскую жизнь, путешествовал по всему миру и делал богачей еще богаче. У меня была масса друзей, и я греб деньги, как крупье за карточным столом.

Так что буду честен. Смогли бы вы просто взять и отказаться от всего этого? Да и зачем?

Но мир постепенно менялся, и я это знал. Прежде всего, Закон о борьбе с терроризмом в США фактически разрешил разнообразным федеральным бюрократическим агентствам забраться в каждый стол и шкаф. Его официальная цель была — раскрыть всемирную сеть финансирования терроризма, «следуя за деньгами», как говорит старая избитая поговорка.

Мохаммед Атта и его подельники по терактам 11 сентября купили свои мобильные телефоны в Женеве. Кроме того, у них было около полумиллиона долларов наличными, так что для ФБР, ЦРУ, министерства юстиции и налоговой службы было вполне логично заняться вынюхиванием информации в Швейцарии. Они тщательно изучали детали банковских переводов, сделки по кредитным картам, состояние офшорных счетов и контракты. Швейцарцы, в свойственной им манере, отказались от сотрудничества. «Наша репутация основана на доверии!». Это означало, что шпикам пришлось раскинуть самую широкую сеть, в которую попадалась самая разная рыба. Правда, всякий раз, сталкиваясь с политически значимым лицом, вроде конгрессмена или серьезного лоббиста, они притворялись, что ничего не замечают. Но что касается всех остальных, игра шла по одним и тем же правилам: «Похоже, что эти деньги перевел конгрессмен такой-то и его лучше оставить в покое. А вот этот перевод сделал богач, который торгует плюшевыми мишками, давайте-ка его тряхнем!» Мои клиенты были ближе к категории торговцев плюшевыми мишками, так что им было, о чем беспокоиться.

Международные поездки тоже тщательно контролировались. На типов вроде меня и моих коллег-банкиров, постоянно перемещавшихся между Штатами и Женевой, Лугано и Цюрихом, стали все чаще обращать внимание, не говоря уже о том, что Министерство национальной безопасности и его неуклюжая, непрофессиональная и неумелая служба транспортной безопасности вообще занимались совершенно не теми людьми. Бабулькам и младенцам в аэропортах устраивали личный досмотр, зато какого-нибудь Ахмеда в арафатке и пальцем не могли тронуть, потому что это «исламофобия».

И, конечно, они не могли пропустить сомнительно выглядящих швейцарских банкиров, сорящих деньгами. Многие из моих коллег по UBS проводили необычно много времени на границе, отвечая на вопросы и дожидаясь, пока таможенники обшарят их багаж. Кое-кто утверждал, что в Штатах за ними постоянно ходили хвосты. К кому-то в гостиничных барах подсаживались дружелюбные, приятные на вид, но чересчур любопытные незнакомцы. Лично я никогда не обращал на это особого внимания. Пообщавшись с коррумпированными клоунами из ФБР в Бостоне, я понял, насколько никчемны федералы, и не собирался играть в Бонни и Клайда^[40]. Я был резидентом Швейцарии, не нарушал швейцарское законодательство и платил налоги. Однако не поймите меня неправильно — я вел себя достаточно осторожно, просто я не был параноиком.

Однако паранойя все же начала постепенно захватывать головы моих боссов в UBS. Я обнаружил это, когда оказался свидетелем панического разговора между Хансом-Руди Шумахером и Мартином Лихти, старшими «капо^[41]» нашего бизнеса в Цюрихе. Поскольку у UBS были сотни отделений в США (возникшие после поглощения банка Paine Webber в 1999 году), Шумахер заметил, что банк становится очень уязвимым перед американским законодательством, и, если бы что-то пошло не так, мы просто потеряли бы лицензию на банковскую деятельность в стране.

— Послушай, Мартин, — обратился Шумахер к Лихти, — обстановка становится все более опасной. Нам нужно закрыть отдел, обслуживающий американцев, и вывести его за пределы банка в небольшую швейцарскую компанию, которая затем заключит контракт с UBS.

— Закрыть отдел, Ганс? — ошеломленно переспросил Лихти. — Ты рехнулся?

— Да послушай же, Мартин! Твои люди увольняются из банка и становятся независимыми менеджерами, управляющими активами для этой частной компании. Они

берут имеющихся клиентов, привлекают новых, рекомендуют им работать с UBS и помогают нам в заключении контрактов. Но теперь UBS получит возможность все правдоподобно отрицать. Если к нам обратятся американцы, мы скажем: «Это были не мы! Это все те люди из другой компании!»

Но Лихти на это не согласился. Он не хотел терять свои позиции и влияние.

— Пошел ты, Ганс! Ты хочешь просрать все, что я строил последние десять лет.

Шумахер вздохнул:

— Что ж, когда-нибудь всех нас за это поимеют, и это будет ужасно.

Вскоре после этого разговора Шумахер уволился из UBS и пошел в NZB, швейцарский частный банк-бутик. Мой коллега из Женевы Ханно Хубер и четыре других высших руководителя цюрихского отделения последовали за ним и также поступили на работу в NZB, забрав с собой активы на 1,5 миллиарда швейцарских франков, в том числе, деньги Тая Уорнера, производителя знаменитых игрушек Beanie Babies. Именно тогда я принялся думать о том, что все это не может продолжаться вечно. *Хубер занимался банковским бизнесом всю свою жизнь, и раз он принял такое решение, это значит, что мы движемся прямо к обрыву — огромному и крутому, как Ниагарский водопад...*

Среди моих коллег, «охотников и собирателей», поползли слухи. Их шутки о будущем становились все более мрачными. Как-то раз к нам в отдел зашел мой швейцарский приятель Жак Леба и произнес с кривой усмешкой.

— Работай больше, Брэдли, работай быстрее. Скорей приноси нам денежки, *mon ami!* Шалтай-Болтай вот-вот свалится со стены!

— Может, нам стоит завязать со всеми этими поездками и просто начать *печатать* деньги, — ответил я. — Уверен, что ребята, работающие с русскими клиентами, наверняка знают какого-нибудь отличного фальшивомонетчика.

Жак рассмеялся, однако его слова были всего лишь циничной реакцией на давление сверху, особенно со стороны Мартина Лихти. Наш наиглавнейший босс принялся выпускать меморандумы примерно следующего содержания, адресованные всем частным банкирам, которые работали с клиентами из США:

«Уважаемые коллеги,

Первые пять месяцев этого года были для нашей отрасли очень непростыми. Сложности связаны с общим снижением доверия со стороны инвесторов, военным конфликтом на Ближнем Востоке и постоянно растущим вниманием к нашему бизнесу со стороны регулирующих органов. Однако мы убеждены, что даже в столь сложных условиях мы можем полностью удовлетворять все финансовые потребности наших клиентов.

Как вы знаете, ключевым элементом нашего успеха выступают Новые Деньги^[42]. Это значит, что мы все должны упорно работать над достижением наших целей в отношении Новых Денег на этот год и на будущее... И я уже предвкушаю, как буду награждать тех из вас, кто добьется этой цели!»

Вместо сердечек и поцелуйчиков Лихти поставил в конец меморандума изображением часов Breitling, что, по сути, означало: «Порвите за меня задницу, а я брошу вам вкусную косточку!» Понятно, что все это было типичной корпоративной болтовней, в ответ на которую большинство из нас усмехалось и продолжало заниматься своим делом — мы и так работали изо всех сил над тем, чтобы выполнить поставленные Лихти нереалистичные цели в отношении новых доходов. И, как вы понимаете, каждый раз, когда мы достигали поставленных на текущий год целей (скажем, 40 миллионов швейцарских франков в расчете

на каждого банкира), Лихти задирает планку: «Это здорово, но этого мало! Мне нужно 60 миллионов франков!» Мало того, что нас доставали всей этой бредовой мотивацией в стиле футбольного тренера — отдел безопасности и комплаенса во главе со своим начальником, которому стоило бы работать в гестапо, рассылал нам сообщения с требованиями сохранять осторожность, тщательно шифровать файлы на наших ноутбуках и тренировать навыки «сбрасывания хвоста». Ни дать ни взять — сицилийские мафиози в дешевых костюмах.

Давление росло, риск тоже, да и наши клиенты начинали нервничать от растущей жесткости законов, так что все становилось как-то не в кайф. Я относился к этому спокойно, зная, что никакая вечеринка не длится вечно. Музыканты устают, еда и напитки заканчиваются, а у девушек начинает растекаться косметика. Оркестр продолжал играть, но представление поднадоело.

А кое-что выводило из себя. Кристиан Бовэй не понравился мне с первого дня, но только годы работы вскрыли всю его мерзость. Бовэй был типичным швейцарским бюрократом, мелочным и злобным. Он не любил заниматься полевой работой и рисковать своей задницей и при этом жутко завидовал тому, что его подчиненные живут роскошной жизнью. Часто он пытался присваивать себе заслуги за чужие Новые Деньги, что было абсурдно, поскольку его участие ограничивалось канцелярской работой. Наши успехи и упорный труд приносили ему немало благ, однако он постоянно был недоволен таким положением вещей и постоянно нашептывал людям, что один банкир лучше другого или что кто-то работает мало, а получает много. Почти с того самого момента, когда я принес в банк 200 миллионов долларов Оленикоффа, Бовэй воспринимал меня как умника, который воспользовался случаем и получил несправедливо много. Чаще всего я просто пропускал это мимо ушей.

Но затем он украл у меня Валери.

Он знал, как сильно она мне нравится и насколько взаимна эта симпатия. Поэтому он решил разрушить наши узы, поскольку в мой бумажник он влезть никак не мог. Он сделал так, что Валери стала *его* личным ассистентом — и имел на это право как мой босс. Он знал, что я ничего не могу с этим поделать, разве что уйду из банка. Валери была зла как черт.

— Все будет хорошо, — сказал я ей. — Мы все равно останемся в одном отделе и будем веселиться, как прежде.

— Но, Брэдли, он просто *невыносим!* — прошептала она из-за своего нового стола, прямо перед кабинетом Бовэя. — Он постоянно хлещет черный кофе и никогда не жует жвачку! А эти зубы!

Я рассмеялся и сжал ее руку:

— Поставь ему на стол миску с мятой. Может быть, он поймет намек.

Однако мои слова не могли настроить ее на позитивный лад, и она начала подумывать об уходе. А Бовэй, отлично видевший, насколько сильно она настроена покинуть банк, предпочел не бороться за нее, а обмануть при выдаче годового бонуса. Когда я перетащил Валери из Barclays, я пообещал ей большую прибавку — 20 000 швейцарских франков. Именно такое условие я поставил перед UBS, и она об этом знала. Однако размер бонусов был в компетенции боссов, а Бовэй был просто злобным мудаком. Как-то утром я увидел Валери перед зданием банка — она курила и плакала. Узнав, что произошло, я пришел в бешенство. Поднявшись наверх, я решительно вошел в кабинет Бовэя. Он говорил по телефону.

— Что происходит с бонусом Валери? — я еле сдерживался, чтобы не врезать ему.

— Его нет в бюджете, Брэдли. — Он пытался не усмехнуться через свои зубы, напоминая противотанковые ежи.

— Нет в бюджете? Каком, на хрен, бюджете?!

— Она работает на меня всего три месяца. У меня не было времени оценить ее результативность. Может быть, что-то получится на следующий год. А кроме того, разве вы не видите, что я разговариваю по телефону?

Я выскочил из его кабинета, но затем попытался спокойно подумать. Я мог вопить, спорить и сражаться, однако до рождественских праздников оставались считанные дни. Поэтому я достал карточку, подошел к банкомату, получил десять купюр по тысяче швейцарских франков и положил их в конверт. Швейцарские банкоматы умеют даже это. Затем я пригласил Валери в одну из переговорных комнат и вложил конверт ей в руку. Открыв его, она зарыдала еще сильнее.

— Нет, Брэдли. Я не могу их взять.

— Нет уж, Валери, — сказал я. — Мы пришли сюда вместе, я обещал позаботиться о тебе, и я это сделаю.

Она обняла меня, а я отстранился и вернулся к своему столу, пока меня не захватили эмоции. Но в глубине души я кипел. *Что за дешевый ублюдок!* Он жалел денег даже на то, чтобы разобраться со своими ужасными зубами. Когда дело касалось денег, Бовэй становился настолько жестким, что вы не смогли бы вытащить иголку из его задницы даже с помощью эвакуатора. Уродливый, злобный и дешевый — хуже некуда.

Вскоре после этого, в начале 2005 года, Бовэй попытался провернуть ту же схему, но уже со мной. Моя ежегодная премия составляла 18 процентов от доходов, полученных банком от моих клиентских счетов. Именно такое условие было оговорено, когда я переходил в UBS. Я тщательно, до последнего цента, отслеживал суммы доходов, хотя прекрасно знал, что швейцарские банкиры никогда никого не обманывают. И вот наступил день выплаты премии, но я не получил своей четверти миллиона. Я подождал пару дней, пока несколько моих коллег не подтвердили, что на их счета уже пришла премия. И тогда я вновь зашел в угловой офис Бовэя. На этот раз я был спокоен, как смерть.

— Кристиан, думаю, что у нас тут возникла бухгалтерская проблема. — Я достал лист бумаги и прищурился, глядя на него. — Согласно моим расчетам, на моем личном счету должно быть на 247 890 швейцарских франков больше. Судя по всему, моя премия ушла в самоволку.

Он повел в мою сторону своим крысиным носом.

— Что это значит?

— Самоволка — это когда кого-то нет на месте.

— Давайте не будем суетиться, Брэдли. — Он взмахнул рукой. — Я думаю, что вы и так много зарабатываете.

Я и бровью не шевельнул.

— Знаете, Кристиан, вы правы. Не стоит суетиться. Вы можете решить проблему прямо сейчас или обсудить ее с моим адвокатом.

Я вытащил из серебряной визитницы, стоявшей на его столе, одну из карточек.

— Я просто дам ему вашу карточку, чтобы он знал, как с вами связаться. А за это время вы, может быть, еще раз подумаете о том, чтобы выполнить обязательства по моему контракту.

Я ушел. Как и следовало ожидать, на следующее утро премия уже была на моем счете.

Однако после этого и истории с Валери атмосфера в отделе стала тяжелой, как запах моря при отливе. Я выяснил, что Бовэй пытался надуть всех, а не только меня. Казалось, будто наша большая счастливая семья начинает распадаться под влиянием садиста-отца. А когда такое начинается, недалеко и до людоедства.

Как-то ранним вечером в апреле 2005 года я сидел за своим столом, предвкушая небольшой поход по клубам с друзьями после работы. Вдруг я почувствовал, что у меня за плечом кто-то стоит. Это был мой приятель Джеймс Вудс, высокий и лысый шотландец, веселый и приветливый. Его брови были нахмурены, а в руках он держал листок бумаги. Склонившись ко мне, он тихо произнес.

— Брэдли, думаю, что тебе стоит на это взглянуть. Это начало одного внутреннего меморандума.

Я взял лист и посмотрел на заглавие. «Трансграничная банковская политика». Мне потребовалось прочитать лишь несколько строк, чтобы понять суть (документ 2). Это была бомба с часовым механизмом, тикавшим под каждым сотрудником американского отдела. «Управляющие частным капиталом (УЧК) *не занимаются* следующими видами деятельности...» — и перечень именно тех видов деятельности, за которые нам платили деньги! Простите, что?! Я тряхнул листом в воздухе, и он щелкнул, как хлыст.

— Где, блин, ты взял это, Джеймс?

— Я нашел эту херню в нашей внутрикорпоративной сети.

— Покажи! Я никогда не видел этой бумажки, и сто пудов, что нас никогда по ней не учили!

Он показал мне, где нашел это. Размеры внутренней сети UBS даже представить себе сложно. Там можно найти тысячи страниц с описанием продуктов, всевозможные обучающие материалы, формы о соблюдении установленных требований, презентации в PowerPoint, внутренние меморандумы, рабочие документы, бухгалтерские записи и годовую отчетность. Вы могли запихнуть в сеть документ размером с «Войну и мир», и его никто и никогда бы не нашел! Джеймс взял мою мышь и показал, как выкопать этот документ, открыв папки «Международный частный банкинг», в нем — «Америка», затем — «США» и, наконец, «Основные документы по стране — новые».

Я забрал у него мышь и щелкнул документ. Передо мной открылся весь трехстраничный меморандум, напечатанный убористым шрифтом. Каждое его слово было смертельно опасным для всех управляющих частным капиталом в американском отделе: «УЧК *не должны* путешествовать в континентальные США с целью поиска американских клиентов... УЧК *не должны* предлагать продукты, находящиеся за пределами юридических параметров, установленных налоговыми правилами США... УЧК *не должны* участвовать в деятельности, направленной на привлечение Новых Денег от клиентов с помощью маркетинговых предложений».

Какого хрена?

Иными словами: «Управляющие частным капиталом для UBS *не будут* делать все то, о чем мы им говорим и за что платим им один долбаный год за другим!»

Пока я читал этот документ, у меня начали заметно трястись руки. Компания, на которую мы работали все эти годы и которой доверяли свое будущее, была готова сдать нас с потрохами!

— Твою мать! — прошипел я. — Я никогда не видел этого гребаного документа. Почему нам никто о нем не рассказал?!

Джеймс забрал у меня из рук листок.

— Вот *поэтому* я и решил тебе его показать, дружище.

— Хорошо, — сказал я. — Иди к себе, поговорим об этом позже.

Он ушел, а я остался, уставившись на свой монитор, как жена, обнаружившая презерватив в бумажнике своего мужа. Это просто не могло быть правдой. Возможно, это был какой-то случайно не стертый черновик, который адвокаты написали задолго до того, как UBS решил отправить нас за добычей, как карманных воришек. Возможно, его просто забыли уничтожить. Или же это должно быть стать каким-то предупреждением для нас, но руководители посчитали, что оно подорвет наш энтузиазм, и просто положили его в папку. А затем они решили двинуть вперед во весь опор, научить нас основам криптографии, сбрасывания хвостов, пользования одноразовыми телефонами, чтобы мы могли чуть вольнее трактовать закон и приносить домой лакомые кусочки. Ведь это должно быть так? Джеймс просто неправильно понял намерения этого документа. Ведь так? Они не хотели нас сдать. *Правильно?*

Я принялся вновь изучать меморандум. На нем не было обычного для таких документов заметного кроваво-красного логотипа UBS с тремя ключами. В заголовке не было написано ничего, кроме «Отдел безопасности и комплаенса». И тогда я обратил внимание на дату: 24 ноября 2004 года. *Две тысячи, твою мать, четвертый год.* К тому времени мы давно уже мотались по яхтенным регатам и гольф-турнирам. Всего полгода назад, в самый разгар войны... В тот самый момент, когда во всем мире уже, как с цепи сорвавшись, охотились на миллионы долларов, ускользающие от налогов, адвокаты компании создали этот документ, чтобы прикрыть начальство, и похоронили его в такой глубокой швейцарской жопе, где никто и никогда не мог бы его найти!

Я быстро перечитал документ еще раз, чувствуя, как мое лицо начинает пылать, а воротник белой рубашки душит меня, как боа-констриктор. Я рывком ослабил галстук. Три страницы юридической херни, напечатанной через один интервал.

«Не смейте *этого* делать, парни. Не смейте *этого* делать, парни. Такие действия не что иное, как явное, прямое и четкое нарушение того, что может разрешить вам это учреждение. А если вас за этим поймают (хотя именно этому мы вас учили перед тем, как выбросить из самолета без парашюта), руководство будет отрицать, что знало о ваших действиях».

Твою мать, прямо как в фильме «Миссия: невыполнима»! Я сжал руку в кулак и шарахнул по столу, от чего сидевшая рядом секретарша подпрыгнула в своем кресле. Она что-то сказала, обращаясь ко мне, но я даже не взглянул в ее сторону. Мои глаза испепеляли монитор.

Кристиан Бовэй. Это он, долбаный, скользкий, рассыпающий перхоть ублюдок с гнилыми зубами. Это была его работа с самого начала, и я проклинал себя, что упустил возможность обшарить его кабинет — кто знает, что я мог бы найти в его крысиной норе? Кокаин? Пистолет и три поддельных паспорта? Толстое досье на Биркенфельда с моей фотографией и записями обо всех схемах, которые я для него проворачивал? Я был готов заключить пари на каждый швейцарский франк на своем банковском счете, что у этого ублюдка было досье на каждого из нас на случай, если к нему нагрянут американцы или канадцы. И тогда он бы ухмыльнулся во весь свой рот, полный кривых зубов, и сдал бы всех нас, заявив, что все это время вел внутреннее расследование о коррупции.

А потом этот новый Бенедикт Арнольд ^[43] достал бы три сраные страницы и стал бы махать ими в подтверждение того, что нас всех предупреждали не нарушать закон!

Ублюдок Бовэй оказался настоящим сатаной. По сравнению с ним я был просто доверчивым и наивным дурачком, долбаным банкиром Люцифера.

Я посмотрел в сторону его кабинета — темно, дверь заперта. Этому идиоту повезло, что он уже ушел домой, потому что, если бы он был там, я бы разmozжил ему череп его хрустальной пепельницей Swarovski. Дыша, как марафонец после забега, я долбанул по клавиатуре, и принтер выплюнул три страницы этого кошмара. Я сложил распечатку, сунул ее в карман пиджака, выключил компьютер, встал, обернул шарф вокруг шеи и толкнул кресло к столу. Раздался звук, как при столкновении автомобилей на дороге. Болтовня в комнате прекратилась. Я чувствовал чужие взгляды, но сам я видел только красный туннель и огромную стеклянную дверь в конце коридора. Я с грохотом открыл ее и вышел в ночь, слыша, будто со стороны, свой сдавленный шепот.

Ублюдки!

«Не знаю, что будет дальше, но я хочу получить свое до того, как весь этот сортир охватит огонь».

Джим Моррисон, лидер группы Doors

Я знал, что все стервятники уже разлетелись по домам, чтобы немного отдохнуть.

У меня шла кругом голова. Выскочив на улицу Рю дю Рон, я внезапно остановился, не зная, куда себя деть. Я раскрыл мобильный телефон и отказался от выпивки и ужина с приятелями, хотя и понимал, что мне нужно не меньше трех порций крепкого. Вместо этого я решил прогуляться. Мне нужно было хорошенько подумать с ясной головой.

Наступил прохладный весенний вечер. С садов, разбитых на крышах фешенебельных гостиниц, светили огни, а с набережной доносились звуки концерта классической музыки. Но я не видел и не слышал почти ничего. Я просто шел по брусчатке сквозь толпы людей, наслаждавшихся весной, как сквозь толпы призраков. Я дымился от злости, размышляя об уродливом повороте своей судьбы и пытаюсь хоть немного остыть.

— Расслабься, Биркенфельд, — сказал я себе. — Давай рассуждать логически.

Конечно, я бы не стал невероятно успешным частным банкиром, работающим по всему миру и умеющим справляться с высокими рисками, если бы был милым и наивным, как Мэри Поппинс. В UBS что-то явно прогнило, и, хотя в глубине души я чувствовал это уже давно, мне было очень неприятно узнать тошнотворную правду. Но могло ли быть так, что вся эта история с секретным меморандумом была простой ошибкой? Может быть, я опережаю события? Вдруг этот меморандум был лишь черновиком, идеей, которую придумал и ошибочно занес в систему какой-то практикант из юридического отдела? А может быть, его сочинил какой-нибудь расстроенный сотрудник с маленькой зарплатой, который хотел устроить компании веселый денек? Заложить поглубже бомбу, и в нужный момент — бабах! Ну правда, неужели Кристиан Бовэй и Мартин Лихти действительно могли подставить нас таким образом? Ведь мы приносили фирме просто охрененно большие деньги. Могли бы они толкнуть своих благодетелей даже не под автобус, а под скоростной поезд, несущийся на всех парах?

Да, могли. Внезапно я понял ужасную истину — это действительно было так. *Они бы сделали это, не моргнув глазом.* Становилось жарковато, американские и западноевропейские «федералы» шныряли по всему миру и давили со всех сторон. Все могло взорваться в любую минуту, и швейцарские мафиози из UBS хотели тщательно прикрыть свои задницы. С чего им было бы о нас заботиться? Даже если бы нас, банкиров американского отдела, принялись подвешивать на дыбе, эти люди все равно продолжали бы получать немалые швейцарские зарплаты. В банковском деле очень мало достойных людей, а героев и вовсе нет. Если вы думаете иначе, просто заведите знакомство с кем-нибудь из местного банка.

Начался дождь. Я бросил окурок в лужу, и он зашипел как змея. Я подумал, что те люди, с которыми мне приходится иметь дело, те еще гадюки, и отправился домой, чтобы поразмыслить, как бы половчее отрубить им головы.

В моей квартире было прохладно, и я затопил камин. Подбросив дров в очаг, я стянул ботинки, налил себе большой стакан Johnnie Walker и растянулся на зеленом кожаном

диване, наблюдая за игрой языков пламени. Можно было бы позвонить брату в Бостон, но Дуг, конечно, тут же велел бы мне собирать вещички и убираться из Швейцарии. Возможно, это было бы правильно, но бежать — не в моем стиле. Я слишком долго строил свою карьеру в Женеве, и если мне суждено покинуть UBS, то я сделаю это, как генерал Шерман в времена Гражданской войны, с честью пробивший себе путь в Атланту.

Однако для этого мне нужен был четкий план, и никакой стрельбы от бедра. Я не зря изучал в колледже труды военных тактиков, таких как Джордж Паттон и Эрвин Роммель, а в бизнес-школе разнообразные маневры в области делового права. Я должен был разыграть свою партию очень точно, как замысел хорошего гроссмейстера. И если я хотел сохранить шкуру и себе, и своим коллегам, мне нужно было просчитать все варианты развития событий. После пары часов размышлений за выпивкой и двумя большими сигарами Cohibas, выкуренными до скоса, я отбросил все надежды на то, что этот меморандум безопасен, и остановился на жестокой правде. Мои двуличные боссы могли в любую минуту сдать меня и моих коллег американским властям и заявить, что они всю дорогу запрещали нам заниматься тем, что мы делали. *Именно это* и означал Трехстраничный Меморандум.

В конце концов я отправился спать. Некоторые на пороге генерального сражения спят очень плохо, но я спал, как спят снайперы, пополняя запасы силы, накапливая энергию и готовясь к максимальной концентрации.

На следующее утро, ровно в 9 часов, я ворвался в офис Кристиана Бовэя как бешеный бык. Он дернулся на своем стуле, когда я с грохотом захлопнул дверь, швырнул ему на стол копию Трехстраничного Меморандума и наклонился, ударив костяшками пальцев по блестящей столешнице.

— Это что за *хрень*, Кристиан?

Он поднял одну руку, будто пытаясь отпугнуть какого-то демона, вытянул шею и прищурился, глядя на документ. Затем он кивнул, сел в кресле поудобнее и улыбнулся, обнажив свои зубы-отмычки.

— Здесь нет ничего, что могло бы вызвать ваше беспокойство, Брэдди.

— Ничего? — я еще сильнее наклонился вперед. — Неужели?!

— Да, именно так. — Он пытался не смотреть мне в глаза, которые наверняка в тот момент горели как угли.

— Не стоит гнать волну, Брэд. Здесь нет ничего страшного.

И тут я дотянулся до него, схватил за ворот и вытащил его из кресла. Мы стояли нос к носу, а моя вторая рука уже сжалась в кулак.

— *Твою мать*, Кристиан! — прошипел я ему в лицо. — Ничего страшного? Это, твою мать, *очень* страшно!

Я ткнул пальцем в меморандум.

— Ты ставишь нас всех под угрозу. *Всех!* Не только меня, но и моих коллег, наших клиентов и всех гребаных акционеров! Ты это понимаешь?

Я чувствовал, как он трепыхается в моих руках. Я был намного крупнее его, и он знал, что я могу просто поднять его в воздух и выбросить в огромное окно. Он что-то пробормотал о том, чтобы я не давал воли эмоциям и о соблюдении стандартных офисных процедур и практик, однако кровь настолько громко шумела в моих ушах, что я его едва слышал. Моя атака была тщательно рассчитана, но ярость была неподдельной.

— Знаешь что, Кристиан? — сказал я, наклонившись к нему так близко, что мог бы откусить ему нос. — Пошел на хер!

Я отбросил его, схватил меморандум со стола, вылетел из кабинета и захлопнул за собой дверь. Первым, что я увидел, были глаза Валери, которая таращилась на меня из-за своего стола с таким видом, будто лев разрывал ее босса на мелкие кусочки. На всем этаже царила мертвая тишина, все банкиры и ассистенты застыли в неестественных позах. Я поправил галстук, ухмыльнулся им и сказал «*Bonjour, mes amis*^[44]. Сегодня прекрасный день!»

Затем я подошел к своему столу, снял пиджак, сел и зажег сигарету. Подошел Жак Леба с чашкой дымящегося кофе и сел прямо перед мной.

— Возможно, мне сюда стоило плеснуть бурбона, да только рановато, — сказал он и облокотился о стол. — Рассказывай, Брэдли.

— Спасибо, *mon ami*. — Я сделал большой плоток кофе и протянул Жаку страницы. — Взгляни на это.

Через несколько секунд глаза Жака расширились, а затем он принялся листать страницы, будто пытаюсь понять, где в них кроется розыгрыш. Затем к нам подошел Джеймс Вудс, который накануне нашел этот отвратительный документ и уже знал, о чем идет речь. Он посмотрел на Жака, вопросительно подняв брови.

— Неприятная фигня, правда, Жак? Я выкопал это в корпоративной сети.

Затем к нам подтянулись мои приятели Анхель Гомес и Штефан Мундвиллер. Они прочли документ, переглянулись и прошептали:

— Что это за дерьмо?

— Это наш смертный приговор, парни, так что бегите к гробовщику, чтобы он успел снять с вас мерку, — сказал я.

— Когда это появилось, Брэдли? — спросил Жак.

— Датировано ноябрем, — сказал я. — Но кто его знает? Это могло лежать здесь многие годы. Тут написано «версия от ноября 2004 года», то есть это могли кучу раз редактировать и переписывать. Вы видите, что здесь нет логотипа? Знаменитых «трех ключей» UBS? Банк хранит этот документ на черный день, чтобы прикрыть им свои задницу. Если мы все утонем, они так и останутся под своим золотым зонтиком.

— Так что это значит, Брэд? — темные брови Анхеля сошлись, как пара вороньих крыльев.

Всего через пару недель они вместе со Стивеном должны были отправиться в очередную поездку охотников и собирателей, в Даллас и Майами соответственно.

— Это значит, амиго... что мы все в жопе. Вечеринка окончена.

Парни разошлись по своим столам, качая головами и что-то бормоча друг другу. Джеймс уходил последним, и я схватил его за локоть.

— Слушай, чувак, — сказал я. — Тебе нужно уходить из североамериканского отдела. Переведись куда-нибудь еще, скажем, в южноафриканский. И сделай это прямо сейчас. Ты меня понимаешь?

Он мрачно кивнул. Джеймса не нужно было предупреждать дважды.

— А куда двинешь ты, Брэд?

— Пока что никуда, — ответил я. — Мне нужно кое-что изучить.

— Труды Сунь Цзы?

Я улыбнулся ему.

— Именно. «Искусство войны»^[45].

Джеймс улыбнулся в ответ и ушел, однако было заметно, насколько сильно он потрясен.

А что же я? Я был, так сказать, взболтан, но не смешан^[46]. Я знал, что делать дальше. Я не собирался просто так покинуть работу. Если бы я так сделал, а потом все в банке перевернулось вверх дном, то любые следователи, изучающие гнусные делишки UBS, все равно прицепились бы ко мне и у меня не было бы никаких доказательств того, что я когда-либо протестовал или хоть как-то выступил против. Мне нужно было затеять скандал. Однако первое правило при раскрытии корпоративных преступлений — соберите улики и храните их в надежном месте.

Поэтому следующие две недели я вел себя так, будто смог забыть об «инциденте с меморандумом». Я продолжал искать клиентов — Новые Деньги — и обслуживать тех, кто уже попал в мою книжечку. Я звонил по телефону, сидел с ногами на столе, курил и пил в офисе, как и все остальные, и выдавал положенную долю фирменных «биркенфельдовских» шуточек. Я вполне любезно общался с Бовэем, давая ему понять, что у меня просто была кратковременная истерика.

В то же самое время я потихоньку, но последовательно собирал улики для своего плана. В первую очередь я нашел все документы наших внутренних тренингов по вопросам безопасности и соблюдения законодательства — по сути, это были руководства UBS о том, как незаметно совращать североамериканских клиентов, оставаясь при этом вне поле зрения властей США. Я перерыл все свои файлы и переписку за несколько лет и сохранил все письма с выражениями типа «Давите сильнее! Нам нужно больше Новых Денег!» от Лихти Гиньяра, Бовэя и руководителей более высокого уровня, таких как Рауль Вейл. Затем я собрал записи о собственных клиентах, а также о нескольких «крупных рыбах», работой с которыми занимался Бовэй. Я забрался в его сейф и потрудились сопоставить огромное количество секретных счетов с конкретными записями. Все это я скопировал и вынес из банка. А дома я ночами выпивал, курил, слушал свой любимый джаз и изучал документацию о незаконной деятельности UBS.

В эти несколько недель я почти не ходил на вечеринки, разве что появился кое-где для виду. И хотя я знал, что мои дни в UBS сочтены, я планировал уйти на своих условиях и в подходящее время. Я уже решил, что навсегда покончил с частным банковским обслуживанием. Это все было здорово и круто, но сколько можно впаривать клиентам акции, облигации, иностранные валюты и золотые слитки, не теряя энтузиазма? Я собирался перейти на следующий этап и заняться прямым инвестированием, используя все полученные за многие годы контакты для объединения людей с деньгами в партнерства, а затем получать свою долю от результатов работы новых предприятий. Я знал множество людей с отличными идеями для стартапов в области новых видов энергии, биотехнологий или строительства гостиниц-курортов в привлекательных местах. Еще я знал многих людей, готовых вложить деньги в такие проекты. Я мог бы свести их и получать от этого и вознаграждения, и опционы на акции в новых компаниях^[47]. Проверните нечто подобное несколько раз, и вы обеспечите себя на всю жизнь. Я знал, что могу добиться успеха и мне больше не придется отчитываться перед неблагодарными корпоративными боссами.

На дворе стояла середина мая 2005 года. И в тот момент, когда я уже собрал достаточно нужных материалов, Игоря Оленикоффа арестовали в Калифорнии. Это оказалось полной неожиданностью для всех. Я позвонил ему из телефона-автомата, что было стандартной практикой для таких клиентов, и хотел проконсультировать его насчет одной из его инвестиций.

— Я не могу сейчас говорить, — сказал он приглушенным шепотом, не называя меня по

имени. — У меня в офисе налоговая служба... и полицейский спецназ.

Затем он сбросил звонок, а я посмотрел на телефонную трубку, и мне показалось, что она внезапно превратилась в усохшую человеческую голову. Он что, действительно сказал «спецназ»? *Твою мать!* Волки уже за дверью, и они уже впились в Оленикоффа. Как это ни странно, но он предвидел, что такое может произойти.

За несколько лет до этого Оленикофф приобрел 120-футовую яхту и назвал ее «Русалка». Это прекрасное судно построили какие-то японцы, надеявшиеся выиграть на ней America's Cup, а потом использовать в качестве площадки для разных праздничных мероприятий. Затея не увенчалась успехом, возможно, потому, что после битвы при Мидуэе^[48] японцы окончательно отучились плавать по морям. Как бы то ни было, Оленикофф увидел ее в токийской гавани, заплатил за нее немалую сумму и приказал капитану привести ее в Калифорнию, а потом через Панамский канал во Флориду. Там мы выпивали на яхте с Игорем и кучей других приятных людей во время знаменитого яхтенного шоу в Палм-Бич. Весной 2004 года он позвонил мне и сказал:

— Брэдли, я отправляюсь в круиз на «Русалке» — в Гватемалу, Гондурас и Белиз. Хотите с Марио ко мне присоединиться?

— С радостью!

Я тут же перезвонил Марио Стагглу, занимавшемуся всеми офшорными структурами Оленикоффа. Мы вылетели в Лос-Анджелес, а оттуда — в Центральную Америку. Мы с Марио были больше, чем просто коллеги. Его трастовая компания в Лихтенштейне была очень востребована, и я часто передавал ему своих клиентов и их деньги, зная, что он сможет их надежно сохранить. Каждый раз, когда Марио создавал трастовую структуру для кого-то из моих клиентов, он вместе со своим партнером доктором Клаусом Бидерманом (автором серьезной книги о трастовых законах Лихтенштейна) получал за свои услуги очень неплохие деньги. В свою очередь, он щедро благодарил меня, например пухлыми конвертами, в которых лежало по 50 000 швейцарских франков (не облагавшихся налогами). В перерывах между сделками мы с Марио веселились — катались на лыжах в Церматте, занимались планированием сделок в Лондоне, ездили на Венецианский кинофестиваль и прочие значимые мероприятия по всей Европе. Марио был великолепным бухгалтером, очень забавным человеком и большим модником. Он немного напоминал Эдди Мюнстера^[49] и обладал заразительным смехом, как у комика Бадди Хакетта.

Мы плыли по Центральной Америке и развлекались на яхте Оленикоффа, и как-то вечером недалеко от берегов Белиза «Безумный Русский» отвел нас в сторонку.

— Господа, — сказал он со своим ельцинским акцентом, — должен вам сообщить, что, возможно, нам придется закрыть наши с вами предприятия.

— Почему, Игорь? — спросил Марио.

— Скажем так, у меня есть ощущение, что за мной наблюдают.

— Маленькие серые налоговые инспекторы? — спросил я, отхлебнув немного скотча. Нас обдувал легкий ветерок, и воздух был пронизан морской свежестью.

— Я миллиардер, Брэдли. — Оленикофф улыбнулся и пожал плечами. — Те, кто работает на госслужбе и получает копейки, не очень любят тех, у кого есть яхты. Нам нужно подумать, как вывести мои деньги из UBS.

— Ну, это несложно, — сказал я. — Правда, Марио?

— Пара пустяков, — ответил тот.

— Когда только захотите, Игорь, — добавил я.

Честно говоря, я надеялся, что он остынет и изменит свое мнение. Если бы он вывел свои 200 миллионов из UBS, моя личная премия стала бы намного меньше. Однако безопасность и удовлетворенность клиентов всегда оставались для нас главной целью. Если вы будете давать клиентам плохие советы, то вскоре останетесь без клиентов.

— Я дам вам знать. — Оленикофф улыбнулся и помахал другим своим гостям, кучке приятелей по студенческому братству, выпивавшим около рулевого колеса. — Идемте смотреть на закат!

Но тогда он не стал рвать когти — зато теперь к нему ворвались чуваки с большими пушками и в шлемах. Я живо представлял себе, как они обшаривают его офис и выносят из него компьютеры и кучи бумаг. Мне было интересно, всплывет ли мое имя, когда они разберутся со всей этой писаниной в Вашингтоне. Однако я не слишком беспокоился. Я был всего лишь посредником, частным банкиром, защищенным швейцарским законом. Оленикофф сам отвечал за свои деньги и налоги. Меня его налоги не волновали... точнее, так мне казалось. Мне и в голову не могло прийти, что, когда федералы пригрозят ему обвинением, то он запаникует и укажет... *на меня*.

После разговора с Оленикоффым я перезвонил Марио и предупредил его:

— Будь готов действовать, приятель. У Игоря серьезные проблемы в Калифорнии.

Но это не смутило Марио. Он был успешным и хитрым, имел десятки невероятных богатых клиентов типа Оленикоффа и чувствовал себя в полной безопасности в Лихтенштейне, где банковские законы были еще более закрытыми и жесткими, чем в Швейцарии. Затем я рассказал ему о трехстраничном меморандуме и о том, что ему нужно хранить эту информацию в секрете.

— Мне никогда не нравились швейцарцы, — сказал он.

— Я и сам начинаю их понемногу ненавидеть.

— В Лихтенштейне сможешь чувствовать себя, как дома!

— Спасибо, но мне нужно еще кое-что доделать.

— Разумеется.

Марио знал, что я не из тех, кто подставляет вторую щеку.

С приходом июня наступило время для второй фазы моего тактического гамбита. Я не знал наверняка, поделился ли Кристиан Бовэй своими опасениями насчет меня с начальством, но, понимая внутреннюю природу этого скользкого ублюдка, я понял, что он предпочел придержать информацию при себе, чтобы ничто не помешало ему и дальше зарабатывать свои денежки. Для меня наступило время поднять бучу внутри банка. «Я знаю, что вы, ребята, затеяли, а теперь и вы знаете, что я это знаю. Поэтому давайте-ка поговорим откровенно».

Я сел за стол и написал докладную записку главе юридического отдела UBS Рене Вютриху и главе отдела комплаенса UBS Филипу Фрейю. К письму я прикрепил копик трехстраничного меморандума.

«Дорогой Рене,

Я пишу вам в связи с очень серьезным вопросом, способным привести ко множеству негативных последствий. Я обязан поставить вас в известность об этом, а также заверить в том, что я, как один из директоров компании, действую в полном соответствии с политикой и процедурами UBS.

Во внутренней сети UBS (папка «Международный частный банкинг» — «Америка» — «США» — «Основные документы по стране — новые») я обнаружил объемный юридический

документ (см. приложение), описывающий рынок, на котором я работаю в настоящее время, — Соединенные Штаты Америки.

Прошу вас ответить мне, поскольку я считаю, что этому вопросу должно быть уделено немедленное и серьезное внимание не только в связи с моей собственной работой, но и с деятельностью моих коллег в Женеве и Цюрихе! Благодарю за ваше время и силы.

С наилучшими пожеланиями,

Брэдли С. Биркенфельд

Директор»

Я нажал кнопку «отправить» и принялся ждать. Ждать пришлось долго. Честно говоря, я рассчитывал хотя бы на какой-то ответ или, по крайней мере, на частную консультацию, в ходе которой Вютрих и Фрей попытались бы меня успокоить. Ровным счетом ничего. Nada^[50]. Прождав неделю, я понял, что они меня игнорируют. «Хорошо, ребятки. Хотите поиграть в молчанку? Что ж, я врежу вам, когда вы будете уверены, что я сдался».

Тем временем мне позвонил Оленикофф и сообщил о своем решении перевести деньги из UBS в небольшой банк в Лихтенштейне. Должен признаться, что нервы у этого парня были ого-го — он звонил мне по открытой линии уже после того, как федералы обшарили его офисы, и зная, что они наверняка прослушивают его телефоны. А возможно, он понял, что неприятностей не избежать и что он не сможет спрятать свои активы, поэтому и решил перевести их в какое-то место, более безопасное, чем Швейцария. Когда дело касалось чужаков, пытающихся разнюхать тайны частного банковского бизнеса, жители Лихтенштейна были еще круче швейцарцев. Марио знал банкиров, которые скорее умерли бы, чем стали разговаривать с американскими налоговыми органами. Марио, как доверенное лицо, сообщил Оленикоффу, что обеспечит ему полный учет его активов и выполнит перевод по его распоряжению.

В принципе это было мне на руку. Я знал, что рано или поздно уйду из банка, а исчезновение денег Оленикоффа из моего портфеля давало мне хороший повод покинуть сцену. Не то чтобы мне было на самом деле нужно какое-то оправдание, просто в Европе правильно оформленная отставка приносит с собой немало благ, и, если основания выглядят достаточно разумными, весь процесс проходит без проблем. Вы получаете зарплату за следующие шесть месяцев и все причитающиеся вам по закону премиальные.

Атмосфера в отделе становилась все более удушающей. Это напоминало мне нефтеперерабатывающие предприятия в Нью-Джерси, извергающие в воздух всякое дерьмо, пока губернатор штата продолжал твердить о «Садовом Штате»^[51]. Я тогда не выезжал за пределы Европы, но многие мои коллеги были все же вынуждены выполнять функции охотников и собирателей в Штатах. Невероятно, но Мартин Лихти рассылал все больше писем с призывами привлечь новых клиентов, а мои приятели-банкиры становились все более нервными, как коровы перед землетрясением. Мне было неприятно за них, однако на разнообразных вечеринках и встречах за парой бокалов я непрестанно махал красным флагом и предупреждал их о том, что пора задрать все люки и готовиться к худшему. Это было все, что я мог сделать.

В июле, не услышав ничего от Вютриха или Фрея, я повторно отправил свое электронное письмо, продублировав его бумажной копией с приложенным трехстраничным меморандумом. Ответа не было, ни вежливого, ни грубого — никакого. В августе я сделал еще один запрос. В ответ — оглушающее молчание. «Хорошо же, ублюдки, — мысленно сказал я им. — Я дал вам шесть шансов. Я вам не какая-нибудь школьница, вытирающая

сопли об юбку под столом. Смотрите, что будет дальше».

Проработав четыре года в UBS, я знал немало таких же частных банкиров, как и я сам, из разных подразделений — в Женеве, Цюрихе и Лугано. Угадайте, кто получил копии трехстраничного меморандума, щедро разосланные вашим покорным слугой? Я знал, что делаю, распространяя страх и неуверенность, как Черная Смерть^[52], и делал это с вполне конкретной целью. Я хотел увидеть, как отреагирует начальство, когда лояльные банкиры, почувствовав ножи у горла, станут жаловаться. Все мои друзья написали мне, что их менеджеры принялись чуть ли не танцевать вокруг них с извинениями и ложью о том, что они не знали о содержании меморандума. Это еще сильнее подтвердило мои подозрения. Они сдвигали ряды, оставляя нас на произвол судьбы. Не изменилось ровным счетом ничего, UBS продолжал работать, как обычно. Никакие процедуры работы с офшорами ни в одном отделе не изменились и не были отменены. Ублюдки хотели получать свои деньги, а если их солдаты «погибнут в бою», это в порядке вещей.

Все было предельно ясно. Но я не собирался на кладбище в гробу, накрытом швейцарским флагом. В середине сентября я встретился с двумя разными юридическими фирмами в Женеве, занимавшимися решением трудовых споров, и рассказал адвокатам мою историю. Ни одна из фирм не знала, что я консультируюсь с другой. Я специально скрыл это, поскольку хотел сравнить их реакцию. Обе группы адвокатов сказали одно и то же.

— Мистер Биркенфельд, немедленно увольняйтесь из банка!

Мне не нужно было повторять дважды. Но это было совсем непросто — распрощаться с самыми успешными и прибыльными годами моей профессиональной жизни. Тем не менее я сделал глубокий вдох и 5 октября 2005 года, чуть меньше, чем через четыре года после прихода в UBS, напечатал короткое письмо о своей отставке и зашел с ним к Кристиану Бовэю.

— Я просто в шоке, Брэдли! — сказал он. — Вы так хорошо работали у нас... я не понимаю.

На эти слова я просто покачал головой, думая о том, что не буду скучать по перхоти и кривым, как у енота, зубам этого проныры.

— Уверен, что вы это поймете, Кристиан, — ухмыльнулся я и вышел вон.

Они продержали меня на рабочем месте еще неделю, занимаясь оформлением всей «посмертной» документации. Почти сразу после визита к Бовэю я вытащил Валери на обед, потому что не хотел, чтобы она слышала о моем уходе от кого-то еще.

— Все это так ужасно, — всхлипнула она. — Я не хочу там больше оставаться. Без тебя все будет не так.

— Эй, взбодришься! — Я улыбнулся и коснулся ее щеки, мокрой от слез. — У нас всегда будет Женева^[53]. Кроме того, я не умираю. Мы будем веселиться так же, как и раньше, просто не за счет UBS.

Но это не помогло. Вскоре она тоже ушла. Могу сказать, что скучаю по ней до сих пор. Она была милой девушкой, отличным другом и идеальной Мисс Манипенни.

В конце недели меня вызвали в главное здание UBS для небольшого прощального интервью с главой отдела кадров Моникой Беш. Кроме нее, в комнате был парень, которого мы все знали просто по имени — Юрг. Он был посредником между Кристианом Бовэем и Мишелем Гиньяром в Цюрихе, поэтому я понял, что большие шишки пришли в беспокойство. Я разозлился, не успев даже сесть в кресло.

— Брэдли, почему вы уходите? — спросила Моника с фальшивой заботой. — Мы не

понимаем.

Я закатил глаза.

— Давайте не будем пороть чушь, Моника. Три месяца я спрашивал вас всех, какого дьявола в нашей системе делает этот трехстраничный меморандум, и никто мне так и не ответил.

При этих словах Юрг заметно напрягся.

— Вы никогда не получите ответа.

Он был очень похож на швейцарскую версию Шрека, с его огромными руками, головой, как тыква, дешевым костюмом и белыми носками.

Это *реально* разозлило меня еще сильнее. Я включил типичного Биркенфельда, встал и склонился к ним через стол. На это они оба отпрянули в своих креслах.

— Ты сильно ошибаешься. Я *получу* ответ. Могу *гарантировать*, что получу. Но вот этой всей хренью я заниматься больше не буду!

Я вытащил свой бумажник.

— Вот моя карточка UBS и все мои кредитки.

Я разложил их на столе, как открывают карты в покере.

— У меня все.

Я вернулся обратно в наше здание. Увидев мое лицо, охранник даже не спросил пропуск. Я поднялся наверх, помахал рукой всем, кто был в зале, обнял Джеймса Вудса и Жака, подмигнул Валери и за одну минуту осмотрел содержимое своего стола. Мне не нужно было ни клочка бумаги — все необходимое я уже вынес тайком и надежно спрятал. С собой я взял только свою любимую пепельницу и кофейную чашку с логотипом UBS.

Я хотел, чтобы логотип с «тремя красными ключами коррупции» стоял над моим камином, как отрубленная голова дракона.

Обожаю оплачиваемые отпуска после увольнения. Бывает, что нужно убить время, а бывает и так, что есть время отдохнуть — и вот у меня появилось шесть месяцев на отдых. Мне было 44 года, половину своей жизни я странствовал в мире больших денег, работая на огромной скорости и под огромным стрессом, заставлявшим натягиваться все струны моей души. Все эти годы, даже в отпуске, я занимался поисками потенциальных клиентов. И вот впервые в жизни я был безработным, но все еще получал зарплату — около 15 000 в месяц, и у меня продолжали накапливаться премиальные. С технической точки зрения все мои клиенты в UBS все еще оставались в Книге Биркенфельда до момента последней выплаты через полгода. Пока UBS зарабатывал доходы от средств на счетах моих клиентов, 18 процентов попадали в мою швейцарскую копилку.

Я позвонил Таис и предложил ей провести со мной неделю в Сен-Тропе, где всего четыре года назад мы с Севрин маялись после 11 сентября. Всегда готовая повеселиться Таис сообщила своим боссам, что миру высокой моды придется потерпеть недельку без ее талантов. Она упаковала самые крошечные из своих юбок и бикини, мы вскочили в мой M5 и устремились в Сен-Тропе. В первый день на пляже то и дело порывался взять мобильник и позвонить в офис, чтобы узнать, как дела у моих клиентов. Таис забрала у меня телефон, упрятала его в глубинах своей пляжной сумки и потащила меня в океан, а дальше она пичкала меня шампанским, танцами и любовью до тех пор, пока я не почувствовал, что я нечто иное, чем просто швейцарский частный банкир.

Возвращаться в Женеву после всего этого было тяжело. Близилась зима, и, хотя я люблю кататься на лыжах, настроения мерзнуть у меня не было. Поэтому я отправился на

Филиппины и провел выходные с Мауро, летая с ним в вертолете Agusta с острова на остров и с вечеринки на вечеринку. Затем я вернулся домой, чтобы перевести дух, но ненадолго: на этот раз я уехал в Марокко — к красоткам и моему приятелю Ладьелу. К концу моего маленького путешествия я уже подумывал, не стоит ли совсем отойти от дел и провести остаток дней в качестве блуждающего финансового философа. Я никогда прежде не слышал о такой профессии, но, возможно, пришло время ее изобрести.

Однако реальность — это зверь, которого не удастся слишком долго держать на поводке. В феврале я вернулся в Женеву и отдыхал в своей квартире, в которой уже давненько не был. В какой-то момент я решил проверить банковский счет, ожидая увидеть там свои честно заслуженные и немаленькие премиальные. Но их там не было. *Твою мать! Опять все сначала...*

Я тут же написал Бовэю короткое электронное письмо без лишних церемоний:

«Где моя премия, Кристиан? Она не пришла мне на счет».

В ответ я получил длинное письмо из отдела кадров, написанное витиеватым языком и подписанное Моникой. Однако суть ее сообщения тоже была вполне понятна:

«Мистер Биркенфельд, я вынуждена проинформировать вас о том, что вы не получите премиальные ни за этот период, ни за все последующие. Вы предпочли уволиться из банка, и это — последствия вашего решения».

Да неужели? В ответ я выстрелил из всех орудий.

«Уважаемая госпожа Беш, по всей видимости, вас ввели в заблуждение. Согласно швейцарскому банковскому законодательству, которое я детально изучил и исследовал, контрактные обязательства между финансовой компанией и сотрудником сохраняются вне зависимости от состояния его занятости в ней. Тот факт, что UBS выплачивал мне ежегодные премии без колебаний или оговорок, является неопровержимым доказательством того, что моя работа, плодами которой банк продолжает пользоваться, все еще заслуживает награды. Следовательно, факт моей отставки не освобождает банк от выполнения этого контрактного обязательства».

Она мне не ответила. Я не удивился. Но через день Бовэй отправил мне одну короткую строчку. Представляю себе, как хихикал этот безумный швейцарский лепрекон, когда писал: «Ты не получишь свою премию. Забудь о ней».

И тут я искренне рассмеялся. После стольких лет этот маленький проныра должен был узнать меня получше. Однако он, возможно, думал, что я хочу и дальше жить в Швейцарии, сделать очередной карьерный ход и пойти в какой-то другой банк или компанию, занимающуюся финансами, и посчитал, что я не решусь на какой-то радикальный шаг. Он совершенно меня не знал и не понимал, что я был готов сжечь за собой все мосты — от Темзы до Соммы. Я позвонил Оливеру Шеделю.

— Брэдли, старина! Как твои дела? Знаешь, без тебя Barclays уже не тот. Я слышал, что вы с UBS разбежались в разные стороны.

— Да, так и есть, Оливер, — сказал я. — И я чувствую себя отлично. Наслаждаюсь длинным отпуском.

— Прекрасно. Что я могу для тебя сделать? Ты ищешь новую работу?

— Нет, Оливер. На самом деле я ищу адвоката, лучшего специалиста по судебным разбирательствам, которого только можно найти за деньги.

— О, ты захотел кровавых забав, — сказал он. — Похоже, грядет драка.

Помолчав, он продолжил,

— С моей стороны было бы, наверное, крайне неправильно рекомендовать тебе человека, который помог бы тебе порвать на куски наших коллег по бизнесу. Конечно, если ты об этом думаешь...

— Именно об этом я и думаю, Оливер!

Он рассмеялся.

— Доктор Шарль Понсе. *Доктор юриспруденции*. Ты его найдешь без проблем. И скажи ему, что ты от меня.

— Мне всегда нравилось работать с тобой, Оливер.

— Я тоже по тебе скучаю, друг мой.

Мне потребовалось минут пять на то, чтобы найти контакты доктора Шарля Понсе, имевшего репутацию жесткого адвоката и умелого охотника на корпоративных львов. Я назначил встречу, взял с собой копию контракта с UBS и все, что касалось моей зарплаты, премий и добычи, которую я принес банку. Понсе сидел в роскошном офисе, украшенном французской антикварной мебелью. Это был безукоризненно одетый пожилой лысеющий джентльмен. Над его ушами вздымались крылышки седых волос, а на кончике носа висели очки с розоватыми стеклами. Я рассказал ему, что UBS задолжал мне премию в размере 600 000 швейцарских франков. Он улыбнулся шакальской улыбкой.

Через неделю я подал против UBS иск на миллион франков.

Люблю круглые числа.

«Пусть ненавидят, лишь бы боялись».

Калигула, римский император

Швейцарские банкиры предпочитают молчать.

Иначе дело может закончиться холодной каменной тюрьмой, в которой они проведут многие годы, пока все их клиенты не умрут и говорить будет больше не о чем.

После того как меня оглушили трехстраничным меморандумом UBS, затем попытались кинуть, я очень хотел закричать на весь мир о том, что делают эти ублюдки. Однако швейцарские банковские законы строго запрещали это. Я знал, что стоит мне только вякнуть, и швейцарские гвардейцы — вроде тех, что охраняют Ватикан, — тут же схватят меня и засунут за решетку, где меня услышат разве что мой адвокат да уборщик, с которым, впрочем, придется говорить по-французски. Это было совсем не так, как в Бостоне, где можно легко нанять пару клоунов. Эти парни очень серьезно относятся к тем, кто пытается покуситься на их деньги.

Кроме того, швейцарские банкиры никогда не судятся со швейцарскими банками. Забудьте и думать об этом, если вы хотите работать в области корпоративных финансов или частного банковского обслуживания. В моем случае это было совершенно неважно, я знал, что у меня есть с полдюжины других способов заработать себе на жизнь. Однако новость о моем судебном иске распространились в UBS быстро, как лесной пожар в Калифорнии. Не прошло и пары дней после визита доктора Понсе в женеvский суд, как мне позвонил Джеймс Вудс.

— Брэдли, ты подаешь в суд на банк? Ты что, совсем спятил?

— На какой вопрос мне ответить сначала, Джеймс? «Да» — на первый, «нет» — на второй.

— Серьезно, чувак. Ты же знаешь, что никогда больше не сможешь работать в этом городе?

— Я уже слышал все это раньше. Я дружу с барменом в «Pussy Cat». Уверен, что у него найдется для меня местечко.

— Да ладно тебе! — Джеймс перешел на шепот. — Брэд, они так кипятятся, что у них пар идет из ушей!

— Отлично. Значит, заплатят.

— Херня! Они лучше сдохнут.

Я рассмеялся.

— Приду на их похороны с большим удовольствием!

Я живо представил себе, как он качает головой, положив трубку. Он был прав — никто не мог и подумать о том, чтобы подать в суд на влиятельный международный банк с миллиардными оборотами типа UBS, крупнейшее финансовое учреждение в мире и думать, что выйдет сухим из воды. Никто, кроме меня.

Главное в судебных разбирательствах с крупными корпорациями состоит в том, что батальоны их адвокатов могут затянуть все до бесконечности. Я знал, что они будут тормозить дело, переносить заседания, устраивать мне изматывающие опросы и протестовать против каждого моего шага. Доктор Понсе предупредил меня об этом, но я

ждал этого и был готов. Если они думали, что иск — это мой последний сюрприз, то сильно ошибались. Пришло время третьего этапа моей атаки. Я приготовился к тому, чтобы стать главным бедствием каждого большого финансового учреждения — рассерженным и опасным внутренним изобличителем.

Дерните меня за хвост — получите рога.

Каждая крупная западная корпорация имеет набор внутренних процедур для разоблачения неправомερных действий. Возможно, вы думаете, что они созданы для того, чтобы любой сотрудник, раскрывающий нечто неблагоприятное, мог конфиденциально пожаловаться своим начальникам, сохранить свою работу и быть уверенным в том, что компания стоит на верном пути. На самом же деле, когда сотрудник оказывается в сложном положении и у него нет иного выхода, кроме как рассказать о нарушениях, все качают головами и говорят ему: «Огромное вам спасибо!» — и после этого он превращается в изгнанника, который с тем же успехом мог бы вытатуировать у себя на лбу слово «предатель». Те, кто дошел до этого, знают, что это конец их карьеры в фирме — вот почему это такая же редкость, как девственницы в Париже. Большинство изобличителей никогда не получают никакой награды. К ним относятся, как к стукачам: их унижают, им угрожают, против них устраивают интриги, их карьерный рост всячески тормозят. Они теряют работу, у них рушатся браки, их семьи оказываются в бедственном положении, и их жизни разрушаются. Почти никто не идет на это, если только его не припрут к стене.

Я же находился в очень редком и удачном положении. С одной стороны, я все еще был сотрудником UBS — в отпуске перед увольнением, но с хорошей зарплатой. С другой стороны, я уже ушел в отставку. И что они могли со мной сделать? Лишить меня премии? Они уже сделали это, мы сражались по этому вопросу в суде, так что они имели дело с человеком, которому было нечего терять. Помяни дурака... На вершине пирамиды UBS были большие финансисты — и у всех у них отказали мозги.

Один из них, джентльмен по имени Петер Курер, был международным управляющим директором и генеральным советником UBS. Именно он был автором внутренней политики в отношении разоблачений. Эта политика была сформулирована в трех длинных документах, по 10–15 страниц каждый: политика группы, корпоративная политика и политика в области частного банковского обслуживания. В документах были тщательно перечислены процедуры, в соответствии с которыми следовало разоблачать неправомερные действия и требовать возмещения. В отличие от трехстраничного меморандума эти документы имели логотип UBS, были напечатаны на официальных бланках и подписаны лично Курером.

А теперь угадайте, кто получил цифровые и бумажные копии этой политики? Я написал Куреру длинное письмо, в котором напомнил о своих правах как сотрудника UBS, акционера и внутреннего изобличителя, и точно объяснил, почему я это делаю. Чтобы убедиться в том, что он четко понял смысл моего послания, я приложил к письму копии подписанной им политики и печально известного меморандума. Возможно, вы думаете, что и он проигнорировал меня, так же как и отдел кадров, но я сделал все возможное для того, чтобы он не смог этого сделать. На сей раз я узнал почтовые адреса всех членов совета директоров UBS и отправил каждому из них копию письма и приложений, отправленных Куреру — по официальной почте с уведомлением о вручении. Кстати, швейцарская почтовая система работает просто идеально; ее главный распределительный центр недалеко от Женевы напоминает ракетный комплекс НАСА, а сотрудники почты очень любят свою работу. Никто из правления больше не мог притвориться, что не получил копии моего пропитанного

ядом письма.

Прошло три дня и... Бабах! Эффект был такой, будто я сбросил на банк атомную бомбу. Друзья принялись писать мне с личных электронных адресов.

— Брэд, ты даже не представляешь, что сейчас происходит в банке!

— Думаю, что немного представляю.

— Они просто обосрались!

— Отлично. Я пришлю им упаковку туалетной бумаги.

Затем я получил электронное письмо от Петера Курера: «Мистер Биркенфельд, двое специалистов по внутренним расследованиям из цюрихской штаб-квартиры хотели бы завтра побеседовать с вами. У вас найдется время?»

«Ради этого я перенесу все свои дела», — ответил я.

Затем я вытащил доктора Понсе на обед в «Hotel des Bergues», расположенный около пешеходного моста на другой стороне Женевского озера. Мы заказали ризотто с лобстером в том же баре, в котором любил зависать Ян Флеминг, когда учился здесь в течение года. Это было идеальное место для тайных переговоров — мебель из темного каштана, синие парчовые стулья, будто взятые из королевского дворца, дорогие персидские ковры и внимательные официанты, умевшие держать дистанцию.

— Слушайте, док, — сказал я. — Эти тупицы хотят заставить меня отступить и забыть о происходящем.

— Этого не будет, Брэдли, — ответил Понсе. — Я буду рядом с вами. Сейчас самый разгар судебного разбирательства, и ваш «стрелок» вас не бросит. Все, как в ваших любимых вестернах.

Я улыбнулся.

— Как в «Непрощенном»?

— Я не смотрел, но звучит подходяще.

На следующее утро мы с доктором Понсе пришли в то же здание штаб-квартиры UBS где я уже встречался с Моникой и Юргом. К тому времени мое имя и фотография были разосланы во все отделы службы безопасности UBS с особым предупреждением, поэтому на сей раз у нас были сопровождающие, которые привели нас на нужный этаж в маленькую переговорную. За столом уже сидели два специалиста из отдела внутренних расследований, приехавшие из Цюриха — господина Шмидт и де Куртон. Они напоминали парочку худых близнецов из фильма «Люди в черном». Доктор Понсе вытащил свою визитную карточку и положил ее на стол. Их глаза загорелись.

— Что здесь делает ваш адвокат, мистер Биркенфельд? — требовательно спросил один из них.

Не успел я ответить, как Понсе отодвинул меня в сторону и бросил:

— Во-первых, мистер Биркенфельд не доверяет этой фирме. Во-вторых, он совершенно определенно не доверяет никому из *вас двоих*. Так что, если вы возражаете против моего присутствия, мы можем уйти прямо сейчас.

— Нет, нет, нет! — поднял руки второй. — Нам просто придется сообщить об этом в Цюрих!

— Тогда сядьте и заткнитесь! — рявкнул Понсе. — И давайте уже перейдем к делу.

Все происходившее напоминало боксерский поединок. Я рассказывал о том, что и почему сделал, а эти два клоуна постоянно уклонялись и лавировали. Доктор Понсе почти не прерывал меня и не шептал предупреждений мне на ухо, поскольку я уже познакомил его со

своим планом. Я собирался скормить этим чувакам немного правды и немного выдумок, поскольку после этого планировал воспользоваться услугами своих друзей в банке и расколоть этих парней. Если они собирались провести серьезное внутреннее расследование, то им нужно было изучить все мои задокументированные заявления. Если же нет, то все это просто притворство (как я и ожидал).

Через час они сложили свои ноутбуки в портфели.

— Мы собираемся провести очень тщательное расследование, — пообещал один, а второй кивнул.

— Уверен, что так и есть, джентльмены, — сказал я. — Удачи!

Я снова оказался прав. Петер Курер потребовал провести полное и максимально формальное внутреннее интервью. Оно заняло около месяца, однако он вместе со своими маленькими серыми человечками просто приглушил весь скандал. Они коротко побеседовали лишь с двенадцатью из тридцати с лишним людей в американском отделе в Женеве. А в Цюрихе, где такая же деятельность по добыче Новых Денег развивалась в полный рост, они не поговорили ни с одним сотрудником! Моих обвинений они даже не обсуждали! Моя шпионская сеть оказалась слишком хорошей. Иногда я ненавижу, когда оказываюсь прав.

И наконец я получил электронное письмо от Курера, в котором тот извивался, как уж на сковороде.

«Мы провели максимально тщательное расследование, и я рад сообщить, что все обозначенные вами проблемы были разрешены. По всей видимости, в прошлом были совершены незначительные ошибки, и вполне понятно, что вы могли неправильно интерпретировать некоторые старые электронные сообщения и переписку, которая со временем потеряла свое значение...»

Треп, треп, треп. А как же все это швейцарское дерьмо, по которому мы все только и ходили? Я был вне себя от злости. Считайте меня крикуном или предателем, ничего страшного. Но называть меня лжецом? Теперь, ребята, вы играете с огнем. Письмо заканчивалось интересной фразой, которая позволила мне понять главную цель Курера.

«С учетом того, что это расследование завершено, мы хотели бы достичь с вами соглашения относительно вашей премии. Прошу вас связаться со мной как можно скорее в удобное для вас время.»

Я переправил письмо по факсу доктору Понсе. Тот позвонил Петеру Куреру напрямую.

— Я понял, что вы хотите договориться с мистером Биркенфельдом, — сказал Понсе. — Мы согласны. Вы должны ему 600 000 швейцарских франков. Выпишите ему чек на эту сумму, и мы оставим вас в покое.

Бабах! Залп из всех орудий! Юридический отдел UBS обезумел, и команда адвокатов устремилась в суд с требованиями о предварительных слушаниях. Они прыгали, дымились от напряжения и вопили: «Протестую!», а мы с Понсе просто сидели и зевали. Однако судья не купился на их бред и предложил им либо разрешить конфликт миром, либо начать полноценный процесс со всеми ужасами прессы и публичности. Я отправился домой и стал ждать. Мне позвонил Джеймс Вудс, и мы отправились выпить в La Clémence, модное кафе-бар в Старом Городе с большими зелеными зонтами и свежим пивом.

— Видел бы ты, что творится в отделе, — сказал он мне, отхлебнув эля St. Andrew's. — О тебе говорят так, будто ты Усама бен Ладен.

— Забавно, ведь он, возможно, их клиент.

— Я серьезно, Брэд. Думаю, что уже заказали доски для дартса с твоим портретом. У тебя большие яйца, раз ты это делаешь.

— Что еще может быть у мужика? Только яйца.

Банк попытался нанести мне еще один удар, дабы разрешить конфликт, и это была еще одна глупая тактическая ошибка. Его юристы позвонили доктору Понсе и предложили мне 100 000 швейцарских франков — *одну шестую* от суммы, которую были мне должны. Я сильно разозлился, а Понсе, как мне показалось, в тот момент полностью слетел с катушек.

— Увидимся в суде! — завопил он в трубку.

Чем ближе был день суда, тем яснее люди в штаб-квартире UBS понимали, что они проиграют. Швейцарские законы и нормы, связанные с вопросами занятости, были очень жесткими, и они понимали, какое решение примет судья. В тот момент я даже начал ценить всю эту швейцарскую прямолинейную систему. Судья и не подумал бы пересматривать свою позицию. Поэтому, по всей видимости, накануне нашей встречи люди из штаб-квартиры в Цюрихе позвонили Бовэю в Женеву и сказали: «Кристиан, просто заплати ему эти чертовы деньги!»

Так и вышло. Мы все собрались рядом с залом судебных заседаний в совещательной комнате, где ведущий адвокат UBS из знаменитой юридической фирмы Lenz & Staehelin пробормотал свое предложение с таким видом, будто только что пережил аварию:

— Мистер Биркенфельд, мы готовы перевести вам 575 000 швейцарских франков завтра утром. Согласны ли вы на это?

Я обошел вокруг стола, похлопал его по плечу и улыбнулся.

— Да, меня это устроит, — сказал я.

И чтобы воткнуть нож в его рану еще глубже, я добавил,

— И вы заплатите мне на *офшорный* счет, ведь правильно?

Парень судорожно схватился за свой карандаш и покраснел так, что мне показалось, что его сейчас хватит удар. Доктор Понсе взял меня под локоть и вытащил из комнаты. Мы отправились в ближайший бар и отметили мою историческую победу шампанским. Я подал в суд на самый крупный банк в мире на его территории — и выиграл!

Я праздновал еще дней десять. Все же я смог обыграть одно из самых мощных банковских учреждений на планете в его собственной грязной игре и вернулся домой победителем. Клуб Pussy Cat, еще одно старое убежище Яна Флеминга, находился прямо за углом и немного в гору от моей квартиры в О-Вив. Я уже много лет был там завсегдатаем, а работавшие там русские и украинские танцовщицы всегда были счастливы видеть меня, особенно теперь, когда я постоянно поил их шампанским по невероятно завышенным ценам, обвитый парой потрясающих блондинок — Наташей и Светланой.

Но вскоре роза увяла. Впервые в жизни я стал плохо спать по ночам.

Возможно, вы думаете, что полмиллиона долларов — отличное успокоительное, но у меня и без того хватало денег, так что эта премия ничего в сущности не меняла. Как-то раз, вырубившись после вечеринки около четырех утра, я проснулся уже три часа спустя от звуков трамвайных звонков и сел в постели. Простыни были смяты, в камине догорал огонь, в ведерке с растаявшим льдом стояла пустая бутылка из-под шампанского, а зеркало в ванной было украшено отпечатком губ. Я не помнил, что было ночью, зато я ясно понимал — с UBS еще ничего не кончено.

На самом деле я ничего не выиграл. Победителем остался UBS, а вместе с ним — вся эта чудовищно коррумпированная швейцарская банковская система. Я работал на нее

десяток лет, я заработал для нее кучу денег, я превратил машину для высасывания денег из североамериканских клиентов в настоящее произведение искусства. Но им было наплевать на всех — на меня самого, на моих коллег и на своих собственных акционеров, они ни о чем не жалели, у них не было ни намека на совесть. Даже после того, как я поймал их на месте преступления, они лгали, изворачивались и пытались еще раз переманить меня на свою сторону. Конечно, они вопили, дымились от злости и боролись со мной за премию, но все это было лишь фикцией. 600 000 долларов? Да это копейки для UBS! Конечно, они могли сделать умнее — извиниться, удвоить премию, купить мне новый автомобиль и закатить мне прощальную вечеринку. Они бы не обеднели, а я, возможно, оценил бы этот жест и спокойно ушел.

Но не теперь. Не с этим металлическим привкусом предательства у меня во рту. Мой банковский счет лопался от денег, я мог делать все, что хочу — заняться прямыми инвестициями, отправиться в путешествие по всей Европе или просто поехать домой и навестить родных и друзей. Но вся эта история продолжала стоять у меня поперек горла. Они подвергли сомнению мою решимость и изобретательность. Они хотели просто заплатить мне и продолжать заниматься своими грязными делишками, пока я уезжаю в сторону заката, как тупой клоун из американского родео. *Большая ошибка.* Я еще не закончил. Все это колоссальное швейцарское мошенничество навредило слишком многим простым людям, которые с трудом платили налоги, и я сыграл в этом слишком серьезную роль. Мысль о том, что ублюдки из UBS будут и дальше обхаживать «жирных котов» и недобросовестных дельцов со всего мира, совершенно не заботясь о законах или людях вроде меня, которые платили за все это сполна, приводила меня в гнев. Нужно было как-то покончить с этим.

Я не мог говорить о зреющем внутри меня конфликте ни с кем из моих друзей в Женеве, в основном все они были такими же банкирами, как и я, и были связаны швейцарскими правилами конфиденциальности и секретности. Однако у меня был еще один близкий друг, которому я мог доверять — Санджей Кумар, эксперт в области трастовых фондов, родившийся в Индии и выросший в Швейцарии. У нас были кое-какие совместные дела, но мы никогда не работали на одних и тех же людей. Санджей был стильным высоким парнем, счастливо женатым и спокойным, как Женевское озеро в июле. К его немногочисленным слабостям относились изобразительное искусство и классические старые автомобили. На его визитной карточке можно было написать единственное слово — «доверие».

Я договорился поужинать с ним в La Favola, тихом крошечном итальянском ресторанчике в Старом Городе, где не принимались кредитные карты. Это был будний день, и ресторан был пуст, если не считать нас самих, официантов, десятка пустых столов, накрытых тонкими льняными скатертями, мерцающей серебряной посуды и антикварной деревянной обшивки. Я намотал на вилку пасту аррабиата и заговорил.

— Я никак не могу отпустить эту историю, Санджей.

— Но ты же выиграл, Брэд, — сказал он со своим необычным британско-индийским акцентом. — Я слышал, что ты провел свою партию просто *прекрасно*.

Санджей нечасто использовал это слово.

— Я не выиграл ничего, кроме денег. Думаю, что мне нужно сделать следующий шаг.

— Что именно ты имеешь в виду?

— Американских клиентов.

Он перестал есть, откинулся в кресле и отхлебнул из бокала пинонуар.

— Ты же понимаешь, мой друг, что рискуешь не только столкнуться с уголовным преследованием здесь, в Швейцарии. Ты рискуешь жизнью.

— Нет, если я смогу получить защиту со стороны правительства США.

Санджей пожал плечами.

— Брэд, ты знаешь, что я буду на твоей стороне, что бы ты ни выбрал.

— Да, знаю, — сказал я с улыбкой. — Именно поэтому мы сейчас с тобой ужинаем.

Он улыбнулся в ответ.

— И именно поэтому за ужин сегодня платишь ты.

Мы расстались, и я отправился домой мимо витрин с сигарами Davidoff, вкусным шоколадом Auer и мягкими, как масло, кожаными изделиями Bally's. Я вспомнил, как все это нравилось мне раньше. Теперь же все это внезапно потеряло смысл. Разговор с Санджеем оказался для меня чем-то вроде визита к психотерапевту. Но я не нуждался в услугах специалиста. Я знал, что делать, и был уверен в том, что моя стратегия окажется успешной.

У меня было много времени подумать о том, что я сделал, и все это не очень радовало. Американские налогоплательщики с трудом сводили концы с концами, в то время как богатые становились еще богаче, прятали свои деньги и дурачили налоговую службу. Все это происходило по всему миру, и именно пронырливые швейцарцы были теми банковскими пиратами, которые все это устраивали. Я собирался рассказать о происходящем правительству США. Я был чертовски уверен в том, что федеральной налоговой службе или министерству финансов США будет очень интересно узнать секреты, которые мог выдать только человек вроде меня, и только их мощные правоохранительные системы могут низвергнуть швейцарские банковские замки, выстроенные на фундаменте обмана. Возможно, думал я, меня даже поблагодарят. Однако в то время я даже не мечтал о какой-либо награде. Кроме того, тогда еще не было закона о вознаграждении для изобличителей.

Однако я не мог просто так появиться в Вашингтоне с улыбкой и с кучей секретных бумаг. Я все еще был резидентом Швейцарии и не мог называть никаких имен — если только меня не заставили бы дать показания в Соединенных Штатах. Я должен был действовать аккуратно.

Вернувшись в свою квартиру, я взглянул на свои бесстыдно дорогие часы. В Штатах было на шесть часов меньше, то есть в Вашингтоне был разгар рабочего дня. Я понимал, что, если я хочу поделиться конфиденциальной информацией с американскими властями, мне нужна поддержка серьезных адвокатов. И я вовсе не ждал, что правительство встретит меня хлебом-солью. Был шанс, что меня назовут соучастником и дело закончится потасовкой, в которой я окажусь главным мальчиком для битья.

Я не хотел появиться там вооруженным одной лишь золотой ручкой Montblanc. Поэтому я принялся шарить по Интернету, выискивая координаты известных мне крупных фирм — Williams & Connolly, LLP; Hogan Lovells, LLP; Arnold & Porter, LLP; Covington & Burling, LL. Все они считались ведущими специалистами в области судебных разбирательств по вопросам финансов и налогового законодательства. Я подумал о том, как преподнести свою историю, не рассказав при этом слишком много, и сначала позвонил в компанию Williams & Connolly. Там я попросил соединить меня с ведущим специалистом, способным представлять клиента по вопросу раскрытия информации об уклонении от налогов. Трубку взял один из партнеров.

— Прошу простить мне мою скрытность, сэр, — сказал я. — Но позвольте мне называть

себя Джоном Смитом.

— Да, мистер Смит.

— Я — американский гражданин и налоговый резидент Швейцарии. Я ищу адвоката, способного представлять меня в деле с участием швейцарского банковского учреждения.

— Я понял. А о каком учреждении может идти речь, мистер Смит?

— UBS, AG.

— М-м-м, — он замолчал на несколько секунд, и я слышал в трубке, как он перебирает какие-то бумаги. — Боюсь, что все не так просто.

— Почему?

— У UBS Americas договор на юридическое обслуживание с нашей компанией. У нас может возникнуть конфликт интересов. Прошу прощения, но вам придется поискать кого-то еще. Удачи!

Он повесил трубку. Твою мать! Придурок! Ты только что раскрылся перед каким-то чуваком, который может сейчас запросто поднять трубку, позвонить в UBS, выяснить, кто ты такой, и настучать на *тебя!*

Затем я еще раз все обдумал и успокоился. Тот факт, что у UBS был договор с Williams & Connolly, еще не значил, что они вместе выпивают. Это означало лишь, что банк держал эту фирму про запас, на случай, если ему понадобится совет, услуга или решение какого-нибудь политического «тонкого вопроса».

Но я решил вести себя осторожнее и принялся узнавать, чьи интересы представляют остальные крупные юридические фирмы. И конечно же, у всех были договоры с UBS! Эти швейцарские ублюдки были умны — они, не жалея денег, привлекали к работе каждую крупную юридическую фирму в Вашингтоне на случай, если бы кто-то вроде меня хотел бы стать их клиентом. Моей последней надеждой была компания Covington & Burling, партнером в которой работал Эрик Холдер. Я знал, что он был помощником генерального прокурора США при Билле Клинтоне и именно он одобрил предложенное Клинтоном в последний день его работы президентом довольно необычное помилование Марка Рича, нефтяника-миллиардера, жившего в Цуге. Для моего дела был нужен как раз такой человек, знавший все входы и выходы мира финансов на самом высоком уровне. Но затем я пробежался взглядом по списку клиентов Холдера. Господи Боже! Опять UBS!

Итак, мне предстояла непростая задача. Я вспомнил, что когда-то встречался с Бобом Беннеттом, легендарным адвокатом из вашингтонской компании Skadden Arps. Беннетт представлял интересы Каспара Уайнбергера во время скандала «Иран-контрас»^[54] и Билла Клинтона после интрижки с Моникой Левински. Это был серьезный мужик и с точки зрения своей репутации, и с точки зрения влияния. В моей черной книжке был его личный телефонный номер. Я позвонил ему, однако на сей раз не делился никакими деталями. Я сказал лишь то, что мне нужен отличный юрист.

— У нас высокие гонорары, Брэд, — предупредил он меня.

— Ну что ж, а я неплохо обеспечен.

Он рассмеялся.

— В таком случае нам имеет смысл встретиться. Вы сейчас в Штатах?

— Пока нет, однако все, что мне нужно — чтобы мы могли назначить встречу через несколько дней.

— Тогда я переключу вас на мою секретаршу. Буду счастлив увидеться с вами и поболтать.

Казалось, что все пошло на лад. Боб Беннетт. Это было серьезно! Я позвонил своему турагенту и собрал вещи. Я не сказал о том, куда я направляюсь, ни одной живой душе, даже уборщице.

Дело было весной 2006 года. Вишни уже сбросили свои цветы, и те заполняли водостоки в Вашингтоне, как перья фламинго. Я приземлился в национальном аэропорту имени Рейгана. Первое мая уже прошло, а это значило, что закончился и мой отпуск. Я больше не был сотрудником UBS. Меня не связывал контракт, а любое чувство лояльности к компании давно умерло. Обычно, приезжая в Штаты, я останавливался в Бостоне, чтобы повидаться с семьей, однако в этот раз я даже Дуга не предупредил о своем приезде. Я не хотел, чтобы кому-то из важных для меня людей пришлось давать показания о моих делах, о которых они и понятия не имели. Какое-то время я должен был хранить все в секрете. Я зарегистрировался в гостинице Four Seasons и впервые за многие годы заплатил за это из своего кармана.

Компания Skadden, Arps, Slate, Meagher & Flom, LLP имела офисы в каждом крупном городе по всей стране. Я договорился встретиться с Бобом Беннеттом во втором по величине офисе в столице, на Нью-Йорк-авеню, в старом здании, занимавшем полквартала и, по иронии судьбы, расположенном напротив казначейства США. Мы оба знали правила конфиденциальности: хотя я формально еще не нанял Беннетта, все сказанное мной не должно было покидать стен его офиса. Но я был осторожен. Впрочем, как оказалось, в этом не было особого смысла. Как только я сказал, что планирую выступить против UBS, Беннетт откинулся назад в большом кожаном кресле.

— Это все меняет, Брэд. Я думал, что вы хотите рассмотреть в суде какую-то претензию со стороны неудовлетворенного клиента.

— Боб, только не говорите мне, что UBS — ваш клиент.

— UBS — клиент *всех*. — Боб пожал плечами и оттянул подтяжки большими пальцами. — Так делают все крупные финансовые фирмы, особенно у них серьезные интересы и лоббисты здесь, в Стране чудес. Это вроде как страховка от судебного разбирательства.

— Знаю, — тяжело вздохнул я. — Просто я думал, что, может, они хоть вас не охомутили.

— Я бы не использовал такие термины, но, по сути...

— Ну и куда же мне теперь идти? Мне нужны пробивные адвокаты, способные подержать мою куртку, когда я полезу в драку.

Беннетт потянулся к своей картотеке и достал из нее визитную карточку.

— Думаю, вам стоит поговорить с этими парнями. Это хорошие ребята, раньше оба работали прокурорами в министерстве юстиции. Мне кажется, они вам понравятся. И они умеют тянуть за нужные ниточки. Я позвоню им и предупрежу.

Так он и сделал, и на следующий день я уже подходил к небольшому зданию на 7-й улице. Пол Гектор и Рик Моран руководили небольшой юридической фирмой, в которой были партнерами-основателями. Nector & Moran, LLP не были мощной, крутой компанией, с которой я хотел бы работать, однако Беннетт заверил меня, что в данном случае не возникнет никакого конфликта интересов и что оба учредителя имеют отличную репутацию в деле корпоративных внутренних расследований, взаимодействия с правоохранительными органами и судебной защиты преступников из деловых кругов. Я искренне надеялся, что последний из перечисленных талантов мне не пригодится.

Получив рекомендацию от такого серьезного человека, как Беннетт, Пол и Рик тепло приветствовали меня в своем скромном общем офисе. Они были настолько похожи друг на друга, что их можно было принять за братьев — обоим было за сорок, у обоих были короткие темные волосы, гладко выбритые лица, белые деловые рубашки, узкие галстуки и тесные костюмы. Их вполне можно было бы принять за персонажей сериала «Безумцы», если бы он был посвящен будням федеральных прокуроров.

— Итак, мистер Биркенфельд, — спросил Пол, пока Рик разливал кофе по чашкам. — В чем суть вашего дела?

— Зовите меня Брэд, — ответил я, — а суть дела состоит в том, что у меня имеется инсайдерская информация о всемирном заговоре, и я бы хотел, чтобы вы представляли мои интересы и помогли мне донести эту информацию до правительства США.

Они посмотрели друг на друга, а затем синхронно достали свои блокноты и щелкнули кнопками авторучек.

— Что за всемирный заговор? — спросил Рик.

Я откинулся назад в кресле и скрестил пальцы на колене.

— Я — американский гражданин, постоянно живущий в Женеве, Швейцария. В течение последних 10 лет я работал там частным банкиром. Последние четыре года моим работодателем был швейцарский банк UBS, AG, из которого я к настоящему времени уже уволился. Там я занимал должность директора и занимался развитием бизнеса для американского отдела. Моя работа состояла в том, чтобы приезжать в эту страну, беседовать с зажиточными американскими клиентами, а затем переводить значительные части их состояний на секретные швейцарские номерные счета.

Гектор и Моран лихорадочно записывали мои слова, время от времени глядя на меня и кивками приглашая меня продолжать.

— Все это делалось для того, — продолжал я, — чтобы помогать этим американским гражданам прятать свои деньги, избегать уплаты налогов, обманывать супругов и партнеров по бизнесу и, по сути, дурачить правительство США. В одном лишь моем личном портфеле было около 150 клиентов, включая 30 североамериканцев, и я получал за работу с ними очень неплохие деньги. В нашем отделении UBS в Женеве имелось около 7000 таких счетов. А в трех отделениях UBS в Швейцарии, занимавшихся офшорным частным банковским бизнесом, общее количество американских клиентов составляло около 19 000.

Я сделал паузу для пущего эффекта.

— UBS поощрял эту практику. По сути, банк обучал нас способам нелегальной деятельности и обмана американских федеральных властей. Все эти годы я не имел ничего против, но теперь изменил свою точку зрения. Швейцарцы занимались этим мошенничеством почти 100 лет, они прятали целые состояния для наркобаронов, диктаторов, мафиози, политиков, кинозвезд и обычных мошенников. UBS находится на вершине огромной пирамиды, и так уж вышло, что я знаю, где захоронены все фараоны.

Партнеры перестали писать и уставились на меня, как на инопланетянина, только что приземлившегося в своей летающей тарелке прямо у них в офисе.

— Думаю, что пришло время рассказать об этом, — сказал я. — Мне кажется, пора поставить этих ублюдков на колени. А вы как считаете?

Я улыбнулся им и подумал, что они вот-вот упадут со своих стульев.

Затем я провел в Вашингтоне еще несколько дней, в основном с Гектором и Мораном в их офисе. Я особо никуда не высовывался. Я был знаком со множеством людей со всего мира, и мне не улыбалось встретить какого-нибудь клиента, консультанта или банкира у входа в юридическую фирму и услышать: «Брэд! Какого черта ты делаешь здесь, в Лоббиленде?» К тому же я приехал не развлекаться, мне предстояло немало работы.

Потребовалось два полных дня, чтобы рассказать Полу и Рикку все детали. Мы подписали договор, по которому они представляли мои интересы. Договор предполагал полную конфиденциальность, поэтому я ничего не утаивал. Под вечер их головы затуманивались, а на пальцах появлялись мозоли от писанины. Я честно рассказал им, как мы впахивали на манер рабов на галерах, таская в UBS Новые Деньги, как банк заставлял награть, обманывать и — если говорить совсем честно — красть. Я дал им такие имена, что у них чуть не полопались глаза — в числе наших клиентов и владельцев счетов были Игорь Оленикофф, знаменитости, корпоративные титаны, таинственный Абдул Азиз Аббас, имевший прямые связи с Саддамом Хусейном, порнозвезды, знаменитые врачи и один из биологических братьев Усамы бен Ладена. Я показал достаточно документов, подтверждавших мои слова, однако они были не вправе показывать их властям США до того, как я получу иммунитет и защиту от судебного разбирательства в Швейцарии.

Когда мы закончили, Пол переглянулся с Риком и поделился со мной тактическим планом:

— Брэд, мы решили рассказать обо всем этом в министерстве юстиции.

— Отлично, — сказал я, — но почему именно там?

— Хорошо, — сказал Рик, — мы оба — бывшие федеральные прокуроры, поэтому можем говорить с этими людьми на одном языке и знаем, как работает эта система.

— Парни, вы уверены, что это правильный шаг? — спросил я. — Не налоговая служба и не комиссия по ценным бумагам?

— Да, мы уверены, — сказал Пол. — Мы создадим короткое описание ситуации, бриф страниц на пять, в котором изложим суть дела, не упоминая вашей личности или вашего местонахождения. Мы назовем вас, к примеру, «Джон Форчун, торговец нефтью». В этом брифе будет написано, что вы готовы изобличить швейцарский частный банковский бизнес и что у вас есть списки американцев, уклоняющихся от уплаты налогов, а также множество подтверждающих это документов.

— Похоже, все правильно, — сказал я. — Выбейте для меня иммунитет от преследования федеральными властями, и я расскажу все самое интересное.

— Да. Мы его получим, — сказал Пол. — Не беспокойтесь, у меня много друзей в министерстве юстиции. Я когда-то и сам там работал.

Мы ударили по рукам, и я улетел в Женеву.

За нескольких следующих месяцев я собрал еще больше свидетельств, чтобы представить их вместе с Гектором и Мораном в министерство юстиции. В августе я вернулся в Вашингтон, чтобы встретиться с ними еще раз, после чего вновь улетел в Швейцарию. Мне казалось, что все идет как надо. В конце концов Боб Беннетт убедил меня в том, что эти парни были проницательными, толковыми и умели пройти сквозь игольное ушко.

Тогда я даже не представлял себе, что они совершили важнейшую тактическую ошибку,

Потребовалось еще около четырех месяцев, чтобы Гектор и Моран почувствовали себя полностью готовыми. Вернувшись в Женеву, я попытался успокоиться и начал ждать. Сразу после новогодних праздников 2007 года юристы наконец позвонили в министерство юстиции и забросили свой крючок.

Но нам не повезло. Первой рыбой, учуявшей наживку, оказался падальщик по имени Кевин Даунинг, один из ведущих прокуроров отдела по контролю за соблюдением налоговой дисциплины. По всей видимости, Даунинг был не в лучшем расположении духа, поскольку в то время он по уши погрузился в расследование крупнейшего в истории США дела с налоговым мошенничеством, возбужденного против большой бухгалтерской компании KPMG, LLP (162 000 сотрудников по всему миру). KPMG обвинили в создании массивных налоговых убежищ, позволивших самым богатым клиентам компании спрятать 2,5 миллиарда долларов налогов. Знакомо, правда? Министерство юстиции выиграло дело в 2005 году, однако теперь компания подала апелляцию и перспективы федералов выглядели не особенно радужными. И угадайте, кто защищал KPMG? Skadden Arps! Тот самый Боб Беннетт, который отправил меня к адвокатам, решившим, что нам поможет министерство юстиции, оказался главным противником правительства. Я понял, что попал в мясорубку.

Гектор и Моран встретились в министерстве юстиции с Кевином Даунингом и еще одним помощником прокурора по налоговым вопросам, Карен Э. Келли. Даунинг быстро просмотрел бриф о «Джоне Форчуне, торговце нефтью» и швырнул его на большой стол.

— Мне нужно больше, чем эта сказочка, — усмехнулся он. — Кто этот парень?

— Мы пока не можем вам сказать, — ответил Пол. — Ему нужны гарантии.

— Покажите хоть какие-то улики, тогда и поговорим.

Пол и Рик позвонили мне и попросили разрешения продемонстрировать Даунингу некоторые из документов, которые я оставил в их офисе.

— Конечно, — сказал я. — Только убедитесь в том, что вы вычеркнули оттуда все упоминания UBS, имена клиентов или мои личные данные.

— Так и сделаем.

Весна 2007 года в Женеве постепенно становилась жаркой, а мои адвокаты готовились к следующей большой встрече. Перед встречей они отправили Карен Келли «интригующее» электронное письмо со словами: «Смеем вас уверить, что такое дело попадает один раз в жизни!» «Именно это мне и нужно, — огрызнулась она в ответ. — Еще одно дело, которое попадает лишь раз в жизни!»

Когда адвокаты рассказали мне о довольно холодном приеме, я задумался над тем, не совершили ли они ошибку. Вдруг они лаяли не на то дерево? Может быть, им было нужно пойти в налоговую службу, и та смогла бы защитить меня как конфиденциального информатора? Я узнал, что еще в декабре 2006 года налоговая служба создала программу вознаграждения изобличителей — самую масштабную программу такого рода со времен Авраама Линкольна, который делал нечто подобное для искоренения преступности в армии в годы Гражданской войны. «Ну что ж, — подумал я. — Их рекомендовал Боб Беннетт, так что, наверное, они все делают правильно».

Даунинг и Келли просмотрели мои документы, в которых были вычеркнуты имена клиентов, но четко были указаны суммы на счетах, не облагавшиеся налогами. Кроме того, мы показали им несколько отредактированных меморандумов UBS о деятельности охотников и собирателей по всей территории США. Этого оказалось недостаточно.

— И вы говорите, что это может быть самым крупным налоговым мошенничеством в мире? — усмехнулся Даунинг. — Вот это? Принесите мне серьезную информацию, тогда и поговорим.

Пол и Рик принялись умолять меня поделиться важными материалами, которые не позволили бы Даунингу и дальше отмахиваться от нас. В тот момент я уже работал на одного своего друга и вел крупные проекты в области частного инвестирования, однако отложил их в сторону и принялся собирать основной пласт — отбирать, копировать, редактировать и выделять ярким маркером данные, способные по-настоящему поразить этих ребят. Теперь я решил рассказать, о каком банке идет речь. Однако я не мог рисковать и отправлять все эти документы через курьерскую службу FedEx. Как знать, вдруг швейцарцы уже что-то подозревают и проверяют мою почту? Поэтому я вновь сел в самолет, полетел в Вашингтон с пересадкой в Бостоне, передал документы из рук в руки Гектору и Морану и сказал им, что теперь я жду их с победой.

Затем я отправился домой в Женеву, а Гектор и Моран поехали в министерство юстиции. Кевин Даунинг и Карен Келли забрали у них толстый портфель со словами:

— Не звоните. Мы сами с вами свяжемся.

Весна уже заканчивалась. Прошел уже год с того момента, как я впервые появился в Вашингтоне. Я решил устроить себе «антистрессовую» неделю и отправился к Мауро на Филиппины. Как обычно, мы веселились, летая тут и там на его вертолете и ухлестывая за женщинами. У меня было хорошее настроение. Ведь документы, которые Пол и Рик передали в руки министерства юстиции, не могли позволить им и дальше игнорировать меня, правда?

— Мы не можем вызвать повесткой какого-то анонимного стукача, — сказал Даунинг.

Он позвонил Гектору вскоре после Дня труда — и точно, ведь именно это кричит пилот самолета, прежде чем удариться о землю и сгореть^[55].

— А как же иммунитет от судебного преследования? — спросил Пол.

— Ничего не могу обещать. Этот парень ничего не получит, пока я не встречу с ним лицом к лицу.

Когда два моих орла-юриста позвонили мне и поделились новостями, у них были такие голоса, как будто их заживо ощипали.

— Чего еще они хотят? — взорвался я. — Анализы моей крови и мочи?

Я сказал адвокатам, что свяжусь с ними позже, и принялся размышлять. Думал я целый месяц. Я понимал, что стоит мне сделать этот шаг, и пути назад уже не будет. В конце мая я решился. Пора вступать в игру на всю катушку. Конечно, проще простого было бы отказаться от всего, залечь в своей прекрасной берлоге в Шоколадной Стране, зарабатывать деньги и забыть об истории с UBS, как об обычной неприятности. Но, как я уже сказал, я не такой. Я люблю неприятности.

— Я вылетаю, — сообщил я Полу и Рiku по телефону. — Приготовьте свои бронежилеты.

Но прежде чем упаковать все диски и документы, связанные с UBS, я решил обеспечить себе страховку. Я знал, что, войдя в министерство юстиции, я окажусь в черной дыре и,

возможно, уже не смогу выбраться из нее целым и невредимым. Однако если бы моя история каким-то образом обрела огласку, а броские заголовки газет начали бы рассказывать о шокирующих деталях секретных швейцарских банковских делишек, меня было бы намного сложнее запихнуть в рамки программы защиты свидетелей (которая совершенно точно *не соответствовала* моему стилю жизни).

До того как встретиться с американскими федеральными агентами, я должен был разбудить у них аппетит и не позволить им отвернуться от меня. Я был уверен, что, услышав мою историю, они начнут восхвалять меня, как настоящего американского патриота, виртуального Поля Ревира^[56].

Я много лет читал *Financial Times* и давно обратил внимание на одного журналиста, которого невозможно было подкупить или сбить со следа — Хейга Симоняна, репортера старой школы и весьма уважаемого эксперта в нашем веселом финансовом бизнесе. Я накинул куртку и прошел по улице О-Вив под проливным дождем до трамвайного круга, где неподалеку от симпатичного кафе стоял ряд таксофонов. Засунув телефонную карточку в прорезь аппарата, я позвонил в *Times*.

Симонян почти сразу поднял трубку.

— Да? Кто это и что вам нужно?

— Мистер Симонян, мне придется называть себя Тарантулом, — сказал я. — Моя история потрясет вас и поможет навсегда сорвать завесу тайны со швейцарского банковского бизнеса.

Дождь лил мне на голову и плечи. За 20 минут быстрого монолога я рассказал ему то, что могло стать главным делом всей его карьеры. Я слышал, как он барабанит по клавишам, будто строчит из пулемета.

Как и мои адвокаты, услышав мой рассказ, Симонян чуть не упал со стула.

«Мир — опасное место не из-за людей, которые творят зло, а из-за тех, кто наблюдает за этим и ничего не делает».

Альберт Эйнштейн, немецкий физик

Для министерства юстиции США (Вашингтон, округ Колумбия) этот анонимный швейцарский частный банкир уже становился серьезной проб лемой.

Кевин Даунинг, старший прокурор налогового подразделения, показал материалы моего дела своим начальникам, и те остались недовольны. Человек, которого они в глаза не видели, пришел к ним сам, то есть заслуги следователей министерства юстиции в этом нет. А ведь если адвокаты этого информатора говорят правду, дело может обернуться крупнейшим случаем налогового мошенничества в истории США.

С одной стороны, это хорошо. Но с другой стороны, в руках этого анонимного банкира — имена богатых американцев, которые прячут свои деньги на швейцарских счетах. А еще у него, по всей видимости, есть имена швейцарских дельцов, управляющих всеми этими махинациями и состоящих в прекрасных отношениях с американскими банкирами и политиками, которые все отлично знают.

Допустим, этот швейцарский Бенедикт Арнольд готов прийти к Даунингу со списком влиятельных лиц. Но кто знает, чьи имена окажутся в этом списке? Даунинг работал на администрацию Буша, которой оставались считанные дни у власти. Предвыборная кампания набрала обороты, и многие влиятельные люди уже вкладывали миллионы в избирательные фонды Обамы, Клинтон, Джулиани^[57] и Маккейна^[58]. Кто знает, куда подует ветер? Обычно при смене администрации новый генеральный прокурор ограничивался общим руководством, а чиновники с многолетним послужным списком типа Даунинга оставались на своих местах. Однако если бы мое дело ударило по кому-то повыше, и сам Даунинг, и многие его коллеги могли бы оказаться на улице.

И это еще не самое плохое. Ведь Обама уже выбрал кандидатом на должность генерального прокурора Эрика Холдера — партнера в компании Covington & Burling, одной из крупнейших юридических фирм Вашингтона. Как вы уже догадались, одним из главных клиентов Холдера был UBS.

Кевин Даунинг не хотел вести это дело. У него еще не прошла головная боль от дела KPMG, которое только что феерически слили. Министерству юстиции удалось перезапустить дело в 2005 году, и KPMG строго-настрого запретили финансировать судебную защиту своих сотрудников. Но судья посчитал такую тактику несправедливой, антиконституционной и нарушающей право ответчиков на судебную защиту, предоставленное Шестой Поправкой. В итоге тринадцать сотрудников были оправданы, и это оказалось большим ударом для министерства юстиции. В своем вердикте судья Каплан обрушился на Кевина Даунинга и всю команду прокуроров министерства юстиции из Вашингтона: «Правительство позволило рвению взять верх над здравыми суждениями. Оно нарушило Конституцию, которую поклялось защищать». Поэтому Даунинг должен был убедительно выиграть следующее дело — или распрощаться с карьерой. Поэтому он был готов взяться за дело только в случае, если бы мог получить полный контроль, а впоследствии и всю славу.

Поэтому он не хотел прикасаться к материалам, которые был готов ему дать швейцарский перебежчик. Он даже *видеть* его не хотел. Поэтому он отказал перебежчику в судебном иммунитете, и не стал вызывать его повесткой, надеясь, что перебежчик остынет и просто исчезнет. Как выяснилось, все это совсем не напрягало таинственного банкира. Он был готов двигаться дальше на полной скорости. Этот долбаный идиот вел себя, как питбуль.

Хорошо, притормозим. Я написал все это так, будто я точно знаю, о чем именно думал этот Даунинг. Скажете, наглость? Но дело в том, что я изучал этого чувака почти 10 лет и теперь знаю его чертовски хорошо. Больше того, я ненавижу его всей душой — и мне приятно думать, что он отвечает мне тем же. Но это уже так, к слову.

Вернемся к главному. Откуда я знаю, о чем думал Кевин Даунинг, когда ему позвонили мои адвокаты и рассказали, что у них есть клиент, готовый открыть все секреты незаконной банковской деятельности в Швейцарии? Он думал о том, как все рухнет. А именно в этом и состояла моя единственная цель.

Представьте себе некий вымышленный шпионский скандал. Вы работаете на контрразведку, что-то вроде Кевина Даунинга, середнячок, не большой начальник, но и не уличный топтун. И вот к вам приходят два адвоката, выступающие посредниками от имени парня, который утверждает, что он большая шишка в российском ФСБ (у них в Москве теперь так называется КГБ). И этот их клиент-шпион говорит, что знает все самые странные и темные секреты русских и что он готов стать перебежчиком и все вам рассказать. Боже, да это же будет пик вашей карьеры! Вы будете героем, получите медаль! Черт, да вас поздравит сам президент...

Но только *если* это будет настоящий шпион. Поэтому что вы делаете? Если ваш мозг работает хотя бы наполовину, вы сделаете шаг навстречу. Вы сообщите посредникам, что очень хотели бы встретиться с ним и послушать, что он скажет. Вы назначите встречу. Вы будете осторожны, но очень тактичны и уважительны. Вы не хотите отпугнуть этого парня, ведь он может принести вам секретные коды запуска всех российских ядерных ракет. Вы хотите расположить его, успокоить и вытянуть из него все, что только можете. Возможно, вы даже отправите его обратно в Россию, чтобы получить еще больше информации!

И очень аккуратно, еще до встречи с ним, вы спросите посредников, что он хочет взамен. А они и говорят: «Ничего. Он просто хочет поступить правильно и заставить Кремль заплатить за свои преступления».

Да ладно! Так не бывает. Но пути назад нет. Это ваша работа. Помните — истина, справедливость и американский образ жизни! Так?

Да, так. Но только если вы не боитесь больше всего на свете того, что секреты, которые знает этот русский предатель, опасны лично для вас! А вдруг он расскажет ужасающую правду о влиятельных людях из правительства — хороших друзьях вашего босса? О ваших наставниках, о ваших друзьях или о тех, от кого зависит ваша зарплата? А вдруг его показания будут стоить вам работы? А вдруг наверху многие в сговоре с русскими, вдруг для них деньги и власть важнее родной земли?

Вот почему вместо того, чтобы радоваться шпиону-перебежчику, вы пугаетесь до смерти — ведь может рассказать вещи, которые вы не хотите слышать! Поэтому лучше отпугнуть его, а если это не удастся, то обвинить его в чем-то и упрятать его куда-нибудь — и надолго, чтобы все о нем забыли. Когда он вновь увидит дневной свет, вы уже выйдете в отставку с правительственной службы и займетесь частной практикой — типичная для министерства юстиции «вертушка».

Вот почему Даунинг так себя повел. Это единственный разумный вариант — другие объяснения просто не работают.

Но тогда я еще не думал ни о чем подобном. Мне еще не представилось «удовольствие» встречаться с Кевином Даунингом и Карен Келли. Я знал, что они общались с моими адвокатами так, будто они пара балтиморских наркодилеров, но решил, что это классическая разводка — они играли роль «плохих полицейских», а чуть позже должны были появиться «хорошие». Чтобы понять, что это за люди, нужно было увидеть их в лицо. Чтобы узнать человека, я должен посмотреть ему в глаза. Этот момент близился.

Наступил июнь 2007 года. В Женеве июнь — самое приятное время. Над Альпами исчезают тяжелые серые облака, озеро становится тихим и прозрачно-синим, девушки сбрасывают свои тяжелые пальто и остаются в микроскопических юбках и обтягивающих блузках. На улице было лето, однако в моей голове была облачная зима, полная сомнений в том, что я, черт побери, делаю. Поток мыслей бил по моей логике, как ливень.

«Что с тобой происходит, тупица? Сен-Тропе для тебя уже недостаточно хорош? Тебе мало других развлечений в жизни? Хочешь немного посидеть в тюрьме? Желаеть отомстить вместо того, чтобы тихо лечь на дно?»

И я раз за разом давал на все эти попытки самокопания одни и те же ответы: «Я люблю неприятности», «Нет», «Нет», «Нет» и «Да».

Я собрал чемоданы. Положил в портфель бумаги, компакт-диски и мой список НОС (Non-Official Cover), который я так назвал в память о списке секретных агентов из фильма «Миссия: невыполнима». Это были мои тузы в рукаве — имена незаконных вкладчиков. У меня не было никакого желания отдавать этот список до тех пор, пока я не получу каких-либо гарантий. Но я был готов сделать это при первых проблесках уверенности. Раньше я был просто осторожным, а теперь стал сверхосторожным. Если бы о моих действиях узнали швейцарцы, они могли бы обыскать квартиру в мое отсутствие, поэтому я избавился от всех улик, открыл депозитную ячейку в банке-бутике и положил в нее все копии моих сокровищ. Еще один комплект копий всех документов я оставил в офисе Понсе.

Я снова никому не сказал, что собираюсь делать: ни друзьям, ни Таис, ни уборщице. И я решил не покупать билет в Вашингтон. Женевский аэропорт располагался всего в 15 минутах от моей квартиры. Я взял такси и снова купил билет в Бостон, чтобы сбить со следа возможных женевских соглядатаев. За билет я заплатил наличными.

* * *

Министерство юстиции США располагается в огромном каменном здании на Пенсильвания-авеню в центре Вашингтона. Вход украшен четырьмя 15-метровыми колоннами с римскими свитками наверху, а все здание напоминает зловещий храм каких-то всемогущих богов. Мы с Полом Гектором и Риком Мораном, одетые в свои лучшие костюмы, поднялись по широкой лестнице. Адвокаты, заливаясь потом, тащили дорогие портфели, набитые бумагами, а я шел налегке — при мне были лишь визитные карточки, небольшой блокнот и ручка. Мы прошли через магнитометры и оказались в большом зале. Я заметил огромную статую полуобнаженной женщины в стиле ар-деко с названием «Дух Справедливости». Женщина была облачена в тогу, ее руки вздымались к небесам. Поначалу ее создали с одной обнаженной грудью, которую теперь не было видно, поскольку

министерство потратило 8000 долларов на драпировку, покрывшую ее своенравный сосок. Уже тогда мне стоило понять, что этот закомплексованный храм — совсем не подходящее для Биркенфельда место.

Нас встретил практикант, и в его сопровождении мы прошли по длинному коридору мимо утомленных правительственных прокуроров, федеральных агентов и женщин в строгих костюмах, стучавших по мраморному полу каблуками. Затем мы поднялись на лифте, прошли по еще одному длинному коридору и оказались в налоговом отделе. Практикант открыл дверь в большую переговорную комнату и тут же испарился.

Кевин Даунинг занял председательское место во главе стола, а рядом с ним сидели Карен Келли и парень по имени Мэтью Курц, оказавшийся следователем из налоговой службы (эти люди также известны под названием «агентов казначейства»). Я посмотрел на Даунинга. «Ого, этот чувак наверняка думает, что он — Элиот Несс^[59]». У него были коротко стриженные коричневые волосы, ледяные голубые глаза, нос, как у мопса, тяжелая челюсть и тонкие змеиные губы. Карен Келли была невысокой женщиной, на которой плохо сидел костюм, купленный в супермаркете Kmart. У нее были крошечные темные глаза и лицо, застывшее под безжизненной плоской прической, она казалась тупой, как дрова. Мэтт Курц был худым человеком в мешковатом светло-синем костюме. Он носил «ежик», видимо, думая, что такая прическа придает ему более мужественный вид, но лицо у него было поприятнее, возможно, потому, что он не был представителем министерства юстиции.

Мои адвокаты поставили свои портфели на стол и гордо улыбнулись.

— Всем доброе утро, — сказал Пол. — Мы хотели бы представить вам нашего клиента, мистера Брэдли Биркенфельда.

Я кивнул и улыбнулся, однако не успел я произнести и первых слов приветствия, Карен Келли, почти подпрыгивая от гнева, ткнула в меня пальцем и завопила:

— Вы не избалованный! Вы лишь мелкий наводчик!

Я в шоке дернул головой. «Извините? Мы с вами что, когда-то неудачно переспали?»

Рик пододвинул мне кресло, а я прошептал ему:

— *Это что* еще за херня? Куда ты меня притащил?

— Просто расслабься, — пробормотал он. — Мы уже здесь. Это всего лишь пристрелочный выстрел.

Но он был неправ. Даунинг смотрел на меня так, как если бы я заявился к нему на вечеринку сдохлым скунсом. Я сел рядом со своими адвокатами и глубоко вдохнул.

— Хорошо, давайте снова начнем с вашего имени, — проворчал Даунинг. — Произнесите его по буквам.

Я это сделал. Затем он сказал:

— Ваши адвокаты заявляют, что у вас, мистер Биркенфельд, есть некая информация, способная нас заинтересовать.

— Да-да, — усмехнулась Карен Келли. — Дело всей жизни.

Я уже подумывал о том, чтобы наклониться через стол, чтобы придушить ее, однако решил просто игнорировать. Я привел свои мысли в порядок и попытался удержать себя в руках.

— *Это наверняка* вас заинтересует, мистер Даунинг, — сказал я, — поскольку дело касается одного из крупнейших банков в мире, который десятилетиями обманывал американских налогоплательщиков.

— Напомните еще раз, о каком банке идет речь?

— UBS, AG. Union Bank of Switzerland.

По его лицу пробежала рябь, напоминая судорогу.

— И вы ему помогали, — сказала Келли.

Я откинулся назад в своем кресле, гордо поднял голову и улыбнулся моей фирменной улыбкой «я сожру тебя на обед».

— Если вам неинтересно, так и скажите. Думаю, что найдутся более благодарные слушатели.

— Я бы точно хотел послушать! — сказал Мэтью Курц.

«Отлично, — подумал я, — хоть у кого-то из этой троицы есть мозги».

— Хорошо, мистер Биркенфельд, — сказал Даунинг. — Рассказывайте.

Так я и сделал. Два часа я рассказывал о своих карьерных шагах, о том, как я начал работать в Credit Suisse, перешел в Barclays, а затем достиг вершины пирамиды UBS. Я рассказал о том, как в UBS нас учили делать предложения североамериканским клиентам и избегать проверки со стороны федеральных агентов, таких как мои собеседники. Я рассказал о результатах моих поездок в группе охотников и собирателей. К полудню у меня во рту пересохло, а желудок начал урчать, однако они предложили нам всего лишь по стакану теплой воды, как заключенным на допросе. Мои собеседники ограничивались лишь короткими записями в своих блокнотах, и я подумал, не вмонтирована ли камера в глаз на портрете генерального прокурора Альберто Гонсалеса. А может быть, вся комната напичкана «жучками»?

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Наконец Даунинг посмотрел на часы и принялся собирать свои бумаги.

— Хорошо, мистер Биркенфельд, — сказал он. — пришите нам все документальные подтверждения, которые якобы у вас есть, и мы их изучим.

— Ничего личного, мистер Даунинг, — ответил я, — но вы не поймете их содержания без переводчика. Этим переводчиком буду я, и я лично передам их вам и пройду вместе с вами по каждому документу.

Он скривился, однако Мэтью Курц коснулся его рукава и кивнул. Парень из налоговой службы знал, о чем я говорю. И тут вмешался Рик Моран.

— Можем ли мы обсудить вопрос иммунитета для мистера Биркенфельда и выдачи ему повестки?

Даунинг посмотрел на меня.

— Подобные просьбы обычно означают признание вины.

— Мне нужна защита не от вас, — сказал я, — а от швейцарцев. Сам факт моего пребывания здесь уже нарушает кучу швейцарских законов.

— Думаю, что вы хотите слишком многого, — ответил Даунинг. — И слишком быстро.

Карен Келли вновь завопила на меня. Судя по всему, разговаривать по-другому она просто не умела.

— Мы знаем, что вы здесь только потому, что хотите получить награду, которую дают изблечителям.

Это невероятно меня разозлило. Я встал с кресла, а за мной встали и мои адвокаты. Возможно, им показалось, что хочу воткнуть ей в глаз мою ручку Montblanc.

— Леди и джентльмены, — сказал я, полностью себя контролируя, — я начал этот процесс полтора года назад, задолго до того, как вообще появилась награда, о которой вы говорите. Когда я занялся этим делом, работая в банке, я рисковал всем. Единственная

награда, которую я мог за это получить — швейцарская тюрьма. Теперь вы объявили такую награду, но это же не я придумал.

— Хорошо, — Даунинг махнул рукой. — Мы скоро увидимся.

Оказавшись на улице, я сорвал с шеи галстук. Мы попытались поймать такси, однако в столице уже наступило обеденное время, поэтому мы отправились в офис адвокатов пешком.

— Что ж, все прошло не так уж и плохо. — Пол попытался украсить труп румянами.

— Это была какая-то полная херня, — ответил я.

— Они просто играют в крутых парней, — заметил Рик. — Вот увидишь, они смягчатся.

Некоторое время мы прошли в молчании, и я думал о том, насколько сильно ошибаются эти два парня. Прием в министерстве юстиции оставил у меня во рту вкус свернувшегося молока. Подобное отношение не имело никакого смысла.

— А что там с этой наградой для избличителей? — спросил я.

— Налоговая служба утверждает, что награда составляет от 15 до 30 процентов от любых незаконных сумм, вернувшихся в бюджет в результате получения инсайдерской информации.

На самом деле мы уже беседовали об этом новом законе сразу же после его появления в декабре 2006 года. Но тогда я не знал, что Гектор уже обсуждал это с Даунингом — еще до нашей первой встречи. Он даже предложил министерству юстиции запустить свою собственную программу награждения избличителей. Ошибка! Судя по всему, Пол совершенно не представлял себе, какие в Вашингтоне царят настроения против избличителей. Все что он сделал — это разозлил людей, к которым собирался прийти с моим делом. Вот почему Карен Келли бесилась с самого начала нашей встречи.

Правда, я понимал, что такая программа — обычная замануха, чтобы люди давали показания. Даже в случае разбирательства против UBS до вознаграждения было очень и очень далеко. Я запросто мог получить 30 процентов от нуля. Но почему бы не подстегнуть моих адвокатов?

— Вот что я вам скажу. Давайте подадим документы на эту награду. Если вы добьетесь ее, получите 12 процентов от причитающейся мне суммы. Мы добавим это условие к нашему соглашению.

Эта идея им понравилась.

Как ни мерзко в этом признаваться, но эту ночь в своем гостиничном номере я провел, погруженный в раздумья. Гостиница Four Seasons — это не какой-нибудь там мотель, и заплатить 600 долларов просто за то, чтобы выпивать в одиночестве, разговаривая с самим собой, было как-то чересчур, но мне нужно было разобраться с происходящим. Для столь жесткого поведения у людей из министерства юстиции не было никаких оснований, ведь я был готов принести им немало призовых очков. Но я помнил, что клоуны из ФБР в Бостоне реагировали на меня примерно таким же образом. Возможно, Даунингу и Келли просто не нравились люди, которых они считали «стукачами». А может быть, они считали меня угрозой для их карьеры, человеком, который смог справиться с тем, что не удавалось им в течение десятилетий. Было понятно, что Карен Келли, как минимум, держала меня за проходимца, обратившегося к ним лишь ради денег. Но Даунинг... его я не мог раскусить. Эта задача заняла у меня намного больше времени.

Я вспомнил, как когда-то мы, военные кадеты в Норвиче, должны были преодолеть реку, держа винтовки над головами. Дно становилось все глубже и глубже, и когда вода приблизилась к горлу, кое-кто начал паниковать и повернул обратно, но не я. Я вышел на

другой берег, промокший до нитки и задышавшийся, но не потерявший достоинства. Эта история с министерством юстиции казалась мне чем-то очень похожим. «Двигай вперед, — сказал я себе. — Это просто испытание».

Однако следующая встреча в той же переговорной комнате оказалась ничуть не лучше. Даунинг был надутым, как будто мамочка отняла у него любимую пижаму, а Карен Келли выглядела так, будто бы провела ночь в своем мешковатом костюме и не вымыла голову. Один лишь Мэтт Курц казался свежим, умиротворенным и неподвзятым. Агент казначейства был искренне заинтересован в том, чтобы расследовать пути движения денег, а не в попытках уловить направление политических ветров.

Страницу за страницей я показывал им документы UBS, доказывавшие намерения и преступные действия банка, которому было плевать на американские законы. Я показал им электронное письмо, в котором банк требовал от частных банкиров из американского отдела еще более высоких результатов. Я детально описал процессы открытия и управления номерными счетами — и они были первыми правительственными агентами США, которые получили такую информацию. Я даже набросал для них наши подземные хранилища и описал, что именно хранили там наши североамериканские клиенты: драгоценные камни, наличность, облигации на предъявителя, произведения искусства и даже золотые и серебряные слитки, стоившие многие миллионы долларов.

Несмотря на все это, Даунинг задавал абсурдные вопросы, не относящиеся к делу. Он хотел знать, сколько денег я зарабатывал и как. Он интересовался довольно интимными деталями моей жизни, как будто пытался сравнить свою зарплату правительственного чиновника и скучную жизнь в пригороде с моей жизнью. Это было похоже на какой-то идиотский аудит. В то же время Мэтью Курц делал подробные записи, интересовался трастовыми структурами, клиентскими комиссионными и банковскими продуктами, которые UBS навязывал владельцам секретных счетов.

Прошло четыре часа. Даунинг оказался полным невеждой в области международных финансов, а Карен Келли казалась тупой, как бревно. Она все повторяла свою прежнюю мантру:

— Давайте будем честными, мистер Биркенфельд. Вы здесь только ради награды.

— Разумеется, — ответил я, не выдержав. — Я надеюсь получить Нобелевскую премию мира.

Рик Моран пнул меня под столом.

— Хорошо, — сказал Даунинг, откладывая в сторону пачку документов высотой в несколько сантиметров. — Давайте поговорим об именах некоторых клиентов.

— Давайте лучше поговорим об иммунитете и повестке для мистера Биркенфельда, — ответил Пол Гектор.

— Думаю, что мы уже четко заявили о своей позиции, — прорычал Даунинг. — Все, что у нас есть сейчас, в лучшем случае, незначительно, так что...

Я тут же прервал его:

— Я расскажу об одном клиенте.

В комнате воцарилось молчание, и все уставились на меня.

— Абдул Азиз Аббас, — сказал я.

— И кто же это такой? — спросил Даунинг.

— Гражданин Ирака, живет в Нью-Йорке. Это личный клиент моего босса, Кристиана Бовэя, но у меня есть все документы о нем. Это настолько важный клиент, что в офисе Бовэя

была отдельная телефонная линия для общения с Аббасом. Примерно как телефон прямой связи с Кремлем в Белом доме.

— Это необычно?

— Это совершенно беспрецедентно, — ответил я. — Никому, кроме Бовэя, не разрешалось отвечать на звонки по этому телефону. Однажды, когда я еще был новичком в банке, телефон зазвонил, а Бовэя не было. Я зашел в его офис и ответил на звонок. На меня тут же обрушился голос с иностранным акцентом на другом конце линии: «Кто вы и почему вы взяли трубку?!»

— Ясно, — проворчал Даунинг. — А что хранит этот Аббас в UBS?

— Четыреста двадцать миллионов долларов на шести номерных счетах. Кроме того, у него есть квартиры стоимостью 40 миллионов долларов на 46-м и 47-м этажах жилого комплекса Olympic Tower в центре Манхэттена.

Мэтью Курц присвистнул:

— Это очень много.

— Именно так, мистер Курц. Рад, что вы начинаете это понимать. И только подумайте, в наших швейцарских отделениях было 19 000 таких клиентов.

— А каким образом эти владельцы якобы незадекларированных счетов зарабатывали деньги? — спросила Карен Келли.

Судя по всему, мне наконец удалось привлечь ее внимание — впервые за два дня.

— Аббас нелегально продает нефть режиму Саддама Хусейна. Он самый крупный владелец счета в американском отделе.

Это я знал от самого Кристиана Бовэя.

С одной стороны, я знал, что мне не стоит открывать имена других клиентов без повестки или любого другого официального разрешения на дачу показаний. С другой стороны, я не испытывал никаких угрызений совести от того, что делился всей этой информацией. В конце концов мы жили в мире после 11 сентября, а на этом парне, Аббасе, так и виднелось клеймо террориста. *Простите, мои швейцарские друзья, однако террористическая угроза сильнее швейцарской банковской тайны.* Многие представители администрации Буша полагали, что Саддам Хусейн помогал атакам 11 сентября. Поэтому прокуроры из министерства юстиции в Вашингтоне наверняка хотели бы узнать об этом больше... по крайней мере, так мне казалось.

К тому времени я полностью овладел их вниманием. Они не спускали с меня глаз и ждали, что я скажу дальше.

— Вам еще кое-что стоит знать.

— И что это? — спросил Даунинг.

— Как я понимаю, Аббас близко дружит с Руди Джулиани.

И тут разговор моментально сошел с колеи. Даунинг, живший в Нью-Йорке, быстро поднес ладонь к моему лицу и громко сказал:

— Нас не интересуют неамериканцы!

Я попытался его прервать, однако он принялся повторять эту мантру чуть ли не в панике. Он напоминал ребенка, затыкающего пальцами уши, закрывающего глаза и громко мычащего, чтобы не слышать неприятных новостей.

«Не интересуют неамериканцы? Этим банком управляют неамериканцы, ты, дебил», — думал я. Даунинг нес полную ахинею. Мои слова его сильно задели. Дело было нечисто. Джулиани был его земляком, и он набирал вес, по данным опросов о кандидатуре будущего

президента. И тут я понял, что три федерала, сидящие передо мной, — это глупые обезьянки, повторяющие: «Не вижу зла, не слышу зла, не говорю о нем».

Что ж, хорошо. Переходим к следующей области некомпетентности Даунинга и компании.

— Вот как можно поставить банку мат в один ход.

Я рассказал им, что через шесть месяцев, в начале декабря 2007 года, в Майами должна пройти выставка Art Basel.

— UBS — главный спонсор этого мероприятия, и им это нужно только по одной причине — чтобы отправить туда из Швейцарии сотрудников американского отдела, которые будут соблазнять богатых американцев открывать секретные швейцарские счета. И все они будут работать под прикрытием UBS America. Имейте в виду — UBS America увяз в этом деле по самую шею.

Я даже не был уверен, слышит ли меня Даунинг. Он был все еще потрясен услышанным о Джулиани. Однако я продолжал.

— Я знаю имена всех частных банкиров UBS, которые прилетят в Майами, названия гостиниц, в которых они останутся, номера их мобильных телефонов и адреса электронной почты. Все они укажут при въезде, что путешествуют ради развлечения, а не по работе. Этим они нарушат американские законы, так их проинструктировал банк. У каждого из них будут зашифрованные ноутбуки и смартфоны BlackBerry от UBS. На этих ноутбуках хранятся данные о счетах клиентов, у каждого из банкиров — до 200 американских клиентов. Вы заполучите эти ноутбуки, и игра окончена.

Я разложил на столе большую схему с упомянутыми данными — полными именами, номерами мобильных телефонов и электронными адресами всех банкиров UBS с названиями гостиниц, в которых они останутся.

— Вот план действий, — сказал я. — Мы живем в мире после 11 сентября. Вы можете отслеживать почти все происходящее в каждом уголке земного шара. Так что это не будет сложно. Все, что вам нужно, — это взять у меня имена и связаться с министерством национальной безопасности. Вы будете в точности знать, когда они прилетят, и сможете захватить их в аэропорту или в гостиницах вместе с их компьютерами и телефонами. Однако вам нужно действовать быстро и согласованно — у компьютеров и телефонов есть аварийная кнопка, которая удаляет все данные с устройств. Вы не должны дать этим парням возможность нажать кнопку. Их нужно арестовать максимально быстро.

На лицах у Даунинга и Келли появилось типичное для бюрократов выражение «не учите меня делать мою работу». Вы наверняка знаете, как это выглядит. Таких же ребят вы видите, когда стоите в длинном хвосте на регистрацию машины или на почте. Однако я попытался еще раз убедить их, что это самый крупный выигрышный билет за всю их жизнь.

— У каждого банкира до двухсот счетов, а это значит, что вы можете за один заход легко получить данные более чем о тысяче американских владельцев счетов в UBS!

— Вы слишком много смотрите телевизор, — выпалил Даунинг. — Это какой-то Голливуд.

Он тут же зарубил идею на корню. Телевизор был тут ни при чем, я вообще почти его не смотрю. Было ясно, что Даунинг не хочет пользоваться методами, о которых он сам не подумал. К тому же славу за эту операцию мог получить я, а не он! Не годится!

Поймите правильно — этот план сработал бы. Правоохранительные органы США не только получили бы данные о более тысячи американских держателей счетов в UBS, но и

смогли бы арестовать несколько частных банкиров. Затем на банкиров можно было нажать с целью получения дополнительной информации, которая подтвердила бы то, что я уже рассказал министерству юстиции. Ничего сложного, верно?

Неверно. Наша встреча тут же прекратилась, совершенно внезапно. Даунинг и Келли встали и двинулись к двери, а Курц последовал за ними, как смущенный щенок.

— Мы дадим вам еще один шанс, — обратился Даунинг ко мне и моим адвокатам. — Принесите нам серьезную информацию об *американцах, уклоняющихся от налогов*, и мы подумаем, чем мы можем вам помочь.

А затем они ушли. Ушли и мы.

— Что это была за хрень? — возмутился я, когда мы трое втиснулись в такси.

— Возможно, ты их напугал, — сказал Рик и покачал головой. — Эта история про Аббаса и Джулиани. Обязательно нужно было говорить именно о *нем*? Господи Иисусе, Брэд!

— Ну, если они такие слабаки... — сказал я. — По крайней мере, теперь они поняли, что у меня есть. Может быть, теперь они захотят пойти на сделку.

— Постучим по дереву, — ответил Рик.

— Вот что, господа. — сказал я. — Я дам вам еще одну попытку, и хватит.

Однако в следующий раз все получилось совсем иначе. Наша очередная встреча заняла меньше часа. Мэтью Курца на ней не было, а Даунинг и Келли вели себя так, как будто отправились на исповедь, а духовник их предупредил, что им не стоит иметь дела с дьяволом. Гектор и Моран еще раз попытались выбить для меня повестку или возможность иммунитета, однако Даунинг откровенно притворился глухим.

— Мы тщательно изучим все эти документы, а затем сообщим вам о нашем решении.

— Когда мы можем связаться с вами? — спросил Пол.

— Не звоните нам. Мы сами вам позвоним.

— Где-то я уже это слышал, — пробормотал Рик.

И мы опять оказались на улице. В своей жизни я всего лишь раз или два чувствовал уныние, и это был как раз тот случай. Я столько пережил, чтобы вручить победу американскому налогоплательщику и пригвоздить к позорному столбу коррумпированную швейцарскую систему, а взамен получил пинок под зад. Честно говоря, я чувствовал, будто мне публично надавали пощечин.

— Так не пойдет, — сказал я своим адвокатам. — Идемте туда, где нас будут слушать. Давайте обратимся в Сенат США.

— В Сенат? — Рик остановился и посмотрел на меня. Затем указал пальцем на Капитолийский холм. — Вон туда?

— Именно. Организуйте мне вызов для дачи показаний в Сенате США. Я расскажу сенаторам обо всем, включая имена клиентов — адреса, номера телефонов, названия их яхт, имена подружек и клички гончих лошадей. А эти тупицы из министерства юстиции могут валить на хер.

— Хорошо, Брэд. Мы попробуем, — сказал Пол. — Где тебя можно будет найти?

— Дома.

— В Женеве?

— Да, пока что мне там как-то спокойнее.

Затем я поймал такси до гостиницы. Я был полностью вымотан, будто пробежал трехдневный марафон в свинцовых ботинках. А еще я был зол как черт. На секунду мне

захотелось раздолбать в моем гостиничном номере все на куски, как будто я Кит Ричардс^[60] под кокаином, но это было бы, пожалуй, уже чересчур. Я сорвал с себя дурацкий костюм, налил виски из мини-бара и уже было собирался отправиться куда-нибудь в парк, чтобы выкурить гаванскую сигару, как вдруг зазвонил мой мобильный телефон.

«Это еще что за чертовщина?» — подумал я, поднимая трубку. Услышав в трубке голос, я тут же улыбнулся. Это был мой приятель из Лондона Ладьел Джафарли.

— Ладьел! — сказал я, улыбаясь. — Как дела, приятель?

— Отлично, Брэд. Как у тебя?

— Сказочно!

Он рассмеялся.

— Не думаю, что ты сейчас в Штатах, но сам я в Вашингтоне на выездной конференции для руководителей.

— Да ты что?

Я быстро пораскинул мозгами. Последний раз я встречался с Ладьелом в Марокко, когда я сам работал в Barclays. Он был очень осторожен, да и в любом случае я не собирался кому-либо рассказывать о том, чем я занимаюсь сейчас.

— Я тоже здесь! Занимался охотой на клиентов в Вирджинии.

— Да ладно! Случайно, не закончил еще?

— А то. Конец — делу венец.

— Слушай, Брэд, а давай махнем в Канкун и хорошенько там отдохнем.

— Отличная идея! Я забронирую билеты.

— Не нужно, я уже обо всем позаботился.

Мне потребовалось около наносекунды, чтобы принять приглашение. Я очень нуждался в перерыве. Мне нужно было прочистить мозги, и идея поехать на несколько дней в Мексику была то, что доктор прописал. Я сказал, где нахожусь.

— Великолепно! — ответил он. — Подхвачу тебя там через два часа.

Ровно через два часа перед гостиницей остановился длинный черный лимузин, из него выскочил Ладьел и крепко пожал мне руку. Его белые зубы сверкали на ярком солнце. Он был уроженцем Алжира, у него были волнистые черные волосы и глаза, заставлявшие девушек замирать от восторга. Он воспитывался в Женеве, поэтому свободно говорил по-французски. Он был прекрасным парнем и щедрым другом, таким же как Марио Стаггл или Санджей Кумар; я доверял ему, и с ним было весело.

Тем не менее я не осмелился рассказать ему о своих планах. Мы покатали в аэропорт имени Даллеса в предвкушении веселья. Ладьел знал, что я покинул UBS и подал иск против банка, однако из разговора с ним я понял, что он ничего не знает ни о моей переписке с руководством банка, ни о том, чем я на самом деле занимаюсь в Вашингтоне. Я рассказал ему часть правды — о том, что занимаюсь частными инвестициями от имени своего друга и планирую превратить это в основное занятие на ближайшие годы. У него было много идей и контактов, и мы принялись обсуждать различные возможности.

Добравшись до аэропорта, мы проехали мимо терминалов в сторону места, где стояли частные самолеты. Там на блестящей полосе нас уже ждал сверкающий белый Citation X. Увидев его, я рассмеялся.

— Я думал, мы полетим обычным рейсом.

— Что за мещанство! — сказал Ладьел. — Зарабатывать кучу денег и не летать на такой птичке?

Мы вылетели в Канкун. В этой стальной трубе с кожаными сиденьями верблюжьего цвета кроме нас были два пилота, очень привлекательная стюардесса и море скотча. Лондонская компания Ладьела не имела собственного самолета, но участвовала в программе «совместного владения частным авиатранспортом», так что «птичка», по сути, принадлежала ему. Пока мы летели, он забронировал для нас номера в Ritz-Carlton, пятизвездочном курорте на окраине Канкуна. Четыре дня путешествия слились для меня в постоянное мельтешение зеленых, розовых и синих пятен. Атлантический ветер раскачивал изумрудные пальмы над ухоженными газонами, пока мы выпивали возле бассейна. Оттенки розового можно было увидеть везде — на скатертях, на шезлонгах, на цементном мосту, который вел к яхтенной гавани, и на загорелой коже прекрасных, ухоженных женщин. Вода в заливе была кристально синей. Мы плавали и ныряли, и мне казалось, что вода смывает с моего тела и вымывает из головы мерзкие следы пребывания в Вашингтоне. Мы с Ладьелом болтали о делах, развлечениях и девушках, но я ни разу не упоминал подлинной цели моего недавнего визита в столицу США. Мы много смеялись, веселились, а затем нехотя сдались и вернулись обратно в самолет, отдохнувшие, загорелые и готовые к новым испытаниям.

Согласно законодательству США, частные самолеты, входящие в воздушное пространство США со стороны Мексики, должны приземляться в ближайшем доступном аэропорту для проверки таможенной и иммиграционной службой, так что мы сели в Эль-Пасо. Я заметил Ладьелу, насколько абсурден иммиграционный контроль в аэропорту, если вспомнить, что мексиканские наркокурьеры спокойно преодолевают реку и ускользают от пограничников в нескольких милях к югу от нас.

— Да, у вашей страны довольно интересные представления о безопасности границ, — заметил он.

— Вашингтон вообще не волнуют границы, — ответил я. — Они готовы принять голоса всех, кто способен заполнить избирательный бюллетень, даже если человек только что убил мэра города Хуарес^[61].

Некоторое время самолет простоял на взлетно-посадочной полосе, а затем на борт поднялись двое сотрудников иммиграционной службы в форме. Они взглянули на мой паспорт гражданина США, вернули его мне и принялись изучать швейцарский паспорт Ладьела.

— Прошу вас выйти из самолета, мистер Джафарли, — произнес один из них. — Мы не задержим вас надолго.

Ладьел пожал плечами и поднялся. Я ухмыльнулся, поднял стакан в знак приветствия и потихоньку прихлебывал из него, пока мой друг не вернулся обратно примерно через 15 минут.

— Ну что, тебе устроили полный и тщательный досмотр?

— Нет, — ответил он. — Слава богу, нагибаться мне не пришлось. Но это было странно. Они скопировали мой паспорт, задали несколько невинных вопросов и просто отпустили меня.

— Ты выглядишь как террорист, у тебя швейцарский паспорт, ты живешь в Лондоне и к тому же ты управляющий директор в Credit Suisse. Плохой парень высокого полета, однозначно опасный.

Через несколько часов мы приземлились в аэропорту имени Даллеса. Я искренне поблагодарил Ладьела за возможность убежать от дел, пообещал вскоре отплатить ему чем-то подобным где-нибудь в Лондоне, и после крепких объятий мы расстались. Он улетел в

Великобританию, а я забронировал билет на первый же рейс в Женеву. Я чувствовал себя родившимся заново и перестал беспокоиться о своих зловключениях с министерством юстиции. Я посчитал, что в Вашингтоне есть много других агентств и толковых людей, способных оценить все то, что я пытался сделать. Нам нужно было просто найти их и начать заново.

Прошла неделя. Не получив никаких новостей от Гектора и Морана, я, наконец, занервничал и позвонил им сам (само собой, из уличного таксофона).

— Слышно что-нибудь от этих тупиц из министерства юстиции?

— Пока ничего, — сказал Пол.

— А что происходит с Сенатом?

— Мы работаем над этим, Брэд.

— Хорошо, но работайте чуть быстрее, Пол. Я тут, знаете ли, не молодею.

Я разочарованно повесил трубку. Это были приятные парни, однако это не самое главное качество, которое вы хотите видеть у адвоката. То, что мне приходилось учить их, что делать, к кому обращаться и какие творческие подходы использовать, начинало меня бесить. Но мне не удалось найти других адвокатов, у которых не было бы конфликта интересов с UBS, и, как минимум, они казались честными.

Я был в своей квартире, когда через пару дней мне на мобильный телефон позвонил Ладьел. Он был в Лондоне, и его голос казался непривычно напряженным.

— Брэд, я только что разговаривал с человеком из отдела комплаенса UBS.

— Нашел, с кем общаться, — пробормотал я, не понимая, что означает тон его голоса.

— Судя по всему, в этом банке у тебя больше нет друзей, — сказал он. — Но, к счастью, у меня они еще остались. Кто-то отправил им письмо, по всей видимости, от моего имени. Однако клянусь Богом, это был не я. Дай мне номер твоего факса.

— О чем там написано, Ладьел?

— Сейчас увидишь, и думаю, что тебе это не понравится, — ответил он и добавил: — И, Брэдли, будь осторожен.

Я продиктовал ему номер факса, и он повесил трубку. Через несколько минут мой факс ожил и выплюнул одну страницу. Я начал ее читать, и вдруг почувствовал, как по моим ногам вверх ползет жар, постепенно доходя до груди. Письмо было адресовано в юридический отдел штаб-квартиры UBS в Женеве. Ниже я привожу его дословно.

«Июль 2007 г.

UBS AG

Вниманию департаментов управления капиталом и расчетов с клиентами.

В юридический департамент 2, Рю де ла Конфедерасьон СН-1204 Женева.

Уважаемые представители UBS Geneva:

Информирую вас о том, что бывший сотрудник отдела по работе с ключевыми клиентами департамента управления капиталом Брэдли Биркенфельд пытается создать юридические проблемы для вашего банка.

Не так давно, несмотря на достигнутое вами соглашение по вопросу его занятости, признанное швейцарским судом, он осознанно предпринял попытку контакта с представителями министерства юстиции США и разглашения ваших закрытых банковских процедур, которые могут нарушать законы США.

По состоянию на сегодняшний день офис министерства юстиции США в Вашингтоне рассматривает вопрос о выдаче повесток для дачи показаний определенным руководителям

банка UBS, а также самому банку. А также о награде его за эти действия, связанные с изобличением.

Прошу вас обсудить со своими адвокатами непрофессиональные и неправомерные побуждения мистера Биркенфельда, поскольку он является резидентом нашей Швейцарии.

Предполагаю, что вы будете сохранять конфиденциальность относительно моего обращения к вам. Я также являюсь гражданином Швейцарии.

С уважением,

Л. Джафарли,

Лондон»

Я прочитал письмо. Перечитал еще раз. И еще раз. Мне показалось, что мои уши лопаются от горячего пара, переполняющего мой мозг. Письмо было написано на таком языке, будто кто-то пытается изображать иностранца, пишущего по-английски. «Непрофессиональные побуждения»? Английский язык Ладьела был идеальным, куда более свободным, чем на этом куске макулатуры. Имя Ладьела было указано в самом низу письма, но там не было подписи. Оно было просто напечатано. Подпись — это все равно, что отпечаток пальца. Когда вы притворяетесь кем-то другим, вы просто печатаете имя.

Я подошел к веранде, распахнул французские двери и начал смотреть на далекие Швейцарские Альпы за озером. Я даже не заметил, как факс выскользнул у меня из пальцев и улегся на полу. Никто, ни одна живая душа, кроме моих адвокатов в Женеве и Вашингтоне, не знал, что я был в министерстве юстиции. Но никто из них не знал о моем друге Ладьеле, а Ладьел не имел никакого представления о моей деятельности в Вашингтоне. А если бы и знал, то никогда бы не подставил меня таким образом, чтобы потом показать мне улики и притворяться, что предупреждает меня, как настоящий заботливый друг. Черт, он действительно был моим другом — и многие годы! Он пытался спасти мою шкуру.

Но кто же пытался с меня ее содрать? Я вспомнил эту остановку на таможне в Техасе. Они вытащили Ладьела из самолета, одного — лишь для того, чтобы скопировать его документы, возможно, по приказу... чертова Кевина Даунинга! Но если это был Даунинг, то как он узнал, куда я направлюсь после Вашингтона? Возможно, он поставил прослушку на мой телефон и послал за мной хвост — тогда они могли следовать за мной до аэропорта, а там запросить маршрутный лист нашего самолета. Когда мы летели домой, у таможенников уже были четкие инструкции, а министерство юстиции подставило им мальчика для битья — Ладьела, уважаемого инвестиционного банкира со швейцарским паспортом.

Моя кровь вскипела. Кто-то в правительстве США — Даунинг со своими чертовыми подручными или кто-то еще — всеми силами пытался засадить меня в швейцарскую тюрьму.

Или хуже того, убить меня.

«Хочешь избежать критики, ничего не делай, ничего не говори и будь никем».

Аристотель, греческий философ^[62]

Когда тебя предаёт правительство твоей собственной страны, это удар такой силы, будто тебя изо всех сил лягнул в живот мул.

Я вырос убежденным в несокрушимости краеугольных камней нашей американской системы правосудия. Именно этому меня учили с детства — что бы ни случилось, мои права как американского гражданина защищены Конституцией и Биллем о правах, величайшими документами, созданными в мире после Десяти Заповедей и Великой хартии вольностей. И если бы даже меня обвинили в нарушении законов страны, то мою судьбу должны были решать «12 разгневанных мужчин»^[63], такие же люди, как я сам, хорошие и справедливые, а не один-единственный чиновник правоохранительного ведомства, возможно, озлобленный, или коррумпированный, или лично заинтересованный.

Да, в американской истории были дни, которыми не гордится никто из патриотов страны, но допущенные ошибки все же исправлялись. И конечно же, даже в недавней истории в правительстве страны оказывались негодяи. Однако я никогда не мог и представить себе, что мне когда-нибудь доведется испытать то, что случилось. Я не мог поверить, что американские прокуроры и правительственные агенты окажутся мерзавцами. В стране существовала система сдержек и противовесов, в которой любой страж порядка находился под придирчивым и бесстрастным наблюдением. Мы не в Германии 1930-х годов, а министерство юстиции не гестапо. Я был твердо убежден в этом, но теперь я чувствовал себя рядовым членом мафии, который ради общего блага решил предать «крестного отца» и рассказать обо всех кровавых историях, связанных с омертой^[64], но агент ФБР, которому он доверился, оказался Майклом Корлеоне.

Письмо Джафарли потрясло мой мир. Кому теперь доверять? И это было не то же самое, что узнать об измене жены. Представьте себе, будто вся ваша семья сговорилась, оформила вам страховку на 5 миллионов долларов и наняла киллера, чтобы тот всадил вам пулю в затылок.

Сейчас мне очень неудобно рассказывать об этом Ладьелу, но тогда я вспоминал каждое слово каждого разговора с ним — с его первого звонка в вашингтонскую гостиницу, во время нашего путешествия по Мексике и вплоть до последнего рукопожатия и объятий в аэропорту имени Даллеса. Во всяком случае, каждое слово, которое я мог вспомнить, поскольку в некоторые моменты путешествия мы были совершенно пьяны. Однако я не мог вспомнить ничего особенного — ни странных оговорок, ни неловких вопросов, ни чрезмерной заинтересованности моими отношениями с UBS, карьерными планами или тем, насколько я был удовлетворен итогами судебного разбирательства. Я прокрутил все в голове и понял, что Ладьел вне подозрений. Но это было по-настоящему отвратительно, и я почувствовал стыд и гнев на ублюдков из министерства юстиции за то, что они заставили меня это сделать.

Итак, это устроили именно они. Список подозреваемых был коротким, и их можно было перечислить по пальцам одной руки. Мой брат Дуг знал, что я делаю, потому что я все ему

рассказал, когда во время своей последней поездки оказался в Бостоне. Но это точно не мог быть Дуг, разве что он не решил мне отомстить за какую-то шалость в детском возрасте. Загибаем один палец. И это не был Ладьел, еще один палец. И конечно же, это не могли быть два моих адвоката, если только в юридической школе их не учили брать у клиентов деньги, а затем вышвыривать их вон. Итого четыре пальца, и остался один — Даунинг и министерство юстиции. У меня в голове звучала знаменитая реплика Марлона Брандо из фильма «В порту»: «Это был ты, Чарли. Это был *ты*».

Но зачем же Даунингу нужно было бы это делать? Министерство юстиции и Кевин Даунинг меня подставили, они следили за тем, как мы с Ладьелом отправились в Мексику, затем стащили Ладьела с самолета, заполучили его идентификационные данные и использовали его имя в какой-то темной схеме, чтобы засветить меня и заставить отступить. Но почему? В этом не было никакого смысла, если только они действительно не хотели, чтобы я заткнулся. И хотя я совершенно не переносил Кевина Даунинга, мне казалось, что за ниточки здесь тянул кто-то другой. *Кто твой долбаный кукловод, Пиноккио?*

Кто-то Наверху ненавидел меня так же сильно, как Даунинг, а может быть, еще сильнее, но я не собирался выяснять, кто именно. Это не имело особого значения. Министерство юстиции было всемогущим. Я сражался против дракона. Нужно было вести себя еще осторожнее с телефонными звонками, электронной почтой, факсами и разговорами. В UBS все еще работали люди, которых я считал своими отличными друзьями, но мог ли я доверять им? Единственными, на кого я мог полностью рассчитывать, были Дуг и мой лучший друг со времен State Street, Рик Джеймс, но они жили не в Женеве. И пока я оставался в Швейцарии, я был одиноким волком, держащим охотников в страхе.

На минуту я задумался о том, чтобы собрать вещи и сбежать из страны, чтобы швейцарцы не смогли надеть на меня наручники. Однако я тут же отбросил эту мысль. Охота уже началась, и я посчитал, что лучшей тактикой будет не бегство, а контратака. Мне нужно было взять это фальшивое письмо Ладьела Джафарли и запихнуть его в задницу чиновникам из министерства юстиции. Я внезапно решил, что мне хватит прятаться и бегать от таксофона к таксофону. Если меня прослушивают — а я уже был в этом уверен, — нужно, чтобы они слышали, как я бросаю им вызов. Я позвонил Гектору и Морану в Вашингтон.

— Внимание, джентльмены, — сказал я. — Я сейчас отправлю вам факс прямо из дома.

— Хорошо, Брэд, — удивленно сказал Рик. — А это безопасно?

— Неважно. Меня уже раскрыли, и все это довольно гадко.

Я отправил факс, и через пять минут они перезвонили мне, шокированные.

— Не могу *этому* поверить, — сказал Пол. — Это что, какой-то розыгрыш?

— Только если я — Бэтмен, а Кевин Даунинг — Джокер.

— Брэд, ты точно уверен, — спросил Рик, — что твой друг Ладьел не мог сдать тебя UBS?

— А ты, Рик, — ответил я, — полностью уверен в том, что твоя жена не спит с чистильщиком вашего бассейна?

— Совершенно уверен, — сказал он.

— То же самое и у меня. Мы с Ладьелом были друзьями 10 лет. Он успешен, богат и предан мне. У него нет никакой причины подставлять меня или прогибаться под UBS. Ни малейшей. Кроме того, Ладьел ничего не знал о моих делах, так что это не он. Это письмо — подделка.

— Похоже на то, — ответил Рик. — Что нам делать?

— Я хочу, чтобы вы взяли это письмо, отправили его факсом Кевину Даунингу и спросили его: «Что это за херня?» Он будет все отрицать, но зато поймет, что мы за ним присматриваем. И сразу после этого вам нужно позвонить в налоговую службу, комиссию по ценным бумагам и, самое главное, в Сенат. Мне не важно, что вы для этого сделаете, можете продать своих детей, но вы должны выбить для меня повестку для дачи показаний. Все понятно?

— Да, хорошо, — ответил Пол. — Пристегни ремень!

— Мы уже в штопоре, — заметил я. — Поторопитесь!

Я повесил трубку, точнее, изо всех сил шарахнул ею по аппарату. Я хотел, чтобы мои адвокаты поняли, что я не в восторге от их работы и что им стоит играть пожестче. *Добротой не победишь*. Однако события разворачивались слишком быстро и у меня не было времени менять лошадей. Оставалось лишь сильнее подхлестывать их.

Гектор и Моран сделали все, как я сказал, и Даунинг отреагировал совершенно предсказуемым образом. Они отправили ему по факсу письмо Джафарли с требованием детальных объяснений. Когда он не ответил, они позвонили ему, и он начал заикаться, как школьник, пойманный за тем, что заглядывает под юбки девочкам на перемене.

— Я не имею ни малейшего представления о том, кто это отправил, — сказал Даунинг. — Но понятно, что у вашего клиента множество врагов, что лично меня несколько не удивляет. Ему следует быть осторожнее.

Скользкий ублюдок.

И тут Хейг Симонян опубликовал свою скандальную статью в *Financial Times*. Я сидел на веранде, пил эспрессо и ухмылялся во весь рот. Хейг писал, что с ним связался некий анонимный швейцарский банкир, называвший себя «Тарантулом», и разобрал на винтики всю швейцарскую банковскую систему, с ее многолетней секретностью и коррупцией. Хейг написал, что у него не было возможности проверить самые болезненные детали, однако его значительный опыт в финансовых вопросах привел его к убеждению, что слова «Тарантула» заслуживали внимания. К следующему утру тему подхватили все газеты, и это вызвало серьезное волнение во всех банках — от Цюриха до Лугано.

Тем временем мои юридические птички принялись обрывать телефонные линии, пытаясь обеспечить мне иммунитет от налоговой службы и комиссии по ценным бумагам, а также «дружественную повестку» от постоянного подкомитета Сената по расследованиям. Я подумал, что теперь, когда все эти фигуры уже в игре, а жалкий заговор министерства юстиции разоблачен, Даунинг и его подручные не захотят выкидывать новых фортелей. Однако моя вера в целебную силу логического мышления была недолгой.

Через пару дней мне позвонил Джеймс Вудс, который все еще работал в UBS, хотя и перешел по моему совету в южноафриканский отдел.

— Брэдли, слушай меня внимательно.

— Я слушаю, Джеймс.

— Один из наших друзей, работающий в юридическом отделе, вчера немного перебрал. Он рассказал, что министерство юстиции США отправило некое «адресное письмо» в юридическую службу UBS, возможно, что и самому Петеру Куреру. По всей видимости, письмо предупреждает UBS о том, что банк находится под формальным уголовным расследованием со стороны американских властей!

— О, это интересно! — сказал я максимально равнодушным тоном, хотя я чуть не выскочил из кресла.

— Черт возьми, Брэд! — воскликнул Джеймс. — Ты был прав!

— Рано или поздно это должно было случиться, — ответил я. — Просто береги задницу, Джеймс.

— И ты тоже, — сказал Джеймс.

— Не беспокойся, — я выдавил из себя смешок. — Это мой любимый объект недвижимости.

Твою мать! Я был вне себя от злости. Какая, к черту, секретность! Министерство юстиции почти открытым текстом говорило швейцарцам: «Мы собираемся обшарить ваши шкафчики. Спрячьте свою порнушку подальше!» Какие бы цели они ни преследовали, я понимал, что это никоим образом не связано с поисками справедливости в интересах американского налогоплательщика.

Это было последней каплей. Я устал иметь дело с клоунами из министерства юстиции, поэтому позвонил Гектору и Морану, поделился с ними новостями, а затем сказал:

— Пошло это министерство на хер! Я больше не буду иметь дела с этими засранцами. Я беру билет на самолет, а вам, ребята, лучше поскорее найти тех, к кому можно пойти.

* * *

31 августа 2007 года Гектор и Моран впервые связались с Сенатом США. Я объяснил им, что говорить и к кому обращаться, но я знал, что это будет непросто. Сенатор Карл Левин, влиятельный председатель постоянного подкомитета Сената по расследованиям, был убежденным сторонником демократической партии и противником администрации Буша, включая министерство юстиции. Я подумал, что он заинтересуется моим предложением, ведь никто до меня еще не предлагал прижать швейцарские банки, рассказав, как они обманывали американских налогоплательщиков в течение десятилетий. Но нельзя просто взять телефонный справочник Капитолийского холма и позвонить Карлу Левину. Поэтому мои адвокаты нашли какого-то из его подчиненных и сказали ему: «У нас есть американский клиент, который также является швейцарским банкиром, и он хотел бы рассказать обо всех гнусных швейцарских банковских делишках». Ответ на это был довольно прохладным в стиле: «Это здорово. А у меня есть мост в Бруклине, который я готов продать по реально низкой цене». Дело оказалось непростым. Требовалось нечто большее, чем несколько телефонных звонков и писем. Однако я сохранял хладнокровие и попросил адвокатов подождать пару недель, позволить ситуации успокоиться, а затем снова нанести удар.

В середине сентября я сообщил своим адвокатам, что мы прекращаем работать с министерством юстиции и должны вновь обратиться в налоговую службу, в частности к двум ее специальным агентам, прикомандированным к Сенатскому комитету — Джону Ривзу и Джону Макдугаллу. Я хотел, чтобы налоговая служба знала, что я все еще готов к сотрудничеству, однако, поскольку министерство юстиции оказалось таким же дружелюбным, как пес на помойке, мы решили пойти на более высокий уровень. Я придумал двухуровневую тактику. Налоговая служба должна знать, что я готов выступать в роли избличителя. Я был уверен, что они умирают от желания услышать мою историю, но я смог бы рассказать ее, только если бы у меня была повестка, защищающая меня от швейцарцев. Налоговая служба не могла ее предоставить, но это мог сделать Сенат.

Сразу после этого я заставил Гектора и Морана снова постучать в двери Сената. На этот раз кое-что изменилось, возможно, из-за статьи Хейга Симоняна, на которую обратили внимание все основные финансовые издания и веб-сайты. Мои адвокаты еще раз повторили мое предложение дать детальные показания лично и на условиях, удобных комитету.

При этом они четко описали необходимое условие: «Наш клиент *должен* иметь на руках повестку, иначе он не сможет дать показания, не рискуя своей свободой. Мы считаем это довольно выгодными условиями с учетом того, насколько серьезными будут разоблачения». По сути, они говорили: «Привлеките нас к разбирательству, и у вас будет все, что вам нужно».

9 октября Гектор и Моран позвонили мне в Женеву. Было слышно, как они отталкивают друг друга от телефона.

— Мы все получили, Брэд! Комитет только что выписал для тебя повестку!

— Прекрасно. Отправьте мне копию по факсу, — сказал я, думая при этом: «Как нельзя кстати. Если бы вы, парни, сразу пошли по этому пути, на меня не лаял бы этот бешеный пес, Даунинг». Однако вслух я добавил лишь:

— Собираю вещи.

Тем не менее я был взволнован и испытал хоть какой-то оптимизм. Наконец-то меня согласились выслушать, и это была не парочка бюрократов, общение с которыми зашло бы в тупик. Пришло время Большого Шоу, и теперь я пушу в ход все, что у меня есть. Я также понимал, что мои показания перед комитетом Левина могут вызвать совершенно непредсказуемые последствия. Я даже не представлял, сколько времени проведу в Штатах. Я заплатил уборщице за три месяца вперед и попросил ее поливать цветы.

Затем я направился в аэропорт, немного нервничая, поскольку не исключал, что у выхода на посадку меня могла ждать швейцарская полиция с ордером. Однако, черт побери, я всегда предпочитал играть по-крупному, и начиналась новая партия.

* * *

Вашингтон в октябре выглядит намного лучше, чем в июне. Было прохладно и ветрено, и листья уже начали желтеть, правда, вокруг меня все только накалялось. Я устроил себе «бункер» у Дуга в Веймуте, неподалеку от Бостона. С учетом того, сколько я за последнее время налетал на рейсах Delta Airlines, мне стоило подумать о покупке акций компании. Дуг, как я уже упоминал выше, — это дотошный и талантливый судебный адвокат. Пока я все ему рассказывал, он составлял подборку свидетельств, которые позволили бы мне сохранить мою шкуру. Он полностью поддержал мое стремление рассказать о деятельности банка и, так же как и я сам, был зол и расстроен от того, что министерство юстиции относилось ко мне как к Лаки Лучано^[65]. Дуг относился к своим обязанностям адвоката, примерно как врач — к клятве Гиппократова. Он был ошеломлен, узнав, что министерство юстиции считает свои обещания «гибкими», а со временем он разозлился на чиновников еще пуще моего.

Весь следующий месяц я работал с Гектором и Мораном над подготовкой своих показаний в Сенате, а также над тем, чтобы мой статус избобличителя был должным образом подтвержден налоговой службой. 12 октября мы устроили в офисе моих юристов собрание с участием пары агентов налоговой службы, работавших в юридическом отделе. Я дал им еще больше документов и показаний, делавших картину масштабного скандала еще более яркой и

красочной, и пояснил, что собирался раскрыть всю информацию комитету Карла Левина, и вот тогда-то они получают все материалы. Агенты были очень вежливыми, заботливыми и благодарными. В конечном счете именно Конгресс финансирует налоговую службу. А министерство юстиции всегда держало свою деятельность в секрете, вокруг него было много скандалов, а толку от него было как от сетчатой двери на подводной лодке.

В последние дни октября мы начали передавать в Сенат предварительные свидетельства. Я хотел, чтобы члены комитета ознакомились с ними, хотя и знал, что они не поймут сути материалов без моего «перевода». Но если бы я просто пришел туда с кипой бумаг высотой в полметра, у них взорвались бы головы. Одновременно Гектор и Моран продолжали теребить министерство юстиции и просить Даунинга об иммунитете, скармливая ему понемногу улики. Я знал, что этот ублюдок будет и дальше насмехаться над нами (что он и сделал), но это помогло сбить его со следа и не дать ему разнюхать, чем я в действительности занимаюсь — ставлю крест на его карьере. Также Рик и Пол связались с Комиссией по ценным бумагам и предупредили о грядущих событиях. Никто не смог бы сказать, что Биркенфельд отказывался от сотрудничества.

6 ноября на канале CBS News вышел сюжет, который подхватили все финансовые издания, включая *Wall Street Journal*. Частный банкир UBS из цюрихского офиса был внезапно арестован в бразильском городе Сан-Паулу вместе с 19 бразильцами. Их обвинили в создании схем, помогавших бразильским компаниям уклоняться от налогов. Деньги отмывались через UBS и Credit Suisse, две мои альма-матер. Бразильская полиция провела «Операцию «Швейцария»» — совершила рейд по 44 местам и захватила 4 миллиона долларов в бразильской и американской валюте. По их мнению, эти компании отмывали через черный рынок по 4,1 миллиона долларов в месяц и прятали эти средства в швейцарских банках!

Быстро, как Флэш Гордон^[66], я сделал копии этих потрясающих новостей и заставил адвокатов отправить их экспресс-почтой вместе с сопроводительными письмами в Сенат, налоговую службу, комиссию по ценным бумагам и министерство юстиции. По сути, в письмах было сказано: «Ребятки, я же вам говорил!» — но между строк читалось: «Даже чертовы бразильцы умнее вас, тупиц!» Придуманная бразильцами молниеносная операция, направленная против UBS и Credit Suisse, была очень похожа по своей тактике на то, что я предлагал сделать в США министерству юстиции (видимо, бразильцы тоже слишком много смотрят телевизор). Через пять дней после этого я уже поднимался по ступеням Капитолия.

13 ноября сенатор Карл Левин был занят — в том смысле, что он не собирался сам присутствовать на моих показаниях, его сотрудники должны были составить для него краткое резюме. Сенаторы чаще всего председательствуют лишь на публичных слушаниях, потому что их обычно транслируют через C-SPAN^[67], иначе они вообще ничем больше не смогут заниматься — хотя в целом вопрос о том, занимаются ли они хоть чем-нибудь, остается, конечно, открытым.

Мои слушания должны были происходить в большой переговорной комнате наискосок от офиса Левина. Я шел по освященным традицией залам рядом с Полом — мы оба были в деловых костюмах, галстуках и с кучей бумаг со швейцарскими секретами — и чувствовал, что попал наконец в Изумрудный город, чтобы встретиться с Волшебником. Два года назад я впервые увидел трехстраничный меморандум и поклялся взорвать изнутри этот зловещий швейцарский замок — и вот я уже близок к цели. Конечно, я не мог не думать о том, что ко мне будут относиться как к скользкой «крысе» — как это делали люди из министерства

юстиции. Совсем скоро мне предстояло это узнать. Двое молодых практикантов у входа поприветствовали нас и вежливо сопроводили внутрь.

Переговорная была большой, примерно 6 на 9 метров, со столом, длинным, как морской катер. На обитых зеленым сукном стенах висели портреты хмурых сенаторов. Там была стенографистка, и ее полированные ногти уже были занесены над клавишами стенографической машинки. В середине стола сидел Роберт «Боб» Л. Роуч, советник сенатора Левина и руководитель расследования — лет 45, с большой квадратной челюстью, римским носом, в очках со стальной оправой и жесткими, начинавшими понемногу седеть, волосами. По одну руку от Роуча сидели два представителя «большинства» партии демократов, по другую — двое от «меньшинства», партии республиканцев. Стулья с нашей стороны стола были пустыми, но не успели мы сесть, как Роуч встал, а стенографистка принялась печатать.

— Мистер Биркенфельд, — нараспев произнес он, — прошу вас поднять правую руку.

Так я и сделал, а он спросил:

— Клянетесь ли вы говорить правду, одну только правду и ничего, кроме правды?

Я хотел сказать: «Не то, блин, слово!», но ограничился простым «Да». Мое настроение было приподнятым. Наконец-то я дам настоящие показания. А этому дебилу Кевину Даунингу придется выпрашивать себе копию стенограммы.

Боб Роуч был вежливым и любезным, хотя и не склонным к юмору. Я ни разу не видел, чтобы он улыбнулся. Он поблагодарил меня за присутствие, и собравшиеся закивали головами в знак подтверждения. Копии документов, представленных моими адвокатами, все еще лежали в пачках перед сотрудниками комитета, а нам с Полом предстояло раздать еще несколько томов. Это потребовало некоторого времени, а затем я в общих чертах рассказал о том, кто я такой, какую роль я играл в швейцарской банковской системе последние 10 лет и как я пришел к решению публично рассказать об этой секте, этом закрытом клубе, о котором никогда не рассказывал никакой «агент, вернувшийся с холода» ^[68]. Все присутствовавшие были очень внимательны, как будто я рассказывал им сказку, наполненную тайнами и интригами. Собственно, так оно и было, за исключением того, что каждое слово в моем рассказе было правдой.

Перед ними лежали распечатки документов: многие были на английском, некоторые, включая меморандум UBS, на французском или немецком. Там были презентации PowerPoint, внутренние бухгалтерские послания и секретные электронные таблицы (документ 1). У меня были толковые слушатели, однако они почти ничего не знали о внутренних механизмах секретной работы швейцарского банка, потому что никто прежде не делился с ними столь мелкими деталями. Это был их первый день в школе, и мне предстояло сначала обучить их основам, а затем помочь им разобраться со всеми деталями.

Первое заседание в Сенате заняло девять часов, с получасовым перерывом на обед. Уже после первого часа участники начали хмуриться и пучить глаза. Все эти парни были правительственными экспертами по налоговым вопросам, которые знали, что их обманывают уже многие годы, но не представляли, как именно. Представьте себе руководителей банка крови, из которого кто-то десятилетиями выкачивал эту драгоценную жидкость, пока я не пришел рассказать им подлинную историю Дракулы.

Кое-кто потом заявлял, что на самом деле Брэдли Биркенфельд знает не так уж и много и что даже без моих разоблачений секреты швейцарского банковского дела разрушились бы сами собой. Что ж, Боб Роуч и Сенат с этим не соглашались. Они были чертовски

внимательны, и я советую вам последовать их примеру, поскольку мы приближаемся к кульминации моей истории, взрыву, раздавшемуся после моих показаний.

Я расскажу вам то, что рассказал им. Читайте внимательно и не думайте, что я — какой-то сплетник, у которого припасено лишь несколько захватывающих историй. Это было все, что я узнал, вся грязь, которую я собирал в течение многих лет. Я выдавал информацию — кусок за куском — а они сидели в таком шоке, будто я на их глазах разделял гиппопотама, прямо на их девственно чистом и сверкающем столе из красного дерева. Мои показания многократно цитируются в отчетах Сената США от 17 и 25 июля 2008 г. Я отмечен как человек, передавший сенатскому комитету бесчисленное количество внутренних документов и описаний стратегий UBS.

Прежде всего я рассказал им о том, чем занимался UBS, как он это делал и как долг скрывал свои делишки. Затем я детально описал местоположение и направления деятельности всех офисов UBS, занимавшихся частным банковским обслуживанием в Женеве, Лугано и Цюрихе. После этого я дал им список — длиной в руку — с указанием всех вовлеченных в эти процессы частных банкиров UBS — полные имена, номера телефонов, адреса электронной почты, их внутренние коды в UBS и перечень всех городов, в которых они работали. Вишенкой на торте стали имена всех высших руководителей UBS, вовлеченных в офшорный бизнес на территории США, а также внутренняя организационная схема UBS. Также я продемонстрировал связи между офисами UBS и сотрудниками в Соединенных Штатах, которые помогали развивать и укреплять эту огромную схему налогового мошенничества против правительства США.

— Я бы хотел предложить следующее, — сказал я. — Точнее, я настаиваю на том, чтобы министерство юстиции, налоговая служба и комиссия по ценным бумагам поделились этими списками с министерством национальной безопасности.

Фактически я предложил то же самое, что раньше уже предлагал министерству юстиции.

— Зачем, мистер Биркенфельд? — спросил Боб Роуч.

— Паспорта всех частных банкиров UBS проходили сканирование во время их предыдущих визитов в Штаты. Вы заметите ряд интересных совпадений.

Члены подкомитета обменялись взглядами и что-то записали в своих блокнотах. Стенографистка продолжала барабанить по своим клавишам.

— А теперь давайте немного поговорим об активах, — продолжил я, перелистнув свои бумаги. — Общее количество счетов американцев, открытых и управляемых UBS в Швейцарии, равно 19 000.

В этот момент стало так тихо, что можно было услышать, как в зале заседаний летает муха.

— А общий объем активов на счетах американцев, полученных и инвестированных UBS в Швейцарии, составляет *20 миллиардов долларов*.

Присутствующие захлопали глазами. Один из сотрудников снял очки и принялся их протирать, будто это помогало ему лучше меня услышать.

— И я сейчас даже не говорю об офшорных трастах и компаниях с банковскими счетами за пределами UBS, а также неисчислимых сокровищах, спрятанных в тысячах депозитных ячеек. Да, и отметьте, что швейцарский франк немного дороже доллара... Так вот, общая выручка от средств на секретных счетах американских граждан, заработанная UBS в Швейцарии составляет в среднем 200 миллионов долларов в год. За одно только

прошедшее десятилетие не облагаемая налогами выручка составила 2 миллиарда долларов. Боюсь, что я не смогу предоставить вам точные цифры за предыдущие десятилетия, но вы можете смело предположить, что такая деятельность происходит уже с времен Второй мировой войны.

Как думаете, удалось мне привлечь их внимание? Скажу так — за все это время ни один из этих людей ни разу не посмотрел на часы.

Мне пришлось «перевести» разбивку внутренних бухгалтерских документов UBS, содержащих данные об активах и выручке, по секторам экономики, типам продуктов и месяцам. Затем я огорошил собравшихся детальной информацией о городах, гостиницах, продолжительности пребывания и частоте, с которой частные банкиры UBS путешествовали в Соединенные Штаты, а также о количестве встреч с имевшимися и потенциальными клиентами, которые проходили во время этих поездок. Возможно, вы удивляетесь, как мне удалось собрать всю эту информацию. Но помните, что у меня было на это два года, наполненных обидой и гневом. Я был изобретателен и безжалостен.

Мой рассказ занял около трех часов, после чего объявили перерыв на обед. Мы с Полом перекусили сэндвичами в буфете Сената, члены комитета старались держаться от меня подальше, как будто они были присяжными, изолированными от внешнего мира, а я — звездным свидетелем, хотя в каком-то смысле так оно и было. Когда мы вернулись обратно, Боб Роуч напомнил мне, что я все еще нахожусь под присягой.

— Да, я это понимаю, сэр, — сказал я, а затем вернулся к рассказу о своих уликах. — Давайте поговорим о том, как UBS классифицирует клиентов из США, а затем работает с ними в зависимости от величины их состояния. К ключевым клиентам относятся люди с состоянием более 25 миллионов долларов, к ценным клиентам — клиенты с состоянием от 10 до 25 миллионов. Так называемые опорные клиенты держат в банке от 2 до 10 миллионов, а премиальные — самые небольшие счета, 2–3 миллиона долларов. Все эти средства управляются в составе портфелей на основе стандартной инвестиционной стратегии различных фондов. Как это ни иронично, большинство этих фондов представляют собой продукты UBS, созданные инвестиционным банком. Каждый из этих клиентов обслуживается согласно величине его или ее состояния, а издержки на такие услуги меняются пропорционально величине состояния. Думаю, вам будет интересно отметить, что *каждый* из 19 000 счетов в банке попадает в ту или иную категорию.

Озвученные мной суммы были потрясающими. Я с пониманием отнесся к тому, что члены комитета принялись ослаблять свои галстуки, и продолжил.

— Стоит ли нам теперь обсудить, как UBS открыто и бесстыдно обучал нас, частных банкиров, тому, как избегать контроля во время пребывания в Штатах?

Кивки со всех сторон. Я выбрал следующую пачку свидетельств, внутренние обучающие материалы UBS (документ 3).

— Здесь хорошо видно, как банк обучал нас различным техникам, например как и когда указывать в таможенных формах целью визитов бизнес или отдых. Обратите внимание, что во втором абзаце предлагается почаще менять гостиничные номера, чтобы скрывать наши личности. Ниже вы можете видеть, что наших клиентов необходимо называть лишь по кодовым именам, а на наших визитках не должно быть указано ни должности «управляющий капиталом», ни названия банка UBS. На следующей странице описано жесткое правило, согласно которому нам нельзя носить с собой бумажные данные о клиентских портфелях и их владельцах, мы должны пересылать их курьерской почтой FedEx в наши гостиницы или

местные офисы UBS. В шпионской торговле шпионскими секретами такой метод называется «закладками». Ниже вы найдете описание особых техник для шифрования клиентской информации на наших смартфонах, а также о том, что банк покупал и распространял среди сотрудников ноутбуки с системой шифрования, разработанной компанией IBM.

Я на мгновение остановился и поднял глаза.

— Кстати, я отказался носить с собой какие-либо зашифрованные устройства.

— Почему, мистер Биркенфельд? — спросил Роуч.

— Я был резидентом Швейцарии, работавшим в полном соответствии со швейцарским законодательством, и я не собирался вести себя как преступник.

— Однако вы понимали секретную природу этих техник и их цели.

— Конечно, понимал, — сказал я. — Мне никто не выкручивал рук. Чувство протеста выросло у меня позже.

Эти слова нашли понимание, и Роуч уважительно кивнул. Я был не из тех свидетелей, которые притворно скорбели о том, что «черт их дернул сделать все это».

— И сейчас я хотел бы упомянуть о том, — продолжил я, — что еще до приглашения в комитет и до выдачи мне повестки, позволившей мне выступить с показаниями, я предпринял ряд попыток донести эту информацию до министерства юстиции.

Я позволил себе отложить обсуждение этого вопроса, но сейчас пришло нужное время. Эти люди должны были знать, насколько тупые бюрократы работают в министерстве.

— К сожалению, министерство юстиции отказалось предоставить мне иммунитет или выписать повестку, вследствие чего я не имел возможности рассказать им все то, что я рассказываю вам. Я даже предложил им подключить ко мне подслушивающие устройства, чтобы я по поручению специальной группы в составе министерства мог ездить в Швейцарию, встречаться со швейцарскими банкирами и клиентами и собирать еще больше информации.

— Это было смелое предложение, мистер Биркенфельд, — сказал Роуч. — В итоге вы оказались мудрее и передумали?

— Нет, сэр. Кевин Даунинг из министерства юстиции тут же отказался от моего предложения. Почему? Об этом вам стоит спросить его самого.

— Мы обязательно это сделаем, — сказал один из представителей республиканцев.

— Возможно, эту миссию сможет в будущем взять на себя кто-то другой, — продолжил я. — И в связи с этим вам стоит знать, что UBS проводит ежегодные конференции всех банкиров UBS из Цюриха, Женевы и Лугано в двух местах за пределами основного офиса. Эти встречи посвящены обсуждению множества тем — инвестиционным продуктам, ценообразованию на услуги, маркетингу, рекомендательным программам, организации VIP-событий. Зачастую на них приглашают мотивационных ораторов, что кажется мне забавным, поскольку огромные суммы вовлеченных в процесс денег сами по себе служат достаточной мотивацией. Мероприятия проходят в принадлежащем UBS замке Вольфсберг недалеко от Цюриха и гостинице Montreux Palace Hotel около Женевы. Попасть на эти встречи не может никто, кроме банкиров и руководителей UBS. И поэтому вам нужен какой-то инсайдер вроде меня.

Я улыбнулся и пожал плечами в знак извинения. Было понятно, что они не смогут найти никакого другого американца, работавшего в швейцарском банке, как минимум, в течение следующей пары десятилетий. Затем я раздал копии цветной брошюры, сложенной в три раза. Я приберег ее напоследок для пущего эффекта.

— Это брошюра с фактами о деятельности фондов UBS, — сказал я. — Банк ежеквартально печатает их тысячными тиражами на немецком, французском, английском и итальянском языках, а мы, работающие с иностранными инвесторами, возим их с собой и раздаем потенциальным клиентам. Вы можете заметить, что в брошюрах прямо рекомендуется покупать инвестиционные продукты, и банк предлагает своим клиентам консультации на постоянной основе. Вы, конечно, знаете, что американские частные банкиры в UBS не имеют права продавать такие продукты в США или консультировать клиентов из США по вопросам инвестиций. Однако после того, как клиенты изучали эти материалы, мы открыто призывали их к тому, чтобы они обсуждали эти инвестиции с нами — только за пределами континентальных Соединенных Штатов. Иными словами, мы просили их найти «безопасный таксофон».

Близился вечер. Но могу сказать вам, что никто из участников не выглядел так, как будто хочет уйти. Они напоминали людей, которым никак не удается глубокой ночью отложить новый детектив Джона Гришема и наконец-то заснуть. Я перелистнул еще несколько страниц и улыбнулся с оттенком иронии.

— О, а вот это — внутренний и отлично напечатанный документ UBS, разбирающий примеры противодействия слежке. Этому нас активно учили сотрудники отдела безопасности и комплаенса — не правда ли, забавно?

Их глаза снова расширились, когда они принялись читать о том, что нам нужно было вести себя, подобно немецким шпионам 1940-х годов, проникавшим в Соединенные Штаты с подводных лодок.

— А теперь прошу вас обратиться к следующему документу — трехстраничному меморандуму. Этот документ под названием «Трансграничная банковская политика» был предположительно выпущен в ноябре 2004 года. Возможно, вы удивитесь, как удивился я, когда узнаете, что он содержит довольно обширные пассажи, запрещающие нам, банкирам, заниматься именно тем, чему банк учил нас долгие годы и в чем заключалась наша работа.

Я дал им минуту, чтобы они смогли ознакомиться с этим куском дерьма, который создал для меня так много проблем и привел меня туда, где я оказался. Некоторые из членов комитета принялись качать головами и шептаться друг с другом. Я услышал, как один из них сказал: «Ты в это *веришь?*»

— Следующий документ, — продолжил я, — представляет собой обновленную версию того же набора правил, который вновь противоречит тому, что происходило в UBS в реальности. Этот документ был выпущен совсем недавно, в июне 2007 года. Боюсь, что я не могу сообщить вам, каким образом я его получил, однако давайте просто скажем, что у меня есть много друзей в различных подразделениях UBS.

Каждый раз, когда я передавал членам комитета очередной комплект документов, у них возникали вопросы, а Роуч часто просил меня ответить тем из них, кто нуждался в помощи.

— Что означает эта цифра, мистер Биркенфельд?

— Могли бы вы подробнее объяснить, что такое *Новые Деньги*?

— Каким образом вы выбирали мероприятия, на которых вы встречались с новыми клиентами?

Честно говоря, я упивался возможностью детально рассказать им о содержимом материалов, поскольку они были искренне заинтересованы и благодарны, в отличие от этого тупицы Даунинга. Прошло довольно много времени, и наконец Боб Роуч посмотрел на свои часы. Они показывали шестой час вечера.

— Мистер Биркенфельд, вы передали нам очень много ценных материалов. Я думаю, мы должны серьезно их изучить и взять часть работы на дом.

Он огляделся по сторонам и увидел одобрительные кивки со стороны других членов комитета.

— Мы продолжим работу на следующем заседании. Вы хотели бы чем-то еще поделиться с нами сегодня?

— Пожалуй, только этим.

Я снова вытащил несколько копий документа, который было убрал. Я встал, раздал их и снова сел.

— Это имена всех моих клиентов в UBS, включая всех североамериканцев. Вы также найдете в документе детали их номерных счетов, активов, офшорных компаний и трастов, которые я помогал создавать, чтобы скрыть личности владельцев. Также там приведены размеры инвестированных сумм, а величины необлагаемого дохода по ним выделены жирным шрифтом. Также здесь приведен детальный список клиентов, которых обслуживал мой непосредственный начальник Кристиан Бовэй, его начальник в Цюрихе Мартин Лихти, а также Рауль Вейл, управляющий директор более высокого уровня, контролировавший деятельность банка по всему миру. И это всего лишь часть из 4500 счетов, обслуживаемых в Женеве, и из общего числа 19 000.

В самом начале этого списка были имена Игоря Оленикоффа, Абдула Азиза Аббаса и ряда других американцев и американских резидентов, уклонявшихся от налогов. Мне не очень хотелось разглашать некоторые имена, например Оленикоффа, однако у меня не было особого выбора. Я знал, что, если попытаюсь что-то утаить, мне тут же настанет крышка.

Рано или поздно комитет все равно узнал бы имена всех этих клиентов, как и налоговая служба. Большинство из них, конечно, признает свою вину, подпишет документы об амнистии, заплатит штрафы и налоги и избежит огласки.

— Охренеть! — прошептал кто-то, прочитав имя голливудской знаменитости.

— Мелкая рыбешка, — сказал я. — Всего 20 миллионов долларов. Игорь Оленикофф, самый крупный из моих клиентов, имел в своем портфеле 200 миллионов.

Члены комитета углубились в чтение, а я тем временем собрал свои бумаги. Они продолжали читать и не заметили, как мы с Полом вышли из переговорной. Закрывая за собой дверь, я услышал, как один из них вздохнул.

— Нет, только не *она*. Это не может быть правдой!

* * *

Через неделю состоялось второе заседание в Сенате. На этот раз в комитете Карла Левина что-то изменилось. Я чувствовал, как у членов комитета просыпается подспудная злость — не на меня, а на то, что верный европейский союзник так долго издевался над нашей страной. Я передал им множество свидетельств о деятельности лишь одного швейцарского банковского учреждения, однако было вполне естественным предположить, что юридические схемы, установленные швейцарским правительством, допускали, а следовательно, и стимулировали преступное поведение UBS в международном масштабе. В одной лишь Женеве работает свыше 130 частных банков, и было очевидно, что они занимаются таким же сомнительным бизнесом, как и UBS, только на другом уровне.

Я снова принес в комитет дурные вести: подлив масла в огонь, я сообщил, что, хотя UBS определенно был самым крупным нарушителем законов из числа швейцарских банков, он был не один. Точно так же как и в разговоре с министерством юстиции, я рассказал о деятельности Credit Suisse, где впервые столкнулся со швейцарскими мошенническими играми.

Однако сенатский комитет, в отличие от министерства юстиции, решил не казнить гонца, приносящего дурные вести. Было понятно, что члены комитета хорошо сделали свою домашнюю работу, изучили все материалы, которые я передал им на нашем первом заседании, и у них накопилось немало вопросов, требовавших разъяснений. Мне казалось, что они готовят свои пушки для масштабного залпа, и я надеялся, что этот залп будет адресован правительственным правоохранительным органам, проявившим некомпетентность. Время от времени члены комитета, задававшие все новые вопросы, казались смущенными и даже пристыженными.

«Как мы могли не знать обо всем этом? Как получилось, что налоговые службы, комиссия по ценным бумагам и министерство юстиции позволили всему этому происходить под нашим носом в течение десятилетий? Неужели в борьбе с этим драконом мы можем рассчитывать на единственного американского гражданина, у которого оказалась совесть?»

Боб Роуч снова привел меня к присяге, и я начал свое выступление с комментария относительно письма, которое мои адвокаты накануне отправили в комитет, в министерство юстиции и в комиссию по ценным бумагам. Мы написали это письмо благодаря инсайдерской информации, которую я получил от одного из своих приятелей, продолжавших работать в UBS. Он проинформировал меня о том, что банк только что выпустил особые инструкции, менявшие природу его офшорного бизнеса с клиентами из США.

— Джентльмены, судя по всему, UBS перешел к обороне. Но прежде чем вы решите, что это может быть результатом утечки с нашего закрытого совещания, я думаю, что могу объяснить причины происходящего.

— Прошу вас, мистер Биркенфельд, — сказал Роуч.

— Примерно два месяца назад, пока я еще находился в Женеве, министерство юстиции отправило в UBS адресное письмо. Это письмо, по сути, предупредило банк о том, что в его отношении ведется расследование. Лично я считаю это огромной тактической ошибкой, однако теперь нам приходится пожинать ее плоды. UBS был предупрежден, и это сильно затруднит ваши усилия по выявлению его неблагоприятной деятельности. Банк запретил сотрудникам поездки в командировки за границу и уничтожает документы.

Кто-то стукнул по столу и выдохнул: «Иисусе!» Я просто поднял бровь и пожал плечами.

Оставшуюся часть нашего заседания, такого же длинного, как и первое, мы все глубже погружались в дебри. Мне пришлось разъяснить содержание многих документов, предоставленных ранее, поскольку их было сложно понять, если вы не работали в швейцарской банковской системе. Я также потратил часть времени на то, чтобы вкратце суммировать все свои действия — сначала мои шаги, предпринятые внутри UBS, а затем мои рискованные попытки передать информацию правительству США. Я хотел, чтобы они понимали, что я должен был сделать, чтобы даже после моего ухода из UBS я мог получать новые сведения изнутри банка, которые я, пользуясь таксофонами и факсами в разных

гостиницах, передавал сначала своим адвокатам, а затем в министерство юстиции. Я рассказал о том, что мне часто приходилось путешествовать в европейские города за пределами Женевы только для того, чтобы отправить документы курьерской почтой из безопасного места, и летать то туда, то сюда за свой собственный счет. Я хотел, чтобы мои усилия были зафиксированы надлежащим образом в официальных записях Конгресса.

После этого я вежливо объяснил, почему предыдущие попытки властей США противостоять действиям швейцарцев оказались бесплодными.

— Соглашение о квалифицированном посредничестве (QI), — сказал я, — нужно было для того, чтобы побудить инвесторов из США и работавшие с ними швейцарские банки делать формальные заявления о природе этих денег и суммах на офшорных счетах. Данное соглашение представляло собой попытку перевести все средства с «незадекларированных» секретных номерных счетов на «задекларированные». К сожалению, должен сказать, что в UBS достаточно часто обходили это соглашение. Могу предположить, что тем же самым занимается большинство других швейцарских банков.

Присутствовавшие в зале сидели со сконфуженными лицами. Да, предпринятые ранее меры оказались бесполезными.

— И как, по-вашему, мы должны противостоять этой тактике? — спросил один из членов комитета.

— Я бы предложил правительству США ряд серьезных шагов, — ответил я — Масштабную атаку против секретных практик, принятых у швейцарских банкиров. Я бы предложил принять особый закон, нарушение которого влечет за собой судебное преследование. Думаю, что здесь было бы полезным надавить на министерство юстиции и заставить его сделать хоть что-то.

Они посмотрели друг на друга, и я понял, что эта мысль уже приходила им в голову.

— Я совершенно не хотел бы причинять вред своим коллегам, — сказал я, — которые были ограничены рамками швейцарского закона. Однако совсем другое дело — это люди, стоящие над ними, управляющие директора, члены советов директоров, председатели правлений банков, создатели этих схем и, прошу простить меня за это выражение, финансовые сутенеры. Я могу помочь вам обыграть их в их собственной игре.

— Вы готовы к этому? — спросил Роуч.

— Да.

На этом наше второе заседание подошло к концу. Они поблагодарили меня, я поблагодарил их, а затем ушел вместе со своим адвокатом, не забыв сказать, что скоро предоставлю им еще больше информации.

Думаю, что уже на следующий день Боб Роуч рассказал все Карлу Левину. Левин и сенаторы из его комитета взбесились и тут же призвали к открытым слушаниям на тему нарушения американских законов швейцарцами. Думаю, что Левин также позвонил в министерство юстиции и от души на них наорал. Почему я так считаю? Потому что через два дня после последнего заседания моим адвокатам позвонил Кевин Даунинг. Он был жутко, чуть не до потери сознания, недоволен тем, что я отправился в Сенат, дал присягу и публично рассказал о его драгоценном расследовании.

Политики выступили на передний план, изрядно смутив этим министерство юстиции — сотрудники министерства больше не могли игнорировать мои свидетельства и замалчивать скандал. Однако демократы и республиканцы в Сенате воздержались от открытых обвинений в коррупции или препятствовании правосудию, поскольку обе стороны

знали, что в этом скандале завязаны все. Но у них не оставалось никакого другого варианта, кроме как вытащить данные о швейцарских номерных счетах и с замиранием сердца ждать, какие неприятные сюрпризы они увидят. Бедным политикам пришлось несладко. Мне очень интересно, сколько из них принялось в панике звонить своим швейцарским банкирам. Хотя мои показания были засекречены, я знал, что на Капитолийском холме скоро грянет буря.

Что касается меня, я просто сидел на месте и с улыбкой наблюдал за происходящим. Я вытащил чеку гранаты и бросил ее в комнату, а теперь ждал, кто в ней останется в живых.

Впервые в истории казалось, что швейцарская банковская секретность вот-вот рассыплется как карточный домик.

«Если желаешь, чтобы мир изменился, — сам стань этим изменением».

Махатма Ганди, индийский политический лидер

Наступил январь 2008 года, и я вновь вернулся в Женеву. Я был свободным человеком, как минимум, на какое-то время.

Холодные ветры проносились над озером, а Швейцарские Альпы были плотно укутаны снегом, дышать этим холодным воздухом было все равно, что чистым кислородом. Приятно было находиться так далеко от скользких шупалец неблагоприятного министерства юстиции. Я выложил все, что знал, Сенату США, отдал все материалы, какие у меня были. Я планировал и дальше делиться информацией с Комитетом, налоговой службой и комиссией по ценным бумагам. Ответная реакция правительственных чиновников была благодарной и даже теплой, но я знал, насколько неустойчиво мое положение, и не тешил себя иллюзиями. Для Карла Левина и его сотрудников я был мужественным изобличителем, но Кевин Даунинг воспринимал меня, как скорпиона в своем тапке.

Министерство юстиции позволило мне отправиться домой в Женеву, но я был уверен, что Даунинг как-нибудь и когда-нибудь попытается до меня дотянуться. Его бесило то, что я обратился к другим ветвям правительства США. Я знал, что теперь, когда Сенат уже в курсе, Даунинг будет вынужден возбудить ряд уголовных дел, и я был совершенно уверен, что на одном из постановлений будет значиться и мое имя. Возможно, комитет Карла Левина и воспринимал меня как посланца богов — Сенат мог защитить меня от швейцарцев, но только *не от* этого мстительного козла Даунинга, который легко мог обвинить меня в соучастии в налоговом мошенничестве. И если ему представится такая возможность, он ею воспользуется. В этом у меня не было никаких сомнений.

И все же, слушая хлопки бутылок новогоднего шампанского, я чувствовал, что меня наконец-то отпускает напряжение. Больше не нужно стучаться в разные федеральные агентства и доказывать свою искренность и ценность.

Я не собирался сидеть в своей прекрасной женевской квартире и рефлексировать. Жизнь продолжалась — нужно было работать над новыми проектами, ходить на вечеринки, встречаться с женщинами. Вместе с моим близким другом Дейвом, умевшим распознавать хорошие стартапы и находить для них инвесторов, я занялся сделками в области частных инвестиций. Я слетал в Мумбаи и встретился с индийским министром нефти и газа, с которым мы подписали сделку на куплю-продажу американского «чистого» угля.

Затем я полетел в Пекин и Шанхай, где встретился с высшими китайскими руководителями насчет сделок на поставку угля. Еще я изучал возможности в области недвижимости в Европе. В промежутках между делами я немного развлекался, ну, вы понимаете. Но все же я находился в состоянии неопределенности и ждал, когда нависший надо мной топор наконец упадет.

В паузах между глобальными сделками я передавал дополнительную информацию различным американским правительственным агентствам. Кевин Даунинг отказался от моего предложения работать постоянным осведомителем, однако Сенат, налоговая служба и комиссия по ценным бумагам с жадностью глотали все, что я только мог им дать. Так я

превратился в агента под прикрытием — я болтал со своими друзьями, которые все еще работали на UBS, и вытаскивал из них секреты. Они не знали, что я делал с полученными от них фактами, для них это была лишь болтовня со старым другом за ужином с выпивкой. Как-то вечером мы с Джеймсом Вудсом ужинали в ресторане Les Armures в Старом Городе. Это прекрасное небольшое местечко, выходящее прямо на каменную мостовую Рю дю Солей Левантан.

— Как дела в королевстве черной магии, Джеймс? — спросил я его, пока мы наслаждались блюдами французской кухни.

— Это какое-то шоу ужасов. Ты бы видел, как они паникуют! Они запрещают нам ездить в новые регионы, вводят очередные протоколы безопасности, а если кто-то говорит о поездке в Штаты, у Бовэя начинается паническая атака! Я рад, что послушался тебя и переключился на Южную Африку.

— Я тоже рад, что ты это сделал, Джеймс, — сказал я и улыбнулся.

— Такое ощущение, что кто-то в реальном времени скармливает американцам методы работы UBS. Каждый шаг, который совершает банк, сталкивается с противодействием.

Он произнес эти слова невинным тоном, а я ответил ему в том же стиле.

— Интересная теория, Джеймс. Да только кто же захочет по собственной воле пропасть в цюрихских подвалах.

— И то правда... Ты бы видел свежую директиву от Мартина Лихти! «Не ездить никуда без моего одобрения!»

Я рассмеялся.

— С удовольствием почитал бы, просто для смеха.

— Я отправлю тебе копию, только никому не говори.

— Никому, клянусь! Еще вина?

Где-то в середине января газета *Financial Times* выпустила еще одну большую статью про UBS. Ее автором был Хейг Симонян, и он процитировал в статье нескольких банковских руководителей, заявлявших с немалым апломбом, что теперь UBS прекратит все свои секретные отношения с американскими клиентами и закроет все их номерные счета. Я слишком хорошо знал своих бывших швейцарских боссов, чтобы понимать, что эти слова всего лишь обман для разрядки атмосферы. И я никак не мог успокоиться, потому что знал, что если бы этот идиот Кевин Даунинг и его болтуны в министерстве юстиции не предупредили UBS своим «адресным письмом», то мы могли бы организовать серьезную операцию, как это сделали бразильцы. Как если бы я указал пальцем на дом в пригороде, где торговали наркотиками, женщинами и оружием, а копы сказали мне: «Да ладно? А давайте поступимся и спросим!»

Но, как минимум, я мог ткнуть кое-кого носом в эту статью, поэтому я продиктовал своим юристам сопроводительное письмо и попросил их отправить его вместе с копиями статьи из *Financial Times*, в комиссию по ценным бумагам, налоговую службу, Сенат и министерство юстиции. Вам может показаться, что я сам раздувал огонь, на котором меня медленно поджаривали, но на самом деле это была следующая часть моего тактического плана. К тому же вы теперь знаете, что я не кланяюсь пулям.

Тем временем я собирал все больше информации о том, чем занимался UBS, — банкиры выстраивали оборонительные сооружения, уничтожали доказательства незаконных связей с американскими клиентами, направляли охотников и собирателей в страны, которые не очень беспокоились о налоговых мошенничествах, и перемещали активы в другие

юрисдикции с новыми офшорными структурами. Они приказали сотрудникам держаться подальше от Штатов. Им следовало избегать и Франции, поскольку впоследствии их махинации в этой стране обернутся для них потерей 1,1 миллиарда евро и реальным риском заплатить штраф на сумму до 6 миллиардов! Ну что ж, ни глупость, ни высокомерие не лечатся. К тому времени я уже довел до совершенства собственные методы секретной связи — я использовал таксофоны и работал в интернет-кафе, совершал короткие вылазки из Женевы и отправлял документы Гектору и Морану курьерской почтой. У меня накопилось немало новых данных.

В феврале Гектор и Моран доложили комиссии по ценным бумагам и Сенату о моих последних достижениях. Поначалу они ограничивались рассказами по телефону, однако вскоре, в марте, я попросил их начать отправку документов в обе организации. Позднее, в том же месяце, я еще раз сделал залп из всех орудий. Моя новая информация подтверждала, что серьезные люди из UBS пытались переиграть министерство юстиции США, а с учетом крошечных мозгов министерских сотрудников это было не так сложно. Инстинкты говорили мне, что рано или поздно министерство юстиции придет за мной, поэтому я продолжал заниматься своей «благотворительной работой», пытаясь хоть как-то противостоять грядущим обвинениям. Мне казалось, что я делаю все правильно — умные ходы, превентивные удары и многое другое для того, чтобы Кевин Даунинг не смог всадить кинжал мне в спину.

А затем появились обвинительные акты. И они были секретными.

Секретное обвинение означает, что вы не предупреждаете человека, которого хотите поймать, о том, что против него планируются какие-то действия. Я практически уверен в том, что, если бы Даунинг и его боссы только могли, они сами побежали бы к таксофонам и позвонили по тем номерам швейцарских мобильных телефонов, которые я отдал Сенату. Однако благодаря моим усилиям Сенат, налоговая служба и комиссия по ценным бумагам имели точный список всех швейцарских преступников — менеджеров UBS. Поэтому они просто передали список в министерство юстиции и сказали: «А теперь идите и поймайте этих международных налоговых мошенников!» Я уверен и в том, что Даунинг изо всех сил пытался как-то исхитриться, когда увидел имя источника данных, то есть мое, но в тот момент у него не было выбора. А если бы он провалил это дело, все бы свалили на него. Думаю, что его начальники — Кевин О'Коннор и самый главный босс, генеральный прокурор, — сказали ему: «Делай все, как положено, а с «детальями» мы разберемся позже». Это исключительно мое предположение, однако в конце концов так и получилось, поэтому я придерживаюсь своей версии событий.

Первым в списке значился Игорь Оленикофф. Даунинг мог узнать о нем еще тогда, когда я впервые вошел в здание министерства юстиции, но он отказался выдать мне повестку, так что имя Оленикоффа всплыло только в результате моих показаний в Сенате. Наверняка он с удовольствием шарахнул бы по Игорю, поскольку тот был напрямую связан со мной. Однако затем Даунинг обнаружил то, что уже знал весь остальной мир: налоговая служба и департамент генерального прокурора в округе Ориндж, штат Калифорния, уже возбудили дело против Оленикоффа! Даунинг не мог начать его преследование — за парня уже взялись. Я уверен, что от этого Даунинг еще сильнее взбесился и исполнился еще большей решимости пригвоздить меня к кресту.

Но Игорь был далеко не дураком (в списке Forbes 400 нет дураков). Он уже нанял для своей защиты бывшего прокурора из министерства юстиции, причем из того же отдела,

который возбудил против него дело (помните про дверь-вертушку?). Чтобы избежать публичной огласки, связанной с предъявлением обвинения, он оперативно признал себя виновным в *разовом* неправомерном действии — а именно подаче фальшивой налоговой отчетности за 2002 год! Он признался в уклонении от налогов и в том, что не проинформировал налоговую службу о своих офшорных счетах на Багамах, в Лихтенштейне, Великобритании и Швейцарии, и, разумеется, принес извинения. Правительство решило, что он сможет восстановить свое доброе имя, если заплатит штраф в размере 52 018 460 долларов 36 центов, а также вернет все свои деньги в Штаты. Игорь улыбнулся и достал чековую книжку. Для человека с состоянием свыше 2 миллиардов долларов это была сущая мелочь. Забавно, что позднее, в процессе рассмотрения гражданского иска против Игоря Оленикоффа, выяснилось, что он и его сын (Андрей) открывали свои счета в Barclays Bank на Багамах, предъявив югославские паспорта. А ведь никто из них не родился в Югославии, они не жили и не работали в этой стране. Мошенничества Оленикоффа продолжались...

Если вы думаете, что Оленикофф был всего лишь забавным, но в целом уважаемым, порой забывчивым миллиардером с некоторыми причудами, таким обычным парнем, то вот вам пример обратного. К исполнению своих обязательств он относился очень избирательно. Игорь с гордостью выставлял перед многочисленными офисами своей компании Olen Properties прекрасные дорогие скульптуры — и это были нелегальные копии. Связавшись с двумя скульпторами мирового уровня, Доном Уэйкфилдом и Джоном Раймонди, он каким-то образом убедил их представить ему детальные описания своих творений, с макетами, фотографиями, размерами и ценами. Больше Уэйкфилд и Раймонди не слышали от Игоря ни слова, поскольку он заказал изготовление скульптур китайскому художнику (нарушение авторского права и кража патентов — китайский национальный вид спорта). Разъяренные художники подали на Оленикоффа в суд, федеральные судьи объявили его виновным и обязали его компенсировать убытки, нанесенные Уэйкфилду и Раймонди, на сумму 450 000 и 640 000 долларов соответственно. Эти суммы были для Игоря сущей мелочью, а еще дешевле было бы просто заплатить художникам за оригинальные работы и обойтись без адвокатов. Однако привыкший поступать по-своему Игорь предпочел подать апелляцию на судебное решение.

В конце концов Оленикоффу удалось выйти сухим из воды. На слушаниях по его делу весной 2008 года Игорь обвинил в своих бедах буквально всех: адвокатов, бухгалтеров, UBS и меня — за то, что ему давали плохие советы! Прокуроры мрачно кивнули и проголосовали *против* тюремного заключения, хотя в директивах по определению меры наказания говорится о трех годах тюрьмы. Прокуроры были согласны с тем, что он все же должен подвергнуться наказанию, поскольку уже с 1992 года уклонялся от налогов, используя офшорные счета, но ведь до этого против него никогда не выдвигалось никаких обвинений, а его преступления «никому не повредили с точки зрения финансов». Иными словами, они хотели просто пожурить его без серьезных последствий. Почему? Потому что его друзья-негодяи занимали очень высокие посты.

Окружной судья Кормак Карни приговорил Игоря к двухлетнему испытательному сроку и 120 часам общественных работ. Его адвокат, бывший прокурор из министерства юстиции, назвал это «делкой века». Так оно и было, и теперь у Игоря были развязаны руки для того, чтобы обрушиться на меня. Однако об этом позже.

Тем временем, несмотря на то что обвинения были секретными, все мои бывшие боссы из UBS — Кристиан Бовэй, Мишель Гиньяр, Мартин Лихти и Рауль Вейл — каким-то

образом внезапно узнали от швейцарских властей, что их разыскивает правительство США. Возможно ли, что у кого-то в министерстве юстиции США были тесные связи с коллегами в швейцарском министерстве? Например, такие связи точно были у Хиллари Клинтон, которая вот-вот должна была стать новым госсекретарем (и об этих связях стало известно позже, когда она решила стать лидером Свободного Мира). Тем не менее швейцарцы не собирались нарушать свой правовой «этический кодекс» и отправлять серьезных банкиров в вашингтонскую тюрьму. Этим парням нужно было просто оставаться дома в Швейцарии, а отправляясь в путешествие, *не показываться в Соединенных Штатах*. И как и раньше приносить стране незаконные деньги. Ничего сложного, правда?

Возможно, но только если вы не высокомерный и надутый фанфарон — такой, как Мартин Лихти. Мартин полагал, что он неуязвим и неприкосновенен. Он не собирался быть паинькой, как другие швейцарские менеджеры, вел себя как баламут глобального масштаба и летал по всему миру — в своих костюмах за тысячу долларов, с постоянным загаром и набриолиненной головой. Ему внятно намекнули, что он должен беречь свою задницу, но Мартин был не из тех, кому американцы позволяют диктовать условия его деловых поездок. В середине апреля он сел на рейс до Багам, возможно, для того, чтобы найти там еще несколько «жирных котов» и обновить свой загар. Маршрут проходил через Майами, где Мартину нужно было пересесть на другой самолет, и он, по всей видимости, думал, что сможет просто перейти из одного терминала в другой. Но это была ошибка. На его пути оказался таможенный пост, и его имя высветилось на компьютере службы паспортного контроля. Парочка равнодушных сотрудников иммиграционной службы взяли его под локоть, забрали портфель и пригласили немного поболтать.

Несмотря на то что имя Мартина было в списке лиц, разыскиваемых министерством юстиции, его не отправили в суд для дальнейшего разбирательства. Федеральные агенты из министерства юстиции проинформировали его о том, что он задержан как «важный свидетель» в деле о расследовании международного мошенничества в области налогов. Присвоив Лихти статус важного свидетеля вместо арестованного, Даунинг и его подручные в министерстве юстиции могли полностью контролировать его судьбу. Пока они разыгрывали свою партию, ему не нужно было появляться в суде, и никакие надоедливые федеральные судьи не могли выносить никаких решений. Его сопроводили в пятизвездочный отель в Майами и заперли в роскошном номере под вооруженной охраной, чтобы он случайно не утонул при купании. Если не считать этого небольшого неудобства, он мог расслабляться и наслаждаться погодой. Так он провел четыре месяца, пока его не «пригласили» дать показания на открытых слушаниях комиссии Карла Левина, которые показывали по телевизору.

В моей женеvской квартире зазвонил мобильный телефон. Это был Жак Леба. Звонил он, похоже, из ресторана — и точно не из офиса.

— Брэдли, ты слышал последние новости? Это просто *incroyable!*

— Что именно невероятно, *mon ami?*

— Мартин Лихти. Его только что арестовали в Майами! Банк все отрицает, но он должен был вернуться из своей поездки уже неделю назад. Кристиан пытался ему дозвониться, однако его мобильный телефон не отвечает, а его секретарша уже начала заикаться.

— Может, у нее начинается Альцгеймер?

— Не болтай ерунды, ей еще и 30 лет. В банк звонил репортер из *Financial Times* и

просил нас подтвердить эту историю, но нам всем приказали заткнуться.

Это наверняка звонил Хейг. Поначалу он отнесся к моей информационной бомбе скептически, но теперь серьезно увлекся этой историей и продолжал писать о развитии скандала в UBS.

— Отлично, Жак, — сказал я. — Что посеешь, то и пожнешь.

Он рассмеялся.

— Я прямо чувствую, как у тебя разрывается сердце, Брэдли.

— Да нет, мне даже жалко этого парня. Дело может кончиться тюрьмой, а американские тюрьмы — это не отель «Ритц». А вдруг какой-нибудь громила по имени Бубба захочет сделать Мартина своей женой?

— Жестко. Может, пообедаем?

— Не сегодня, Жак, но обязательно.

— Отлично. Я дам тебе знать, если будет что-нибудь еще.

— Спасибо, дружище.

Я повесил трубку и глубоко выдохнул. Мартин Лихти пойман. Наконец-то Даунинг начал что-то делать — хотя бы снимать с игрового поля пешки, швейцарских банкиров и клиентов. Частично я был этому очень рад. Ведь я хотел именно такой участи для всех этих высокомерных, неблагодарных швейцарских засранцев. Но при этом я чувствовал себя как «крот» внутри террористической ячейки — когда появятся спецназовцы, они уничтожат всех, кто попадется им на глаза, включая меня, и никто не вспомнит, что именно я поделился с властями информацией. Некоторые мои данные были крайне убедительными, например меморандум Мартина Лихти, адресованный всем банкирам в американском отделе и нагло приказывавший им действовать в Штатах еще активнее. Это была настоящая бомба, которая, вне всяких сомнений, помогла в задержании Мартина. И тем не менее целый год Гектор и Моран пытались обеспечить мне иммунитет от судебного преследования. Они говорили, что моя роль в масштабной швейцарской схеме была незначительной, но их не слушали. Я мог получить иммунитет только от министерства юстиции, а Даунинг раз за разом захлопывал двери. После задержания Лихти стало понятно, что мне не удастся легко отделаться.

Я позвонил своим адвокатам и рассказал им о Лихти. Думаете, эти парни — Гектор и Моран, представители изобличителя в «деле века» о налоговом мошенничестве — уже знали о задержании Мартина Лихти? Нет!

— О, это очень интересные новости, — сказал Рик.

— Ты думаешь? — усмехнулся я.

— И что ты будешь делать? — спросил Пол.

Услышав это, я покачал головой. Это они должны были сказать мне, что делать дальше, в свете новой информации! Я сказал им, что все обдумаю и дам знать.

Если вы занимаетесь горными лыжами, то знаете, что происходит, когда вы падаете на «черной» трассе, — вы теряете лыжи и начинаете кувыркаться и скользить, пока не наткнетесь на что-нибудь, что остановит ваше падение. Именно так я и чувствовал себя в то время. Но инстинкты подсказывали, что я должен покрепче воткнуть лыжную палку в лед и подняться во весь рост. У меня было только два варианта действий. Я мог навсегда остаться в Женеве, залечь на дно, продолжать заниматься своими проектами, отказаться от идеи изобличения банка и никогда больше не возвращаться в Америку. Или же я мог поднять голову, громко заявить о своей правоте и биться до конца, что бы ни замыслил для меня

Даунинг.

Поимка Лихти была сигналом. На моих боссов объявили охоту, и я понимал, что совсем скоро очередь дойдет и до меня. Кевин Даунинг ни при каких условиях не собирался дарить мне иммунитет от преследования. Увидеть меня в цепях было для него куда важнее, чем узнать истину. И я не собирался провести остаток своих дней в Европе, постоянно оглядываясь, не имея возможности увидеть мою семью и друзей в Штатах. Я не такой. Я понял, что пришло время схватки.

Тогда я даже не думал о награде за мои усилия, ведь никому из информаторов подобные ситуации еще ни разу не принесли ощутимой выгоды. Вопрос был только в том, продолжать ли мне стоять на своем. Мои старые армейские навыки говорили: главное — выполнить задание.

Я окинул взглядом свою квартиру, с ее безделушками и благами цивилизации. Я вспомнил о своем швейцарском шале в Церматте, об автомобилях, о женевских приятелях, милых подружках и обо всем остальном, чем я мог бы наслаждаться и дальше, если бы решил оставить свою затею. Я знал, что если полечу в Штаты, то, возможно, никогда больше уже не смогу вернуться сюда. Было вполне вероятно, что я много лет буду видеть лишь железные решетки и слабый солнечный свет, пробивающийся через узкое как щель окно в бетонной стене. Я спрашивал себя снова и снова: «Стоит ли это того?»

Ответ возник сам собой. *Биркенфельды не беженцы. Биркенфельды не прячутся. Биркенфельды не убегают.* Я снова позвонил Гектору и Морану.

— Так, парни, внимание. Я хочу, чтобы вы назначили еще одну встречу с представителями комиссии по ценным бумагам и Сената.

— Они только что позвонили нам, — сказал Рик, — и сказали, что тоже хотят встретиться с тобой. Что им передать?

Я закатил глаза.

— Да, черт возьми!

— Ты хочешь вернуться? — Казалось, что Пол настроен скептически. — Когда схватили одного из твоих боссов?

— Я не преступник и не собираюсь вести себя, как преступник. Меня вообще не колышет, что думает, говорит или делает этот урод Даунинг.

— Хорошо, Брэд, — сказал Рик. — Мы свяжемся с комиссией по ценным бумагам и Комитетом.

— Да, и сделайте так, чтобы вас услышали, — сказал я. — Не облажайтесь!

Наступил май 2008 года. Я стал собирать вещи. На сей раз я чувствовал себя совсем не так, как перед предыдущими поездками. Я не имел никакого представления о том, когда вернусь и вернусь ли вообще. Весна в Женеве была в самом разгаре. В Штатах должно быть еще теплее. Пара костюмов? Да, пожалуй, пока что хватит. Рубашки поло, свободные брюки и джинсы? Пригодятся. Роясь в шкафу в поисках моей любимой парки, я рассмеялся, вспомнив сцену из старого гангстерского фильма, в которой наемный убийца, у которого из-под пиджака выпирает оружие, появляется у дома своей жертвы. «Мы немного прогуляемся. Вам не понадобится куртка». С одеждой я разобрался быстро, затем я тщательно сложил все оставшиеся у меня улики и документы, связанные с UBS. На глаза мне попало забытое письмо — приглашение на встречу одноклассников в Штатах. Я открыл его, думая, сколько я пережил после тех невинных школьных лет, и мечтая о том, чтобы все опять стало таким простым и понятным. Затем я забронировал билет в один конец на ночной рейс до Бостона и

позвонил моему брату Дугу в Веймут.

— Завтра я прилетаю в Бостон.

— На кой черт? — требовательно спросил Дуг.

Он внимательно отслеживал все тонкости моего дела и знал, что власти только что поймали Мартина Лихти.

— Встреча одноклассников.

— Ты что, спятил?!

Я рассмеялся.

— Конечно нет, я лечу на новую серию встреч с Сенатом и комиссией по ценным бумагам. Я хочу закончить свои дела с Даунингом раз и навсегда. Встреча с одноклассниками — это так, между делом.

Последний раз осмотрев квартиру перед тем, как выйти, я взглянул на кофейный столик перед камином. На нем стояла коробка с игрой «Монополия». Я подошел к столику, открыл коробку, вытащил из нее игровые карточки и нашел нужную — карточку «Освобождение из тюрьмы» — с картинкой довольно глупо выглядевшего чувака в цилиндре и с усами. Я положил карточку в бумажник и вышел.

Прежде чем сесть в самолет, я нашел в аэропорту таксофон и позвонил Хейгу Симоняну. Звонить в офис *Financial Times* было уже поздно, однако теперь у меня был номер его мобильного, и он знал мой голос. Мне уже не нужно было представляться «Тарантулом». По голосу я понял, что разбудил его.

— Добрый вечер, Хейг. Прошу прощения за поздний звонок. Я собираюсь вылететь в Штаты. И я хотел бы, чтобы вы об этом знали, на случай, если я вдруг исчезну.

Он вздохнул и пожелал мне удачи. Уверен, что его не радовала перспектива потери его «Глубокой Глотки»^[69] — источника информации, который появляется в жизни репортера только раз в жизни.

Это был длинный полет, возможно, самый длинный за всю мою сравнительно молодую и беззаботную жизнь. По крайней мере, я сидел в бизнес-классе, и мне было куда протянуть мои длинные ноги. Пара порций крепкого не помогла, аппетита не было. Я знал, что не засну, и принялся изучать список доступных фильмов. Улыбнувшись, я выбрал боевик «Беглец» с Харрисоном Фордом в главной роли.

Если вы родились и выросли в Бостоне, то знаете, как приятно прилетать в аэропорт Логан. На рассвете залив блещет синевой и серебром, сверху можно увидеть свернутые паруса прекрасного трехмачтового корабля «Конститьюшн», более известного как «Железнобокий старина»^[70]. Небоскреб «Хэнкок» со своими огромными блестящими окнами величественно вздымается над горизонтом, напоминая нью-йоркские «башни-близнецы». Пока самолет кружился над аэропортом в ожидании посадки, я смотрел на город и думал об этом месте, где началась моя банковская карьера и где она, возможно, завершится.

Я вылез из самолета, забрал багаж и направился к паспортному контролю. Других пассажиров почти не было. Сонный сотрудник авиакомпании даже не посмотрел в мою сторону, пока не увидел то же, что и я — засаду.

Четыре агента таможенной службы в униформе медленно шли ко мне по темному коридору. Я почувствовал на себе взгляды других пассажиров, но поскольку я уже понял, что происходит, я просто кивнул и улыбнулся правительственным душегубам.

— Могли бы вы пройти с нами? — произнес один из них.

Это не было просьбой.

Мы вышли из зала. Один из людей в форме шел передо мной, трое — позади. Мы вошли в незаметную комнату. Вдоль одной из стен стоял длинный ряд пустых скамеек, а у другой сидела за большим столом дама в накрахмаленной белой форменной рубашке и пила кофе. Своим важным видом она напоминала судью Верховного суда. Она вперилась в меня таким взглядом, будто я продавал детское порно. Мы прошли в комнату для допросов. Там у меня забрали сумку, положили ее на длинный стол и приказали мне сесть. Я подчинился.

Один из сотрудников положил ноги на стул, как в сериале «Закон и порядок». Его пальцы забарабанили по рукоятке пистолета.

— У нас есть ордер на ваш арест, мистер Биркенфельд. От министерства юстиции.

— Да неужели? — сказал я. — Интересно, за что.

Они посмотрели друг на друга и усмехнулись. Надо мной навис еще один сотрудник.

— У вас есть при себе наличные на сумму более 10 000 долларов? — Нет, — ответил я. — Только кредитки. Знаете, они весят намного меньше.

Этот ответ ему не понравился, и он прорычал:

— Спрашиваю еще раз. У вас есть при себе наличные на сумму более 10 000 долларов?

Я поднял голову и включил фирменную ухмылку Биркенфельдов. — Скажите, пожалуйста, — сказал я. — Английский — ваш родной язык?

Меня вытащили из кресла, скрутили и заковали в наручники. Затем меня бросили в камеру.

Я понял, что пропущу встречу выпускников.

«Я потрясен, я просто потрясен! Оказывается, здесь играют в азартные игры!»

Капитан Рено, персонаж фильма «Касабланка»

Мне никогда особенно не нравилась Флорида.

Не то чтобы я имел что-то против Диснейленда, Микки Мауса и автогонок в Дейтоне хотя это, конечно, далеко не «Формула-1». В Майами может быть интересно, если вам нравятся пляжи, бикини и ночная жизнь в латиноамериканском стиле. В принципе, здесь неплохо, хотя и не так, как в Сен-Тропе или Канкуне. Поэтому, если не принимать во внимание невинные развлечения, этот штат для меня всегда был просто бесплодным местом с повышенной влажностью. Здесь можно спастись от зим Новой Англии, когда ломит кости и вы мечтаете о шезлонге и коктейлях с цветными зонтиками. Но если вы еще сравнительно молоды, поездка во Флориду покажет вам ваше мрачное будущее — толпы медленно шаркающих приятных старичков с сединой, подкрашенной синим. Зал ожидания перед приемом у Господа.

Но, как оказалось, Флорида — еще и прекрасное место для содержания участника международного мошеннического налогового заговора, даже если он живет в Бостоне. И, по всей видимости, Кевин Даунинг очень любил этот штат, поскольку он затащил меня аж в Форт-Лодердейл, чтобы послушать его выступление перед судьей Южного округа Флориды. Даунинг мог бы выбрать Бостон, Нью-Йорк или Вашингтон, но это было бы слишком удобно для меня.

Услышав от Гектора и Морана, что мне нужно лететь во Флориду за свой собственный счет ради того, чтобы подвернуться формальной порке, я понял, что Даунинг просто хотел вогнать меня в пот — именно это происходит, когда вы выходите из самолета в Форт-Лодердейле в июне. Это был классический случай манипулирования подсудностью.

Возможно, что все это лишь мои предположения. Но Кевин Даунинг решил, что отправная точка для рассмотрения моего дела должна находиться максимально далеко от места моего проживания (хотя и в пределах восточного побережья страны), и это факт. Это также означало, что на каждом слушании — а их обещало быть немало — туда должны были прилетать и работники министерства из Вашингтона. Возможно, у министерства юстиции есть секретная программа призовых баллов от авиакомпаний. Путешествуя по всей стране в борьбе с налоговыми преступниками, эти люди тратят деньги налогоплательщиков, пользуясь бесплатными билетами на самолет и номерами в гостиницах. По сути, они швыряют вашими деньгами, как пьяные матросы, при этом заявляя, что делают все возможное для их экономии.

Прошел месяц после того, как я приземлился в Бостоне, отлично зная, что после ареста Мартина Лихти вряд ли смогу выбраться из аэро — порта. Парни из службы пограничного контроля продержали меня в камере не меньше часа, а затем запихнули в патрульную машину как уличного попрошайку, отвезли в Уинтроп и заперли на ночь в старом здании новоанглийской тюрьмы. Все было не так уж плохо. У меня была отдельная камера и хорошая книга «Пять лет к свободе» — потрясающая и правдивая история, написанная бывшим офицером спецназа США Джеймсом Н. Роу о том, как он в течение пяти лет сидел в

бамбуковой клетке в Северном Вьетнаме. Все познается в сравнении.

Утром шерифы привезли меня из тюрьмы в Уинтропе в федеральный суд в Бостоне. Я предстал перед моей первой судьей, напоминавшей «Судью Джуди»^[71] — женщину с низким уровнем терпимости к болтовне правительственных чиновников. Бостонские судьи не любят постановочных шоу — они слишком часто сталкиваются с реальными преступлениями и трагедиями, особенно в южной части города. Самого Даунинга на слушании не было, прибыли двое из его подчиненных-прокуроров, но ни один из них не удосужился сообщить судье о том, что я прилетел в Штаты, чтобы дать очередные показания. Даунинг надавил на Морана, защищавшего меня в тот день, и потребовал, чтобы он не рассказывал судье о том, что годом раньше я по своей воле вызвался поделиться информацией о швейцарских банках. По сути, Даунинг запретил Морану рассказывать, для чего я на самом деле вернулся из Швейцарии — чтобы продолжить встречи с представителями Сената и комиссии по ценным бумагам и в одиночку предать гласности крупнейшее налоговое мошенничество в истории Соединенных Штатов. Нет, ничего подобного. Это парень просто решил прилететь на встречу выпускников! И поэтому министерство юстиции солгало федеральному судье и представило меня как опасного международного преступника, который сбежал бы от правосудия при первой же возможности.

Но судья на это не купилась.

— Правительство, — обратилась она к подручному Даунинга, — насколько я могу судить, мистер Биркенфельд ранее не подвергался аресту.

— Ваша честь, — напыщенно произнес прокурор из министерства юстиции, — он играет значительную роль в федеральном деле о налоговом мошенничестве. Мы бы хотели, чтобы его поместили в тюрьму до начала судебного разбирательства.

— Налоги, — судья прошипела это слово с такой интонацией, как будто к ней пару раз уже приходили налоговые службы с проверкой. — У вас же его паспорт, куда он денется? Кроме того, дата рассмотрения дела еще не назначена.

— Но, ваша честь...

— Вы хотите, чтобы я посадила его в тюрьму навечно?

— Мы рассчитываем где-то на месяц.

— Чепуха! — судья ткнула в меня пальцем. — Мистер Биркенфельд, вы свободны до уведомления о времени и месте следующего судебного заседания.

— Да, мэ! — сказал я.

— Ваша честь... — предпринял еще одну попытку тупица из министерства юстиции.

— Переходим к следующему делу!

Тем все и закончилось. Я забрал свой багаж. Разумеется, его тщательно обыскали, но там не было ничего интересного, если не считать нескольких сигар моей любимой марки и швейцарского шоколада. Уверен, что сотрудники Даунинга скопировали каждую страницу текста и все компьютерные диски из моего портфеля, хотя в этом не было никакого смысла — я все равно собирался все это отдать. Мой брат Дуг отвез меня в свой дом в Веймуте.

Дуг и раньше был зол на министерство юстиции, а мой арест окончательно вывел его из себя. Он знал, как и я, что рано или поздно Даунинг попытается обвинить меня во всех смертных грехах, однако столь наглое злоупотребление властью со стороны министерства юстиции и его отвратительное стремление унижить меня заставляли его кровь закипеть. Но я совсем не чувствовал себя униженным. Я сообщил Дугу, что планировал снова встретиться с представителями комиссии по ценным бумагам и Сената, однако теперь мои планы

изменились. Даунинг давил на Гектора и Морана, чтобы меня доставили в министерство юстиции для «детального отчета». Возможно, он подумал, что шок от ареста заставит меня забиться в угол и заплакать. Я позвонил своим адвокатам и приказал им договориться о дате встречи. Пришло время для борьбы один на один.

Через несколько дней я полетел в Вашингтон и вновь оказался в почтенном старом здании, где дорогая драпировка закрывала обнаженные соски у скульптуры. Со мной был Рик Моран. Он шел с опущенной головой, как ребенок, который ослушался родителей. Даунинг сидел в том же стерильном конференц-зале вместе со своей чихуахуа по имени Карен Келли и с помощником прокурора по имени Джефф Нейман. Этот парень выглядел так, как будто только что закончил юридическую школу. У него были черные волосы, уложенные гелем, и загар игрока в гольф. Он работал в офисе прокурора США в южном округе Флориды. Ростом он был не выше полутора метров и разговаривал раздражающим шепотом. Его брюки были сантиметров на пять короче, чем нужно, — было хорошо видно пару разных носков. Он был похож на адвоката-заика из классического фильма «Мой кузен Винни»^[72]. Я долго не мог понять, что там делает этот Нейман.

Было ясно, что Даунинг очень сильно разозлен тем, что судья в Новой Англии не ответил на его просьбу. Он хотел посадить меня за решетку, чтобы мучить меня столько, сколько захочет (как делают в Иране). А я все еще был на свободе. Он готов был сломать свой стол.

— Так, Биркенфельд! Теперь мы хотим имена! *Все* имена.

— Я уже все рассказал Сенату и налоговой службе, — ответил я, пожав плечами. — Если бы вы выдали мне повестку, когда мы ее просили, эти имена были бы у вас уже в прошлом году.

Джефф Нейман внимательно посмотрел на Даунинга. Возможно, он думал: «И почему же ты не выдал ему повестку?» Но он промолчал, и я сразу понял, что главный в этой комнате Даунинг.

— Ну что же, умник, — огрызнулся Даунинг. — Мы хотим их *прямо сейчас*.

Но это была просто детская игра, и я знал, как в нее играть. Министерство юстиции, как и другие агентства, уже получило всю информацию от Сената. Даунинг просто пытался запугать меня угрозой ареста и обвинения. Он думал, что это станет той последней соломинкой, которая сломает мне спину. Он ни капли не напоминал логичного и зрелого профессионала в области криминальной юстиции. Я уже изобличил деятельность банка, я пришел к Даунингу сам, я, по сути, уже признался в незаконной деятельности, которую помог вывести на свет божий. Что еще он мог мне предъявить? Он просто хотел драматизировать ситуацию и устроить шоу для своих подчиненных. Я решил ему подыграть — вытащил копию длинного и детального списка швейцарских банкиров и клиентов, который уже передал Бобу Роучу и сенатскому комитету, и бросил листы бумаги через стол.

— Пожалуйста, — сказал я. — *Этот список уже есть у всех остальных* правительственных служб, так что думаю, что могу отдать его и вам.

Даунинг схватил его и гордо прижал к столу пальцем с таким видом, будто ему только что удалось расколоть Джона Готти^[73]. Тем временем я вытащил из своего бумажника желтую карточку «Освобождение из тюрьмы», которую взял из своей квартиры в Женеве. Карточка полетела в сторону Даунинга вслед за бумагами.

Даунинг, Келли и Нейман наклонились вперед и уставились на нее.

— Ну что? — сказал я. — Эта карточка сработает?

Все трое ошеломленно молчали. Возможно им казалось, что они сломали меня, но я только что разрушил их фантазии.

— И кстати, — сказал я, — у меня тут назначены встречи с комиссией по ценным бумагам и Сенатом, так что я не хотел бы их пропустить.

Мне показалось, что Даунинга хватит удар. Он с грохотом отодвинул свое кресло, вскочил и завопил, тыкая пальцем мне в лицо.

— Вы не будете встречаться или беседовать ни с кем из Сената или комиссии по ценным бумагам! Это понятно, Биркенфельд?

Чуть позже мои адвокаты сообщили в письменном виде Карлу Левину (сенатору) и Роберту Хузами (представителю комиссии по ценным бумагам), что, произнося эти слова, Кевин Даунинг совершил не одно, а целых *два* федеральных преступления. Они указали, что, согласно статье 1505 раздела 18 Свода законодательства США, федеральным преступлением считается любое препятствование или запугивание свидетеля, которого допрашивает комитет Конгресса или следственное агентство типа комиссии по ценным бумагам. Как и говорил судья Каплан о Даунинге и команде министерства юстиции в деле против КРМГ, те самые люди, долг которых состоял в защите конституционных прав американских граждан, прямо нарушали их. Даунинг постепенно становился рецидивистом.

Я поднял голову и улыбнулся Даунингу. А затем я посмотрел на Джеффа Неймана. Малыш-прокурор просто сидел на своем месте, не двигаясь, с лицом, невозмутимым, как у Библиотечного Льва^[74]. Только что в его присутствии прокурор из министерства юстиции попытался запретить свидетелю сотрудничать с другими федеральными агентствами. С моей точки зрения, Даунинг переступил черту, однако Нейман не сказал на это ни слова. Позднее мои адвокаты сообщили об этом возмутительном поведении в министерство юстиции. Однако, насколько мне известно, Даунинг так и не понес за это никакого наказания. По всей видимости, дело КРМГ не научило Кевина Даунинга тому, что свидетелей нельзя запугивать, а члены его команды были слишком застенчивы, чтобы открыть рот.

Я сложил свои бумаги и собрался на выход.

— Увидимся в суде, — огрызнулся Даунинг. — Не вздумайте пропустить заседание.

— Мы придем, — ответил ему Рик.

Насколько я помню, это были первые и последние слова, которые мой адвокат произнес в тот день. Слова капитуляции. На улице мы разошлись в разные стороны. Мне нечего было ему сказать.

19 июня 2008 года я вышел из самолета в Форт-Лодердейл и тут же оказался в еще одной жаркой «бане», которую приготовил для меня федеральный магистрат^[75] Барри С. Зельцер из Южного округа Флориды. Рядом со мной в душном зале стоял Рик Моран, а с другой сторону от прохода расположились зевающий Даунинг и его оруженосец Джефф Нейман. Как только Зельцер поднялся по ступеням к своему столу, я тут же понял, каким будет ответ на мою просьбу о рассмотрении дела: «Виновен по всем пунктам». Судья был белым человеком среднего роста и средних лет. Он сидел в своей черной мантии с таким важным видом, будто был членом Верховного суда. На самом деле, магистраты располагаются на нижнем уровне пищевой цепочки федеральной судебной системы, и я чувствовал, что у этого человека точно есть комплекс Наполеона. Кроме того, я уже ознакомился с некоторыми решениями Зельцера. По всей видимости, он не любил банкиров, поскольку попытался в ходе заседания довольно лживым образом сравнить меня с Марком Ричем^[76] — на госслужбе хватает негодяев. Заявить о невиновности было все равно что

размахивать красной тряпкой перед разъяренным быком.

Возможно, вас удивляет, почему я решил признаться в нарушениях, вместо того чтобы попытаться еще раз заявить о своей невиновности. Но я не был ангелом ни в глазах закона, ни в своих собственных. Я сам предоставил тонны свидетельств, подтверждавших мое участие в швейцарской схеме, поэтому знал, что любые попытки противостоят обвинению лишь заставят Даунинга и Зельцера ненавидеть меня еще больше. Если бы я захотел передать дело в следующую судебную инстанцию, то Даунинг подключил бы всех своих подручных и выжимал бы из них все соки, пока те не убедили бы суд в том, что я новый Чарльз Мэнсон^[77]. Я не собирался помогать ему в этом.

Я уже готовился к следующему этапу процесса — к слушаниям относительно моего приговора. Именно на нем мои адвокаты могли бы предъявить убедительные доказательства и просить суд о снисхождении. В конце концов к тому времени Игорь Оленикофф уже вернулся к своей империи недвижимости в Калифорнии и спокойно зарабатывал миллионы, которые ему предстояло уплатить в виде штрафов. Он был свободен как птица, так почему бы не освободить и меня? Ведь было бы неправильно, если бы правительство позволило Игорю наслаждаться свободой, а меня заперло в федеральной тюрьме? Я полагал, что совсем скоро всех моих швейцарских боссов соберут в одном месте и те начнут каяться, как испуганные подростки, арестованные за торговлю марихуаной. Мне казалось, что правительство поймет, насколько важными могли бы стать мои показания на слушаниях против швейцарцев. Все же я был не простым информатором, я смог обеспечить возврат сотен миллионов американским налогоплательщикам. Им стоило бросить полотенце на ринг и отозвать обвинение. Правильно?

Слушание продолжалось, и Кевин Даунинг то и дело усмехался. Он пытался обвинить меня во всех грехах, кроме вооруженного ограбления и жестокого обращения с детьми. Поскольку я уже предварительно согласился признать себя виновным, правительство подготовило документ под названием «Соединенные Штаты Америки против Брэдли Биркенфельда». В разделе «Основные факты» в начале первой страницы сообщалось о согласии всех сторон с тем, что, «если бы данное дело было передано в суд, Соединенные Штаты могли бы, вне всякого разумного сомнения, доказать следующие факты, которые истинны, точны и достаточны для признания ответчика виновным».

Иными словами: «Ответчик все нам рассказал, но мы делаем вид, будто раскопали все сами».

За этим следовали шесть страниц текста, напечатанного через один интервал. Они описывали всю мою гнусную деятельность, гамбит Оленикоффа и все грязные делишки UBS, названного в тексте просто «банк». И все содержимое этого обвинительного документа слово в слово повторяло мои показания, данные Сенату, налоговой службе, комиссии по ценным бумагам, а затем и министерству юстиции. Вы понимаете? Я пришел к ним и вручил ключи от империи зла и за это меня теперь хотели вздернуть!

Значительная часть документа была посвящена Оленикоффу. Ему уже было предъявлено обвинение, а поскольку я был его доверенным лицом, с точки зрения министерства юстиции все было понятно. «Крупного зверя мы уже поймали, а теперь разбираемся с его прихвостнем». В последней строке документа говорилось о «налоговых потерях, связанных с заговором, направленным на избежание уплаты налогов на прибыль с суммы около 200 миллионов долларов, которую Игорь Оленикофф хранил на скрытом офшорном счете. Общая сумма потерь составила 7 261 387 долларов, не считая штрафов и процентов». Такая

формулировка четко давала понять, что именно я отвечаю за эти потери, понесенные налогоплательщиками. Однако поверьте мне — если бы я мог вытащить чековую книжку и выписать чек на эту сумму, Даунинг порвал бы его на моих глазах. Он не жаждал правды или компенсации, он просто хотел наказать меня.

Магистрат Зельцер задал несколько поверхностных вопросов, наслаждаясь звуками собственного голоса.

— Итак, мистер Биркенфельд, вы постоянно проживаете в Швейцарии. Где именно?

— В Церматте, ваша честь.

— Мне доводилось там бывать, — сказал он с таким видом, будто хотел поразить нас своей умудренностью. — Город, в котором нет автомобилей.

Рик Моран предпринял попытку внести позитивную ноту.

— Ваша честь, мистер Биркенфельд обратился в правительство по своей собственной воле.

Зельцер посмотрел на него.

— Да, разумеется. Но я бы хотел увидеть выписки с его банковских счетов.

— Видите ли, — ответил Моран, — Боюсь, что швейцарцы откажутся разгласить эту информацию.

— Разумеется, — усмехнулся Зельцер. — Так же как в деле Марка Рича.

«Какая объективность, — подумал я. — Почему бы теперь не сравнить меня с Мануэлем Норьегой или Саддамом Хусейном?»

Затем Зельцер проинструктировал нас о процедуре формальной подачи заявления. На последней странице документа было место для подписей всех участников: Даунинга, Неймана, Морана и меня. Мы передали документ по кругу, и каждый его подписал. Даунинг расписался с видимой гордостью, а я нацарапал свое имя, как жертва неудачного развода.

Зельцер даже не смотрел в мою сторону. Он отодвинул мои бумаги в сторону, его уже ожидало следующее большое дело. Судебный клерк с шумом поставил на документе печать с датой и временем, символизировавшую победу правительства, и по залу пронеслось эхо от удара. Затем Зельцер скрестил свои пухлые пальцы и уставился на меня.

— Заявление о признании виновным принято, — прорычал он. — Мистер Биркенфельд, я назначаю для вас залог в сумме 100 000 долларов. Оплатите его в Бостоне, затем приходите в надзорное ведомство. Вы будете носить на себе следящее устройство. Дата слушаний относительно приговора будет определена позднее.

Он ударил молотком. Я вышел из зала и отправился обратно на север.

В самолете до Бостона я с негодованием думал о залоге. Деньги не были проблемой, но я решил воспользоваться услугами поручителя. Я знал, что не собираюсь сбежать или что-то утаивать, просто я терпеть не могу, когда мои собственные сбережения перестают приносить мне процент. Куда больше меня беспокоило следящее устройство, которое должно было днем и ночью связывать меня с Кевином Даунингом, как если бы он стоял у меня за плечом. У него уже был мой паспорт, куда я мог сбежать? В ущелье Дыра в стене в горах Биг Хорн, штат Вайоминг, как Буч Кэссиди^[78]?

«Возможно, он зарядит устройство взрывчаткой С-4, — подумал я, — Если ему покажется, что я собираюсь сбежать, он нажмет на кнопку и оторвет мне ногу».

Я пытался понять, откуда у Даунинга такая психотическая одержимость в отношении меня. Но когда самолет начал приближаться к Бостону, я перестал глазеть в окно иллюминатора и осмотрелся. В салоне оказалось на удивление много хорошо одетых

женщин со свежим загаром и пакетами, набитыми покупками.

И это внезапно заставило меня подумать о женах тысяч американцев, прятавших свои секретные швейцарские счета. Многие из них даже не подозревали, чем именно занимались их мужья во время своих «командировок» в Цюрих и Женеву. Я задумался о том, многие ли из этих женщин знали о донжуанстве своих мужей, об их любовницах, о тратах на азартные игры и стриптизерш. Я представил себе, как многие из них соглашались на предложенные им условия развода, понятия не имея, сколько принадлежавших им миллионов долларов были надежно спрятаны от них. Швейцарцы смогли поймать (в самом плохом смысле) не только обычных американских налогоплательщиков, но и сотни таких женщин. Пожалуй, адвокатам, представлявшим их в бракоразводных процессах, стоило бы пересмотреть условия соглашений, поскольку большинство из них явно были несправедливыми.

* * *

Июльская жара накрыла своим влажным облаком весь Вашингтон, а постоянный подкомитет Сената по расследованиям во главе с сенатором Карлом Левиным в полную силу приступил к работе и начал готовиться к открытым слушаниям по вопросу банков, налоговых гаваней и нарушения налогового законодательства США. Долгие годы в кулуарах Конгресса ворчали о том, как иностранные банки нарушают американское налоговое законодательство, но не могли этого доказать. Это были влиятельные мужчины и женщины, однако они были беспомощны, как артиллерийская батарея без снарядов. Теперь появился я и отдал им ящики с боеприпасами, и теперь они заряжали орудия, готовясь произвести первые залпы.

Если члены Конгресса любят хоть что-то больше, чем свои раздутые зарплаты, бесконечные отпуска, бесплатную медицинскую страховку и кучу помощников, то это внимание прессы. И пока Комитет готовился к своему сценическому дебюту, в этом внимании не было недостатка. В мае Хейг Симонян опубликовал в *Financial Times* статью о руководителях UBS, которые официально запретили своим сотрудникам командировки в Соединенные Штаты после того, как Капитолийский холм наконец-то разозлился, причем с полным на то правом. Журналисты *New York Times* тут же начали собственное расследование, в основном посвященное деятельности богатых американцев, а министерство юстиции, налоговая служба и Специальный комитет Сената принялись все чаще тыкать пальцем в сторону UBS.

После того как мое заявление было принято судом во Флориде, Хейг рассказал о моей истории на страницах газеты. Спустя десять дней министерство юстиции подало в федеральный суд иск против «Джона Доу»^[79], в котором потребовало, чтобы UBS открыл имена 19 000 анонимных американцев, имевших незадекларированные счета. Каждый значительный факт в этом иске был основан на документах, которые я добровольно передал в министерство юстиции, комиссию по ценным бумагам, Сенат и налоговую службу — 19 000 имен, более 52 000 счетов и 20 миллиардов долларов в активах. Министерство юстиции просто скопировало мои данные в свой документ и получило за это всю славу. По справедливости, это должен был быть иск от имени Брэдли Биркенфельда!

Разумеется, UBS отверг все обвинения и заявил, что его руки связаны швейцарскими законами в отношении банковской тайны. Такой оскорбительный ответ серьезно разозлил

американских законодателей. В своей очередной статье в *Financial Times* Симонян предупредил, что швейцарцев ждет сокрушительная атака со стороны американцев. Сразу после этого раздался залп из всех орудий. Правительство США обратилось в федеральный суд с просьбой о том, чтобы UBS раскрыл все имена. Судья сказал: «Конечно да, черт побери!» — и вынес соответствующее решение. Статьи в *New York Times* выходили уже практически каждый день. Мои бывшие начальники чувствовали, как их задницы поджариваются. Они понимали, что, если они откажутся выползти из своего убежища в Швейцарии, в сотни отделений UBS Americas придут федеральные агенты, вооруженные ордерами и висячими замками.

Я провел время между подачей своего заявления во Флориде и слушаниями, назначенными на середину июля, в Бостоне, злорадно наблюдая, как разгорается пожар. Дуг ходил на работу в юридическую контору, а я оставался в «бункере» — спальне, наполненной папками с материалами, пачками свежих газет и журналов. Кроме того, в спальне были компьютер и постоянно звонящий мобильный телефон. В основном я общался со своими адвокатами, хотя моя вера в них слабела. Со мной пытались связаться многие репортеры, однако я разумно отказывался от общения с ними. Я знал себя слишком хорошо и понимал, что начну откровенно говорить все, что думаю — особенно о министерстве юстиции — и это точно не помогло бы мне на слушаниях по моему приговору, дата которых еще не была назначена. Летом я ношу шорты, и черное следящее устройство выглядело на моей ноге, как огромные часы G-Shock. Попробуйте принять душ с этой штуковиной! Она постоянно напоминала мне о том, что мы все — рабы правительства, просто не все носят свои ошейники напоказ.

3 июля Пол Гектор позвонил мне и сообщил новости.

— Брэд, с нами только что связался Боб Роуч. Он хочет, чтобы ты вернулся в Вашингтон и помог Комитету в его расследовании.

— Всегда готов помочь, — сказал я. — Дата уже назначена?

— 9 июля.

— Я приеду.

Это было очень хорошим знаком, или, по крайней мере, так я думал в то время. Сенат в отличие от министерства юстиции не хотел притворяться в том, что я уже не обладаю для него никакой ценностью.

Эти люди четко понимали, что я играю ключевую роль в их деле и что именно я — тот человек, который поможет им прижать швейцарцев. Каждый вечер, когда Дуг возвращался домой, мы обсуждали события прошедшего дня. Он согласился, что приглашение Комитета — это хорошая новость.

Однако все пошло не так, как я рассчитывал. Я встретился с Роучем и одним из его следователей. Им была нужна помощь в раскрытии роли Мартина Лихти как главы UBS, я был рад им помочь, и все прошло хорошо. Я отправился обратно и стал ждать приглашения на слушания Карла Левина, но мне позвонили Гектор и Моран и огорошили плохими новостями.

— Тебя не будет на слушаниях, Брэд. Они не хотят, чтобы ты давал показания.

— Какого черта? Почему?

— Мы не знаем, но они сказали «нет». Мы думаем, это Даунинг.

— Эти подонки из министерства юстиции боятся того, что я могу рассказать.

— Возможно. — Гектор и Моран вели себя как побитые собаки. — Нам очень жаль.

Итак, судя по всему, Даунинг блокировал мое появление на открытых слушаниях в Сенате, он наверняка заявил, что оно будет компрометировать министерство юстиции. Он был прав — так бы оно и было, поскольку мое выступление там превратилось бы в громкий и публичный протест против моего тюремного заключения. К тому же весь мир в режиме реального времени узнал бы о том, кто именно рассказал о швейцарских Голдфингерах и что за это меня хотят вывалить в дегте и перьях. Это, возможно, принесло определенное облегчение и членам Комитета. Они не могли контролировать меня или как-то корректировать мои показания. А что, если я что-то от них утаил? Что, если бы я внезапно повернулся к Джону Керри и сказал: «Кстати, сенатор, счет в Женеве есть и у вашего закадычного приятеля такого-то?» Для них было бы спокойнее, если бы я сидел дома и смотрел разбирательство по телевизору.

Так я и сделал. 17 июля я устроился поудобнее на диване Дуга, открыл банку пива и включил канал C-SPAN. Мое большое шоу начинало свой «бродвейский» дебют. Сенатор Карл Левин, демократ от штата Мичиган, занял место председателя постоянного подкомитета Сената по расследованиям. Как обычно, он был одет в простой серый костюм с красным галстуком. Его седые волосы были растрепаны, а с кончика носа свисали очки для чтения с половинками стекол. Честно говоря, мне нравился этот человек. Он был одним из тех законодателей старой школы, которые всегда работали в Вашингтоне с убеждением, что они действительно служат народу. Слева от него сидел Норм Коулмен, республиканец от штата Миннесота — человек с детским выражением на чисто выбритом лице. Он был намного моложе Левина. Два сенатора от противоборствующих партий разыгрывали свой дуэт как серьезную драму, без тени шутки. По всей видимости, мои действия послужили хорошим катализатором довольно редкого двухпартийного сотрудничества.

Левин открыл заседание с длинного и тщательно продуманного заявления, которое он зачитал со своего подиума, одновременно внимательно оглядывая аудиторию из-под стекол своих очков, как Эбенезер Скрудж^[80].

— Доброе утро всем! Сейчас в мире существует около пятидесяти так называемых налоговых гаваней. Их типичными чертами являются секретность и уклонение от налогов. Некоторые такие гавани — это места типа Андорры и Вануату, о которых американцы почти ничего не знают. Другие, такие как Швейцария и Лихтенштейн, печально известны своей работой за завесой секретности. В эти секретные гавани перетекают активы из США на *многие миллиарды* долларов. Их владельцам помогают в этом деле банки, трастовые компании, бухгалтеры, адвокаты и пр. Каждый год казначейство США теряет до 100 миллиардов долларов налоговых доходов из-за злоупотреблений, связанных с деятельностью офшорных компаний. Это экономическая война против Соединенных Штатов и против честных, усердно трудящихся американских налогоплательщиков.

Затем Левин рассказал, что в ходе разбирательства комитет планировал рассмотреть незаконные действия двух банков — лихтенштейнского LGT и швейцарского UBS AG. Он заявил, что руководители UBS согласились дать показания, но LGT отказался от сотрудничества. В LGT имелся внутренний избобличитель, тайно передавший правительству США 12 000 страниц свидетельств в феврале 2008 года, то есть через четыре месяца *после того*, как я поделился своими материалами с комитетом. Однако этот избобличитель не мог присутствовать на слушаниях, поскольку теперь он входил в список самых разыскиваемых преступников Лихтенштейна, за его голову была назначена награда в 10 миллионов долларов, и теперь он находится под действием программы защиты свидетелей! По словам

Левина, показания этого человека будут представлены в виде записанного интервью с участием Боба Роуча, а его лицо будет скрыто. Его жизнь действительно была в опасности.

— Дебилы! — воскликнул я, обращаясь к телевизору. — Я сам мог бы дать показания!

— Также нам удалось, — продолжал Левин, — отчасти приподнять завесу секретности, которая много лет превращала Швейцарию в место хранения денег для людей, которым было что скрывать.

«Вам удалось? Это я открыл кран, а вы, ребята, просто столпились вокруг со своими чашками!»

— В конце 2007 года, — продолжал Левин, — подкомитет выслушал показания Брэдли Биркенфельда, который более 12 лет работал частным банкиром в Швейцарии, в том числе четыре года в женевском офисе UBS...

«Вот и он, час моей славы».

— В 2008 году мистер Биркенфельд был признан виновным в заговоре с участием гражданина США Игоря Оленикоффа, в результате которого налоговая служба недосчиталась 7,2 миллиона налогов на доходы от активов в размере 200 миллионов долларов, спрятанных на секретных счетах в Швейцарии и Лихтенштейне...

Я чуть не швырнул свое пиво в экран.

— Это так вы представляете своего звездного информатора? Какого хрена? Почему не «Мистер Биркенфельд смело обратился к нам по зову собственного сердца, взял на себя огромный риск и поделился с нами огромным объемом улик, без которых у нас бы никогда не было этого разбирательства»?

Я заскрежетал зубами, а Левин продолжал.

— В связи с этим судебным разбирательством Соединенные Штаты также задержали в качестве важного свидетеля Мартина Лихти, высшего руководителя подразделения частного банковского обслуживания в швейцарском UBS, во время его командировки во Флориду. Эти действия, по всей видимости, представляют собой первый случай, когда Соединенные Штаты подвергли уголовному преследованию швейцарского банкира за помощь налогоплательщикам США в уклонении от уплаты американских налогов. Мистер Лихти сегодня присутствует здесь. Я хочу выразить свою признательность министерству юстиции и прокурору США по Южному округу штата Флорида за возможность пообщаться с ним.

Мне стало немного легче. Мартин сядет на горячую сковороду, а я буду смотреть, как он извивается. Его публичное признание было бы столь же важным, как и мои показания.

Левин продолжил свой долгий рассказ о диких и безумных схемах, которые использовали швейцарские банкиры для обмана американского правительства. Мне было ясно, что Боб Роуч и его команда просто законспектировали мои показания, получив драматичный текст, который их босс мог бы зачитать вслух, как хороший прокурор. Левин закончил свое выступление новостями о новом законопроекте, призванном решить все прежние проблемы — законе «О предотвращении злоупотреблений в налоговых гаванях». Соавторами этого закона стали Левин, Коулмен и сенатор Барак Обама.

Однако сам Обама, который, конечно же, был обеспокоен судьбой бедных американцев, обманутых швейцарскими преступниками, на слушаниях так и не появился. Фактически сенатор Обама не посетил ни одного заседания Комитета, членом которого был! Он колесил по всей стране в рамках своей предвыборной кампании, чтобы стать первым черным президентом Америки, но это было не единственное препятствие. Одним из основных сторонников Обамы и его любимым партнером по игре в гольф был Роберт Вольф,

председатель правления UBS Americas Кроме того, пятой по размеру группой спонсоров президентской кампании Обамы были сотрудники UBS Americas. В то время о Бараке Обаме было известно очень мало, кроме того, что он был молодым, модным, красноречивым и считался главной надеждой демократов Поколения X^[81]. Когда сенатор Коулмен взял микрофон и погрузился в описание налоговых злоупотреблений швейцарцев, он и сам почти ничего не знал о приятелях Обамы.

— Проясню ситуацию, — сказал Коулмен, — мы изучаем деятельность банка UBS за пределами Швейцарии. У UBS в США имеется немало сотрудников, и они, так же как и мы, будут наверняка потрясены тем, что удалось раскопать нашему подкомитету.

«Потрясены? Да они помогали нам и всячески нас прикрывали, неужели это непонятно?»

— Однако мы должны задать UBS очень важный вопрос, — отметил Коулмен. — Когда от вас, как от банка, двадцать швейцарских банкиров совершают более трехсот командировок в нашу страну, начиная с 2003 года, кто-то в Америке должен знать, что происходит? Деятельность таких масштабов в стране просто не могла бы произойти, если бы кто-то сознательно не закрывал на нее глаза! И конечно, я бы хотел понять, что именно знали об этих сделках люди, работавшие в Америке.

— Если вы попытаетесь это выяснить, — усмехнулся я, — то тут же потеряете свою хорошую работу. Оглянитесь по сторонам. Половина политиков, сидящих вокруг, уже сегодня за обедом начнут звонить своим бухгалтерам и адвокатам и вопить: «Обеспечьте мне амнистию!»

Наконец пришло время поговорить со свидетелями, и от первого же имени у меня заболел живот — Кевин О'Коннор, помощник генерального прокурора из министерства юстиции, крупный мужчина с бульдожьим лицом и коротко стриженными черными волосами. Он был начальником Кевина Даунинга, и, без сомнения, именно он отдавал Даунингу приказы. Рядом с ним сидел Дуглас Шульман, комиссар налоговой службы, худой и неуверенный в себе мужчина. Он выглядел как типичный бухгалтер, каким он и был. Оба они наклонились вперед и сжались в комок, будто ожидая трепки от Левина. Он же поблагодарил их за участие, попросил встать и поднять правую руку, а затем привел их к присяге.

Шульман представил свое заявление, в котором описывались все те прекрасные методы, с помощью которых налоговая служба могла бороться с американцами, уклонявшимися от уплаты налогов. Он рассказал о соглашении о квалифицированном посредничестве (которым UBS всегда пренебрегал) и иске к «Джону Доу» (на который UBS просто наплевал). Затем он упомянул таких людей, как я, и я насторожил уши.

— Последний и очень важный инструмент, о котором я расскажу сегодня, — это информаторы, — сказал Шульман. — Информаторы уже давно выступают ценными источниками информации для налоговой службы, занимающейся гражданскими и уголовными расследованиями офшорных схем по уклонению от налогов. Мы надеемся, что благодаря новым стандартам работы, позволяющим вознаграждать информаторов, мы сможем получать больше данных о возможных нарушениях закона.

Он говорил обо мне и приглашал таких, как я, делиться имевшейся информацией. Если она была ценной, то информатор мог получить от налоговой службы щедрое вознаграждение. Иронично, но при этом он сидел рядом с человеком, который больше всех остальных в Вашингтоне ненавидел информаторов. Один человек хотел короновать

информатора, а другой — оторвать ему голову.

Типичный Вашингтон.

Когда пришла очередь Кевина О'Коннора, я громко рассмеялся. Мне никогда не доводилось видеть его лично или слышать его голос. Внешне он напоминал крупного и мясистого брата Шона Ханнити^[82], однако голос у него был скрипучим, как у старой дамы. О'Коннор сообщил председателю, как прекрасен его комитет, а затем перечислил все примеры великолепной работы следователей налогового подразделения министерства юстиции, проведенной в связке с налоговой службой.

Сотрудники Левина вытащили огромную схему, на которой были изображены все техники UBS для привлечения Новых Денег, но из которой не было понятно, кому конкретно могли бы принадлежать эти деньги. Когда Левин спросил О'Коннора, видел ли он что-то подобное раньше, тот ответил:

— Да, поскольку нам рассказал о них Брэдли Биркенфельд.

— Спасибо, Дик Трейси^[83]. И поэтому вы хотите посадить меня в тюрьму?

Сенатор Коулмен произнес глупость:

— Мы должны положить этому конец!

Будто до сегодняшнего утра он никогда не слышал о секретных швейцарских номерных счетах — и вдруг внезапно обнаружил, что ими пользуются американские граждане!

И вдруг все увидели сенатора Джона Керри, который вошел в зал и занял место на возвышении. Керри не был членом комитета, поэтому он поблагодарил Левина за возможность присоединиться и принес много похвал важному расследованию секретных банковских практик в Швейцарии. Я потряс головой и громко прошипел:

— Господи Иисусе, если бы они только знали...

Всего четыре года назад я сидел в офисе Джона Керри, общаясь с сенатором один на один после того, как он проиграл в 2004 году президентские выборы Джорджу Бушу. Он поблагодарил меня за активный сбор средств для его кампании. Я встречался с двумя из его представителей, отвечавших за сбор средств, в его домах в Нантакете и Джорджтауне, а затем собрал для него полмиллиона долларов (включая мой собственный вклад) в Швейцарии. Человеком, который пригласил меня в ближний круг сенатора, был Джек Мэннинг, лучший друг Керри и руководитель мегакомпании Boston Capital. Компания занималась недвижимостью и была пятым по размеру владельцем жилых помещений в Соединенных Штатах (147 000 квартир в 48 штатах). Мэннинг, личное состояние которого оценивалось в 1,8 миллиарда долларов (он входил в список Forbes 400), много лет активно занимался сбором денег для демократической партии. Во времена Клинтона он был регулярным гостем в Белом доме. Интересно, что Мэннинг как-то раз совершил невозможное — он свел Билла Клинтона и Эла Гора на одном и том же торжественном мероприятии — *в один и тот же* вечер — в своем бостонском доме в 1998 году (входной билет на мероприятие стоил 25 000 долларов). В то время они были действующими президентом и вице-президентом, и с точки зрения секретной службы это было нарушением всех правил безопасности. Но Мэннингу все равно удалось это сделать.

Теперь, четыре года спустя, я чуть не описался от смеха, наблюдая за тем, как Керри своим типичным трезвым тоном рассуждал о страданиях американского налогоплательщика. Не забывая между делом похвалить себя, Керри вспоминал, как работал в банковском комитете Сената и возглавлял расследование против печально известного багамского банка BCCI, который занимался укрывательством денег для панамского диктатора Мануэля

Норвеги и мало кому известного джихадиста по имени Усама бен Ладен.

— Банковский комитет предложил некоторые поправки, известные как поправки Керри, требовавшие прозрачности в отчетности...

О да! «Поправки Керри»! Этот человек пришел в зал заседаний, чтобы поговорить про себя и, возможно, убедиться в том, что все под должным контролем. Это может показаться невероятным, но, закончив свою речь, он вежливо спросил О'Коннора и Шульмана, почему министерству юстиции и налоговой службе так и не удалось в свое время поймать международных банковских жуликов! Он что, серьезно?

Постепенно у Керри кончился бензин. Он пришел, переключил на себя все внимание, сыграл в Бэтмена, спасающего мир, а затем ушел. Тогда сенатор Левин попросил своих сотрудников представить собравшимся запись интервью с информатором из LGT, который теперь жил под вымышленным именем в условиях программы защиты свидетелей. На экране телевизора был виден лишь силуэт этого парня, однако было заметно, что он полностью лыс, имеет огромные, как у слона, уши, носит очки и говорит с типичным лихтенштейнским швейцарско-немецким акцентом. Я хлопнул себя по лбу.

— Господи! Если это смотрят его новые соседи, они сразу же узнают его!

Я был рад, что не пошел на сделку на условиях анонимного предоставления информации. Я бы не доверил министерству юстиции даже охрану своей кошки, если бы она у меня была.

Затем Левин вытащил на сцену пару американцев, обвиненных в наличии у них секретных счетов в LGT. Оба они отказались отвечать на любые вопросы, сославшись на свои конституционные права, дарованные Пятой поправкой. Но если Комитет уже знал, что они не собираются сотрудничать, зачем было выводить их на публику? Все это делалось ради шоу «Смотрите, какие мы страшные!».

Наконец сенатор Левин пригласил на свидетельское место Мартина Лихти и его адвоката. Странная волна облегчения разлилась по моему телу. Наконец-то кто-то решил публично разорвать одного из высокомерных менеджеров UBS на крошечные кусочки, заставить его заплатить за международные мошеннические действия и обеспечить возврат денег налогоплательщиков США. Лихти, облаченный в простой серый костюм, выглядел немного бледным, хотя и провел кучу времени у бассейна в пятизвездочном отеле в Майами. Он встал, его привели к присяге, затем он снова сел и...

Пятая поправка!

— Господин председатель, по совету моего адвоката я хотел бы воспользоваться правом, данным Пятой поправкой к Конституции США, и, со всем уважением к вам, отказаться отвечать на ваши вопросы.

Какого хрена? Лихти не собирался сотрудничать? Он не захотел говорить? Министерство юстиции четыре месяца держало его в роскошном гостиничном номере и за это время вполне могло вытащить из него все секреты и привести его сюда, на суд почтенных законодателей, как подарок на день рождения. Уже потом мы узнали, что, для того чтобы Лихти запел как птичка в ответ на вопросы Левина, министерство юстиции заключило с ним секретное соглашение об отказе от судебного преследования за две недели до слушаний в Конгрессе (документ 4). По этому соглашению Лихти должен был сотрудничать и отвечать на все вопросы, которые ему задавало правительство, — это было условием, при котором он мог избежать преследования. Все просто, не так ли?

Но знаете, что? *Левин и Комитет не знали об этом секретном договоре с*

министерством юстиции. Лихти высокомерно сослался на Пятую поправку, а Левин просто пожал плечами и отказался допрашивать его как несговорчивого свидетеля! Кевин О'Коннор не проронил ни слова протеста. Кевин Даунинг, сидевший за своим боссом, даже не дрогнул. Они оба знали, что у них есть письменное обещание Лихти говорить, однако, когда тот отказался, никто из министерства юстиции и глазом не моргнул!

Я оцепенело сидел, картинка расплывалась у меня перед глазами. UBS разрешил выступить единственному свидетелю, только что принятому на работу финансовому директору Марку Брэнсону. Тот лез из кожи вон, утверждая, что банк не знал, какие ужасные вещи в нем творятся, что в будущем ничего подобного не случится и что, конечно же, UBS будет в полной мере сотрудничать с Конгрессом США и министерством юстиции (чтоб я сдох!). «В полной мере сотрудничать? Да неужели? Твой начальник только что отказался от сотрудничества и сослался на Пятую поправку на сенатских слушаниях, ты, лживый пронира!» Было очевидно, что Брэнсон был назначен банком на эту роль, поскольку он много лет провел в Японии и мог с чистой совестью заявлять, что не имеет совершенно никакого отношения к деятельности в Швейцарии. К тому же он был британцем и у него не было этого ужасного швейцарско-немецкого акцента. Он был чист и незапятнан.

— Я пришел сюда, чтобы максимально четко дать вам понять, что UBS сожалеет о любых проблемах с соответствием законам, которые могли возникнуть в его работе.

«Проблемах»? «Могли возникнуть»?

Затем Брэнсон признал истинность каждого листа свидетельств, предоставленных мной, однако заявил, что руководство UBS ничего об этом не знало и было искренне «потрясено» новостями!

Когда его попросили объяснить суть одного из приложений к материалам, а именно предоставленной мной инструкции UBS по противодействию слежке, он заявил (под присягой!) что в соответствии со швейцарским законодательством это было связано исключительно с сохранением анонимности владельцев счетов. Сенатор Коулмен задал ему вопрос:

— Раз уж у UBS имеется свыше 30 000 сотрудников в UBS Americas, то кто в отделениях банка в США был осведомлен о незаконных действиях?

— Я совершенно не представляю себе, кто в Соединенных Штатах мог бы об этом знать.

Господи Иисусе! Я сразу же вспомнил вечеринки на Лонг-Айленде и острове Фишер с Рихардом Цигелашем, исполнительным директором компании UBS International, работавшей в Нью-Йорке. Мартин Лихти направил меня прямо к нему, чтобы привлечь к нам еще больше богатых американских клиентов и посоветовать им размещать свои активы в Швейцарии. Цигелаш много общался с богатейшими людьми страны. И именно он без особой огласки знакомил меня с некоторыми из них. *Никто в Соединенных Штатах ничего не знал?*

Я понял, что в ходе публичных слушаний ничего интересного не произойдет. Брэнсон был там только для того, чтобы сыграть роль мальчика для битья и козла отпущения для Сената. Все это было просто политической показухой.

— Голосуйте за нас! Видите, как упорно мы трудимся в ваших интересах?

Левин завершил слушания, пообещав, что американские законодатели раскопают эту кучу до основания, и ударил молотком по столу. Через неделю комитет Левина провел еще одно изнурительное заседание, также транслировавшееся на канале C-SPAN. Я посмотрел его, но ничего не изменилось. UBS пообещал добросовестно отнестись к просьбе выдать имена 19 000 американских держателей счетов. Сенаторы сказали им большое спасибо, а я

сказал:

— Вы наивные идиоты. Чтобы парни из UBS выдали вам хотя бы одно имя, надо угрожать отрезать им яйца бензопилой.

Я никак не мог взять в толк, почему они позволили Лихти соскочить с крючка. Я подумал, что О'Коннор и Даунинг просто не хотели вставать во весь рост в священных стенах Конгресса и на публике вопить: «Мы протестуем! Заставьте его говорить или давайте бросим его в тюрьму!»

Но они все еще держали его под стражей в Майами, и теперь они должны были наброситься на него так же, как на меня. И как минимум, если бы меня посадили, то и он должен был бы отправиться в тюрьму. Мы могли бы оказаться соседями по камере, и я смеялся бы ему в лицо каждый день, пока мы штамповали бы номера для автомобилей.

В августе Конгресс ушел в свой ежегодный месячный отпуск, чтобы слуги народа могли поиграть в гольф и поплавать на яхтах. Эта традиция возникла еще до того, как Эдисон изобрел свою лампочку — в Вашингтоне становилось слишком жарко для любой работы. Правда, с середины XX века стали общедоступными кондиционеры.

Время, когда Конгресс уходит в отпуск, — это лучшее время для того, чтобы нанести ему удар в спину. Конгрессмены просто не в состоянии собрать все имеющиеся у них силы и сражаться. Поэтому август был идеальным временем для Кевина Даунинга, чтобы втихую освободить Мартина Лихти — уже через две недели после слушания. Лихти приказали держать рот на замке и посадили на самолет, летевший в Швейцарию. Никто ничего не знал. Эта информация даже не попала в газеты.

Но об этом знал я, поскольку у меня все еще оставались хорошие друзья в Швейцарии. Я позвонил своим адвокатам и попросил их связаться с этим идиотом Даунингом и потребовать от него ответа, почему он позволил вдохновителю швейцарской коррупции отправиться домой.

Рик Моран дозвонился до Даунинга.

— Вы отпустили Мартина Лихти? Он же очень важен и для этого расследования, и для дела Брэда! Почему, бога ради?

Вместо ответа Даунинг рассмеялся и положил трубку.

«Деньги играют важнейшую роль в определении курса истории».

Карл Маркс, немецкий экономист

К концу лета на небе появились грозовые тучи.

А на финансовых рынках всего мира осень 2008 года стала сезоном ураганов. Мне порой казалось, что я даже слышу грохот — звук цунами, которое высасывает воздух из фондовых рынков, заставляет лопаться пузырь на рынке недвижимости и направляется прямо к башням, в которых швейцарцы занимались тайными банковскими операциями.

Почти все американские СМИ наблюдали за другой драмой — битвой настоящих титанов. Фавориты президентской гонки Барак Обама и Джон Маккейн ожесточенно бились на окровавленном ринге, а Джо Байден и Сара Пэйлин сидели по углам ринга, протирали кубиками льда почерневшие глаза бойцов и отправляли их в центр ринга с началом очередного раунда. Жаждающие зрелищ массы охотно поглощали этот корм, позволявший привлекать миллионы долларов на телевизионную рекламу между раундами напряженных дебатов. Поэтому широкая публика, по сути, не заметила того, как землетрясение раскалывает подземные хранилища Цюриха и Женевы. Однако это отлично заметили те из нас, чья профессиональная карьера была связана с международным банковским делом. А один бывший швейцарский банкир, который вызвал первый взрыв и стал козлом отпущения, вообще больше ни на что не обращал внимания.

Карл Левин и его коллеги-сенаторы из постоянного подкомитета Сената по расследованиям уже были на марше. К ним присоединились влиятельные коллеги из обеих партий — Клэр Маккаскилл, Том Коберн и другие. Они понимали, что утраченные миллионы налогоплательщиков не были для их избирателей чем-то абстрактным — многие из них оказывались из-за этого на улице. Акулы из налоговой службы почуяли кровь в воде и яростнее прежнего стали охотиться на преступников, раздавая направо и налево штрафы и тюремные сроки. А министерство юстиции плелось в хвосте, издавая громкие вопли и пытаясь убедить хоть кого-то в том, что именно оно возглавляет процесс.

В ноябре Рауля Вейла, моего бывшего начальника и главу UBS Global Wealth Management, обвинили большим жюри во Флориде в помощи американским нарушителям налогового законодательства и в подстрекательстве к злоупотреблениям. Вейл отмахнулся от обвинений, он был уверен в том, что правительство Швейцарии никогда не экстрадирует его по требованию США. Ведь если Швейцария начнет сдавать своих крупнейших банкиров, в стране не останется никого, чтобы управлять этим «казино». Однако Рауль был высокомерным мерзавцем, и я знал, что рано или поздно его где-то поймут, как поймали Мартина Лихти. Министерство юстиции обязано было подвергнуть его суду.

Марк Брэнсон, финансовый директор UBS, давший показания под присягой перед комитетом Левина и поклявшийся сотрудничать в рамках иска к «Джону Доу», вернулся в Швейцарию и, по всей видимости, забыл о своем обещании. Дуг Шульман, комиссар налоговой службы, все еще был новичком в своей должности, на которую назначают на пять лет, но он точно хотел сохранить свое место. Он не казался особенно крутым, однако первый взгляд бывает обманчив. Довольно быстро налоговая служба запустила на полную скорость

процесс против UBS в суде Флориды, потребовав оглашения имен 19 000 американцев, владевших секретными счетами, и на этот раз она победила. Как мы все хорошо знаем, налоговая служба обладает мощной силой. Если крупное финансовое учреждение, с которым оно судится, отказывается от сотрудничества, его ждет смертельный удар — у него отзывают лицензию, замораживают счета и каждый день штрафуют на миллионы долларов: фактически его деятельность останавливается. И мои бывшие боссы в офисах UBS в Цюрихе Женева и Лугано начали мочиться от страха.

В это время я уже вернулся в Бостон и планировал свои следующие шаги вместе с Дугом. Я внимательно обдумал все произошедшее после того, как впервые обратился к американским властям, и понял, что результаты оказались плачевными. Я начал с визита в министерство юстиции, а теперь у меня на ноге следящее устройство и я практически под домашним арестом жду вердикта, который, с учетом моих прежних неудач, вполне мог означать тюремный срок. Сенат принял мои свидетельства, использовал их и инициировал масштабное дело против крупнейшего швейцарского банковского заговора в истории. Но ко мне стали относиться как к парии и отправили в чулан, как беременную девочку-подростка в сериале 1950-х годов «Отец знает лучше».

Вас это может удивить, особенно с учетом моего неприятного опыта в State Street Bank, однако я больше не доверял никому в Вашингтоне и чувствовал себя намного спокойнее в Бостоне. Я чувствовал атмосферу прошлых дней, когда власть в Вашингтоне все еще принадлежала британцам в напудренных париках, а Бостон был центром мятежников и их «чаепитий»^[84]. Мне больше не нужно было мотаться в столицу, выпрашивать внимания к себе и доверять свою судьбу бездарностям. Я уволил Пола Гектора и Рика Морана. Это нужно было сделать намного раньше.

Тщательные поиски привели меня в уважаемую бостонскую фирму Todd & Weld, LLP, и я нанял одного из самых опытных ее юристов, Дэвида Майера. В прошлом Майер 12 лет проработал главой убийного отдела в офисе генерального прокурора в округе Суффолк и имел репутацию отличного защитника несправедливо обвиненных. В 2007 году он получил титул «Юрист года» от издания *Massachusetts Lawyers Weekly*. Этот человек показался мне опытным, закаленным бойцом, полным энтузиазма и никак не связанным с чиновниками из федерального правительства, типичным жителем Бостона, не запятнанным дружбой с людьми из Вашингтона. Он связался с министерством юстиции и проинформировал их, что теперь он представляет мои интересы. На это Кевин Даунинг ответил с присущей ему вежливостью: «А ты кто такой, черт побери?»

Даунингу не понравилось то, что я уволил Гектора и Морана, которых он мог контролировать, и нанял какого-то адвоката в Бостоне, которого он не мог бы вызывать в министерство юстиции и вытирать об него ноги, когда только ему заблагорассудится. Майер проигнорировал недовольство Даунинга и потребовал от него подтвердить дату моего слушания во Флориде.

— Я хочу получить отсрочку, — огрызнулся Даунинг. — Я подал прошение в суд и рекомендую вам с этим смириться. В противном случае вы можете забыть о смягчении наказания.

Это был не первый раз, когда Даунинг блокировал слушания по моему делу. С Гектором и Мораном он проделывал это *три раза* в течение года. У него не было для этого *никаких* причин — он просто хотел, чтобы я постоянно чувствовал себя как на иголках. Вы думаете, что законы этой страны защищают права американских граждан? Законы есть, но они

писаны только для вас, а законодатели нарушают их направо и налево.

Даунинг наслаждался, заставляя меня мучиться неизвестностью, но не понимал, что на самом деле оказывает мне *огромную* услугу. У меня не было никаких других дел, и я принялся изучать детали программы налоговой службы по вознаграждению изобличителей. Правительство пока не выдвинуло UBS требования по уплате каких-либо штрафов, но вот-вот это должно было случиться. Ко мне обратилось сразу несколько симпатизировавших моему делу некоммерческих групп поддержки, таких как POGO (Project on Government Oversight) и GAP (Government Accountability Project). Однако, хотя они и выступали против моего обвинения и тысячи людей подписали петиции в мою защиту, у этих организаций просто не было «зубов», чтобы обернуть ситуацию в мою пользу, или денег, чтобы заплатить мне за мои усилия.

Именно тогда я открыл для себя Национальный центр помощи информаторам в Вашингтоне. Это была небольшая организация, в которой работали талантливые и знающие люди, твердо убежденные в необходимости защиты информаторов вроде меня. Исполнительным директором NWC был Стивен М. Кон, который также работал партнером в юридической компании Kohn, Kohn & Colapinto. Эта компания считалась лучшим защитником изобличителей в границах Белтуэй^[85]. Кон представлял интересы Линды Трипп, сотрудницы министерства обороны, предавшей огласке интрижку между Биллом Клинтон и Моникой Левински. Трипп пострадала от репрессий со стороны работодателя, подала иск против правительства и получила 595 000 долларов, восстановление в должности и премии за период временного отсутствия на работе. Было очевидно, что Кон — нужный мне человек.

Стив полетел в Бостон, и мы встретились в гостинице Langham. Он мне сразу понравился. Стив был невысоким впечатлительным человеком с кудрявыми седыми волосами, очками в проволочной оправе и невероятно высоким интеллектом. Он многие годы представлял интересы изобличителей и выступал в Конгрессе. Он сам написал несколько серьезных книг по этому вопросу, но в моем случае речь шла о чем-то беспрецедентном. Затем к нашей команде присоединился Дин Зерб, еще один талантливый адвокат, рекомендованный Стивом. Мы встретились с ним в гостинице Hilton около аэропорта. Дин был толковым налоговым юристом и одним из авторов закона об изобличителях, принятого в комитете Сената по финансам. Если вы хотите что-то узнать о Конституции, спросите у Томаса Джефферсона. А если вы хотите узнать о законе об изобличителях, спросите у Дина Зерба. Дин был искренне поражен, когда я показал ему все документы о моей истории изобличения банка — подколотые, подшитые и подкрепленные кучей внутренних меморандумов UBS.

— Это просто невероятно! Не могу поверить своим глазам! — выдохнул Дин. — Как вам удалось все это сделать, Брэд?

Я поднял штанину и показал ему свое черное следящее устройство.

— У меня было много свободного времени.

Через несколько дней Стив и Дин еще раз приехали ко мне, и мы встретились в гостинице Boston Harbor. Я подписал соглашение об их вознаграждении.

— Это будет серьезная битва, — сказал Стив. — Но вы, Брэд, хорошо вооружены.

— И опасен, — улыбнулся я в ответ.

Стив Кон и Дин Зерб сделали первый залп по Сенату, запросив копию моих показаний. Этот документ был нужен, чтобы продемонстрировать налоговой службе, как много

информации я передал правительству. Однако Боб Роуч отверг эту просьбу, сославшись на правила комитета. Да неужели? Они пытались скрыть от меня мои собственные слова? Еще шесть месяцев борьбы — и нам разрешили изучить стенограмму в защищенной комнате на Капитолийском холме. Документы подтвердили все, что я рассказывал, однако нам не разрешили сделать копии.

Тем не менее я начал испытывать определенный оптимизм. Не в отношении слушания, которое опять было отложено благодаря усилиям Даунинга. Появилась надежда, что когда-нибудь я получу финансовое возмещение за все свои страдания. Каждая газета и каждый блог, описывавшие мое дело, выступали против творившейся несправедливости и обрушивались на правительство за попытки преследовать своего лучшего информатора. Не то чтобы это серьезно влияло, но я знал, что это могло помочь в работе Стиву и Дину.

Отзвенели новогодние колокола, настал 2009 год, и я почувствовал себя менее скованным и готовым к новым надеждам и переменам.

Но вовсе не об этих банальных вещах думал новый президент Америки. Конечно, как и большинство американцев, изучавших свою историю и живших во времена расового угнетения, я искреннее желал Бараку Обаме всего хорошего и надеялся, что он сможет поднять нашу страну на новый уровень гармоничного развития и соответствия идеалам. Но, как и большинство американцев, которые уже не раз обжигались на предвыборных обещаниях политиков, я предпочитал подождать и посмотреть. Как полицейский, который видел слишком много крови и поэтому утратил веру в человечество, я, международный банкир, видел слишком много коррупции и злоупотреблений со стороны богачей, чтобы по-прежнему верить в своих лидеров. Я переводил средства политикам из разных лагерей не потому, что я верил в ту чепуху, которую они пытались мне втюхать, а потому, что они могли представить меня своим зажиточным друзьям. Это срабатывало каждый раз, и я начал воспринимать политику как «пирог», которым власть имущие «кормят» народ, пока влиятельные люди договариваются обо всем за нашими спинами. Поэтому, хотя мне и нравились обещания нового президента о всеобщем здравоохранении, расовой гармонии и мире, я был уверен, что он откажется от половины своих идей, а со второй половиной облажается. Так оно и вышло.

Был и еще один интересный момент — новый генеральный прокурор. На место прежнего генерального прокурора, Альберто Гонсалеса, назначенного Бушем, пришел Майкл Мукасей — после того, как Гонсалес был обвинен в «политизации» министерства юстиции и использовании его ресурсов для наказания врагов Джорджа Буша. Затем Мукасея сменил Эрик Холдер, который оказался самым большим «политизатором» из всех, кто только руководил министерством. Именно он помиловал Марка Рича, нефтяника-миллиардера, который лишил Соединенные Штаты огромных сумм налогов с доходов (адвокат Рича, Боб Томаян, имел 25 миллионов долларов на швейцарском секретном номерном счете в цюрихском отделении UBS). Незадолго до своего назначения Холдер был адвокатом, зашибавшим огромные деньги и работавшим на UBS. Поэтому у Кевина Даунинга появился новый босс, которому не за что было любить меня. Здесь надежд не было.

Зимой Бостон бывает довольно суровым, но такая погода всегда мне нравилась. Я там вырос, я проводил зимы на хоккейных площадках и лыжных склонах и привык к резким порывам ветра, пронизывавшим бетонные каньоны города, и горам грязного снега. В квартире Дуга не было камина — меня грели новости о пожарах, которые я распалил по всему финансовому миру.

Большое жюри во Флориде, которое обвинило Рауля Вейла, топталось на месте с ноября в ожидании его выдачи швейцарцами. Я знал, что это бесполезно, со временем это поняли и судьи. 14 января 2009 года разозлившийся главный судья объявил Вейла «беглецом от американского правосудия». Но Вейл, работая в UBS, ни разу не ступал ногой на территорию США, и вряд ли можно было ожидать, что он поедет в отпуск в Грейсленд^[86]. Однако, когда Соединенные Штаты заявляют о том, что разыскивают международного банкира за серьезные преступления, на это обязательно обращает внимание Интерпол — международная криминальная полиция. Через некоторое время Вейл был арестован в Италии и предстал перед федеральным судом во Флориде осенью 2015 года. Увы, несмотря на признания руководителей UBS и показания Мартина Лихти, согласно которым Вейл был в курсе нарушений законодательства США, с него сняли все обвинения. Министерство юстиции даже не удосужилось вызвать меня для дачи показаний!

Затем, в июне 2016 года, французские прокуроры заявили, что хотят привлечь UBS и Вейла к суду за уклонение от налогов. Возможно, UBS воспринял это как очередной красный флаг опасности, поскольку уже через четыре дня банк поднял руки вверх и сдался на милость Конгресса США. UBS заключил с министерством юстиции соглашение об отсрочке судебного преследования, признался в «определенном неправомерном поведении» и согласился выплатить правительству США штраф в размере 780 миллионов долларов. Как была рассчитана эта сумма и почему флоридский судья так быстро на нее согласился, было неясно, но я понимал, что это лишь символическое наказание. В 2000–2007 годы UBS зарабатывал по 200 миллионов долларов в год на активах, хранившихся на секретных счетах североамериканцев — не менее 1,6 миллиарда! При этом UBS имел около 20 миллиардов долларов активов, принадлежавших американцам, в виде наличных средств и ценных бумаг. Даже если бы столь крупная сумма лежала на обычных сберегательных счетах семей с Род-Айленда, проценты по ней были бы куда больше, чем согласился заплатить банк. Как оказалось, сумма штрафа исчислялась на основе той суммы, мошенническое происхождение которой удалось доказать именно мне! Хотя что-то... Правительство США приняло условия игры и было готово принять сумму штрафа. Люди в UBS подумали, что им удалось соскочить с крючка.

А затем — бабах! Уже на следующий день налоговая служба обрушилась на UBS с очередным ходатайством об исполнении иска к «Джону Доу» и потребовала огласить список из 19 000 имен. В UBS считали, что 780 миллионов долларов решат проблему, но они ошибались. И если Эрик Холдер был марионеткой нового президента, то Дуг Шульман был человеком Джорджа Буша. Он серьезно относился к своей работе и имел полную поддержку Конгресса и общественности.

Спустя неделю Марсель Ронер, исполнительный директор UBS, подал в отставку. UBS заявил, что Ронер «уходит в отставку» в подходящем для этого возрасте 44 лет, однако было очевидно, что его заставили «пройти по доске»^[87]. Это произошло 26 февраля, в день моего 44-летия, и это был лучший подарок! Мы с Дугом открыли бутылку шампанского. Она отлично пошла под праздничный торт и коробку швейцарского шоколада.

2 марта Эрик Холдер принимал в своей вашингтонской штаб-квартире почетного гостя. Эвелин Видмер-Шлумпф, глава департамента юстиции и полиции Швейцарии, прилетела в Вашингтон в большом напряжении. Постоянный подкомитет Сената по расследованиям, которому наконец удалось сломать хребет UBS, обратил свои взоры на десяток других швейцарских банков. Первым в списке был Credit Suisse, где я начинал свою карьеру в

области частного банковского обслуживания. Сенат требовал безоговорочной капитуляции. Видмер-Шлумпф, швейцарская коллега Холдера, заявила, что стремится к «справедливому и равному отношению» ко всем швейцарским банкам, оказавшимся в осаде. Она просила пощады. Министерство юстиции отказалось обсуждать ответ своего начальства, а Холдер, видимо, сказал ей, что скоро с эшафота покатится еще больше швейцарских голов. Она отправилась домой с поджатым хвостом.

Через два дня подал в отставку председатель правления UBS Петер Курер — тот самый человек, который сражался со мной за премию, отвергал мои жалобы на действия UBS и свел на нет внутреннее расследование. Затем он поднялся до самых вершин, а теперь оказался на улице. Швейцарское банковское дело становилось минным полем.

В тот же день сенатор Карл Левин открыл второй раунд слушаний в парламентском подкомитете. Рядом с ним сидели сенаторы Клэр Маккаскилл из Миссури и Том Коберн из Оклахомы. Свидетелями со стороны правительства были комиссар налоговой службы Дуг Шульман и Джон А. ДиСикко, исполняющий обязанности помощника генерального прокурора по налоговым вопросам в министерстве юстиции США. ДиСикко выглядел типичным несчастным государственным чиновником, которым и был — несведущим и одетым в дешевый костюм не по размеру. Он говорил скучным и монотонным голосом. Лучшее, что нашлось в министерстве юстиции...

Я никак не мог увидеть в зале Кевина О'Коннора, босса Кевина Даунинга. Оказалось, что он оставил работу помощника генерального прокурора Соединенных Штатов, третью по важности позицию в министерстве юстиции, и стал партнером Рудольфа (Руди) Джулиани — бывшего мэра Нью-Йорка — в нью-йоркском офисе Bracewell & Giuliani, компании с годовым оборотом 325 миллионов долларов. Разумеется, я тут же вспомнил о связях с Абдулом Азизом Аббасом. А ведь еще два года назад я проинформировал Даунинга и министерство юстиции о том, что Аббас был другом Джулиани.

На этот раз Левин был настолько зол, что казалось, что еще немного и из ушей у него пойдет пар. UBS был загнан в угол налоговой службой, неохотно признал свои проступки, подписал соглашение об отсрочке наказания и пообещал заплатить 780 миллионов долларов штрафа, но пытался отказаться выдать имена 19 000 американских владельцев счетов, ссылаясь на «швейцарские законы о банковской деятельности».

Но сильнее всего Левина разозлило то, что Марк Брэнсон во время летнего заседания назвал цифру в 19 000 вполне достоверной и конечной. К тому моменту Левин и его сотрудники уже узнали из моих показаний, что реальное количество американских счетов превышало 52 000! Хуже того, начиная с августа, то есть за полгода с момента, когда UBS пообещал сотрудничать и сообщить имена «значительного количества» американцев-владельцев счетов, он прислал не более двенадцати!

Это был настоящий бардак. Я следил за происходящим, положив ноги на стол и с блюдом попкорна на коленях. Перчатки были сброшены, Левин, Маккаскилл и Коберн обрушились на Брэнсона, вполне обоснованно обвиняя его в том, что он ведет себя, как высокомерная марионетка и апологет UBS. Левин сказал: «До сих пор тюремный срок по этому делу грозит только информатору — Брэдли Биркенфельду!»

Брэнсон проигнорировал все это и отказался отвечать на 90 процентов вопросов относительно преступлений UBS против Америки. Он заявил:

— Я ничего не знаю об этом, поскольку работаю в этой должности всего один год.

UBS занял удобную позицию, отправив отвечать перед Конгрессом за свои действия в

Швейцарии человека, которые прежде работал в Японии и мало что знал. Брэнсон заявил, что банк выплатит согласованные суммы штрафов, однако не собирается разглашать ни одного имени до тех пор, пока ему не поступит на это разрешение от правительства Швейцарии.

— Вопрос уплаты штрафов по этому делу был разрешен в суде, — усмехнулся Брэнсон. — Что же касается имен владельцев счетов, то этот вопрос должен решаться на уровне государства.

Теперь UBS чуть ли не молился на правительство своей страны, предполагая, что швейцарские законы в отношении конфиденциальности позволяют ему уклониться от постыдного разглашения имен клиентов.

Левин был готов швырнуть свой молоток через всю комнату в голову Брэнсона. После четырех часов не самого приятного обмена репликами Левин отпустил Брэнсона, но послание было четким: «Мы поджарим ваши швейцарские задницы. А теперь убирайся из моего зала!»

Последний раз такое же удовольствие при просмотре судебной драмы я получил от фильма «Несколько хороших парней».

Как и в любой судебной драме, самое интересное происходит за сценой — горячие споры между адвокатами противоборствующих сторон, ожесточенное давление на жертвы и ответчиков, негласные сделки. Скандал, связанный с банковскими преступлениями и коррупцией в Швейцарии уже привел к большому пожару на мировых финансовых рынках, но это было лишь началом. Где-то далеко серьезные люди затевали большую игру.

6 марта новый госсекретарь Хиллари Родэм Клинтон прибыла в Цюрих для секретных переговоров со своей коллегой, министром иностранных дел Швейцарии Мишлин Кальми-Ре. Госпожа Кальми-Ре была, вне всякого сомнения, взволнована, поскольку американские власти начали активно давить на два крупнейших банка Швейцарии, UBS и Credit Suisse имевшие свыше 80 000 сотрудников по всему миру и сотни миллиардов в активах. Активы банков начали падать в цене. Банки истекали кровью, как свежесрезанный бычок. Курс акций UBS достиг исторического минимума — 7,45 долларов за акцию, упав на 90 процентов, и совсем скоро банку предстояло списать в счет безнадежных убытков 53 миллиарда долларов. Кальми-Ре принялась умолять свою влиятельную «старшую сестру» Клинтон о передышке. Если бы UBS пришлось выдавить из себя имена 19 000 американских владельцев счетов, то все остальные его клиенты тут же вскочили бы и удрали, и это привело бы крупнейший банк Швейцарии к полному краху.

По всей видимости, у госсекретаря Клинтон не было нехватки в творческих идеях. Ее новый босс, президент Барак Обама, обещал в ходе своей предвыборной кампании закрыть тюрьму для террористов, организованную Джорджем Бушем в кубинском заливе Гуантанамо. Клинтон, склонная к политически целесообразным шагам, не показывала публично, насколько сильно она презирает Обаму (вместе со своим мужем она заключила сделку с дьяволом — Билл поддерживал кандидатуру Обамы, а Обама назначал Хиллари госсекретарем, и с этой высокой позиции она могла бы начать свой путь к президентскому креслу). Возможно, госсекретарь Клинтон предложила Мишлин принять нескольких не самых важных террористов из Гуантанамо — парочку уйгуров-мусульман из Китая, пойманных в Афганистане и в целом безобидных — и тихонько посадить их в какую-нибудь тюрьму в Швейцарии. Кроме того, Обама был заинтересован в начале секретного диалога с иранскими духовными лидерами. Поскольку у Соединенных Штатов не было посольства в

Тегеране, интересы страны там представляли именно швейцарцы. Возможно, Швейцария могла бы оказать на Тегеран определенное давление и вынудить его выпустить сидевшую в тюрьме американскую гражданку, а Обама, в свою очередь, начал бы работать над отменой дурацких санкций, наложенных Бушами на Иран за его ядерные амбиции. В конце концов, в том, что касается энергетической независимости, у всех должны быть равные и справедливые шансы. Это напугало бы израильтян, однако Обама, достойный сын борца против колониализма, не особенно об этом волновался. Кроме того, голоса американских левых евреев и так были у него в кармане. Клинтон предложила Кальми-Ре предпринять все эти небольшие шаги в обмен на некоторое смягчение скандала с UBS (понятно, что все это напрямую финансировалось американскими налогоплательщиками).

Мишлин Кальми-Ре пообещала подумать, и Хиллари Клинтон полетела блистать перед телекамерами на очередном международном мероприятии. Вскоре после этого пара китайских уйгуров уже наслаждались швейцарским весенним солнцем. Через пару месяцев американская заложница в Иране, Роксана Сабери, уже была в Нью-Йорке. Каким-то чудесным образом налоговая служба и министерство юстиции приостановили исполнение приговора в отношении UBS, а Кальми-Ре сказала банку, что ему лучше поделиться именами американских владельцев счетов — причем в *достаточно большом* количестве — поскольку Хиллари Клинтон только что спасла их задницы.

Не знаю, насколько сильно Клинтон беспокоилась о том, что после разглашения банком имен пострадает кто-то из ее друзей-миллиардеров.

В то время американские налогоплательщики даже не представляли себе, что именно происходит. Мы бы и не узнали о подковерных договоренностях госпожи Клинтон со швейцарцами, если бы еще один изобличитель, Брэдли Мэннинг, не выложил в Интернет тысячи секретных электронных писем и телеграмм правительства США. Среди них было несколько отчетов государственного департамента о сделках, заключенных Клинтон с UBS и Швейцарией. Все остальные ее договоренности с Кальми-Ре так и остались тайной, поскольку Клинтон переписывалась со своего личного адреса электронной почты, а затем уничтожила всю переписку. *Ребята, тут смотреть не на что. Проходите.*

Еще более невероятные открытия ждали нас, когда мы узнали о том, как именно UBS отблагодарил Хиллари за вмешательство в процесс. Вплоть до 2008 года UBS делал лишь небольшие пожертвования фонду Клинтонов, формальная миссия которого звучала так: «Призывать компании, правительства, неправительственные организации и отдельных людей к глобальному оздоровлению и росту благосостояния, росту возможностей для девушек и женщин, снижению масштабов детского ожирения, созданию экономических возможностей и обеспечению роста, а также помощи в преодолении последствий климатических изменений». Судя по моим наблюдениям, Фонд, хотя и передавал небольшую долю полученных им средств на благие дела, фактически представлял собой мини-государство Клинтонов, которое платило огромные суммы своим сотрудникам для подкрепления их лояльности и покупало политическое влияние в невиданных ранее масштабах. Как бы то ни было, но до переговоров Клинтон с Кальми-Ре UBS передал Фонду всего около 60 000 долларов — этой суммы банку не хватило бы даже на ежегодную оплату корпоративной парковки. А затем вдруг в кассе Фонда Клинтонов появилось 600 000 долларов, переданных UBS в качестве дара. Также банк решил вступить в партнерство с Фондом и заняться развитием нескольких муниципальных проектов, для чего выдал ему займ на 32 миллиона долларов под очень разумный процент. А еще UBS внезапно решил, что

Билл Клинтон умеет очень хорошо говорить на тему различных глобальных вопросов, и заплатил ему *1,52 миллиона долларов* за серию бесед у камина с руководителем отдела управления капиталом Бобом Маккеном. Таких денег Билл Клинтон не получал с того дня как покинул президентский пост.

Но ведь это же не всегда предполагает какие-то взаимные обязательства, правда? Представьте себе, что вы — член городского совета в крошечном городке, а у вашего местного банка какие-то разногласия с советом. Вы вступаете в игру и решаете проблемы, и вдруг — бывают же совпадения! — банк переводит тысячи долларов вашей любимой благотворительной организации, вступает с ней в партнерство и начинает финансировать ее проекты, а затем платит вашему мужу-политику огромную сумму просто за то, что он попил кофейку с президентом банка. Это же не взятка, правда? Неужели никто в ваших краях не обратил бы на это никакого внимания?

Да вы бы уже давно сидели в тюрьме!

Как бы то ни было, все узнали о действиях Хиллари, очень похожих на приемы мафии намного позднее 2009 года. А в то время никто не знал, что она приводит в чувство Мишлин Кальми-Ре и UBS находился в глубоком пике. Разгневанные граждане Швейцарии, клиенты банка и акционеры UBS требовали публичных жертв. Марсель Ронер и Петер Курер уже совершили харакири, а 17 марта были публично уволены еще два руководителя — Мишель Гиньяр и Даниэль Перрон. 1 апреля UBS закрыл свое подразделение, связанное с работой в мире искусств (больше никаких скульптур Родена или экстравагантных выставок Art Basel, ребятки!). Жаль, что вы не видели, как я танцую джигу в квартире Дуга.

Кристиан Бовэй выброшен, как перепивший матрос! Уволен! Ушел! «Не стоит благодарности, Валери!» Просто представьте себе — если бы Кристиан не начал спорить со мной из-за трехстраничного меморандума, то, возможно, вы бы не читали эту историю. Швейцарцам стоило поставить его перед расстрельным взводом без повязки на глазах.

2 апреля в Лондоне проходил глобальный саммит G20 по вопросам финансовых рынков и мировой экономики. На него собрались главы государств, министры финансов и руководители центральных банков двадцати крупнейших экономически развитых стран мира. Впервые в истории Швейцария оказалась в «сером списке». Это означало, что участники считают экономическое состояние страны, мягко говоря, шатким. Фактически это была публичная пощечина за плохое поведение.

15 апреля UBS проводил ежегодное собрание своих акционеров в Цюрихе. К сожалению, меня там не было, но мои друзья рассказали мне, что оно превратилось в полномасштабную потасовку. Акционеры орали на менеджеров UBS и рвали в клочки розданную им ежегодную отчетность, которая не стоила той дорогой бумаги, на которой была напечатана. Через пять дней, пытаясь хоть немного поднять ценность своих акций, банк избавился от всей своей бразильской сети, занимавшейся частным оффшорным банковским обслуживанием. Продажа принесла ему 2,5 миллиарда долларов, но этого было мало. Банк заявил о «более крупных, чем планировалось» убытках в размере 1,7 миллиарда за первый квартал. Иными словами, он признался: «Мы сильно облажались».

Хотя, возможно, и не так уж сильно. Назначенный Джорджем Бушем на пост министра финансов Хэнк Поулсон, председатель ФРС Бен Бернанке и руководитель ФРС в Нью-Йорке Тим Гайтнер уже всю распоряжались сотнями миллиардов долларов в рамках программы TARP^[88]. Интересно, что, когда пришло время назначить преемника Поулсона в казначействе, делишки Гайтнера в отношении его личных финансов ничуть не смутили

Обаму. «Турбо-Тим» не заплатил 35 000 долларов обязательной медицинской страховки и налогов на зарплату за период своей работы в Международном валютном фонде (в 2001–2004 годах), и это было случайно обнаружено во время аудита налоговой службы. Тим возложил вину за «ошибку» на свою компьютерную программу, занимавшуюся расчетом налогов. Новый состав Конгресса, который контролировали демократы, закрыл глаза на эту чушь и подтвердил его назначение.

Одним из крупнейших бенефициаров игры Поулсона, Бернанке и Гайтнера со ставкой 700 миллиардов долларов стала AIG, огромная страховая компания. Решили, что она «слишком велика, чтобы обанкротиться». Ей передали 180 миллиардов долларов, а она, в свою очередь, переправила 100 миллиардов из этой суммы *двадцати* своим иностранным банковским партнерам по бизнесу.

Угадайте, кто получил серьезную часть этой суммы, выкачанной из жалких сбережений налогоплательщиков? Правильно — UBS. AIG передала UBS неплохой кусок от полученных средств в размере пяти миллиардов. И об этом никто ничего не знал. Эта информация не всплывала на поверхность, пока Гайтнера не заставили объяснить, как именно он потратил деньги налогоплательщиков. Вот почему UBS не особенно беспокоился о том, что ему нужно выплатить 780 миллионов долларов налоговой службе. На публике они вопили, плакали, скулили и впадали в истерику. А за закрытыми дверями они смеялись до упаду. Еще одна «делка века», и американского налогоплательщика снова надули.

Как говорится, каждому свое.

Пока я наблюдал за этим цирком из бункера в Бостоне, мой новый защитник, Дэвид Майер, засыпал флоридский суд петициями, требовавшими назначения даты слушания по моему делу. Даунинг, не краснея, откладывал его несколько раз. Этот мастер вешать лапшу на уши постоянно заявлял, что вот-вот получит новые свидетельства по моему делу. Это была ерунда, поскольку единственным свидетелем, который мог что-то сказать, был я. Поэтому я вместе со Стивом Коном и Дином Зербом продолжал активно изучать вопросы награды для осведомителей, а Дэвид Майер без устали выслушивал комплименты правительственных чиновников о том, что без моих показаний они никогда не смогли бы прижать швейцарцев.

Однако Хиллари Клинтон уже сделала все возможное для того, чтобы швейцарцы не пострадали. Мишлин Кальми-Ре пообещала надавить на UBS и заставить его передать США значительную часть списка из 19 000 имен. И UBS, наконец, сдался.

30 апреля 2009 года в окружном суде Флориды UBS наконец ответил на иск к «Джону Доу» и огласил имена 4500 американских держателей секретных счетов. 4500 из 19 000?

И конечно, список был «пустышкой». В нем не было ни одной важной персоны. Это были дети, получившие средства из родительских трастов, врачи, владельцы небольших компаний и люди, которые сами заработали свои миллионы. Никаких политиков, лоббистов, специалистов по привлечению средств на предвыборные кампании или оборонных подрядчиков. Агнцы, отданные на заклятие. Но условия сделки были крайне выгодными и для UBS, и для владельцев счетов. Их имена оставались неизвестными, если они добровольно сообщали налоговой службе о своих счетах, возвращали деньги и ценные бумаги на родину и были готовы заплатить налоговой службе соответствующие штрафы. Сумма возвращенных активов превысила 12 миллиардов долларов; американские деньги возвращались в американские банки.

Со всей скромностью могу сказать, что эти деньги вернулись благодаря мне. «Не за что,

Америка. Был рад помочь».

UBS уже выплатил свой штраф в размере 780 миллионов. Нельзя было снова подать на них в суд и пересчитать сумму их штрафа — это было бы «вторичное привлечение к ответственности за одно и то же преступление». Секретная договоренность Хиллари Клинтон и Мишин Кальми-Ре принесла отличные результаты всем вовлеченным сторонам, а теперь все это еще и обрело пристойную упаковку. Думаю, что руководителям UBS стоило бы закатить по этому поводу вечеринку в Цюрихе. «Вы платите только один раз!»

Кевин Даунинг держал меня на крючке, но это совершенно меня не волновало. Я все еще был на свободе и чувствовал себя последним оставшимся в живых после перестрелки. Я с удовлетворением смотрел, как мои бывшие боссы в UBS один за другим падали со своих насестов и банк был вынужден навсегда отказаться от своего самого грязного бизнеса. С моей точки зрения, ему пришлось заплатить слишком маленький штраф. Однако с точки зрения цены акций он огреб по полной и его высокомерные боссы с трудом пытались не потерять свои отвисшие челюсти. Вкладчики забрали из банка свыше 200 миллиардов долларов. Опционы, принадлежавшие высшим руководителям, были привязаны к цене акций и теперь практически ничего не стоили (я продал свои акции давным-давно, когда все еще было в порядке). Банк навсегда утратил репутацию заведения, в котором можно открыть секретные номерные счета. Ни один американец больше никогда не обратился бы к UBS, чтобы прокатиться на удобном лифте к его шикарному хранилищу. И я знал, что на этом плохие новости не закончатся. Банк проводил свои мошеннические схемы во многих странах, и теперь их правительства видели, как Америка возвращает обратно свои деньги. Франция и Германия уже проснулись и начали собственные расследования. UBS оказался в сердце урагана, получив лишь небольшую передышку. Однако край урагана уже показался на горизонте, и все обещало стать намного хуже.

В мае Даунинг наконец связался с моим адвокатом Дэвидом Майером и поделился с ним печальными новостями. Судя по всему, его невероятные оправдания закончились и он не знал, как помучить меня подольше. Суд Южного округа Флориды установил окончательную дату слушания вопроса о моем приговоре — 21 августа 2009 года и отказался предоставлять дальнейшие отсрочки. Даунинг никогда прежде не позволял закону влиять на его собственные действия, но у него кончились боеприпасы. Для нас это означало еще три месяца ожидания, однако мы ждали оглашения этой судьбоносной даты почти целый год.

— Ну что, пришло время, — сказал я Майеру. — Пора драться.

За день до назначенной даты я упаковал небольшую сумку и сел на самолет, летевший в Форд-Лодердейл. Я знал, что не задержусь там. Моя судьба уже была решена прогневшей системой.

«Остается сожалеть о том, что богатые и влиятельные люди слишком часто использовали правительство в собственных целях».

Эндрю Джексон, президент США

Это был идеальный день для казни.

Казалось, Форт-Лодердейл в августе располагается намного ближе к Солнцу, чем любая другая точка Земли. Ряды гостиниц вдоль линии пляжа блестели так ярко, что на них было больно смотреть, а дороги мерцали, как миражи в пустыне. На пальмах не шевелился ни один лист, в воздухе висел запах испарений, смешанный с морской солью, а пляжи из белоснежного песка были почти пустыми из-за жары. Однако все это не имело для меня никакого значения. Для меня существовал только судья Уильям Злох.

В тот самый момент, когда Злох вышел из совещательной комнаты в зал суда, я понял, что был абсолютно прав, когда подал магистрату Зельцеру свое признание: «Виновен по всем пунктам». Злох был высоким человеком с каменным подбородком, глазами, зелеными, как у ящерицы, и порядочной копной белых волос. Перед началом заседания я провел небольшое расследование и узнал, что он был нападающим в команде университета Нотр-Дам по американскому футболу и лейтенантом ВМФ в конце войны во Вьетнаме. У него была репутация угрюмого эгоиста, даже ближайшие соратники называли его упертым властолюбцем. Лайза Эрроувуд, старший партнер в фирме Дэвида Майера, называла Злоха «настоящим засранцем». Он любил припечатывать своими язвительными репликами и ответчиков, и адвокатов.

В судебном зале Злоха встретились два противоборствующих лагеря. Слева перед судьей стояли мы — я, мой адвокат Дэвид Майер и один из его местных помощников. А справа расположились представители «правительства», как называл их Злох: Кевин Даунинг, Джефффри Нейман и третий прокурор, Майкл Бен-Ари. Я не до конца понимал, что там делает Бен-Ари, возможно, Даунинг не хотел, чтобы представителей противника было больше, или ему нужен был кто-то, кого можно было бы посылать за лимонадом.

Свидетелей в зале не было — они и не нужны на суде Линча. Галерка зала была заполнена представителями СМИ, но единственным дружелюбным наблюдателем был мой брат Дуг, пришедший меня поддержать. Он стоял за мной, я чувствовал потоки его энергии, понимая, что как бы ни повернулось дело, он не сможет сказать в мою защиту ни слова.

Разбирательство открылось без клятв говорить правду и только правду. Говорить предстояло в основном Кевину Даунингу и его помощникам, и суд по умолчанию считал, что правительственные прокуроры не лгут.

Перед началом заседания свои ходатайства судье направили и Даунинг, и Дэвид Майер. Даунинг отослал длинное письмо, в котором просил о немалом тюремном сроке для меня. В письме он заявил, что после подачи моего заявления о признании виновным он обнаружил следы многих других моих преступлений. Некоторые преступления я совершил вместе со своим соучастником Марио Стагглом (мне не удалось исключить Марио из этого разбирательства, поскольку его имя уже было названо в признании Оленикоффа). Даунингу было легко превратить Марио в Доктора Зло, поскольку он не мог появиться в зале суда и защитить себя. Когда Злох спросил Даунинга, как тому удалось сделать все эти открытия,

тот невозмутимо сказал:

— Об этом нам рассказал сам мистер Биркенфельд.

Злох выслушал все это, не моргнув глазом. Думаю, что вы уже заметили, что всякий раз, когда кто-то спрашивал у представителей правительства, как им удалось взломать секретные коды швейцарских банкиров, ответ был один: «Брэдли Биркенфельд».

Дэвид Майер представил нашу просьбу вместе с пачкой писем от моих «фанатов». Это были не простые чудаки или умники-блогеры, начитавшиеся *Financial Times*, а влиятельные люди из правительства, хорошо знавшие, о чем они говорят. Первое письмо было от сенатора Карла Левина (документ 5):

«Мистер Биркенфельд установил контакт с подкомитетом, представил свои показания и документальную информацию, связанную с его работой в качестве частного банкира в UBS в Швейцарии... В ходе расследования, проводившегося подкомитетом в течение 14 с лишним месяцев, мистер Биркенфельд добровольно давал дополнительные комментарии и представлял подкомитету документы... Информация, предоставленная мистером Биркенфельдом, была точной и позволила подкомитету начать расследование деятельности UBS».

Иными словами: «Без него мы бы не справились, так что оставьте его в покое».

Второе письмо, адресованное судье Злоху, было написано Робертом Хузами, директором подразделения комиссии по ценным бумагам, отвечавшим за исполнение требований законодательства корпорациями:

«Я хотел бы предоставить суду информацию о Брэдли Биркенфельде, которую суд может посчитать важной для рассмотрения в связи с вынесением приговора мистеру Биркенфельду».

Хузами детально описывал мои постоянные и добровольные действия, связанные с изобличением банка. Он рассказывал о моих встречах с представителями комиссии по ценным бумагам и о том, как все это привело к успешному гражданскому иску против UBS. Он писал, что все это не позволило банку и дальше нарушать федеральные законы о ценных бумагах и что комиссия смогла получить в качестве компенсации убытков 200 миллионов долларов.

«По этим причинам мы можем характеризовать сотрудничество мистера Биркенфельда как важное для расследования комиссии. Я надеюсь, что информация в этом письме окажется полезной при вынесении справедливого приговора для мистера Биркенфельда».

Иными словами: «Я надеюсь, что вы не будете так глупы, чтобы наказывать настоящего американского героя».

Конечно, надежда умирает последней, однако было понятно, что все это не произвело на Злоха никакого впечатления. Стив Кон отправил Сенату от имени Национального центра помощи информаторам в Вашингтоне объемистый отчет с детальным описанием примеров некомпетентности и коррупции в министерстве юстиции при рассмотрении моего дела. Он написал о злоупотреблениях и лжи, с помощью которых министерство пыталось очернить информатора. Кон попросил Сенат вмешаться в мою защиту, и Карл Левин послушал его. Но ничего не помогло. Я пришел к выводу, что судья Злох поддерживает республиканцев.

А затем начались дебаты. Но речь на них шла не о том, заслуживаю ли я, ответчик, которому пришлось бегать от одного правительственного агентства к другому, рисковать своей жизнью и карьерой, чтобы помочь правительству США в раскрытии швейцарских

преступлений, какого-то снисхождения. Никто не говорил даже о том, что мое наказание не должно быть более суровым, чем понес Игорь Оленикофф. Единственной темой была *продолжительность* срока, который мне предстояло отсидеть. Честно говоря, когда судья Злох впервые произнес слова «от 70 до 87 месяцев», я почувствовал слабость в коленях. *Семь лет?*

Даунинг, который решил выглядеть добрым и милосердным, подготовил ходатайство о снижении моего срока относительно максимального, который определяется специальными директивами для таких преступлений. Я знал, что все это делается исключительно ради шоу — если бы решение зависело от него, меня бы заперли в тюрьме до конца жизни. Злох проигнорировал ходатайство. Он не нуждался в советах ничтожных юристов. Но он был умным человеком. Судьи — это политические животные, и он знал, что, какое бы решение он ни вынес, газеты все равно будут обсасывать его до косточек.

— Ну что ж, — сказал Злох прокурорам, — в рекомендациях указан срок от 70 до 87 месяцев. Однако максимальное наказание, установленное государством, составляет 60 месяцев... Суд не имеет права ни при каких обстоятельствах назначать наказание выше этого максимума. Так что, хотя срок, указанный в директивах, может теоретически колебаться от 200 до 250 месяцев, установленный государством максимум равен 60 месяцам и суд не может назначить наказание более 60 месяцев.

Даунинг был не особенно доволен этим решением, однако он застрял между молотом и наковальней. Я знал, что он страстно мечтал о том, чтобы я просидел в тюрьме дюжину лет и вышел из нее с длинной седой бородой, как Рип Ван Винкль^[89]. Однако, поскольку я был единственным человеком на Земле, который все еще мог помочь правительству в деле UBS, ему требовалось мое сотрудничество даже после вынесения приговора. Для этого ему пришлось бы подать ходатайство по форме 5K1, что позволило бы суду проигнорировать директивы по определению наказания. Если бы он этого не сделал, я бы просто послал его подальше и больше никогда не разговаривал ни с ним, ни с кем-то еще из правительства.

В тот момент я даже испытал небольшое облегчение. Но когда вы радуетесь тому, что вы проведете в тюрьме всего *пять* лет, это значит, что ваши дела по-настоящему плохи.

Злох попросил Даунинга объяснить позицию своей стороны. Я отметил редкий талант Даунинга говорить на несколько голосов, подобно чрево вещателю с куклой в руках.

— Ваша честь, после того, как мистер Биркенфельд был арестован и его обвинение было распечатано, — сказал Даунинг, — Биркенфельд тут же начал сотрудничать с правительством США и предоставил детальную информацию о своем личном участии в том, что теперь известно как масштабная мошенническая схема, реализованная руководителями, банкирами и прочими сотрудниками UBS против правительства Соединенных Штатов.

Даунинг с самого начала передергивал факты, пытаясь представить дело так, будто я начал говорить только после ареста. Он знал, что я заговорил за год до того, как его тупицы нацепили на меня наручники в Бостоне. Но вдруг он заговорил другим голосом.

— Перед своим арестом, — продолжал Даунинг, — а именно летом 2007 года, мистер Биркенфельд пришел в министерство юстиции и начал выкладывать параметры мошеннической схемы, поделился информацией о вовлеченных в нее сотрудниках UBS, о деталях схемы и методах ее реализации.

«Ну ладно, — думал я, — возможно, он действительно хочет облегчить мою участь, поскольку предполагает, что судья Злох может запросить записи моих показаний».

— В то время мистер Биркенфельд также предоставил некоторые документы

правительству Соединенных Штатов, что позволило правительству в июне 2007 года обратиться к UBS и потребовать предоставления информации о мошеннической схеме. Банк ответил на это обращение.

«Неужели он внезапно меня полюбил? Может, он понял, что это я помог ему выглядеть в куда лучшем свете?» Увы... не так быстро. Его «кукла» снова взяла верх.

— К сожалению, — продолжал Даунинг с деланой печалью, — летом 2007 года мистер Биркенфельд не рассказал правительству Соединенных Штатов о своем личном участии в этой мошеннической схеме.

«Что? Я не сказал тебе, что был одним из управляющих директоров UBS? Я говорил тебе, что работал в банке уборщиком и драил сортиры?»

— В частности, он не поделился подробностями деятельности одного из своих ныне известных клиентов, мистера Оленикоффа — одного из крупнейших вкладчиков UBS, вовлеченного в мошенническую схему с налогами.

«Но ты же не дал мне иммунитета и не выписал повестку! И именно поэтому я рассказал все Сенату, а не тебе!» Я почувствовал, как мое лицо налилось кровью. Мне захотелось выкрикнуть во весь голос: «Чертов лжец!» Видимо, Дэвид Майер это почувствовал, потому что он крепко сжал мою руку, чтобы успокоить меня и заставить промолчать. Судья Злох прервал Даунинга.

— Хочу уточнить, — сказал он Даунингу, — какую сумму в конечном итоге мистер Оленикофф заплатил государству в виде налогов, процентов и штрафов?

— Думаю, что в целом сумма составила около 53 миллионов долларов, ваша честь.

Это была очень большая цифра, и я заметил, как Злох удивленно поднимает бровь, будто не понимая, почему этот прокурор хочет, чтобы человек, подаривший ему выигранный лотерейный билет, был заперт в каталажке. Видимо, Даунинг понял, что выглядит чересчур мстительным и неблагодарным.

— Скажу, впрочем, — пошел он на уступки, — что если бы мистер Биркенфельд не пришел в министерство юстиции летом 2007 года, то вряд ли правительству США удалось бы раскрыть эту масштабную мошенническую схему.

«Ах ты, скользкий ублюдок! Так почему же тогда ты не снимаешь с меня обвинений?»

— Более того, благодаря расследованию, начатому в июне 2007 года, нам удалось изменить ситуацию с документами, получаемыми из банков в Швейцарии. Правительство Швейцарии было вынуждено заключить новые налоговые соглашения с правительством Соединенных Штатов, благодаря чему наше правительство может получать при рассмотрении гражданских исков прежде недоступную налоговую информацию. И нам стало еще проще получать информацию в случае возбуждения уголовных дел.

В этот момент у меня начала кружиться голова. Показания Даунинга были совершенно шизофреническими. Люби меня, ненавижь меня, топчи меня, хвали меня... Но пришло время решающего удара.

— И если я могу высказать свое мнение, ваша честь, — теперь Даунинг говорил фальшивым, почти похоронным тоном, — хотя мистер Биркенфельд и отказался заявить о своей вовлеченности в мошеннические схемы с участием американских клиентов, я полагаю, что, с учетом помощи и содействия в расследовании случаев уклонения от налогов, мы могли бы *не подвергать* мистера Биркенфельда уголовному преследованию.

«Что? Да ты мог получить все имена уже при первой нашей встрече. Все, что тебе было нужно сделать, — это обеспечить мне иммунитет или выписать повестку. Но ты до ужаса

ненавидишь осведомителей и поэтому возбудил против меня дело!»

— Однако с учетом того, что подсудимый отказался предоставить эту информацию, нам пришлось заняться расследованием его собственной деятельности. И именно поэтому мы с вами сегодня оказались здесь, а мистер Биркенфельд был обвинен и признал свою вину.

«Что за бред! Я признал свою вину только потому, что уже рассказал тебе о том, что делал, и не собирался идти на попятную. Это называется целостностью. Посмотри, что значит это слово. Только не ищи его в инструкциях министерства юстиции — его там нет».

Затем Злох спросил Даунинга, скольких людей, уклонявшихся от уплаты налогов, удалось поймать благодаря моим показаниям, и Даунингу оставалось только признать, что без меня они бы не обошлись.

— Сейчас вы сказали очень важную вещь, — обратился Злох к Даунингу, — и я просто хочу убедиться в том, что четко понял суть вашего заявления. Правда ли, что если бы не действия мистера Биркенфельда, эта схема работала бы до сих пор?

Поскольку Карл Левин уже четко сказал об этом в своем письме, Даунинг не мог этого отрицать. Он прокашлялся, будто глотнул жидкости для очистки труб, и признался:

— У меня нет оснований считать, что мы нашли бы другие способы раскрыть происходящее, кроме как с помощью инсайдера, обеспечившего нам детальную информацию. Именно это и сделал мистер Биркенфельд.

Даунинг и его «кукла» начали говорить одновременно: «Он дал нам все доказательства! Нет, он этого не сделал!» Я потряс головой, думая, что суд должен вызвать ему врача. И тут он вновь воткнул мне нож между ребер.

— Я знаю, что, когда мистер Биркенфельд пришел к нам, его основным мотивом был новый закон об изблечителях в налоговых делах.

Полная фигня! Даунинг умолчал, что я поручил своим адвокатам связаться с министерством юстиции и рассказать о деятельности UBS и других швейцарских банков еще в середине 2006 года, то есть задолго до того, как был принят закон об изблечителях. Он решил изобразить меня алчным ублюдком на тот случай, если судья Злох вдруг решит отказаться от дальнейшего рассмотрения дела.

— Спрошу вас еще раз, — надавил на него Злох, — была бы эта схема обнаружена правительством Соединенных Штатов, если бы не действия мистера Биркенфельда?

Даунинг кивнул.

— Думаю, что нет, ваша честь.

Как минимум теперь это было заявлено и зафиксировано в официальных материалах федерального суда. «Все это случилось благодаря Биркенфельду». Однако этот факт вряд ли мог оказать какое-либо влияние на мой приговор, разве что адвокат вытащил бы кролика из шляпы. Теперь настал черед Дэвида Майера.

— Ваша честь, от имени мистера Биркенфельда я благодарю мистера Даунинга за честные и прямые ответы суду о роли мистера Биркенфельда.

«Иными словами, когда вы, ваша честь, заставили Даунинга сказать правду о важнейшей роли Брэда в этом международном разбирательстве, он был загнан в угол и был вынужден признаться».

— Как я указываю от имени мистера Биркенфельда в его меморандуме относительно приговора и приложениях к нему, — продолжал Майер, — а также как указано правительством в деталях своего ходатайства 5K1, я, со всем уважением к суду, хотел бы заявить, что с учетом фактов и обстоятельств суду следует удовлетворить наше ходатайство и

снизить срок заключения.

«Иными словами, поскольку все понимают, что происходит, давайте перестанем болтать чепуху об этом семилетнем заключении и обсудим главное».

Злох согласился с просьбой Майера:

— Суд считает, что мистер Биркенфельд оказал существенное содействие правительству Соединенных Штатов, и правительство это признает. Соответственно, суд соглашается снизить срок заключения.

Это показалось мне хорошим знаком. Однако затем судья добавил:

— Удовлетворив ходатайство правительства, суд оставляет за собой право вынести любой приговор, определенный законом.

Ой-ой...

Злох вызвал меня для дачи показаний. Я смотрел достаточно много судебных трансляций по телевизору, чтобы знать, что в такие моменты может произойти все, что угодно. Внешне я был совершенно спокоен, никаких потных ладоней. Однако мысли в моей голове мелькали туда-сюда, как шарик в пейнтбольном автомате.

— Доброе утро, ваша честь, — сказал я.

Злох не ответил на приветствие.

— Брэдли Биркенфельд, вы вновь предстаете перед судом. Ранее вы признались в своей вине в ответ на обвинения, выдвинутые Соединенными Штатами Америки против Брэдли Биркенфельда, и суд признал вас виновным... Имеется ли у вас или ваших представителей какая-то правовая причина, по которой мы не должны вынести вам приговор?

Разумеется, я мог придумать тысячу причин, по которым меня вообще не стоило подвергать заключению. Однако я уже был признан виновным, и, если бы только мой брат Дуг внезапно не вскочил и не завопил, что я на самом деле не Брэдли Биркенфельд, а сумасшедший самозванец, никаких «правовых» оснований оправдать меня не было.

— Нет, ваша честь, — сказал я.

Злох кивнул.

— Итак, суду не были представлены никакие правовые основания, препятствующие вынесению приговора. Теперь суд соберет информацию или свидетельства, которые могут быть представлены относительно смягчения или снижения наказания.

Майер снова поднялся. Настал его звездный час. Я хотел постучать по дереву, но боялся пошевелить и пальцем.

— При всем уважении, — сказал он, — я прошу суд принять во внимание уникальные и экстраординарные обстоятельства, позволяющие снизить срок заключения примерно на 80 процентов с тем, чтобы диапазон возможного срока для мистера Биркенфельда оказывался в зоне «Б» директив по определению наказания. Соответственно суд может принять решение о наказании, которое я, со всем уважением, считаю справедливым и разумным, и которое может ограничиваться для мистера Биркенфельда испытательным сроком на период пять лет с домашним арестом в течение срока от шести до девяти месяцев.

«Да! Никакой тюрьмы, пятилетний испытательный срок в квартире Дуга и еда навынос из ближайшего китайского ресторанчика».

— Я хотел бы указать суду, — продолжал Майер, — на то, что это дело действительно является экстраординарным. Два дня назад комиссар на логовой службы США заявил с заключении исторически важного соглашения с правительством Швейцарии, согласно которому налоговая служба сможет получить доступ к данным о тысячах счетов

американских налогоплательщиков в UBS. В этом заявлении комиссар указал на то, что в мировой налоговой системе предстоят важнейшие изменения.

«Правильно, Дэвид, объясни, о чем речь».

— Я со всем уважением хотел бы напомнить суду, что он должен сегодня вынести свой приговор человеку, который, по сути, первым нажал тревожную кнопку, представил дорожную карту для последующих действий налоговой службы, министерства юстиции, комиссии по ценным бумагам и подкомитета сенатора Левина и тем самым позволил правительству Соединенных Штатов существенно изменить международную налоговую систему.

Майер продолжал говорить в том же духе, еще раз рассказав судье обо всем, что я сделал для правительства США. Он напомнил судье Злоху, как мои действия поставили под удар и мою карьеру, и саму мою жизнь, сколько раз я встречался с различными правительственными агентствами и представлял им свидетельства и что даже после ареста я никого не обвинял в том, что меня подставили. Он сказал Злоху, что единственная причина, по которой министерство юстиции не получило от меня всего, что хотело, была в том, что оно отказалось меня защищать.

Все это он говорил в крайне вежливом тоне. Он был совсем не похож на Джонни Кокрейна, адвоката с шекспировским красноречием, которому удалось отмазать О-Джея Симпсона. И к сожалению, я не был убийцей какой-то знаменитости. Я был всего лишь банкиром и козлом отпущения, и этот суд не показывали по телевизору.

Майер закончил излагать свои факты, еще раз попросив для меня испытательный срок и домашний арест. Затем судья попросил меня выступить с заявлением.

— Мистер Биркенфельд, есть ли что-то, что вы хотели бы сказать нам, сэр?

Я сделал глубокий вздох и собрался с силами для решающего выстрела.

— Хочу поблагодарить вас, ваша честь, за возможность высказаться. Я бы хотел выразить свое сожаление по поводу моих действий, поскольку именно из-за них я и оказался сегодня здесь.

Я посчитал, что, признавая себя виновным, лучше раскаяться, чем пытаться увильнуть.

— UBS нанял и обучал меня и моих коллег. С одной стороны, банк давил на нас, с другой — предлагал финансовые стимулы для того, чтобы мы занимались определенной деятельностью, при этом не информируя нас о возможных последствиях. Когда я изложил свои опасения в письменном виде отделу безопасности и комплаенса UBS в Швейцарии, его сотрудники отказались их обсуждать. Вскоре после этого я понял, что руководители банка покрывают незаконные действия, и решил вступить в контакт с властями США, чтобы заявить об этом. Так я и поступил. Я хочу поблагодарить вас, ваша честь, за то, что вы принимаете эти обстоятельства во внимание, и буду счастлив ответить на ваши возможные вопросы.

— У меня нет вопросов, мистер Биркенфельд, — сказал Злох.

«Как? — Я ошеломленно замер. — Я стою прямо перед вами, а у вас нет ни одного вопроса? Вы не хотите услышать от меня, почему я поделился информацией со всеми, кроме министерства юстиции?»

— Есть ли еще что-то, на что бы вы хотели обратить внимание суда? — спросил Злох.

Было очевидно, что он не хочет спрашивать меня ни о чем, что способно продемонстрировать вопиющую некомпетентность министерства юстиции. И все, что мне оставалось — это самому выступить в свою защиту.

— Да, ваша честь, я бы хотел кое-что добавить. Я хотел сделать все для того, чтобы мое сотрудничество с властями США и правительственными агентствами было максимально полным. Проблема состояла в том, что я, как постоянный житель Швейцарии, был вынужден подчиняться швейцарскому законодательству, и если бы я разгласил какие-то имена, не имея на руках судебной повестки, то отправился бы в тюрьму в Швейцарии, где я жил в то время и прожил предыдущие 15 лет. В этом состояла важная проблема. Однако я все равно хотел инициировать этот процесс и поделиться максимальным объемом информации без нарушения законов о банковской тайне и угрозы тюремного заключения в Швейцарии, месте моего проживания.

«Теперь понятно? Спросите Кевина Даунинга, почему они не предоставили мне иммунитета и не выписали повестку!»

Но Злох сказал:

— Хорошо, спасибо!

Он не хотел припереть Даунинга к стене и посмотреть, как тот будет корчиться, подобно бабочке на булавке. Он повернулся к Даунингу:

— Хорошо. Что скажет на это представитель Соединенных Штатов?

Даунинг надулся, как делал при каждой нашей встрече в министерстве юстиции. Теперь он собирался получить свой фунт мяса^[90].

— Я буду краток, ваша честь. Думаю, что вы понимаете суть дилеммы, в которую мистер Биркенфельд сознательно себя загнал.

Затем он принялся перечислять все причины, по которым меня нужно было бросить в тюрьму.

— Первое: Биркенфельд знал, на что идет, когда отправился в Швейцарию, чтобы работать в швейцарском банковском секторе.

«Разумеется, я знал. Я ехал в эту страну не для того, чтобы стать горнолыжным инструктором».

— Второе: когда Биркенфельд решил стать информатором, он перевел все средства мистера Оленикоффа из UBS в другие банки, с тем чтобы и он сам, и мистер Стаггл могли и дальше помогать мистеру Оленикоффу уклоняться от уплаты налогов.

«Нет, решение вытащить деньги Игоря из UBS принимал он сам, а не я!»

— Третье: письмо с информацией о действиях банка представляется мне всего лишь способом получить компенсацию от UBS после того, как Биркенфельд решил предать публичной огласке схему работы с мистером Оленикоффым.

«Какого хрена? Это ерунда, основанная на одних лишь предположениях. Почему мой защитник не кричит: «Протестую!»?»

— И наконец, когда ответчик обратился к правительству Соединенных Штатов со своими разоблачениями, он хотел получить деньги за разглашение информации о чужих неправомερных действиях. При этом он отказался сообщить о собственных деяниях.

«Что за ложь! Неужели ты забыл, как я вошел в зал заседаний министерства юстиции в Вашингтоне и в деталях рассказал, чем занимался как частный банкир в UBS в Женеве?»

— Именно поэтому правительство выдвинуло против мистера Биркенфельда обвинения. И именно поэтому мы требуем для него тюремного заключения.

«Ерунда. Ты хочешь посадить меня в тюрьму только для того, чтобы показать хоть какие-то результаты своей работы. Ты хочешь, чтобы кто-то получил реальный срок, пусть несправедливо!»

— Что касается заявлений истца, связанных с сохранением банковской тайны... Мы четко дали понять мистеру Биркенфельду и его адвокатам, что обратимся в суд и предоставим ему необходимые юридические документы, демонстрирующие правительству Швейцарии, что он был вынужден дать показания.

«Иисусе! Ты мог получить судебное решение за один час! Ты отказывал мне в выдаче повестки при каждой встрече!»

— Должен сказать, что мистер Оленикофф уже сидел бы в тюрьме, если бы мистер Биркенфельд пришел к нам в 2007 году и поделился этой информацией. У нас просто не было достаточно доказательств. Они появились благодаря свидетельствам мистера Биркенфельда, но только после того, как мистер Оленикофф уже признал себя виновным.

«То есть я должен идти в тюрьму только потому, что вы, некомпетентные дураки, не знали о делишках Оленикоффа, пока я его не сдал?»

— Вот почему мы все оказались здесь, и вот почему правительство США просит посадить мистера Биркенфельда в тюрьму. Это все, ваша честь.

Слушая все это, я медленно вскипал. Я повернулся и посмотрел на Дэвида Майера, но он не проронил ни слова. Я мысленно похлопал себя по лбу. «Чувак, ты умеешь отлично подбирать адвокатов. Ты просто настоящий эксперт в этом деле». Я почти не слышал завершающих слов Даунинга.

— Ваша честь, могу я кое-что добавить?

— Разумеется, — кивнул Злох.

— Я хотел бы закончить выступление на позитивной ноте. Мы намереваемся и дальше пользоваться услугами мистера Биркенфельда в проведении расследования и выдвигания исков против других его клиентов и клиентов UBS. И мы ожидаем, что вскоре вернемся в этот суд.

— С ходатайством о снижении срока?

— Именно так, ваша честь.

Должен признаться: у Даунинга были стальные нервы. Он нагло сказал, что хочет выжать меня до капли, а затем когда-нибудь обратится в суд и попросит смягчить мою участь. Это звучало, как наглое вымогательство, но судья Злох остался доволен.

— Итак, мистер Биркенфельд, — произнес Злох. — Прошу вас подняться на подиум.

Началось...

— Суд, будучи полностью проинформированным о фактах и обстоятельствах преступления, не установил никаких правовых причин, препятствующих вынесению приговора... Суд выносит свое решение и приговаривает Брэдли Биркенфельда к тюремному заключению в одном из учреждений Бюро тюрем США на срок 40 месяцев за однократное нарушение закона.

«Три года и четыре месяца... Твою мать!»

— Кроме того, суд приговаривает мистера Биркенфельда к уплате в пользу Соединенных Штатов Америки штрафа в размере 30 000 долларов.

«Тридцать тысяч долларов? Да я в два раза больше потратил, летая туда-сюда ради правительства США. Мне следовало попросить о компенсации расходов!»

— После освобождения из заключения мистер Биркенфельд будет помещен под надзор на трехлетний испытательный срок.

«Три года в каталажке и еще три года испытательного срока? Боже...»

— Кроме того, мистер Биркенфельд немедленно выплатит в пользу Соединенных

Штатов особую компенсационную выплату в сумме ста долларов.

«А это еще за что? Кому-то на обед?»

— Есть ли у защиты какие-либо возражения к способу или процедуре, в которых проводилось слушание или был оглашен приговор, мистер Майер?

— Нет, ваша честь, — ответил Майер.

— Мистер Биркенфельд?

Я заколебался, но затем все же сказал:

— Нет, ваша честь.

Конечно, возражения были, но я понимал, что хожу по очень тонкому льду и могу вступить в конфликт со специально подобранным для этого дела судьей — настырным придурком. Злох мог увеличить мой тюремный срок одним росчерком пера.

Он повернулся к Даунингу.

— Комментарий со стороны правительства?

— Нет, ваша честь, — сказал Даунинг, с трудом пряча победную ухмылку.

— Мистер Биркенфельд, вы должны приехать для отбытия срока в федеральное учреждение, назначенное Бюро тюрем, не позднее полудня 8 января 2010 года. Хочет ли что-то сказать представитель защиты?

— Нет, ваша честь, — ответил Майер.

— Представитель правительства?

— Нет, ваша честь, — сказал Даунинг.

— Хорошо, советник. Суд благодарит вас за ваши усилия.

Злох поднял свой молоток и ударил им по деревянному подиуму со звуком, очень похожим на выстрел. Затем он улыбнулся.

— Всем хороших выходных. Заседание суда окончено.

Хороших выходных. Я не мог поверить тому, что он действительно это сказал. Я чувствовал себя Алисой в гребаной Стране чудес. Я не помню в деталях, что было после этого, за исключением того, что мне пришлось подписать кучу бумаг и отдать больше сотни долларов наличными, видимо, за расходы на копировальный аппарат. Даунинг что-то сказал Майеру относительно возможности сотрудничества со мной вплоть до даты начала тюремного срока. Эта парочка осталась в зале суда и принялась болтать. Когда адвокаты противоположных сторон обсуждают вашу судьбу, это обычно не приводит ни к чему хорошему, и я не хотел этого слышать.

Но я расслышал, как Даунинг довольно грубо отозвался о моих прежних адвокатах, Гекторе и Моране, которых я уволил годом ранее: «Вот что бывает, когда вы нанимаете людей, которые не умеют работать». Спасибо за отличную рекомендацию, Боб Беннетт!

Я вышел вместе с Дугом в полуденную жару и духоту. Мой брат был так разгневан, что даже говорить не мог. Мы сели в машину, сорвали с себя галстуки, врубили кондиционер и направились в гостиницу. Я повернулся и посмотрел на квадратную челюсть своего брата и его яростные глаза, смотревшие куда-то вдаль.

— У всего этого есть и хорошая сторона, братец, — вздохнул я. — Теперь с моей ноги снимут это чертово украшение.

«Полковник Хоган, если вам удастся бежать... будьте хорошим парнем и возьмите меня с собой».

Сержант Шульц, персонаж телесериала «Герои Хогана»

Федеральное исправительное учреждение Скулкилл — 2012 г. Воскресным солнечным утром Лопес попытался бежать. Не совсем так, как в фильме «Великий побег»^[91], но все же довольно драматично. Сначала он где-то спрятался в укромном углу, затем отчаянно пробежал милю в своих тяжелых тюремных ботинках и, наконец, выбил замок пожарной двери и устремился в леса. Тут же перед нами появился толстый охранник, которого мы звали Уоддлс^[92]. Ему было трудно ходить, дышал он тяжело, со свистом. На поясе он носил связку ключей и дубинку. Было件нятно, что Лопеса ему не поймать — тот слишком быстро бегал.

Я покосился на Уоддлса и вернулся к чтению статьи на тему апелляций о снижении срока в газете *Prison Legal News*. Одному из моих приятелей по Курорту, Норми, предстояло слушание, но для офисного служащего он был не слишком подкован в области права и нуждался в моей помощи, чтобы как-то аргументировать снижение срока. Я с удовольствием делал это для многих ребят, у меня даже образовалась определенная «клиентура» из числа заключенных. Я изучал их дела, писал брифы, находил адвокатов, готовых работать бесплатно, и выискивал слабые места в глупых обвинениях, по которым их упрятали за решетку. Для меня это был приятный способ борьбы с системой. Товарищи по несчастью воспринимали меня, как Клэренса Дарроу^[93] — лучше уж такой общественный защитник, как я, чем никакой.

К моей камере подошел заключенный по имени Анвар. Это был довольно милый пожилой человек из Филадельфии, который получил 12 лет за то, что при нем нашли полпакета крэка. Когда в бараке вырубали свет, мы с ним любили петь песенки времен лейбла Motown^[94]. Лежа на койке, я запевал:

— Кто эта дама-а-а?..

А он отзывался из темноты своим нахальным баритоном:

— Эта милая дама-а-а...^[95]

Я поднял на него глаза.

— Привет, Анвар. Что там с Лопесом?

— Чувак, этот парень вышел из себя и толкнул Уоддлса.

— О нет! Что за дурак!

— Да, плохо дело.

В Скулкилле вам могло сойти с рук почти все, кроме рукоприкладства по отношению к охранникам. Заключенных ловили с незаконными мобильными телефонами, наркотиками, выпивкой, порнухой, всеми возможными видами контрабанды, и все это обычно заканчивалось одиночкой в корпусе усиленного режима или ограничением свиданий. Но поднять руку на тюремщика? За это ваш срок мог увеличиться на многие годы, и Лопес это знал.

— Теперь он попал, — сказал я.

— Беда, — ответил Анвар. — Ему оставалось всего-то месяцев 30.

Мы никогда не измеряли свои сроки годами — только месяцами. «Мне осталось двадцать два». «Ральф разменял шестой десяток». Годы заключения приводили нас в уныние, а с месяцами еще можно было мириться. Они истекали куда быстрее. Парни, отбывавшие большие сроки, сначала получали камеры в корпусах строгого или умеренного режима — обычные тюремные камеры, прогулки по расписанию или запрет прогулок, шмоны и одиночки. Если за это время они не доставляли больших хлопот охранникам, то после того, как до конца срока оставалось не больше 120 месяцев (10 лет), их переводили туда, где сидел я — на Курорт. Лопес сидел в тюрьме уже 13 лет, до конца срока ему оставалось не больше трех лет — и такой залет.

Мы называли наш корпус Курортом, потому что режим в нем был намного легче, чем в остальных. В двух корпусах Курорта, которые назывались Лагерь 1 и Лагерь 2, сидело триста человек. Они располагались примерно в миле от корпуса среднего режима на покрытом травой поле размером с футбольное. Там не было заборов с колючей проволокой или сторожевых башен, на которых дежурили тупицы с винтовками, однако лагерь был окружен многими километрами густых лесов. Иногда заключенные выбирались в леса — на прогулку или для встречи с наркокурьерами или своими подружками, которые умели ориентироваться по карте. Один парень даже смог договориться, чтобы ему привозили и вешали на определенное дерево в лесу блюда из китайского ресторана. Но все они возвращались. Если вы не возвращались и вас ловили, то ваши последние несколько месяцев Курорта могли тут же превратиться в несколько лет строгого режима.

Бетонная стена высотой в полтора метра делила наш Лагерь 1 на два ряда отсеков. В каждом из отсеков размещалось по паре коек, два шкафа, письменный стол, полки и кресло.

Поднявшись с утра, мы топали на завтрак в пищеблок, получали свои рабочие задания, возвращались туда на обед, затем проводили время в спортивном зале или на баскетбольном поле, шли на ужин, а вечером отдыхали. По вторникам нам крутили кино. По выходным счастливчики получали свидания в корпусе общего режима. Каждую ночь мы засыпали под хор храпящих заключенных, напоминавший какую-то странную симфонию джунглей. По сравнению с тем, что я пережил, как кадет в Норвиче, это действительно был курорт.

В то воскресенье, когда Лопес вырвался на волю, стоял прекрасный летний день. Думая найти его, я немного прошелся по лесу — вдруг он просто рыскает по периметру лагеря, чтобы немного остыть, а затем попросить Уоддлса о снисхождении. Однако Уоддлс был толстым и вредным придурком, и я знал, что случившееся не сойдет Лопесу с рук. Его нигде не было видно.

Отблески солнца на мокрой от росы траве заставили меня подумать о другом воскресном дне, сразу же после слушания моего дела во Флориде. Именно в тот воскресный день президент Барак Обама вышел на поле для гольфа в клубе «Нек» в Мартас-Виньярд. Его партнером по игре был Роберт Вольф, председатель правления UBS Americas. Уверен, что это был прекрасный день для игры гольф и болтовни под охраной агентов Секретной службы. Я представлял себе, как Обама и Вольф обсуждают мое фиаско или даже отправляют судье Злоху СМС «отличная работа». Было ли это на самом деле, мне знать не суждено, ведь агенты Секретной службы, как и швейцарские банкиры, никогда ничего не рассказывают.

Я вспомнил еще об одном воскресном дне. Это было, когда я еще совсем немного отсидел, и в середине зимы меня наконец-то выпустили из одиночки. Меня сопровождала

сотрудница тюрьмы, напоминая актрису Розанну Барр^[96]. От нее пахло беконом. Она помогла мне забраться в тюремный грузовик, и мы проехали полтора километра от корпуса усиленного режима до Курорта.

В Скулкилле все еще лежали снежные сугробы, оставшиеся от пятничной метели. Стены из шлакоблоков и сторожевые башни казались хрупкими и насквозь промерзшими. Я заметил парочку чернокожих заключенных, которых тоже совсем недавно выпустили из карцера. Они тащились по грязной обочине.

Я спросил у «Розанны», почему она не хочет их подвезти, но она лишь ухмыльнулась и отхлебнула кофе из кружки с логотипом Dunkin' Donuts. Это был мой первый непростой урок тюремной жизни — белые узники имели право на транспорт, чернокожие должны были ходить пешком.

Вот тогда я и решил бороться с системой, как только могу. «Так вот как у вас все устроено? Ну что ж, вы дождалась полковника Хогана. Вы еще пожалеете о том дне, когда встретились со мной, и будете молиться, чтобы я поскорее покинул вашу тюрьму».

Уоддлс был слишком толстым, чтобы поймать Лопеса. Еще пятеро охранников умчались на поиски в лес. Корпус закрыли, нам приказали прекратить работу и после переключки нас заперли в камерах. После того как в корпусе вырубил свет — примерно около 10 вечера, — я услышал звук открывшейся пожарной двери и тихие шаги. Я уселся в койке. Это был Лопес!

— Чувак! — прошептал я. — Какого хрена?

— Я проголодался, — ухмыльнулся он.

Я заметил, что он сильно вспотел и был с ног до головы усыпан сосновыми иглами.

— И в душ хочу.

Пока я сидел и недоуменно моргал, Лопес принял душ, пере одел — ся, съел немного китайской лапши, оставшегося у него в шкафчике, и снова пошел в лес.

— Теперь я *насовсем*.

Он поприветствовал меня бойскаутским салютом и исчез.

— Увидимся, амиго, — ответил я. — Удачи!

Вот так мы и жили на Курорте.

Все это было полным бредом и напрасной тратой денег налогоплательщиков. Охранники прочесывали бараки, переворачивали все в камерах вверх дном в поисках наркотиков и мобильных телефонов, пока заключенные спокойно курили траву в умывалке. Никто не пытался заниматься перевоспитанием заключенных, а редкие собрания и дурацкие лекции вызывали у нас только смех. За годы жизни в Женеве я стал неплохим поваром и как-то раз предложил провести мастер-класс по французской кухне, посчитав, что кому-то из ребят это пригодится на воле. Однако руководство тюрьмы не разрешило мне заказать поваренную книгу — никаких книг из-за пределов тюрьмы! Вскоре я понял, что эта система совсем не настроена на исправление людей. Огромный бюджет тюремного ведомства можно было оправдать лишь в случае, если все камеры были переполнены. Меньше заключенных — меньше денег. «Присылайте побольше!»

Решительно настроенный, я был готов учиться новому и по мере сил лезть не в свое дело. Как общительный парень, я поговорил с каждым заключенным. Настоящую опасность для общества из 150 человек, сидевших в нашем корпусе, представляла разве что горстка типов. Большинство сидело по смехотворным обвинениям, связанным с наркотиками, а несколько человек были, как и я, политическими заключенными.

Джо Наччио был президентом и исполнительным директором крупной телефонной компании Qwest. Он был знаком с Бушами и время от времени его принимали в Белом доме. Вскоре после событий 11 сентября администрация Буша потребовала от всех телефонных компаний записи разговоров и всю электронную переписку их клиентов. AT&T и Verizon тут же сдались, но Джо послал федералов куда подальше.

— Мы — частная компания. Я *не могу* этого сделать!

— Нет, можешь, — сказали на это Буши. — Это дело национальной безопасности.

— Это противоречит Конституции, — протестовал Джо. — Я требую судебного ордера для каждого конкретного случая.

— Да неужели?

Тогда семейство Бушей обвинило его в торговле с использованием инсайдерской информации и посадило на семь лет. Человек, заменивший Джо в Qwest, все понял правильно, и федералы получили что хотели.

А еще с нами сидел Билл Хиллард, умный и хорошо сложенный человек с мягким голосом, под 70. Он служил в спецподразделении «Дельта», сделал выдающуюся карьеру, список его наград умещался на листе длиной в человеческую руку. После падения Сайгона в 1973 году он должен был охранять караваны с опиумом, отправлявшиеся из «Золотого треугольника» — Лаоса, Камбоджи и Вьетнама. Да, да, правительство США финансировало свои секретные войны, продавая героин американским наркоманам. А еще Билл должен был *убивать* оставшихся там в бамбуковых клетках американских военнопленных, поскольку многие из них попали в плен в ходе так называемой Программы^[97] в Лаосе и Камбодже. Если не верите, то прочитайте книгу «Kiss Boys Goodbye» («Поцелуйте парней на прощанье»). Я прочел ее дважды, и, судя по всему, история Билла была правдой. К счастью, ему не попались военнопленные.

Спустя много лет, уже в отставке, Билл допустил серьезную ошибку. Он принял приглашение провести семинар для ФБР в Колорадо. Будучи уверенным, что его история уже перестала быть секретом, он рассказал довольно много. Через полгода федералы оказались в его доме в Мэриленде, обвинили его в разглашении государственных секретов и посадили в тюрьму до конца жизни. Я понимаю, что это звучит, как сюжет детективного романа Роберта Ладлема, но это правда. Билл был патриотом, но наградой за всю его карьеру стал Скулкилл.

Подобные отвратительные истории были у многих. Чтобы не бездельничать, я узнал о них побольше. Почти никто из них не врал о том, как оказался за решеткой.

Конечно, там были всякие. Один италоамериканец по имени Джо, койка которого располагалась под углом к моей, был тихим и дружелюбным, пока как-то вечером я не стал созывать всех на показ фильма.

— Пошел ты на хер со своим фильмом! — огрызнулся Джо.

— Эй, — сказал я. — Не напрягайся. Я просто говорю, что кино начинается. Не наезжай не по делу!

Потом я спросил Анвара:

— Почему Джо так взвился? Я сказал ему, что начинается фильм, а он чуть не оторвал мне голову.

— А какой фильм? — спросил Анвар.

— «Славные парни»^[98].

И тут Анвар покотился со смеху.

— Так ты не знаешь, кто такой Джо? Это же тот самый Питтсбургский Джо, которого Генри Хилл сдал полиции с партией кокаина! Он получил за это 20 лет!

— Да ладно? — рассмеялся я в ответ. — Тогда понятно, почему он не обрадовался.

Но в основном у нас сидели обычные люди, которые не вовремя оказались не там, где надо. Один из моих лучших тюремных приятелей, Клифф Фалла, был обычным рабочим из Нью-Гемпшира. Однажды он остался без работы. К сожалению, у него был пистолет, и он согласился помочь местным бандитам.

Все, что ему было нужно сделать, это приехать в один захудалый мотель и посторожить до утра пару брикетов кокаина. В какой-то момент в мотеле нарисовались федералы. Клифф получил пять лет за ствол и еще пять лет за кокаин. С учетом того, что содержание каждого заключенного обходилось бюджету в 40 000 долларов в год, наши налогоплательщики потратили 400 000 долларов на то, чтобы держать в 10-летнем заключении нормального деревенского парня. Мы с Клиффом зависали вместе, работали бок о бок и частенько травили анекдоты.

Смех — это лучшее лекарство против долгого тюремного срока, и я пытался веселиться при каждой возможности. Иногда я принимался ходить по бараку и хлопать в ладоши:

— Что случилось? Что такие грустные? Вы будто в тюрьму попали!

Обычно это вызывало определенное оживление. А затем мы придумывали какой-нибудь злой розыгрыш для охранников, большинство из которых заслуживало того, чтобы самим оказаться за решеткой.

Тупицы-тюремщики воровали продукты с кухни и одежду из прачечной. Как-то в тюрьму привезли 30 новеньких снегоочистителей — половина из них тут же исчезла, а затем каким-то образом оказалась у входов в дома охранников. То же самое случилось с газонокосилками. Мы незаметно мстили им за все это. Порой они заставляли нас мыть их чашки для кофе, разумеется, мы делали это в унитазе туалетными ершиками.

— Пожалуйста! Чистые, как новенькие!

Когда нас вызывали на переключку, мы пели «Боже, благослови Америку». Иногда я врывался в комнату отдыха охранников, размахивая экземпляром *Wall Street Journal*:

— Слушайте, я только что прочитал, что тюремное ведомство урезает ваши пенсионные льготы. Я бы на вашем месте обиделся!

А если какой-то охранник слишком сильно мне досаждал, то я просто наклонялся к его значку и медленно произносил вслух его имя:

— Ходжес, Фрэнсис. Так и передам адвокатам, чтобы в жалобе не было опечаток.

Тюремщики мало что могут с сделать с умным человеком. Однако даже мне нужно было знать меру, чтобы не подвергнуться так называемой «дизельной терапии». Она заключалась в том, что тюремное ведомство переводило вас в другую тюрьму, скажем, в соседнем штате. Вас сажали в трясущийся и чадающий тюремный автобус, и он неделю тащился в Колорадо, а потом еще одну неделю обратно, вместо того чтобы проехать напрямую из начальной точки в конечную. К концу этих жутких путешествий у заключенных начинались мучительные боли в спине, и они теряли по несколько килограммов веса. Больше всего это напоминало прогулку по доске — в камере с выхлопными газами. И угадайте, кто за это платил? Вы.

Я никогда по-настоящему не боялся ничего подобного, ведь после пресс-конференции у стен тюрьмы в мой первый день они знали, с кем имеют дело. «Наедешь на Биркенфельда — попадешь в новости». Я старался оставаться оптимистичным и неуправляемым, хотя мой

срок в Скулкилле был далеко не шуточным. А хуже всего было, когда Игорь Оленикофф прочитал все о моих приключениях и понял, что у меня есть все шансы получить награду от налоговой службы. Поэтому он подал иск против меня и UBS — в общей сложности против 20 человек — на «скромную» сумму *500 миллионов долларов*, что было значительно больше, чем те 53 миллиона, которые он был вынужден заплатить правительству в виде налогов и штрафов. Он знал, что я нахожусь в федеральном исправительном учреждении и не могу защищать себя. Он знал и то, что мой нынешний адвокат покинул меня, потому что я больше не мог ему платить. Однако он забыл про моего брата Дуга, такого же питбуля-Биркенфельда, как и я сам.

Калифорнийский судья, рассматривавший иск Оленикоффа, дал мне три недели на ответ. Дуг моментально подал ходатайство об увеличении срока ответа до 90 дней, и оно было удовлетворено. И он взялся за дело. Он круглые сутки готовил ответ на лживые заявления Оленикоффа, собирая твердые факты — Оленикофф не только обманывал правительство США, он сам выстраивал многоходовые комбинации, чтобы перехитрить налоговую службу. Ответ Дуга был сильным и обстоятельным — на 45 страницах. А еще оказалось, что нужно 30 копий — по одной копии для каждой стороны процесса — с моей собственноручной подписью.

Дуг отправил документы в Скулкилл в семи конвертах с курьерской службой. Я подписал все копии, и поскольку я сэкономил деньги, которые выдавали в тюрьме для отправки писем, у меня хватило на марки, чтобы отправить письма по назначению — письма попали по назначению за день до срока. Ответ Дуга поразил калифорнийский суд, как молния. Начались новые юридические споры, а у моей семьи появилось время для поиска нового решительного ковбоя-юриста. Они обрели его в лице Джона Клайна, великолепного адвоката с безупречной репутацией, и он тут же присоединился к борьбе против Оленикоффа, в которой мы выступали рука об руку с UBS! Странный союз, да? Не как гласит старая восточная поговорка: «Враг моего врага — мой друг». И это сработало в обоих случаях — Игорь Оленикофф нашел себе «наставника», которым оказался ни кто иной, как Кевин Даунинг! Лишь несколько лет спустя я узнал, что Даунинг тщательно изучил все безумные требования Игоря. Я уверен, что он честно старался заживо снять с меня шкуру. Ведь именно так делает настоящий чиновник, слуга народа, правда?

Нам пришлось еще немного подождать. Я ходил взад-вперед по своей камере, а Дуг сидел, уставившись в окно своей квартиры в Веймуте. В день слушания, 10 апреля 2012 года, тюремные тупицы вытащили меня из камеры, чтобы я мог поговорить по телефону в комнате для свиданий. Звонил Дуг. *Бабах!* Судья принял решение в мою пользу и сказал, что такому наглому лжецу, как Оленикофф, осужденному за налоговое мошенничество, не стоит подавать иск против человека, который вывел его на чистую воду!

«Оленикофф и его свидетели многократно *лгали*, — заявил судья в своем 28-страничном вердикте. — И хотя этот суд не уполномочен делать общие выводы о том, стоит ли доверять высказываниям какой-то стороны в целом, подобная скоординированная и наглая ложь не останется без внимания». После чего судья решительно отклонил иск.

* * *

Позвольте на секунду отвлечься и объяснить секрет альянса Даунинга — Оленикоффа.

В ходе последующего разбирательства, благодаря показаниям, данным под присягой, мы смогли узнать о реальной глубине отношений этих двух людей. В марте 2008 года в офисе Эдварда Роббинса, адвоката Оленикоффа по уголовным вопросам, состоялось совещание. Кевин Даунинг специально прилетел на эту встречу в Калифорнию (на деньги налогоплательщиков), и эта встреча была очень необычной.

На ней не было никакого противостояния. Напротив, она оказалась очень душевной. Адвокат Роббинс даже выходил из переговорной комнаты, чтобы Даунинг и Оленикофф могли поговорить с глазу на глаз. На этой встрече Даунинг заявил, что я никогда не получу награды, полагающейся изблечителям. Как и почему тема моего вознаграждения вообще могла возникнуть в разговоре между этими двумя людьми?

Программа вознаграждения изблечителей — это программа налоговой службы, она не имеет никакого отношения к министерству юстиции. И сам факт этого разговора говорит о том, что действия Даунинга, направленные против меня, были продиктованы маниакальным желанием лишить меня награды.

Важно понимать, что Даунинг вообще не имел никакого отношения к судебному преследованию Оленикоффа или его заявлению о признании себя виновным, сделанному годом ранее. И все же они были рады встрече, на которой они и разработали план атаки с двух флангов.

Даунинг планировал выдвинуть против меня обвинение, а Оленикофф собирался подать свой бессмысленный гражданский иск против меня и остальных. Своими наглыми и фальшивыми обвинениями он пытался переложить ответственность за собственные преступные действия на других людей. Однако Даунинг сделал намного больше, чем допускали его официальные обязанности прокурора, и следы его деятельности можно было встретить в этом беспочвенном гражданском разбирательстве повсюду.

Оленикофф подал свой абсурдный иск в федеральный суд в Калифорнии в сентябре 2008 года. Изначальная версия жалобы корректировалась три раза, при этом каждая новая версия вновь подавалась в федеральный суд. Более поздние показания подтвердили, что Оленикофф и его советники делились текстом каждой из этих жалоб с Даунингом, который тщательно их изучал и комментировал перед передачей в федеральный суд. Иными словами, федеральный прокурор из Вашингтона сотрудничал с частным лицом при подготовке и подаче ничем не обоснованного иска.

Каждая из этих четырех жалоб содержала абсолютно ложные заявления относительно министерства юстиции. В них министерство юстиции представало лидером расследования против UBS, имеющим право лишить меня награды от налоговой службы. «К 2005 году налоговая служба и министерство юстиции обратились к ответчику, UBS AG, с просьбой рассказать о применявшейся им схеме», — гласила первая жалоба. Ложь! Ни налоговая служба, ни министерство юстиции не связывались с UBS в 2005 году. Лишь в 2007 году я сам обратился и к налоговой службе, и к министерству юстиции с рассказом об UBS. До того как я пришел в министерство юстиции в 2007 году и рассказал им о том, что происходит в UBS, Даунинг не знал, как пишется это название.

Во втором варианте жалобы утверждалось, что «около 2004 года с Биркенфельдом связались представители министерства юстиции США, расследовавшие действия UBS AG...». Это тоже было наглой ложью, которая повторялась в последующих вариантах жалоб. Министерство юстиции не имело никакого представления о происходящем вплоть до 2007 года, когда я добровольно обратился к его сотрудникам и вручил им ключи от королевства.

Четвертый вариант жалобы был подан адвокатами Оленикоффа на следующий рабочий день после оглашения моего приговора.

Даунинг изучал эти жалобы еще до передачи в суд, и каждое из обвинений, в котором упоминалось министерство юстиции, было ложным. Мы не знаем, какую роль сыграл Даунинг в формировании этих фальшивок, но у нас нет никаких данных о том, что Даунинг когда-либо предупредил федеральный суд о фальшивой природе обвинений.

Различные свидетели делились противоречившими друг другу и порой бессмысленными версиями того, почему Кевин Даунинг вообще рассматривал эти ложные жалобы перед их передачей в суд. Одна из адвокатов Оленикоффа, Мариса Поулос, показала под присягой, что жалобы были отправлены Даунингу только для того, чтобы он проверил, не нарушают ли они условий соглашения, заключенного правительством с Оленикоффом. Однако Даунинг не был уполномочен надзирать за поведением Оленикоффа. Более того, он даже не был вовлечен в его дело как прокурор. Придумай что-нибудь еще, Мариса!

Еще одна из штатных адвокатесс Оленикоффа, работавшая на него долгие годы, Джули Олт, дала на тот же вопрос совершенно иной ответ. Она показала (также под присягой), что гражданские жалобы были отправлены Даунингу, чтобы убедиться в том, что «они его устраивают». Позднее федеральный суд подверг Поулос и Олт наказанию за их поведение в рамках разбирательства.

Я уверен, что у Даунинга не было никаких правовых оснований изучать материалы этого ни на чем не основанного иска. Это можно считать забавным совпадением, но уже через месяц после того, как судья в Калифорнии решительно отказал в рассмотрении иска, Даунинг подал в отставку с поста прокурора, покинул министерство через заднюю дверь и осел в частной юридической фирме в Вашингтоне. Его работа в министерстве была окончена. Пришло время двигаться дальше.

В 2014 году один из партнеров Даунинга по юридической компании открыто признал: «Он [Даунинг] искренне ненавидит этого парня [Биркенфельда]». Я знал это с самого начала, но хорошо, что болтливый коллега Даунинга подтвердил мои догадки. Поэтому я обращаюсь к тем людям, которые искренне верят в то, что Даунинг и министерство юстиции руководствовались соображениями справедливости — думайте лучше. Свидетельства говорят об обратном.

Я всегда любил своего брата, однако его помощь в этом деле была поистине безграничной. Когда рассмотрение иска завершилось, я пролил несколько слез радости в тюремном сортире, а затем вернулся к мытью полов.

Кстати, это была моя основная работа в тюрьме. Я стал настоящим экспертом по линолеуму. Я мыл полы в корпусах со средним и минимальным уровнями безопасности и даже убирал кабинет начальника тюрьмы. Он был не таким уж плохим человеком, только глупым как пробка. Половину времени его не было в кабинете. Все, что я находил в его мусорном ведре, я жадно читал в комнатке уборщиков. Парни в моем корпусе всегда удивлялись, откуда я знаю, что их ждет на следующей неделе. Я просто улыбался и говорил:

— Ребята, это все инстинкты!

Они не знали, что я — их секретный агент.

Я всюду развлекался за счет правительства. Мое первое публичное выступление прошло во время уборки полов у главного входа в тюрьму в корпусе среднего режима, где я выступил на импровизированной пресс-конференции сразу после приезда. Впоследствии, когда в тюрьму прибывали новые заключенные, часто в сопровождении плачущих родных, громилы-

тюремщики заставляли их чувствовать себя как рабов, попавших на плантации на Юге. Я же, со своей стороны, считал своим долгом хоть немного разряжать напряженность.

— *Добро пожаловать на Курорт, брат!* — говорил я с широкой счастливой улыбкой, а затем обращался к их семьям. — Ребята, не беспокойтесь о нем. Тут не так уж плохо!

Тюремщикам это не нравилось, и мне приказывали заткнуться.

— А что вы мне сделаете? — говорил я. — Дадите еще три года за хорошее отношение к людям?

Конечно, они могли вновь запихнуть меня в одиночку, но, честно говоря, я их изрядно пугал. Все они знали, кто я такой, и часто, проходя мимо них, я слышал, как они бормочут друг другу:

— Это тот банкир, который проводил пресс-конференцию у нашего входа.

За месяц до того, как я сел в тюрьму, программа «60 минут» показала длинный репортаж о моем деле. Стив Крофт взял у меня интервью в гостинице «Бостон Харбор». Он сделал все, чтобы после монтажа сюжета я показался настоящим ублюдком, но зрители поняли, как обошлось со мной министерство юстиции. После этого многие СМИ жаждали услышать мою историю из первых уст.

Примерно каждые три недели в Скулкилле появлялись то телевизионщики из CNBC или швейцарского телевидения, то журналисты из *Financial Times* или *Wall Street Journal*, и брали у меня интервью в комнате для свиданий. Охранники жутко боялись, что я расскажу о них что-нибудь плохое, поэтому у них существовало негласное правило «руки прочь от Биркенфельда». К тому же мои адвокаты продолжали давить на различные правительственные учреждения, которым я помог разобраться со всем этим швейцарским банковским мошенничеством.

Стив Кон из Национального центра помощи информаторам был настоящим экспертом, когда дело касалось требований о право судии, и не ленился регулярно выражать свой гнев. Я не знаю в точности, сколько писем написали они с Дином, но я думаю, что пачка этих посланий будет потолще налогового кодекса (документ 7). В какой-то момент меня вызвали в офис тюремного инспектора.

— Да, мэм?

— Все в порядке, мистер Биркенфельд?

— Все отлично. А почему вы спрашиваете?

— Вчера мне звонили из офиса сенатора Керри и интересовались вашим состоянием.

— Мое состояние в порядке, но ему наверняка наносят определенный ущерб всякие социалисты. Кроме того, оно уменьшается с ростом национального долга. А как ваше состояние?

Они искренне меня ненавидели, а я этим наслаждался. Я не хотел, чтобы тюрьма изменила мое представление о жизни. Мне всегда нравилось превращать грязь в деньги и развлекаться при любой возможности. Конечно, некоторые заключенные слишком ревниво относились к моему статусу и считали его «привилегией, доступной только для белых». А некоторые заключенные из афроамериканского и латиноамериканского лагерей даже называли меня правительственным «стукачом».

— Полегче, братцы, — говорил я на это. — Если я такой плохой, то что я делаю здесь, рядом с *вами*?

А если мне говорили:

— Ты меня что, больше не уважаешь?

Я отвечал:

— А когда это я тебя уважал?

Обычно после этого они затыкались, и дальше все было тихо.

Когда я отсидел примерно два года, Стив Кон и Дин Зерб приехали поговорить со мной. Мы уселись в комнате для свиданий. Ранее мы уже обсуждали по телефону возможность моего обращения в налоговую службу за наградой, хоть я и слабо в это верил. Но в этот раз что-то изменилось.

— Мы написали небольшое письмо, — сказал Стив.

— И отправили его в налоговую службу, — добавил Дин.

— Что, совсем небольшое? — спросил я.

Стив улыбнулся:

— Страниц двести. Наполовину это показания серьезных людей из правительства: Левина, Грассли^[99] и Хузами, данные под присягой или официально скрепленные подписью.

Я присвистнул.

— Для небольшого письма — серьезно.

— Кроме того, мы получили показания от агентов налоговой службы, проводивших расследование — сказал Дин. — Ведомству будет непросто спорить со своими собственными сотрудниками.

— Хорошо, — сказал я. — И сколько же мы просим?

— Что ж... — Стив ухмыльнулся и поправил свои очки, как у киношного умника. — UBS заплатил 780 миллионов долларов. Где-то около 200 миллионов из этой суммы было направлено в бюджет комиссией по ценным бумагам, поэтому они не фигурируют в расчетах налоговой службы. Нам остается около 580 миллионов. Мы рассчитываем получить от 15 до 30 процентов от этой суммы.

Я моргнул и пригнулся к столу. Мои собеседники сделали то же самое и принялись улыбаться, как пара чеширских котов.

— Вы хотите сказать, — прошептал я, — что мы получим... *50 миллионов?*

— Мы думаем, что сумма будет ближе к 100 миллионам, — ответил Стив.

Я сделал глубокий выдох, пожал плечами и вновь откинулся на стуле.

— Ребята, приходите сюда хоть каждый день! Мой дом — это ваш дом!

Мне оставалось сидеть около шести месяцев. Когда ты хорошо проводишь время, оно летит незаметно. Так прошли два моих года в заключении. Честно говоря, я думаю, что мой тюремный срок был как-то связан с моей кармой, если вы верите в подобные вещи. Для кого-то это худший период в жизни, но я воспользовался этим временем для того, чтобы непредвзято оценить, как устроена настоящая жизнь в «Стране Свободных людей». Кроме того, после стольких лет сражений с драконами из правительства пришло время немного отдохнуть. Большинство заключенных считали свой срок бременем, но я воспринимал его просто как перерыв в работе.

Как вы понимаете, после визита Стива и Дина я стал с еще большим презрением относиться ко всему, что касалось тюремного ведомства. Я в открытую предвкушал победу. Некоторые из моих товарищей-заключенных думали, что я в лучшем случае, пытаюсь выиграть в лотерею, а в худшем — просто свихнулся. Однако более толковые из них, те, кто знал меня лучше, верили, что я говорю правду.

— Думаешь, ты реально разбогатеешь после всего этого? — спросил меня Клифф.

— Чувак, когда ты выйдешь из тюрьмы, мы закатим вечеринку на яхте с моделями из

«Плейбоя»!

Клифф рассмеялся, однако его глаза заблестели, будто он уже предвкушал эту картину. Тюремщики же стали вести себя со мной подчеркнуто грубо.

— Тебе ничего не заплатят, Биркенфельд. Мечтать не вредно.

— Неужели? Оставь номерок: будущей зимой, когда ты будешь грести здесь снег, я звякну тебе из Сен-Тропе, прямо из моего кабриолета Porsche!

Вся эта неприятная болтовня начала затихать, когда старший охранник по имени Гарольд начал понемногу принимать мою сторону. Он был толковым и дружелюбным парнем без особых предубеждений и читал *Wall Street Journal*. Как-то раз, когда охранники следили за нашим обедом в столовой, Гарольд подошел к моему столу с широкой улыбкой и ткнул в мою сторону пальцем.

— А вот и он! Мистер Тридцать Процентов!

— Я же говорил вам, ребятки. — Я ухмыльнулся заключенным, обедавшим рядом со мной. — Даже Гарольд знает что к чему.

— Черт побери, — начали перешептываться они. — Похоже, что Биркенфельду действительно *заплатят*.

Сначала мне дали 40 месяцев, которые потом за хорошее поведение скостили до 31 месяца, то есть до двух с половиной лет. Министерство юстиции не возражало. Эти люди знали, что подставили меня, а благодаря шумихе в СМИ о моей истории знал весь мир. Возможно, они думали, что если они смягчатся, то и я не захочу преследовать их после выхода из тюрьмы. Но я просто отбывал свой срок, развлекался, как мог, и никогда не забывал старой поговорки мафиози: «Мечь — блюдо, которое лучше подавать холодным»^[100].

Пока я сидел Скулкилле, ничего серьезного вокруг меня не происходило: никого не убили, дрались только изредка. В целом парни вели себя достойно. Оказавшись на Курорте, они видели первые проблески свободы в конце тоннеля. Дуг часто приезжал навестить меня. Так же часто навещался Рик Джеймс, мой лучший приятель со времен работы в бостонском State Street, и другие близкие друзья. Мои папа и мачеха посещали меня при любой возможности и часто писали письма, чтобы подбодрить и поддержать меня. Мой брат Дейв приезжал из Сиэтла, моя мама — из Флориды. Я звонил семье и друзьям так часто, как только мог, чтобы они меньше беспокоились. Я прочел почти все книги из тюремной библиотеки и много размышлял о своих приключениях в Швейцарии. Я ни о чем не жалел и у меня почти не осталось ненависти к министерству юстиции. Я много узнал о законах и обнаружил, что в половине случаев министерство грубо их нарушало. Моя ненависть не исчезла до конца, но она не мешала мне улыбаться.

Однажды утром — летом 2012 года — я проснулся и понял, что вот-вот все закончится. Кое-кто из нашего корпуса уже отсидел свой срок и отправился домой, но другие мои приятели с долгими сроками оставались в своих камерах. Странное ощущение — я чувствовал, что скоро все изменится, жаждал вновь почувствовать вкус свободы, но меня печалило расставание с тюремными друзьями. Это похоже на школу или армию — вы не становитесь друзьями на всю жизнь, но кто-то все же остается с вами навсегда, пусть даже только в сердце и воспоминаниях.

В тот день Анвар принес мне бургер. Он работал на кухне и всегда умудрялся что-то стащить для меня или других приятелей. Сидя в камере, я наслаждался едой и цедил кока-колу.

— Через месяц ты выходишь, — сказал Анвар. — Скорей бы, да?

— Да, Анвар, так и есть. Но и здесь было хорошо. А сколько осталось тебе, дружище?

— О, еще 50 месяцев.

Я кивнул, прихлебывая кока-колу. Про себя я подумал: «Четыре долбанных года!»

— Скорей бы, да, Анвар?

— Нет. — Он медленно покачал головой и уставился в окно. — Я бы остался здесь.

Я откинулся назад в своем кресле и посмотрел на него.

— Что ты такое говоришь?

— Брэд, вот вы с ребятами все время говорите про все эти мобильные телефоны, компьютеры, интернет. А я вообще без понятия, что это. Здесь только пишущие машинки. Ну ладно, у кого-то есть нелегальные мобильники, так что, в принципе, я их видел. Но когда я сел, на воле ничего этого не было. И что я буду там делать? Я ничего не умею, у меня нет ни семьи, ни денег. А здесь у меня теплая кровать, горячий душ и еда.

Я кивнул в знак понимания, но в глубине души испытал шок. Меня охватили гнев и жалость. Мой товарищ оказался полностью поглощенным этой реальностью. Ему некуда было пойти, у него не было будущего. Вот что значил Скулкилл для Анвара и тысяч других таких же парней — финал долгой и тяжелой дороги, усеянной бедами и горестями. Я хлопнул его по плечу, но не нашел в себе сил посмотреть на него.

— Анвар, все будет в порядке. Тебе нужно просто попробовать.

В ответ он горько улыбнулся. Он-то знал...

1 августа 2012 года (в Швейцарии это День нации) я сдал свою тюремную униформу и облачился в толстовку Champion и кроссовки. Парни собрались вокруг моей камеры, и я раздал им все, что у меня было, кроме коробки с юридическими материалами, конечно. Вещей было немного — дешевые часы, которые я купил в лавке для заключенных, журналы и книги. Это был довольно формальный жест, но так было принято. Анвар, Билл и Клифф вывели меня на улицу, освещенную солнцем, и мы прошли по длинному коридору к главному входу. Дальше им не было дороги. Мы пожали друг другу руки, обнялись, и я повернулся лицом к своей свободе.

Из тюрьмы меня забирали Дуг и Рик Джеймс. На заднем сиденье BMW X5 они устроили для меня мобильное подобие пикника — со стейком, пиццей, свежими пончиками, кока-колой и кофе. Мы отправились в долгий путь до Нью-Гемпшира, где мне предстояло провести две недели в центре социальной адаптации. Мы смеялись, шутили и наслаждались пьяным ветром моей свободы. Это было, пожалуй, лучшее путешествие в моей жизни.

Прежде чем заключенного выпускают из тюрьмы, он должен представить данные о новом месте жительства и работе. Это было проблемой для многих заключенных, но не для меня. Я не случайно выбрал Нью-Гемпшир — лозунг штата «Живи свободным или умри» означает, помимо прочего, что жители штата не платят федерального подоходного налога. К тому времени я уже знал, что мне заплатят награду, поэтому такой тактический ход мог сэкономить мне миллионы. Сотрудники Скулкилла так и не узнали, в чем состояли мои мотивы. Возможно, они подумали, что мне просто нравится кленовый сироп. Я провел две беззаботные недели в центре социальной адаптации в Манчестере, штат Нью-Гемпшир, — в простом старом доме, где кроме меня жило еще двадцать «выпускников федеральных учреждений». Меньше чем через неделю после моего приезда в бостонский офис Дуга позвонил Дин Зерб из Вашингтона и сказал: «Пошел белый дым!»^[101] Дин сообщил Дугу, что налоговая служба предлагает мне награду в размере 104 миллионов долларов за раскрытие

роли UBS в крупнейшем налоговом мошенничестве в истории США. Казалось, что вопрос решен, но я на собственном печальном опыте убедился, что правительству доверять нельзя, поэтому просто продолжал жить, как обычно.

Я устроился на новую работу. Мой отец учился в квакерской школе-интернате в Пенсильвании, а один из его старых школьных друзей, Фриц Белл, владел небольшой фермой и конференц-залом в городе Рэймонд, штат Нью-Гемпшир, примерно в 50 километрах от столицы штата. Фриц, милый пожилой джентльмен, сказал моему отцу:

— Разумеется, мы с удовольствием возьмем Брэда на работу.

Фриц и его семья были прекрасными людьми. Они выделили мне место для жизни в небольшом старом домике сторожа, и я с удовольствием занимался садом, строил каменные стены, чинил амбар и дышал прохладным осенним воздухом. Мне всегда нравился физический труд — он помогает обрести чувство реальности. Я отказался бы от своей крошечной зарплаты, но федералы хотели получить доказательства моей реабилитации. Это ужасно смешно — сначала они тратят кучу денег налогоплательщиков на то, чтобы держать меня в тюрьме, а затем требуют, чтобы какой-то другой налогоплательщик взял меня на работу.

В начале сентября Стив Кон позвонил мне из Вашингтона и сказал, что собирается приехать. Он планировал долететь до Бостона, там пересесть на самолет до Манчестера, взять в аэропорту машину и приехать в Рэймонд.

— Ты ведь будешь дома, правда, Брэд? — его голос звучал необычайно возбужденным.

Я рассмеялся.

— Не волнуйся. Мне запрещено покидать пределы штата.

Тем же вечером мы стояли лицом к лицу в моей крошечной кухне. На мне были грязные ботинки, рваные джинсы и клетчатая рубашка, как у лесоруба. Стив был облачен в свой формальный костюм, но узел его галстука был распущен, а его лицо пылало. Он поставил свой портфель на ветхий стол, открыл его и вытащил чек, выпущенный государственным казначейством США.

Это был обычный чек, наподобие тех, которые вы получаете после 15 апреля^[102]. Он был выписан на имя Брэдли Биркенфельда, а в графе «сумма» стояло *75 816 958 долларов и 40 центов!* Общая величина моей награды составляла 104 миллиона, но правительство *удержало из нее налоги*. Волновало ли это меня в тот момент? Ни капли. Что такое несколько десятков миллионов в отношениях между друзьями, правда?

Мы не сказали друг другу ни слова, потому что победа лишила нас дара речи. Мы просто пожали друг другу руки и обнялись, как тренер и игрок, только что выигравшие суперкубок по бейсболу. Я перевернул чек, поставил на нем свою подпись, а затем мы отправились в конференц-зал. Там мы сделали несколько цветных копий чека, чтобы повесить их в рамках на стену. Затем Стив отправился в Вашингтон, чтобы на следующее утро положить мое состояние на целевой депозитный счет. Мы знали, что, если придем с таким чеком в манчестерский банк, там, скорее всего, вызовут полицию.

11 сентября 2012 года Стив и Дин провели пресс-конференцию в Национальном пресс-клубе в Вашингтоне, где заявили о крупнейшей награде за всю историю финансовых изобличений и о ее получателе — Брэдли Биркенфельде, недавно выпущенном из федеральной тюрьмы. Поскольку я находился на испытательном сроке и мне было запрещено покидать Нью-Гемпшир, я не мог присутствовать на мероприятии лично. Меня заменил Дуг, который произнес от моего имени речь и сказал, по сути, все то, о чем я думал

в тот момент. Это было сильное и убийственное выступление.

Сотрудники министерства юстиции пинали мебель и изрыгали проклятия. Кэтрин Кинелли, работавшая в то время главой налогового подразделения министерства юстиции, позднее призналась, что, когда на экране ее BlackBerry появилась новость о моей награде, она швырнула его через всю комнату и завопила:

— Сто четыре миллиона?! Да это больше, чем весь мой годовой бюджет!

Через несколько дней я попросил Дуга и Рика заехать к одному автодилеру в Бостоне. На его парковке стоял черный Porsche Cayenne Turbo, единственный в своем роде на всем Восточном побережье. Он стоил больше сотни тысяч долларов. Дуг и Рик позвонили мне и спросили, не хочу ли я поторговаться.

— Нет, просто заплатите им столько, сколько они просят. Какой смысл мелочиться, когда тебя ждет такое удовольствие!

Эта красotka приехала на ферму на погрузчике, как огромный свадебный торт. На следующий день одна милая леди, зашедшая в конференц-зал, заметила Porsche и спросила Фрица Белла, чья это машина. Тот улыбнулся и ответил:

— Нашего садовника.

В конце ноября закончился срок моего вынужденного затворничества и обязательных работ. В знак благодарности я выписал чеки на 5000 долларов каждому в семье Фрица. Они были очень гостеприимны, милы, никогда не разговаривали со мной о моем финансовом состоянии и не ждали, что я им поделюсь. Они были настоящими людьми с сильно развитым чувством человеколюбия.

Мне нужно было где-то жить, и я связался с агентом по недвижимости в городе Рай, прекрасном месте на берегу Атлантического океана. Мне прислали описания и фотографии нескольких домов. Мне понравился один дом с семью спальнями и небольшим гостевым коттеджем. Он стоял недалеко от пляжа, на зеленой лужайке, окруженный высокими деревьями.

Около дома стоял белый флагшток. Я уже знал, какой я подниму на нем флаг — черный «Веселый Роджер» с черепом и костями.

— Беру, — сказал я агенту.

— Он стоит довольно много, Брэд, — предупредила она. — Около семи тысяч долларов в месяц.

Я ухмыльнулся и мягко засмеялся в трубку.

— Дорогая, — сказал я. — Не беспокойся. UBS заплатит.

«Как чудесно, что никому не надо дожидаться особого момента, чтобы начать улучшать мир».

Анна Франк, жертва Холокоста

Наступила осень. С деревьев в Нью-Гемпшире начали опадать листья. Я стоял на каменистом пляже и наблюдал за тем, как одна-единственная решительная яхта смело скользила по гребням волн, ожидавших зимы. Далекий треугольник ее паруса колыхался на ветру, но казалось, что человек в лодке ни капли не боится огромной мощи океана. Я ощущал родство с этим человеком, и если бы он был знаком со мной, то наверняка чувствовал бы то же самое.

Солоноватый воздух был свежим и чистым, но я никак не мог избавиться от запаха Скулкилла в легких. И все же я был на воле — с высоко поднятой головой и с руками, засунутыми в карманы простого морского бушлата. Бывший заключенный — миллионер. Из грязи в князи. Нищий, ставший принцем. Миллионы на моем банковском счете казались мне чем-то эфемерным. Я никогда не смог бы заработать такой суммы, если бы остался швейцарским частным банкиром. Но я понимал, что это не заработанные деньги, а всего лишь награда.

Кто-то другой наверняка съехал бы с катушек, начал устраивать невероятные вечерники, купаться в шампанском, соблазнять прекрасных женщин яркими безделушками и обещаниями, сдержат которые был бы не в состоянии. Однако я уже пережил все это и давно понял, что дело не в деньгах. Я почти два десятилетия провел в мире денег и понял, что даже самые богатые и влиятельные люди не стали счастливее ни от денег, ни от власти. Я своими глазами видел, что атрибуты богатства лишь попытка прикрыть душевные раны.

Главное в жизни — это удовольствие от нее. Это люди, которые рядом с вами. Если у вас есть возможность, вы помогаете тем, кого любите и кто этого заслуживает. В каком-то смысле я был человеком, выигравшим в лотерею — только я не просто выбрал удачные номера, а поставил на кон всю свою жизнь, и шрамы от этой битвы остались со мной навсегда.

Разумеется, я не стал отказываться от приятных способов лечения душевных ран. Мой отличный дом в Рае нуждался в новой мебели и картинах на стенах. Я обожаю смотреть кино и купил себе огромный домашний кинотеатр с плоским экраном. Я погрузился в матчи НХЛ и гонки «Формулы-1». Я стал коллекционировать шлемы суперзвезд, кубки чемпионов и классические старые киноплакаты.

И все. Все нужные мне модели часов у меня уже были. Мне хватало одной спортивной машины, по крайней мере, на какое-то время. Я все еще был на испытательном сроке, который завершился лишь через три года, поэтому я должен был оставаться в Нью-Гемпшире, и мой роскошный дом скрашивал эту необходимость.

Тем не менее мои унижения продолжались. Я получил водительское удостоверение штата Нью-Гемпшир, но не мог покидать пределы штата без особого разрешения. Правительство отказалось вернуть мой старый паспорт с кучей виз и пограничных штампов. Это был мой счастливый паспорт, и то, что правительство отказалось мне его отдать, я счел проявлением злобы и мелочности. Я подал заявление на новый паспорт, и вскоре мне его

прислали, но я все равно не мог бы воспользоваться им еще много лет. Я знал, что все это — последние конвульсии министерства юстиции, которое не смогло помешать мне выйти на свободу и стать невероятно богатым. И ведь они прекрасно понимали, что, если бы я хотел вернуться к моим прежним делам, мне не нужно было бы никуда ехать — хватило бы обычного мобильного телефона.

Мой случай стал подлинным апогеем работы Национального центра помощи информаторам в Вашингтоне. Я уже говорил, что министерство юстиции не разрешило мне присутствовать на пресс-конференции, когда Стив Кон и Дин Зерб объявляли о знаменательных плодах моих усилий. Кроме того, за мной присматривал инспектор по надзору. Через какое-то время этот парень перестал приходить ко мне домой, возможно, понял, что мультимиллионер с «Порше», шикарным домом, зваными обедами и кучей гостей никуда не убежит.

Если Кевин Даунинг считал, что, замкнув меня в границах штата, сможет заставить меня замолчать, он сильно ошибался. Все было наоборот. Город Рай в штате Нью-Гемпшир рад гостям круглый год. Не реже раза в месяц ко мне домой приезжали репортеры или знаменитые телевизионные интервьюеры, и я каждый раз выступал против так называемой «системы правосудия», полностью некомпетентной и коррумпированной. Конечно, я понимал, что мои слова сами по себе вряд ли приведут к каким-либо результатам — играют роль только действия. Секретные банковские схемы по всему миру рушились одна за другой благодаря моим действиям. Все это начал я, и, хотя мою роль мало кто оценил, это было совсем неважно. Я сделал свою часть работы. Теперь пришло время делиться добром.

Я не буду приводить здесь список моих «добрых дел». Я не считаю, что совершил какие-то грехи, которые надо было бы искупать. Я тихо помогал проектам, которые этого заслуживали, и людям, которых я любил. Конечно, я не забыл ни о своих родных и близких, ни о других хороших людях, например о тех, кто жил на ферме Фрица Белла и так хорошо ко мне относился. Моя любимая хоккейная команда Boston Bruins поддержала идею создания благотворительной организации для нуждающихся детей. Свою долю средств получила и бостонская педиатрическая больница.

Я слышал, что Клифф Фалла утащил из тюремной библиотеки экземпляр *Wall Street Journal* с моей фотографией и статьей обо мне. Клифф носился по тюремной столовой, победно размахивая газетой, как знаменем. Когда Клифф вышел из Скулкилла, я отправил ему весточку. Надеюсь, что очередь дойдет и до Анвара.

Я никогда не был прижимистым, а получив награду, не стал швыряться деньгами. Но когда есть возможность сделать ярким каждый день и постараться забыть о сложных временах в прошлом — как ею не воспользоваться? Я обожал водить своих друзей в роскошные рестораны Нью-Гемпшира, раздавать им меню и говорить со знаменитой усмешкой Биркенфельдов:

— Заказывайте все, что хотите! За нас платит UBS, а нашим официантом будет Кевин Даунинг!

У меня не было больших планов на будущее, однако кое-что все же нужно было сделать. Возможно, вы помните старый телесериал «Заклейменный» — историю про кавалерийского офицера времен Дикого Запада, которого обвинили в предательстве. Его шпагу публично сломали, бывшие братья по оружию отвернулись от него, и он пытался обелить свое имя и предать правосудию тех, кто его подставил. Этот классический сюжет часто повторялся в истории — и в древнегреческих мифах, и в историях избалованных наших дней. Я хотел

сделать что-то подобное — говорить правду в лицо власти имущим, предъявлять плохо пахнувшие факты тем, кто не хотел о них знать, выводить на чистую воду швейцарских банкиров, которые притворяются, что они ничего не знали о делишках своих работодателей. Я хотел найти других смелых мужчин и женщин, подавленных и разбитых, и протянуть им руку помощи. Для этого я дал уже свыше сотни интервью и появился на бесчисленном множестве телешоу. Но моя работа еще не закончена.

Порой мне кажется, что мое предназначение было выбрано судьбой, и я не имею ничего против этого. Сначала я планировал по завершении своего испытательного срока уехать из Соединенных Штатов и, возможно, никогда больше не вернуться обратно. Да, это была страна, в которой я родился. Но это была и та страна, в которой я превратился из патриота, готового умереть за нее, в человека, которого государство предало и подвергло репрессиям. Америка перестала казаться мне сверкающим городом на холме. Ею правят коррумпированные политики, некомпетентные прокуроры и алчные финансисты, многие из которых стали моими заклятыми врагами.

Это решение казалось мне окончательным. Я понимал, что весь остаток жизни мне придется внимательно смотреть по сторонам, но лучше уж делать это вне берегов Америки. Я думал о красивом озере где-то в Европе, об удаленном от всего мира участке земли на склоне холма, о большом и крепком доме и о хорошо вооруженных телохранителях. Я мог бы посещать друзей и родных в Штатах, а они могли бы приезжать в мой замок. И я никогда больше не подверг бы себя риску пострадать от несправедливых действий власть имущих. Я уже пожил на широкую ногу и знал, чего это стоило.

Прошло время, я стал рассудительнее, богаче и мудрее. У меня достаточно занимательных игрушек, а время от времени я покупаю себе новые. Есть еще много благотворительных организаций, которым нужна помощь. Я хочу завести себе новые хобби и проводить больше времени в хороших компаниях.

Моими лучшими друзьями остаются старые друзья, которые знали меня еще до того, когда я стал богатым. Я нырнул в темную кроличью нору и выбрался из нее невредимым и счастливым.

Но вы меня уже знаете — я по-прежнему люблю неприятности...

Больше книг на сайте - Knigoed.net

БЛАГОДАРНОСТИ

«Игра Люцифера» — это история о том, как я распутал огромный клубок секретов, окружавших швейцарское банковское дело. Многие люди помогли мне рассказать эту историю, но прежде всего я хотел бы выразить свою благодарность тем, кто поддерживал меня в годы моей долгой саги.

Моя семья и близкие друзья были рядом и в ходе долгого судебного разбирательства, и пока я был в тюрьме. Они остаются со мной и теперь. Мой отец очень гордился тем, что я предал гласности неэтичное поведение UBS. Мой брат Дуг защищал меня во время судебных разбирательств и тесно сотрудничал с моими адвокатами. Он сделал все возможное, чтобы мои аргументы сработали. Спасибо, Дуг! Стивен Кон и Дэвид Кола-пинто из Вашингтона, а также Дин Зерб из Хьюстона представляли мои интересы, касающиеся закона об избличителях. Я не знаю других адвокатов, которые были бы лучше этих парней. Они прекрасно разбираются и в тонкостях законов об избличителях, и в работе механизмов власти в Вашингтоне. Они пристально отслеживали все бесконечные махинации министерства юстиции. Я хочу поблагодарить их за беспрецедентную награду, которую я получил. Только они поверили в успех нашего дела и довели его до конца. Джон Клайн из Сан-Франциско и Крис Ходж из Вашингтона защищали мои интересы касательно действий одного из бывших клиентов и помогали в решении других юридических проблем. Шарль Понсе поддерживал меня в Женеве, давая мудрые советы, когда я пытался рассказать о неправомерных действиях, сначала работая в UBS, а затем покинув банк. Филипп де Гинейро оказал мне бесценную помощь в координации сотрудничества с французскими магистратами, расследовавшими преступные действия UBS. Джеральд Гринберг, прекрасный адвокат из Майами, заставил министерство юстиции разрешить мне поехать в Париж до окончания моего испытательного срока, чтобы оказать содействие французскому уголовному расследованию в отношении UBS (такому же расследованию, которое не хотело проводить министерство юстиции США). Благодаря Джерри я смог отпраздновать свое 50-летие в Париже, «городе огней», в кругу своих друзей!

С самого начала моим делом заинтересовалось несколько некоммерческих организаций. Джесселин Рэддек, работавшая в то время в Government Accountability Project (GAP), одной из первых рассказала общественности о моем разбирательстве. Она предала гласности попытки министерства юстиции противостоять моим усилиям и преследовать человека, который раскрыл крупнейшее налоговое мошенничество в истории. Она рассказала и о том, как меня посадили в тюрьму за то, что многие люди считали поистине героическими действиями. Ее собственный прежний, довольно мучительный опыт избличения неправомерных действий в министерстве юстиции, а также представление интересов избличителей в бесчисленном количестве других разбирательств позволили привлечь к моему делу широкое внимание.

Кроме GAP, большую роль в предании гласности действий министерства юстиции сыграли следующие организации — Национальный центр помощи информаторам (NWC), Project on Government Oversight (POGO), Taxpayers Against Fraud (TAF), Transparency International, Global Witness, Democracy Now, No Fear Coalition, Disclosure Watch, Federal Ethics Center, Whistleblowers USA, Federal Accountability for Reform (FEAR), National Forum on Judicial Accountability, Whistleblowers Support Fund, International Association of Whistleblowers

и National Public Radio (NPR). Все они помогли мне доказать, что министерство юстиции мешало мне заявить о действиях UBS и других частных банков, помогавших зажиточным американцам избегать своих налоговых обязательств.

Помимо организаций, помогавших изобличителям, свою роль сыграли и многие журналисты. Они проводили расследования и сообщали о незаконных действиях UBS и других частных банков, а также о том, как министерство юстиции спустя рукава относилось к своей работе по отправлению правосудия. Я хочу особенно отметить глубокую и серьезную работу следующих американских журналистов: Шэрил Аттикссон, Фабио Бенедетти-Валентини, Майкла Броннера, Джесси Друкера, Хуана Гонсалеса, Джеймса Гримальди, Дэвида Хильценрата, Уильяма Хоука, Имона Хаверса, Дженет Новак, Даниэля Рантьеса Лору Сандерс, Дейва Соломона, Кена Стиера и Вивьен Уолт. За пределами США, где история налогового заговора частных банков и отдельных лиц только начинает раскручиваться, я бы хотел особенно отметить журналистов, которые помогли предать гласности роль UBS и других частных банков в этом заговоре: Иэна Аллисона, Тома Берджеса, Астрид Дорнер, Кэтрин Дюбулоз, Сири Гедде-Даль, Лукаса Хэссига, Мишеля Анри, Артура Хонеггера, Джона Легцинга, Маттье Пеллоли, Эдуарда Перрина, Франсуа Пиле, Валери де Сенневиль, Хейга Симоняна, Себастьяна Ситтла, Горана Скаалмо, Ноопур Тивари, Роара Вальдергоха, Мэтью Валенсия и Маритину Зафеирияду. Уверен, что я не включил имена многих людей, внесший ценный вклад в расследование этого глобального мошенничества, приношу за это свои извинения и выражаю всем этим людям свою искреннюю благодарность.

Я бросил вызов крупнейшему банку мира, не до конца понимая, с какими последствиями сталкиваются изобличители. Мне посчастливилось встретить в последние годы нескольких настоящих героев, рискнувших всем ради раскрытия преступлений. Хочу поблагодарить Гарри Маркополоса, раскрывшего мошенническую «схему Понци», созданную Берни Мэдоффом, и многих других изобличителей за их отважные усилия. Мы обязаны признать важность вклада, внесенного этими людьми в развитие нашего общества, и всячески поддерживать законодательные акты и программы, помогающие защищать их работу и обеспечивающие им достойную компенсацию.

Я хочу поблагодарить всех тех, кто помогал мне в создании этой книги. Спасибо моим друзьям, семье и коллегам — я очень ценю все то, что вы делаете, чтобы рассказать всему миру о моей жизни. Вы помогли мне описать жизнь частного банкира и сделали все для того, чтобы мой рассказ не ушел в сторону. Также я бы хотел поблагодарить Эрика Раймана за помощь в путешествии по таинственному миру законодательства, связанного с произведениями литературы и искусства.

Я всегда буду безгранично признателен моим дорогим друзьям Фрицу Беллу (светлая память!) и Уиллу Фрегози, которые дали мне кров, работу и возможность общения после освобождения из тюрьмы. Они помогли мне снова встать на ноги, гордились моими действиями по изобличению преступников и всячески поощряли меня к тому, чтобы я рассказал эту историю всему миру.

И наконец, я очень благодарен Стивену Хартову за множество часов, в течение которых он терпеливо изучал историю и тщательно погружался в жизнь частного банкира. Спасибо ему за вдумчивое исследование моего исторического изобличения и моей драматической битвы против министерства юстиции. Стивен смог мастерски передать в книге мои интонации, и нам удалось удачно рассказать неслыханную историю о том, как я разрушил

секретность швейцарской банковской системы.

Десять крупнейших скандалов с участием UBS

Мое историческое изобличение позволило открыть лишь одну из многих незаконных схем, реализованных UBS в недавние годы. И хотя действия по уходу от налогов, которые я предал огласке, имели очень крупные последствия, другие известные схемы с участием UBS позволяют понять, с каким пренебрежением относился банк к законам, работая по всему миру.

1. 10 мая 2004 года — незаконный перевод валюты США в страны, находящиеся под эмбарго.

ШТРАФ: 100 миллионов долларов.

2. 18 февраля 2009 года — уклонение от уплаты налогов в США с помощью офшорных схем.

ШТРАФ: 780 миллионов долларов.

3. 4 мая 2011 года — мошенничество с ценными бумагами на рынке деривативов (мини-бондов).

ШТРАФ: 160 миллионов долларов.

4. 26 ноября 2012 года — вышедший из повиновения британский трейдер потерял 2,3 миллиарда долларов.

ШТРАФ: 47,6 миллиона долларов.

5. 19 декабря 2012 года — махинации со ставкой LIBOR на валютном рынке.

ШТРАФ: 1,5 миллиарда долларов.

6. 25 июля 2013 года — мошенничество на рынке ценных бумаг, обеспеченных залоговыми.

ШТРАФ: 885 миллионов долларов.

7. 29 июля 2014 года — уклонение от уплаты налогов в Германии с помощью офшорных схем.

ШТРАФ: 403 миллиона долларов.

8. 30 сентября 2014 года — уклонение от уплаты налогов во Франции и отмывание денег.

ШТРАФ: 1,4 миллиарда долларов.

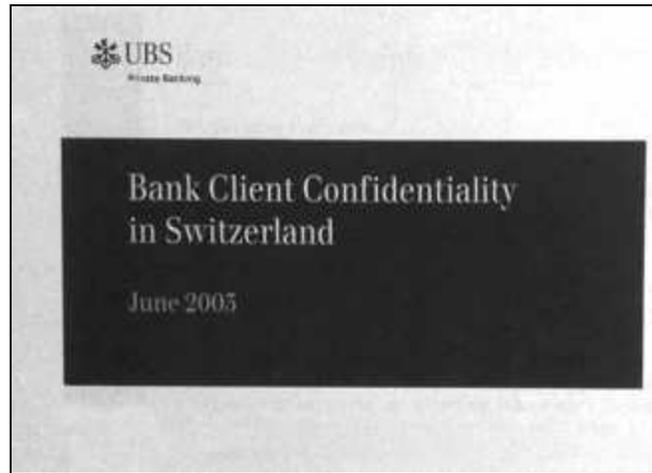
9. 20 мая 2015 года — скандал на рынке валют и LIBOR.

ШТРАФ: 545 миллионов долларов.

10. 10 марта 2016 года — признание незаконными премий, выплаченных банкирам UBS.

ШТРАФ: 130 миллионов долларов.

Документ 1: Швейцарская банковская тайна

UBS

Частное банковское обслуживание

Конфиденциальность клиента банка в Швейцарии Июнь 2003 г.

Эта презентация UBS описывает причины, по которым клиенты UBS были некорректно проинформированы о том, что они находятся под защитой банковской тайны.

Документ 2: Трехстраничный меморандум

Cross-Border Banking Activities into the United States (version November 2004)

1. Introduction; Regulated Activities in United States and Status of UBS Entities

The U.S. legal regulatory framework draws an important distinction between banking and securities activities:

Banking activities, most important cash and custody services, are governed by various federal and state laws and are regulated by various federal and state banking supervisors, including, in the case of UBS AG's branches, agencies, and bank depository subsidiaries, the Federal Reserve Board (the "Board"), the Office of the Comptroller of the Currency ("OCC"), the Federal Deposit Insurance Corporation ("FDIC") and the Connecticut, Illinois and Utah state banking departments.

Securities related activities (i.e., broker-dealer, investment advisor) are governed by various federal and state laws and are regulated by the Securities and Exchange Commission ("SEC") and state securities supervisors. Broker-dealers also are members of, and governed by, a self-regulatory organization ("SRO") known as the National Association of Securities Dealers ("NASD"). There is a separate regulator and regulatory scheme for providers of commodities services.

UBS AG has several U.S. branches and agencies and various non-banking subsidiaries all properly licensed, but these licenses do not encompass cross-border services provided to U.S. residents by UBS AG offices or affiliates outside of the United States. (Unless otherwise specified, all references herein to "UBS AG" refer to offices located, or employees based, outside of the United States).

2. Advertising & Events

Advertising: Some state laws prohibit banks without a banking license from that state from soliciting deposits from that state's residents. States also may prohibit non-licensed lenders from making certain loans to consumers in such states. Any entity outside of the United States that is not registered with the SEC (and, in the case of brokerage activities, with the NASD) may not advertise securities services or products in the United States. Therefore, UBS AG will not advertise and market for its services with material going beyond generic information relating to the image of UBS AG and its brand in the U.S.

Events. UBS AG may not organize, absent an opinion from Legal, events in the U.S.

3. Establishing Relationships with New Clients Resident in the United States

Securities services/products. UBS AG may not establish relationships for securities products or services with new clients resident in the United States with the use of U.S. jurisdictional means. Thus, it must ensure that it does not contact securities clients in the United States through telephone, mail, e-mail, advertising, the internet or personal visits.

Banking services/products. To avoid possible violations of state law and/or to avoid establishing and maintaining a place of business in the United States, UBS AG should ensure that:

- No marketing or advertising activity targeted to U.S. persons takes place in the United States;
- No solicitation of account opening takes place in the United States;
- No cold calling or prospecting into the United States takes place;

- No negotiating or concluding of contracts takes place in the United States;
- No carrying or transmitting of cash or other valuables of whatever nature out of the United States takes place; The same applies to actively organizing such transfers or attempting to circumvent this prohibition through other means.
- No routine certification of signatures, transmission of completed account documentation, or related administrative activity on behalf of UBS AG takes place;
- Employees do not carry on substantial activities at fixed location(s) while in the United States thereby establishing an office or maintaining a place of business.

Outside the United States. Soliciting and accepting banking business from U.S. residents while they are outside of the United States generally is not problematic.

4. Maintaining Relationships with Clients Resident in the United States

Securities services/products. UBS AG may not maintain relationships for securities services or products with clients resident in the United States, unless the relationship is conducted without the use of U.S. means (e.g., telephone, mail, e-mail, advertising, the internet or personal visits into the United States) and consistent with procedures UBS AG has established in this regard.

Banking services/products. If UBS AG obtains a U.S. resident client for banking services without violating the restrictions set forth in section 3 above, it may service the account:

- UBS AG may provide statements, account information and transaction confirmations to the client, provided it does so in accordance with the terms agreed by the client and in compliance with all applicable internal procedures.
- UBS AG may provide product and service information subject to the points mentioned in section 6 below.
- UBS AG may certify signatures, transmit account documentation and conduct related administrative activity for existing clients.

Under no circumstances will UBS AG be carrying or transporting cash and other valuables of whatever nature on behalf of clients into or out of the United States. The same applies to actively organizing such transfers or attempting to circumvent the prohibition.

When traveling cross-border, UBS AG employees always must remember that all clients of UBS AG expect us to take all necessary steps to safeguard confidentiality. Client advisors are referred to separate guidance on the protection of confidential information and other available resources that may assist.

5. Dealing with Financial Intermediaries and other Non-Private Clients Resident in the United States

Securities services/products. UBS AG may not deal with financial intermediaries or other non-private clients resident in the United States in matters relating to securities services and products, except for registered broker-dealers and U.S. licensed banks, provided that it does not directly or indirectly deal with the private and non-private clients of such broker-dealers and banks.

Banking services/products. UBS AG may accept referrals from financial intermediaries in the United States, provided that the financial intermediaries (i) do not work for UBS AG, (ii) do not actively market UBS AG services and products, and (iii) make referrals only to accommodate client requests. In dealing with such intermediaries, UBS AG must comply with the restrictions set forth in sections 3 and 4 above.

6. Product Offering

Securities products. All securities products offered to U.S. persons must be compliant with U.S. laws, which generally means that they must be registered with the SEC. The purchase of securities may be exempt from registration if certain conditions are met.

Lending products. It may be necessary to obtain a state license to offer lending products, depending on the purpose, amount, interest rate and borrower of the product. There is a reasonable argument that federal consumer protection laws do not apply to products offered by non-U.S. entities, but state consumer protection laws (e.g., anti-usury) may apply.

Research. UBS AG research may not be distributed to clients in the United States, except in very limited circumstances.

E-Banking. UBS AG has implemented specific restrictions for e-banking for U.S. customers.

Именно этот меморандум UBS был основной причиной, по которой Брэд решил осуществить свое историческое изобличение.

Трансграничная банковская деятельность на территории Соединенных Штатов (версия от ноября 2004 г.)

1. Введение: регулируемые виды деятельности в Соединенных Штатах Америки и статус компании UBS

Правовая нормативная база США проводит важное различие между банковской деятельностью и деятельностью в области ценных бумаг.

Банковская деятельность, в особенности операции с деньгами и кастодиальные услуги, регулируются различными федеральными законами и законами отдельных штатов, а также контролируются различными ведомствами, как федеральными, так и на уровне штатов, включая (в случае подразделений, агентств и подразделений UBS AG, занимающихся депозитарными услугами) Федеральное резервное управление («Управление»), Управление аудита денежного обращения (СОСС), Федеральную корпорацию по страхованию вкладов (FDIC) и органы, регулирующие банковскую деятельность в штатах Коннектикут, Иллинойс и Юта.

Деятельность, связанная с ценными бумагами (то есть, услуги брокеров, дилеров и консультантов по инвестициям), регулируется различными федеральными законами и законами отдельных штатов, а также Комиссией по ценным бумагам и биржам (SEC) и надзорными органами штатов. Брокеры и дилеры также являются членами саморегулирующейся организации, известной как Национальная ассоциация фондовых дилеров (NASD). Для поставщиков услуг, связанных с биржевыми товарами, имеется отдельная регулирующая организация и особая схема регулирования.

UBS AG имеет несколько подразделений и агентств в США, а также различные небанковских подразделений. Все они имеют соответствующие лицензии, однако эти лицензии не подразумевают оказания резидентам США трансграничных услуг, оказываемых отделениями UBS AG или его аффилированными структурами за пределами Соединенных Штатов (если не указано иное, то все упоминания «UBS AG» в данном документе относятся к подразделениям и сотрудникам, расположенным и работающим за пределами Соединенных Штатов).

2. Реклама и мероприятия

Реклама. Законы некоторых штатов запрещают банкам, не имеющим банковской лицензии соответствующего штата, предлагать услуги размещения депозитов жителям этого штата. Также отдельные штаты могут запрещать нелицензированным кредиторам выдавать определенные типы кредитов заемщикам. Любая организация, расположенная за пределами Соединенных Штатов и не зарегистрированная в SEC (в случае брокерских операций — и

NASD), не может рекламировать на территории США услуги и продукты, связанные с ценными бумагами. Вследствие этого UBS AG не будет рекламировать и заниматься маркетингом своих услуг в США, за исключением предоставления общей информации, связанной с UBS AG и его брендом.

Мероприятия. UBS AG не будет организовывать никаких мероприятий на территории США, если иное прямо не разрешено юридическим отделом банка.

3. Установление отношений с новыми клиентами — резидентами США

Услуги и продукты, связанные с ценными бумагами. UBS AG не может устанавливать отношения с новыми клиентами — резидентами США (определяемыми в соответствии с принципами юрисдикции США) по вопросам предоставления продуктов и услуг, связанных с ценными бумагами. Таким образом, банк должен обеспечить все возможное для того, чтобы не взаимодействовать с клиентами, расположенными на территории Соединенных Штатов по вопросам, связанным с ценными бумагами, по телефону, почте, электронной почте, через рекламу, Интернет или в личном общении.

Банковские услуги и продукты. Для того чтобы избежать возможного нарушения законов штатов и действий, равносильных фактической работе банка в Соединенных Штатах, UBS AG должен обеспечить следующее:

- На территории Соединенных Штатов не происходит никакой маркетинговой или рекламной деятельности, направленной на жителей США.
- На территории Соединенных Штатов не происходит никакой деятельности, призывающей к открытию счетов.
- На территории Соединенных Штатов не происходит «холодного обзвона» и другой работы с потенциальными клиентами.
- На территории Соединенных Штатов не производится обсуждение или заключение контрактов.
- Не допускается передача или вывоз денежных средств или любых других ценностей с территории Соединенных Штатов. Эти же правила применимы в отношении организации такой передачи или попыток обойти данный запрет любыми другими способами.
- Не производится никакой деятельности по сертификации подписей, передаче заполненной документации, связанной со счетами, и никакой соответствующей административной деятельности от имени UBS AG.
- Сотрудники банка, находящиеся в Соединенных Штатах, не занимаются никакой существенной деятельностью в местах постоянного положения, поскольку это может привести к формальному признанию наличия офиса или места ведения деятельности.

За пределами Соединенных Штатов. Приглашение открывать счета и пользоваться другими услугами, адресованное резидентам США, находящимся за пределами Соединенных Штатов, не запрещается.

4. Поддержание отношений с клиентами — резидентами Соединенных Штатов

Услуги и продукты, связанные с ценными бумагами. UBS AG может поддерживать

отношения, связанные с услугами и продуктами в области ценных бумаг, с клиентами — резидентами Соединенных Штатов, но не с помощью средств связи в США (например, с помощью телефона, почты, электронной корреспонденции, рекламы, Интернета или личных визитов в Соединенные Штаты), и только в случае соответствия процедурам, принятым UBS AG в этом отношении.

Банковские услуги и продукты. Если у UBS AG появляется клиент — резидент США и банк оказывает ему банковские услуги, не нарушая ограничений, установленных выше в разделе 3, то банк может совершать следующие действия:

- UBS AG может предоставлять клиенту заявления, информацию о счетах и подтверждения совершенных сделок при условии, что это делается на условиях, согласованных с клиентом и в соответствии со всеми применимыми внутренними процедурами.

- UBS AG может предоставлять информацию о своих продуктах и услугах в соответствии с положениями раздела 6 ниже.

- UBS AG может заниматься сертификацией подписей, пересылкой документации о состоянии счета и производить соответствующие административные действия для существующих клиентов.

Ни при каких обстоятельствах UBS AG не будет производить или организовывать от имени клиентов доставку денежных средств и других ценностей любого характера на территорию Соединенных Штатов. То же самое применимо в отношении активной организации подобных действий или попыток обойти данный запрет.

В случае поездок в другие страны сотрудники UBS AG должны помнить, что все клиенты UBS AG ожидают от нас всех необходимых действий для сохранения конфиденциальности. Сотрудники, оказывающие консультации клиентам, должны руководствоваться дополнительными правилами сохранения конфиденциальной информации и другими уместными и доступными им ресурсами.

5. Общение с финансовыми посредниками и другими нечастными клиентами — резидентами Соединенных Штатов

Услуги и продукты, связанные с ценными бумагами. UBS AG не может вступать в деловые отношения с финансовыми посредниками или другими нечастными клиентами в Соединенных Штатах по вопросам, касающимся услуг и продуктов в области ценных бумаг, за исключением зарегистрированных брокеров, дилеров и банков, лицензированных в США (при условии, что это ни прямым, ни косвенным образом не связано с обслуживанием частных и нечастных клиентов таких брокеров, дилеров и банков).

Банковские услуги и продукты. UBS AG может принимать запросы от финансовых посредников в Соединенных Штатах при условии, что эти финансовые посредники (i) не работают на UBS AG; (ii) не занимаются активным маркетингом услуг и продуктов UBS AG и (iii) их запросы основаны на соответствующих запросах, поступающих от их клиентов. Работая с такими посредниками, UBS AG должен выполнять ограничения, установленные в разделах 3 и 4 выше.

Продукты, связанные с ценными бумагами. Все продукты, связанные с ценными бумагами, предлагаемые лицам из США, должны соответствовать законам США, что в целом означает, что они должны быть зарегистрированы в Комиссии по ценным бумагам и биржам. При определенных условиях покупка ценных бумаг может быть освобождена от регистрации.

Кредитные продукты. В зависимости от цели, суммы, процентной ставки и личности заемщика для некоторых кредитных продуктов требуется получить лицензию в органах соответствующего штата. Несмотря на то что федеральные законы о защите прав потребителей неприменимы в отношении продуктов, предлагаемых компаниями, зарегистрированными за пределами США, в этих случаях могут быть применимы законы штатов о защите прав потребителей (например, законы, направленные против ростовщичества).

Исследования. Материалы проводимых UBS AG исследований не могут направляться клиентам в Соединенных Штатах, кроме некоторых исключительных обстоятельств.

Электронное банковское обслуживание. UBS AG установил ряд конкретных ограничений на предложение американским клиентам услуг в области электронного банковского обслуживания.

Case Studies Cross-Border Workshop NAM

- Please go through each case. Put yourself into the concrete situation as it occurs in real life.
- Do not tackle the case with the perspective of what you think that Legal, Compliance, IT or Security Risk wants to hear.
- Compare your behaviours with the ones of your colleagues in the group.
- Identify and note questions you want to raise in the plenary session.

Case 1

During your trip to the USA/Canada, where you wish to visit various clients, you are stopped at the border by the customs authority or during your stay by the police and confronted with the following questions:

- purpose of your visit
- your profession
- people you are going to visit
- content of your baggage incl. notebook, cell phone, PDA (SMS, MMS, digital photographing) or Blackberry

Question 1: How do you react? How do you prepare for such a potential confrontation? How did you fill out your immigration form?

You get a strange feeling about the way the way the questions are asked. You remember that, with the intention to avoid having to carry those documents with you, you had sent an envelope with some of the sensitive account related data to your hotel (alternatively: a friend in the respective country whom you know very well; a family member; a local business contact).

Question 2: How do you handle sensitive documents you want to use during your visit (such as account statements and similar documents) when planning a trip to the USA/Canada?

Case 2

During the discussion with a very interesting prospect in the USA/Canada he/she indicates that he/she has a substantial amount of money to transfer from his/her home country to your bank. The prospect queries whether the bank can assist him/her in this respect. He/She mentions in the same token that Bank XYZ had offered him/her very concrete services for his/her assistance.

Question: How do you react? Would it make a difference if the person was a long standing client of the bank?

Case 3

During a trip to the USA/Canada you intend to meet client X. He recently gave you a telephone call and asked you to bring his latest account statements with you at your next visit. He also mentioned that he would like to hand over to you a number of written trading orders and to discuss them at the proposed meeting. Finally, he refers to the telephone conversation you had with him some weeks ago regarding the advantages of a PM mandate and he asked you to also bring along the necessary documents for the conclusion of a PM contract.

Permanent Subcommittee on Investigations

EXHIBIT #92

Due to a conflict of dates you are not able to travel. As you do not want to disappoint your client, you consider making a call to the local UBS branch/subsidiary (where you know one of the officers very well) and ask an officer to meet your client and to satisfy his requests on your behalf.

Question 1: What do you think of this idea?

Question 2: Generally speaking, to what extent and in which activities can your colleague of the local branch/subsidiary be of assistance? Please go through concrete situations as they occur in your daily work.

Case 4

After passing the immigration desk during your trip to the USA/Canada, you are intercepted by the authorities. By checking your Palm, they find all your client meetings. Fortunately you stored only very short remarks of the different meetings and no names.

As you spend around one week in the same hotel, the longer you stay there, the more you get the feeling of being observed. Sometimes you even doubt if all of the hotel employees are working for the hotel. A lot of client meetings are held in your suite of the hotel.

One morning you are intercepted by an FBI-agent. He looks for some information about one of your clients and explains to you, that your client is involved in illegal activities.

Question 1: What would you do in such a situation?

Question 2: What are the signs indicating that something is going on?

Case 5

As you had a lot of documents to take with you to your trip to the USA/Canada, the carry on luggage was very heavy and you decided to put your notebook in the checked luggage. When arriving at your destination, you realise that your notebook is missing. You are not sure, whether you had a separate excel-file with a client summary still on your notebook.

Question 1: What would you do in such a situation?

Later on, when arriving at the hotel, you are contacted by an anonymous caller. He pretends having found your notebook at the airport and offers you a deal: He sends you the notebook if you pay him an amount of USD 100'000. Your notebook is equipped with the latest security features (encryption, token based authentication).

Question 2: Your reaction

В этих обучающих документах UBS содержатся типовые сценарии, по которым банкиры UBS должны были отвечать на вопросы таможенной службы при въезде в США и Канаду.

Обсуждение примеров трансграничной деятельности (семинар)

- Изучите каждый пример. Попробуйте представить себе, что данная конкретная ситуация возникает с вами в реальной жизни.
- Не формулируйте свои ответы с учетом того, что, по вашему мнению, от вас хотят услышать представители юридического отдела, службы информационных технологий или отдела оценки рисков.

- Сравните свое поведение с поведением других коллег в группе.
- Сформулируйте и запишите вопросы, которые вы хотели бы задать в ходе дальнейшего обсуждения.

Пример 1

Во время вашей поездки в США или Канаду, где вы хотели бы встретиться с клиентами, вас останавливает на границе представитель таможенной службы (или представитель полиции) и задает вам следующие вопросы:

- цель вашего визита;
- ваша профессия;
- имена людей, с которыми вы планируете встретиться;
- содержимое вашего багажа, включая содержимое ноутбука, мобильного телефона, смартфона (SMS, MMS, цифровые фотографии) или Blackberry.

Вопрос 1: Как вы отреагируете? Как вы подготовитесь к этому? Как вы заполнили иммиграционную карточку?

У вас возникает подозрение в связи с тем, как именно задаются вопросы. Вы помните, что не хотели взять с собой определенные документы. Вы отправили конверт с конфиденциальной информацией, связанной с банковским счетом клиента на адрес гостиницы (возможные альтернативы: хорошему другу в соответствующей стране, члену семьи, деловому знакомому).

Вопрос 2: Что вы делаете с конфиденциальной документацией, которой хотите воспользоваться во время своего визита в США или Канаду (например, со справками о состоянии счета и другими аналогичными документами)?

Пример 2

В ходе беседы с интересным для вас потенциальным клиентом в США или Канаде он или она упоминает о том, что располагает значительной суммой денег, которую можно было бы перевести в ваш банк из своей страны. Потенциальный клиент задает вопрос о том, может ли банк оказать ему содействие в этом вопросе, и упоминает, что в ответ на аналогичную просьбу банк XYZ предложил ему вполне конкретные формы содействия и услуг.

Вопрос: Как вы отреагируете на такие слова? Имело бы в данном случае какое-то значение, что ваш собеседник является давним клиентом вашего банка?

Пример 3

Во время своей поездки в США или Канаду вы намереваетесь встретиться с клиентом X. Незадолго до этого он позвонил вам и попросил привезти ему к следующей встрече справку о состоянии его счета. Также он упомянул, что хотел бы передать вам несколько платежных распоряжений и обсудить их содержание при встрече. Кроме того, он напоминает вам о

другом телефонном разговоре в прошлом, в ходе которого шла речь о преимуществах работы с частным банкиром. Он просит вас привезти с собой документы, необходимые для заключения договора на эти услуги.

Однако вследствие конфликта дат вы не можете прилететь в США на встречу. Чтобы не разочаровывать своего клиента, вы решаете позвонить в отделение UBS в США (одному из хорошо знакомых вам сотрудников) и попросить своего коллегу встретиться с вашим клиентом и удовлетворить его просьбы.

Вопрос 1: Что вы думаете об этой идее?

Вопрос 2: Говоря в целом, в какой степени и в каких именно вопросах ваш коллега их местного отделения может оказывать вам содействие? Обсудите конкретные ситуации, возникающие в вашей работе.

Пример 4

После того как вы в ходе своей поездки в США или Канаду пересекли пост иммиграционной службы, представители властей останавливают вас и проверяют содержимое вашего смартфона. Они обнаруживают данные о всех ваших встречах с клиентами. К счастью, вы храните лишь короткие заметки о различных встречах и не указываете никаких имен.

В течение недели вы живете в одной и той же гостинице. Чем дольше вы там остаетесь, тем сильнее у вас ощущение, что за вами следят. Порой вам даже кажется, что некоторые сотрудники гостиницы — не те, за кого они себя выдают. Вы проводите в своем гостиничном номере много встреч с клиентами.

Однажды утром к вам приходит агент ФБР. Он ищет информацию об одном из ваших клиентов и объясняет, что этот клиент занимается незаконной деятельностью.

Вопрос 1: Что вы должны делать в такой ситуации?

Вопрос 2: По каким признакам можно понять, что вокруг вас творится что-то не то?

Пример 5

Поскольку вам нужно было взять с собой в поездку в США или Канаду много документов, ваша ручная кладь оказалась слишком тяжелой и вы решили сдать свой ноутбук в багаж. Прибыв в точку назначения, вы обнаруживаете, что ваш ноутбук пропал. Вы не можете вспомнить, записывали ли вы на него электронную таблицу с общими данными о клиенте.

Вопрос 1: Что вы должны делать в такой ситуации?

Когда вы прибыли в гостиницу, с вами связался незнакомец. Он заявил, что нашел ваш ноутбук в аэропорту и предлагает вам сделку — он отправит вам ноутбук в обмен на 100 000 долл. Ваш ноутбук оснащен всем необходимым для обеспечения безопасности (система шифрования и система аутентификации на основе электронного ключа безопасности).

Вопрос 2: Ваша реакция.

Документ 4:

U.S. Department of Justice

United States Attorney
Southern District of Florida

500 East Broward Boulevard, Ste. 700

Fort Lauderdale, FL 33304
(954) 356-7255

July 2, 2008

David M. Zornow, Esq.
Skadden, Arps, Slate, Meagher, & Flom LLP
Four Times Square
New York, New York 10036

Re: Martin Liechti

Dear Mr. Zornow:

On the understandings specified below, the United States Attorney's Office for the Southern District of Florida and the Department of Justice, Tax Division (collectively hereinafter "the United States government"), will not criminally prosecute Martin Liechti for any crimes he committed related to his involvement in a tax fraud scheme whereby UBS managers, UBS bankers, United States clients of UBS and others defrauded the United States and other United States government agencies, including the Internal Revenue Service and the Securities Exchange Commission with respect to United States cross-border banking and investment activities (hereinafter "the UBS tax fraud scheme").

In exchange for these promises, Martin Liechti agrees that should the United States government determine that he willfully violated any of the following conditions, then: (a) Martin Liechti shall thereafter be subject to prosecution for any federal criminal violation of which the United States government has knowledge, including perjury and obstruction of justice, and any such prosecution that is not time-barred by the applicable statute of limitations on the date of the signing of this Agreement may be commenced against Martin Liechti, notwithstanding the expiration of the statute of limitations between the signing of this Agreement and the commencement of such prosecution; and (b) all statements made by Martin Liechti to the United States government or any United States law enforcement agency designated by the United States government, including statements given pursuant to a proffer agreement executed on May 22, May 23, June 2, June 12, and June 18, 2008 and any testimony given by Martin Liechti before a grand jury or other United States tribunal, whether prior to or subsequent to the signing of this Agreement, and any leads from such statements or testimony shall be admissible in evidence in any criminal proceeding brought against Martin Liechti.

This Agreement does not provide any protection against prosecution for any crimes except as set forth above.

1. Martin Liechti (a) shall truthfully and completely disclose all information with respect to the activities of himself and others concerning all matters about which the United States government inquires of him, which information can be used for any purpose; (b) shall cooperate fully with the United States government, the Internal Revenue Service, and any other law enforcement agency designated by this Office; (c) upon reasonable notice shall attend all meetings at which the United States government requests his presence; (d) shall provide to United States government upon request, any document, record, or other tangible evidence in his custody, possession or control relating to matters about which the United States government or any designated law enforcement agency inquires of him; (e) shall truthfully testify before the grand jury and at any trial and other court proceeding with respect to any matters about which the United States government may request his testimony; (f) shall bring to the attention of the United States government all crimes as defined by United States law which he may have committed, and all administrative, civil or criminal proceedings, investigations, or prosecutions in which he has been or is a subject, target, party, or witness; and (g) shall commit no crimes as defined by United States law whatsoever. Moreover, any assistance Martin Liechti may provide to federal criminal investigators shall be pursuant to the specific instructions and control of the United States government and designated investigators.

2. Martin Liechti appoints his attorney, David M. Zornow, as his agent to accept service of legal process, including subpoenas and summonses, in any proceeding instituted by the United States government or to which the United States government is a party with respect to the fraud scheme described above.

3. Unless and until the United States government decides otherwise, Martin Liechti shall remain in the United States until the United States government obtains from UBS AG or otherwise the compilation of documents assembled by Martin Liechti and his assistant in early 2008 concerning the fraud scheme described above, the existence of which Martin Liechti disclosed to the United States government pursuant to a proffer agreement on June 12, 2008.

4. Unless and until the United States government decides otherwise, Martin Liechti shall remain in the United States until either (a) UBS AG executes a stipulation satisfactory to the United States government regarding the admissibility of Martin Liechti's affidavit dated July 2, 2008 in any proceeding the United States government institutes against UBS AG to which the United States government or any United States government agency is a party with UBS AG, or (b) until the United States government secures Martin Liechti's testimony in a deposition so ordered by a district court judge pursuant to Rule 15 of the Federal Rules of Criminal Procedure and to which UBS AG is a party.

5. Martin Liechti shall provide to the United States government the names and identification information of UBS AG United States clients who had or have undeclared accounts with UBS AG. Martin Liechti shall remain in the United States until he has provided this information to the United States government.

6. Should Martin Liechti commit any crimes as defined by United States law subsequent to the date of signing of this Agreement, or should it be determined that he has intentionally given false, incomplete, or misleading testimony or information, or should he otherwise violate any provision of this Agreement, Martin Liechti shall thereafter be subject to prosecution for any federal criminal violation of which the United States government has knowledge, including perjury and obstruction of justice. Any such prosecution that is not time-barred by the applicable statute of limitations on the date of the signing of this Agreement may be commenced against Martin Liechti, notwithstanding the expiration of the statute of limitations between the signing of this Agreement and the commencement of such prosecution. It is the intent of this Agreement to waive all defenses based on the statute of limitations with respect to any prosecution that is not time-barred on the date that this Agreement is signed.

7. If the United States government determines that Martin Liechti has committed any crime as defined by United States law after signing this Agreement or has intentionally given false, incomplete, or misleading testimony or information, or has otherwise violated any provision of this Agreement, (a) all statements made by Martin Liechti to the United States government or any United States law enforcement agency designated by the United States government, including statements given pursuant to a proffer agreement executed on May 22, May 23, June 2, June 12, and June 18, 2008 and any testimony given by Martin Liechti before a grand jury or other United States tribunal, whether prior to or subsequent to the signing of this Agreement, and any leads from such statements or testimony shall be admissible in evidence in any United States criminal proceeding brought against Martin Liechti; and (b) Martin Liechti shall assert no claim under the United States Constitution, any statute, Rule 410 of the Federal Rules of Evidence, or any other federal rule that such statements or any leads therefrom should be suppressed. It is the intent of this Agreement to waive all rights in the foregoing respects.

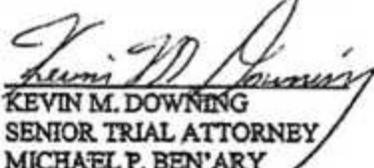
8. This Agreement does not bind any state or local prosecuting authority. The United States government will, however, bring the cooperation of Martin Liechti to the attention of other prosecuting offices and any other foreign or domestic agency, if requested by Martin Liechti.

9. With respect to this matter, this Agreement supersedes all prior, if any, understandings, promises and/or conditions between the United States government and Martin Liechti. No additional promises, agreements, and conditions have been entered into other than those set forth in this letter and none will be entered into unless in writing and signed by all parties.

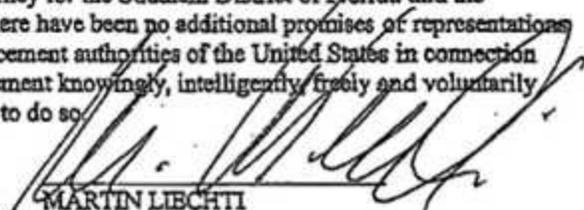
Very truly yours,

R. ALEXANDER ACOSTA
UNITED STATES ATTORNEY

By:

KEVIN M. DOWNING
SENIOR TRIAL ATTORNEY
MICHAEL P. BEN'ARY
TRIAL ATTORNEY
UNITED STATES DEPARTMENT OF JUSTICE
TAX DIVISION
JEFFREY A. NEIMAN
ASSISTANT U.S. ATTORNEY

I have read this letter and have discussed it fully with my attorney. I understand and agree to the terms set forth in this letter. This letter fully and accurately sets forth my agreement with the Office of the United States Attorney for the Southern District of Florida and the Department of Justice, Tax Division. There have been no additional promises or representations made to me by any officials or law enforcement authorities of the United States in connection with this matter. I have signed this agreement knowingly, intelligently, freely and voluntarily because I believe it is in my best interest to do so.

MARTIN LIECHTI

I represent Martin Liechti as his legal counsel. I have discussed this letter with my client, and to the best of my knowledge, he understands this letter and agrees to the terms set forth therein.

DAVID M. ZORNOW, ESQ.

Согласно этому секретному соглашению об отказе от судебного преследования, подписанному 2 июля 2008 года, старший руководитель UBS Мартин Лихти должен был в полной мере сотрудничать с правительством США. Через две недели Лихти появился на слушаниях сенатского подкомитета, однако отказался отвечать на какие-либо вопросы. Несмотря на явное нарушение этого соглашения, Лихти в следующем же месяце тихо покинул страну и после этого не подвергался преследованию со стороны министерства юстиции.

Министерство юстиции США.

Федеральный прокурор по Южному округу штата Флорида 500 Ист Бровард Бульвар, 700 Форт Лодердейл, Флорида 33394 (954) 356-7255.

2 июля 2008 г.

Кому — г-ну Дэвиду М. Зорнову.

Skadden, Arps, Slate, Meagher, & Flom LLP

4 Таймс-сквер

Нью-Йорк 10036

Предмет: Мартин Лихти

Уважаемый мистер Зорнов,

В связи с нижеизложенным офис федерального прокурора по Южному округу штата Флорида и налоговый департамент министерства юстиции (далее именуемые «правительство Соединенных Штатов») не будут привлекать Мартина Лихти к уголовной ответственности за любые преступления, совершенные им при участии в мошеннической схеме ухода от налогов, в рамках которой менеджеры UBS, банкиры UBS, клиенты UBS и Соединенных Штатов и другие лица совершали обманные действия (далее именуемые «мошенническая налоговая схема UBS») в отношении Соединенных Штатов и правительственных учреждений страны, в том числе Службы внутренних доходов и Комиссии по ценным бумагам в нарушение законодательства Соединенных Штатов по вопросам трансграничного банковского обслуживания и инвестиционной деятельности.

В обмен на это Мартин Лихти соглашается с тем, что если правительству Соединенных Штатов станет известно, что он осознанно нарушил любое из описанных ниже условий, то (а) Мартин Лихти будет подвергнут уголовному преследованию за любые федеральные уголовные преступления, о которых стало известно правительству Соединенных Штатов, в том числе лжесвидетельство и препятствование правосудию, и что любое такое уголовное преследование, не ограниченное по времени применимыми сроками исковой давности на дату подписания настоящего Соглашения может быть возбуждено против Мартина Лихти, невзирая на возможное истечение срока исковой давности между подписанием настоящего Соглашения и началом такого уголовного преследования; а также (b) все заявления, сделанные Мартином Лихти в адрес правительства Соединенных Штатов или любого другого правоохранительного ведомства США, назначенного правительством Соединенных Штатов, включая заявления, данные в соответствии с соглашением 22, 23 мая и 2, 12 и 18 июня 2008 г., а также любые показания, данные Мартином Лихти перед большим жюри или другим судом США как до, так и после подписания настоящего Соглашения, и любые выводы из таких заявлений или показаний могут рассматриваться в качестве доказательств в рамках любого уголовного преследования против Мартина Лихти.

Настоящее Соглашение не обеспечивает защиты от преследования за любые другие преступления, кроме описанных ниже.

1. Мартин Лихти (а) должен честно и в полной мере раскрыть всю информацию относительно своей деятельности и деятельности других лиц, связанной с вопросами, расследуемыми правительством Соединенных Штатов, и эта информация может использоваться для любых целей; (b) будет в полной мере сотрудничать с правительством Соединенных Штатов, Службой внутренних доходов и любым другим правоохранительным ведомством, назначенным правительством; (c) после получения в разумные сроки соответствующего уведомления будет посещать все мероприятия, для которых правительство Соединенных Штатов посчитает необходимым его присутствие; (d) предоставит правительству Соединенных Штатов по его запросу любые документы, записи или другие вещественные доказательства, находящиеся на его хранении, в его владении или под его

контролем и связанные с вопросами, в отношении которых правительство Соединенных Штатов или другое уполномоченное им правоохранительное ведомство проводит свое расследование; (e) должен дать искренние показания перед большим жюри или на любых судебных слушаниях в отношении любых вопросов, относительно которых правительство Соединенных Штатов может потребовать его показаний; (f) донесет до сведения правительства Соединенных Штатов информацию обо всех преступлениях, признаваемых таковыми законами США, которые он мог совершить, а также обо всех административных, гражданских или уголовных расследованиях и делах, в которых он выступал или выступает обвиняемым, стороной, ответчиком или свидетелем; а также (g) не совершит в будущем преступлений, признаваемых таковыми согласно законам США. Более того, любое содействие, которое Мартин Лихти может оказать федеральным уголовным следователям, будет осуществляться в соответствии с конкретными инструкциями и под контролем правительства Соединенных Штатов и назначенных им следователей.

2. Мартин Лихти назначает своего адвоката, Дэвида М. Зорнова, в качестве представителя, способного участвовать в процессе, в том числе принимать повестки и ходатайства в любых разбирательствах, которые инициирует правительство Соединенных Штатов или в которых правительство Соединенных Штатов выступает стороной, и связанных с описанной выше мошеннической схемой.

3. До тех пор пока правительство Соединенных Штатов не примет иного решения, Мартин Лихти остается в США, пока правительство Соединенных Штатов не получит от UBS AG или из других источников подборки документов, собранных Мартином Лихти и его ассистентом в начале 2008 г., связанных с описанной выше мошеннической схемой, о существовании которой Мартин Лихти рассказал правительству Соединенных Штатов в рамках предварительного соглашения от 12 июня 2008 г.

4. До тех пор, пока правительство Соединенных Штатов не примет иного решения, Мартин Лихти останется в США до наступления одного из следующих условий: (a) UBS AG выполнит условия, устраивающие правительство Соединенных Штатов в отношении приемлемости показаний Мартина Лихти, данных под присягой 2 июля 2008 г. и в связи с любыми судебными разбирательствами правительственных учреждений Соединенных Штатов против UBS AG, в которых правительство Соединенных Штатов или любое правительственное учреждение Соединенных Штатов, а также UBS AG выступают сторонами, или (b) пока правительство Соединенных Штатов не получит от Мартина Лихти показания под присягой в соответствии с распоряжением судьи окружного суда на основании Правила 15 Федерального уголовно-процессуального кодекса США для случаев, где UBS AG выступает стороной разбирательства.

5. Мартин Лихти передаст правительству Соединенных Штатов имена и другую идентификационную информацию, касающуюся клиентов UBS AG из США, имеющих или имевших незадекларированные счета в UBS AG. Мартин Лихти останется в Соединенных Штатах до тех пор, пока не предоставит эту информацию правительству США.

6. Если Мартин Лихти совершит какое-либо преступление, определяемое таковым законами США, после даты подписания настоящего Соглашения, или если будет установлено, что он сознательно предоставил неверную, неполную или вводящую в заблуждение информацию, или же если он каким-то иным образом нарушит любое положение настоящего Соглашения, он подвергнется уголовному преследованию за любое федеральное уголовное преступление, о котором станет известно правительству

Соединенных Штатов, в том числе за лжесвидетельство и препятствование правосудию. Любое такое уголовное преследование, не ограниченное применимыми сроками исковой давности на дату подписания настоящего Соглашения, может быть применено в отношении Мартина Лихти, невзирая на истечение срока исковой давности между датой подписания настоящего Соглашения и началом такого уголовного преследования. Настоящее Соглашение предполагает отказ от любой защиты от преследования, основанной на сроках исковой давности в отношении любых уголовных преследований, не ограниченных по времени датой подписания настоящего Соглашения.

7. Если правительство Соединенных Штатов определит, что Мартин Лихти совершил любое преступление, признаваемое таковым законами США, после подписания настоящего Соглашения, или намеренно предоставил неверную, неполную или вводящую в заблуждение информацию или показания, или каким-то иным образом нарушил любое из положений настоящего Соглашения, то (а) все заявления, сделанные Мартином Лихти в адрес правительства Соединенных Штатов или любого правоохранительного органа Соединенных Штатов, назначенного правительством Соединенных Штатов, в том числе заявления, сделанные в рамках предварительного соглашения 22 и 23 мая, а также 2, 12 и 18 июня 2008 года, а также любые показания, которые Мартин Лихти дал перед большим жюри или любым другим судом Соединенных Штатов как до, так и после подписания настоящего Соглашения, а также любые результаты таких заявлений или показаний могут быть приняты в качестве доказательств в любом уголовном разбирательстве на территории США против Мартина Лихти; и (b) Мартин Лихти не будет выступать с заявлением о том, что, согласно Конституции Соединенных Штатов, любым законам, Правилу 410 федеральных правил сбора и хранения вещественных доказательств или любым другим федеральным правилам такие заявления или проистекающие из них факты не должны рассматриваться судом. Настоящее Соглашение предполагает полный отказ от соответствующих прав во всех возможных отношениях.

8. Настоящее Соглашение не накладывает никаких обязательств на прокуратуры штатов или округов. При этом правительство Соединенных Штатов донесет, в случае просьбы со стороны Мартина Лихти, информацию о его сотрудничестве до других правоохранительных органов США и других стран.

9. В отношении данного дела настоящее Соглашение заменяет собой все и любые предварительные договоренности, обещания и условия, оговоренные между правительством Соединенных Штатов и Мартином Лихти. Помимо указанных в настоящем Соглашении стороны не обременены никакими дополнительными обещаниями, соглашениями и условиями, и никакие новые договоренности и обязательства не будут считаться действующими до тех пор, пока они не будут оформлены в письменном виде и подписаны обеими сторонами.

Искренне ваш,

Р. АЛЕКСАНДР АКОСТА,

ПРОКУРОР СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ; КЕВИН М. ДАУНИНГ,

СТАРШИЙ АДВОКАТ;

МАЙКЛ П. БЕН-АРИ,

СУДЕБНЫЙ АДВОКАТ, МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ США, НАЛОГОВЫЙ ОТДЕЛ;

ДЖЕФФРИ А. НЕЙМАН,

ПОМОЩНИК ПРОКУРОРА США

Я прочитал данное письмо и детально обсудил его с моим адвокатом. Я понимаю изложенное в письме и согласен с этим. Это письмо точно и в полной мере отражает положения моего соглашения с офисом федерального прокурора по Южному округу штата Флорида и налоговым подразделением министерства юстиции. Никакие официальные лица или представители правоохранительных органов Соединенных Штатов не давали мне никаких дополнительных обещаний или заверений в связи с этим вопросом. Я подписываю данный документ осознанно, добровольно и не под давлением, поскольку верю, что подобные действия соответствуют моим лучшим интересам.

МАРТИН ЛИХТИ

Я представляю Мартина Лихти в качестве советника по правовым вопросам. Я обсудил это письмо с моим клиентом, и, насколько я знаю, он понимает суть письма и соглашается с перечисленными в нем условиями.

ДЭВИД М. ЗОРНОВ

<small>JOSEPH I. LIEBERMAN, CONNECTICUT, CHAIRMAN</small>	
<small>CARL LEVIN, MICHIGAN DANIEL K. AKAKA, HAWAII THOMAS H. CARPER, DELAWARE MARK L. PRYOR, ARKANSAS MARY L. LANDRIEU, LOUISIANA CLARE McCASKILL, MISSOURI JON TESTER, MONTANA ROLAND W. BURRIS, ILLINOIS MICHAEL F. BENNETT, COLORADO</small>	<small>SUSAN M. COLLINS, MAINE TOM COBURN, OKLAHOMA JOHN MCCAIN, ARIZONA GEORGE V. VONNOVICH, OHIO JOHN ENSIGN, NEVADA LINDSEY GRAHAM, SOUTH CAROLINA ROBERT F. BENNETT, UTAH</small>
<small>MICHAEL L. ALEXANDER, STAFF DIRECTOR BRANDON L. MILHORN, MINORITY STAFF DIRECTOR AND CHIEF COUNSEL</small>	<h2>United States Senate</h2> <p>COMMITTEE ON HOMELAND SECURITY AND GOVERNMENTAL AFFAIRS WASHINGTON, DC 20510-6250</p>

July 28, 2009

VIA U.S. MAIL & EMAIL (dmeier@toddweld.com)

David E. Meier, Esq.
Todd & Weld, LLP
28 State Street, 31st Floor
Boston, MA 02109

Dear Mr. Meier:

This is in response to your request that I provide my assessment of the assistance provided by Mr. Bradley Birkenfeld to the Permanent Subcommittee on Investigations in the course of its investigation into tax haven banks and their impact on tax compliance in the United States.

In October of 2007, Mr. Birkenfeld initiated a contact with the Subcommittee and subsequently provided testimonial and documentary information related to his employment as a private banker at UBS in Switzerland. In a sworn deposition before Subcommittee staff, Mr. Birkenfeld supplied information on the program conducted by UBS Switzerland to attract client accounts in the United States, and the activities and practices employed by UBS private bankers operating out of Switzerland.

Throughout the Subcommittee investigation, which lasted over 14 months, Mr. Birkenfeld voluntarily made himself available for additional staff interviews and provided additional documents to the Subcommittee.

The information provided by Mr. Birkenfeld has been accurate and enabled the Subcommittee to initiate its investigation into the practices of UBS.

Sincerely,

Carl Levin
Chairman
Permanent Subcommittee on Investigations

В этом письме Карл Левин, председатель постоянного подкомитета Сената США по расследованиям, явным образом признает самоотверженные усилия Брэда, которые привели к целому ряду расследований и слушаний, а в конечном счете — к поражению UBS.

28 июля 2009 г.

Отправлено Почтой США и по электронной почте (dmeier@toddweld.com) Г-ну Дэвиду

Э. Майеру Todd & Weld, LLP
28 Стейт-Стрит, 31 этаж.
Бостон, Массачусетс 02109.
Уважаемый мистер Майер,

Это письмо написано в ответ на ваш запрос о том, чтобы я оценил качество помощи, оказанной мистером Брэдли Биркенфельдом Постоянному подкомитету по расследованиям в ходе расследования деятельности банков — налоговых гаваней и их влияния на соблюдение налоговых правил в Соединенных Штатах.

В октябре 2007 г. мистер Биркенфельд вступил в контакт с подкомитетом, и затем предоставил ему показания и документальную информацию, связанную с его работой частным банкиром в UBS (Швейцария). В ходе своих показаний, данных под присягой сотрудникам подкомитета, мистер Биркенфельд предоставил информацию о программе, которую проводил швейцарский банк UBS для привлечения клиентов из Соединенных Штатов, а также о деятельности и практиках работы частных банкиров UBS, действовавших из Швейцарии.

В ходе расследования, проводимого подкомитетом в течение более чем 14 месяцев, мистер Биркенфельд добровольно участвовал в дополнительных беседах с членами подкомитета и предоставил в распоряжение подкомитета дополнительные документы.

Информация, предоставленная мистером Биркенфельдом, была точной и позволила подкомитету начать собственное расследование деятельности UBS.

С уважением,
Карл Левин
Председатель
Постоянный подкомитет по расследованиям

Документ 6: Письмо Грассли

MAX BAUCUS, MONTANA, CHAIRMAN
JOHN D. ROCKEFELLER IV, WEST VIRGINIA
EDDY CONRAD, IOWA
JEFF BOWMAN, NEW MEXICO
JOHN F. EHRBY, MASSACHUSETTS
BLANCHE L. LINCOLN, ARKANSAS
RICH WYDEN, OREGON
CHARLES E. SCHUMER, NEW YORK
DEBBIE STABENOG, MICHIGAN
BARBARA CANTWELL, WASHINGTON
BILL NELSON, FLORIDA
ROBERT MENÉNDEZ, NEW JERSEY
THOMAS R. CARPER, DELAWARE
CLYDE CRADLEY, IOWA
ORIN G. HATCH, UTAH
OLYMPIA J. SNOWE, MAINE
JOE KENY, ARIZONA
JIM BURR, KENTUCKY
JAN CRAWFORD, KANSAS
PAUL ROBERTS, KANSAS
JOHN HIRSHORN, NEVADA
MICHAEL B. ENRICH, WYOMING
JERRY COOPER, TEXAS

United States Senate

COMMITTEE ON FINANCE
WASHINGTON, DC 20510-6200

June 8, 2010

RUSSELL SULLIVAN, STAFF DIRECTOR
KOLAN DAVIS, REPUBLICAN STAFF DIRECTOR AND CHIEF COUNSEL

The Honorable Timothy F. Geithner
Secretary of the Treasury
Department of the Treasury
1500 Pennsylvania Avenue
Washington, DC 20220

The Honorable Douglas L. Shulman
Commissioner
Internal Revenue Service
1111 Constitution Avenue NW
Washington, DC 20224

Dear Secretary Geithner and Commissioner Shulman:

I am writing to express my concern about continued tax evasion by taxpayers using secret Swiss bank accounts, particularly accounts at UBS AG. Swiss lawmakers voted today to block the treaty the United States hammered out with Switzerland last year. While I understand that today's vote in the lower chamber of the Swiss Parliament is not the final word, I am worried that the Internal Revenue Service ("IRS") is doing next to nothing to identify tax evasion by U.S. taxpayers utilizing these accounts while waiting for ratification of the treaty.

It has been over three years since Mr. Bradley Charles Birkenfeld approached the Department of Justice, IRS and the Securities and Exchange Commission about potential tax evasion facilitated by UBS AG on behalf of U.S. clients. The attached letter from Mr. Birkenfeld's attorneys outlines a number of steps that the IRS could have taken with the information he provided in March 2007. It seems this information would allow the IRS to trace individuals in the U.S. that had UBS bank accounts. In addition, this letter also provides information about UBS USA, a wholly-owned subsidiary of UBS AG, and its involvement in UBS AG activities here in the U.S.

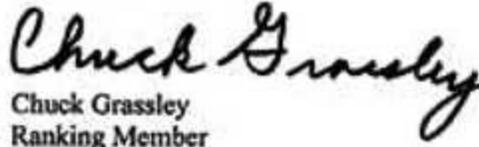
Using this information to identify U.S. clients would appear to be more productive than simply pursuing agreements and treaties with the Swiss, especially since those avenues seem limited to specific individuals. It does not appear that you would need a treaty, or other agreement with the Swiss government, to pursue the records of UBS USA.

As a result, I would like a detailed listing of all steps IRS has taken with the information that Mr. Birkenfeld provided. Please note that I am not asking for information about any individual taxpayer so I do not expect section 6103 to preclude you from responding to my request. I would also like to know what IRS is doing to ensure that, if and when it receives a complete list of UBS AG account holders, the IRS will not be precluded by the statute of limitations from auditing those individuals.

Today's vote in Switzerland only underscores the need for the IRS to encourage whistleblowers to come forward. Mr. Birkenfeld blew the whistle on just one bank. What is the IRS doing to encourage more whistleblowers to come forward about offshore bank accounts?

I appreciate your prompt attention to this matter and ask for a written response by June 18, 2010. Please contact me or my staff at (202) 224-4515 with any questions.

Sincerely,

Chuck Grassley
Ranking Member

Enclosure

В этом письме от автора закона об изобличителях Чарльза Грассли говорится о бездействии правительства после получения от Брэда беспрецедентной информации о деятельности UBS.

Достопочтенному Тимоти Ф. Гейтнеру.

Министру финансов США

Министерство финансов

1500 Пенсильвания-авеню

Вашингтон, 20220

Достопочтенному Дугласу Л. Шульману Комиссару

Служба внутренних доходов

1111 Конститушн-Авеню NW

Вашингтон, 20224

Уважаемые министр Гейтнер и комиссар Шульман,

Я пишу это письмо с тем, чтобы выразить свое беспокойство относительно продолжающейся практики уклонения от налогов, совершаемой налогоплательщиками с использованием секретных банковских счетов в Швейцарии, в особенности счетов в UBS AG. Сегодня швейцарские законодатели проголосовали за блокировку соглашения, на подписании которого Соединенные Штаты настаивали в прошлом году. И хотя я понимаю, что сегодняшнее голосование в нижней палате швейцарского парламента не является последней инстанцией, меня беспокоит почти полное бездействие Службы внутренних доходов (IRS) в расследовании фактов уклонения от налогов налогоплательщиками — резидентами США, использующими эти счета. Судя по всему, Служба внутренних доходов ждет ратификации этого соглашения.

Прошло более трех лет с того момента, как мистер Брэдли Чарльз Биркенфельд обратился в министерство юстиции, IRS и Комиссию по ценным бумагам и биржам по вопросу возможного уклонения от налогов, которое организовывал UBS AG от имени своих клиентов из США. В прилагаемом здесь письме от адвокатов мистера Биркенфельда описан ряд шагов, которые IRS могла бы сделать с информацией, представленной ведомству в марте 2007 г. Судя по всему, эта информация могла бы позволить IRS выявить граждан США, имевших банковские счета в UBS. Кроме того, в этом письме также содержится информация о UBS USA, подразделении UBS AG, полностью ему принадлежащем, и его вовлеченности

деятельность UBS AG на территории США.

Использование этой информации для выявления американских клиентов кажется мне более эффективным, чем попытки заключения соглашений и договоров со Швейцарией, особенно с учетом того, что второй путь, судя по всему, ограничивает возможное расследование отдельными гражданами. С моей точки зрения, нам не нужен никакой договор или иное соглашение с правительством Швейцарии для изучения документов UBS USA.

Вследствие вышеизложенного я бы хотел получить детальный перечень всех шагов, которые IRS произвела с информацией, представленной мистером Биркенфельдом. Прошу обратить внимание на то, что я не запрашиваю информации об отдельных налогоплательщиках и поэтому не рассчитываю, что вы воспользуетесь положениями раздела 6103, позволяющими вам отказаться от ответа на мой запрос. Также я хотел бы знать, что делает IRS для того, чтобы после получения полного списка владельцев счетов UBS AG (когда бы это ни произошло), расследование деятельности этих лиц не было ограничено истекшими сроками исковой давности.

Сегодняшнее голосование, проведенное в Швейцарии, лишний раз подчеркивает, насколько для IRS важно поощрять избличителей на активные действия. Мистер Биркенфельд поделился информацией лишь об одном банке. Что делает IRS, чтобы стимулировать других избличителей на то, чтобы делиться информацией о других офшорных банковских счетах?

Я рассчитываю на ваше внимание к этому вопросу и прошу предоставить письменный ответ до 18 июня 2010 г. В случае возникновения дополнительных вопросов прошу вас связываться со мной или моими сотрудниками по телефону (202) 224-4515.

С уважением,

Чак Грассли

Заместитель председателя комитета

STRICTLY CONFIDENTIAL

November 17, 2009

*The Honorable Carl Levin
U.S. Senate
269 Russell Senate Office Building
Washington, D.C. 20510*

Bradley Birkenfeld – IRS Whistleblower- UBS

Dear Senator Levin:

My firm has been retained to represent Mr. Bradley Birkenfeld on his whistleblower claims.

I would like to take this opportunity to express my gratitude to you and your staff for the July 28, 2009, letter you wrote regarding the nature and extent of the assistance provided by my client, Bradley Birkenfeld (the IRS whistleblower against UBS) to the Permanent Subcommittee on Investigations. This letter was very helpful and was submitted to the Court at Mr. Birkenfeld's sentencing hearing in the United States District Court for the Southern District of Florida on August 21, 2009.

However, I feel compelled to bring a number of very serious matters to your attention. These matters directly concern the integrity of the new IRS Whistleblower Law, and the ability of the United States Government to ensure that the Congressional intent behind this law is fulfilled and the right of whistleblowers to fully and completely communicate with the U.S. Congress. Given the harmful impact of illegal international bank secrecy on the United States, as fully documented by the work of your Subcommittee, we believe these matters should be immediately reviewed.

First, I had the opportunity to review some of the early e-mails between Mr. Birkenfeld's prior attorneys and the Tax Division of the Department of Justice, including the chief prosecutor assigned to the Birkenfeld matter, Mr. Kevin Downing. These early e-mails, attached hereto, demonstrate that the DOJ did not understand that Mr. Birkenfeld was in fact a whistleblower that desired to come to the United States and make significant voluntary disclosures both to the DOJ, the IRS Whistleblower Office and the United States Government. As far back as March of 2007, the prosecutors were refusing to consider Mr. Birkenfeld a "whistleblower," despite his requests for protection under the newly enacted IRS Whistleblower Law

(passed by Congress in December of 2006). Mr. Birkenfeld's former counsel attempted to explain to the prosecutors the vital importance of the disclosures Mr. Birkenfeld intended to make, but they were brushed off ("don't minimize the importance of the information that our client is about to give the government . . . We look forward to working on the same side as you and the government in this matter."). E-mail Chain, March 28, 2007.

The misunderstanding concerning Mr. Birkenfeld's status as a whistleblower, and his willingness to voluntarily provide information to the government was not resolved. On June 11, 2007, the prosecutors recognized Mr. Birkenfeld's desire to work with the IRS whistleblower program, but specifically stated that DOJ is "not a part of the IRS whistleblower program." See e-mail chain dated June 11, 2007. Likewise, as a whistleblower, Mr. Birkenfeld had information relevant to the SEC. Yet by refusing to consider him a whistleblower the DOJ interfered with his ability to fully communicate with all relevant federal law enforcement agencies.

Despite the fact that the IRS Whistleblower Law is part of the laws of the United States, the DOJ was not willing or able to alter its approach to Mr. Birkenfeld in light of the new Congressional mandate. Moreover, under the False Claims Act (the law for which the IRS Whistleblower Law is based), the Department of Justice regularly works hand-in-hand with the program offices for which the contracting abuse is material. For whatever reason, the DOJ was not willing to consider Mr. Birkenfeld a whistleblower. These differences also impacted Mr. Birkenfeld's relationship with the U.S. Senate inasmuch as the DOJ raised objections to his cooperation with the Senate.

The disconnect between Mr. Birkenfeld's desire to "blow the whistle" on the UBS tax fraud and SEC violations, and the DOJ's refusal to consider Mr. Birkenfeld a whistleblower, harmed the interests of the United States and federal law enforcement.

First is the issue of Mr. Olenicoff. At the August 2009 sentencing hearing the DOJ prosecuting attorney stated that if Birkenfeld had disclosed information related to Mr. Olenicoff when he met with the DOJ, the United States would have recommended no jail time in this matter. During the sentencing hearing the DOJ prosecutor, Mr. Downing, stated that Mr. Birkenfeld did not disclose his relationship with Olenicoff. On page 32, lines 12-16 the prosecutor insinuates that Mr. Birkenfeld withheld information on Olenicoff because he wanted to "continu[e] aiding and assisting Mr. Olenicoff committing tax evasion." On page 33, lines 14-21 of the transcript the prosecutor is more specific in his criticism of Mr. Birkenfeld, and states that "Mr. Olenicoff would be in jail had Mr. Birkenfeld come in, in 2007 and disclosed that information." The prosecutor concludes by stating that Mr. Birkenfeld's failure to disclose information on Olenicoff was key to "why the U.S. government seeks jail time for Mr. Birkenfeld." Page 33, lines 19-21.

However, the actual record is very different. Mr. Birkenfeld *did not* withhold information on Olenicoff. Mr. Birkenfeld did *not* "continue" to "aid and assist" Olenicoff in tax evasion. Those statements are completely false.

Mr. Birkenfeld was fully ready, willing and able to provide DOJ with all the information he had on Mr. Olenicoff.

But the proof that Mr. Birkenfeld was ready, willing and able to turn in Mr. Olenicoff (among every other person for whom he had knowledge of the fraud) is confirmed by his whistleblower activities. Whereas the DOJ was not willing to treat him as a whistleblower, the U.S. Senate Subcommittee on Permanent Investigations did. In 2007, before the Olenicoff plea deal was filed in Court (and well before Mr. Birkenfeld was aware that there was a criminal matter pending against Olenicoff), Mr. Birkenfeld provided testimony about Olenicoff to the SEC and Senate. This should be confirmed in your staff files and in the transcript of the testimony Mr. Birkenfeld provided to your Subcommittee on October 11, 2007. Mr. Birkenfeld wasn't hiding or protecting Olenicoff. Far from it. Your Subcommittee staff should be able to fully confirm that Mr. Birkenfeld voluntarily gave them Olenicoff's name and the magnitude of his accounts at UBS.

The fact that Mr. Birkenfeld was not "hiding" Mr. Olenicoff from the government investigators is also confirmed in an e-mail chain between Mr. Birkenfeld's former attorneys and the lead investigator for the Senate Permanent Subcommittee dated March 4, 2008.

In this e-mail chain the Subcommittee investigator asked Mr. Birkenfeld's counsel: "if Brad ever heard of a person named Olenicoff." Clearly, the issue of Olenicoff and his role with UBS had somehow sparked the interest of the Subcommittee.

In response, Mr. Birkenfeld's counsel informed the Subcommittee that Mr. Birkenfeld had fully disclosed Olenicoff during his testimony before the Subcommittee on October 11, 2007:

"Yes. Olenikov was identified to you during the session we had on October 11, 2007 . . . Olenikov was Brad's biggest client with over \$200,000,000 in accounts Olenikov just plead guilty to tax fraud and from the press reports I read, it doesn't appear that Olenikov disclosed the UBS Switzerland funds. We went back to the IRS and DOJ-Tax people and told them that Bard had information that would help them with Olenikov, but DOJ-Tax merely threatened Brad with withholding information from them I hope that someone in Congress takes note of the poor handling that Brad has received from DOJ-Tax."

The Senate Committee investigator responded: *"You are right. I completely forgot about Olenicoff. . . ."*

В этом письме юристы Брэда, Стивен Кон и Дин Зерба, благодарят сенатора Левина и обсуждают деятельность прокурора министерства юстиции Кевина Даунинга.

СТРОГО КОНФИДЕНЦИАЛЬНО

17 ноября 2009 года

Достопочтенному Карлу Левину

Сенат США

269 Рассел, здание Сената

Вашингтон 20510

Брэдли Биркенфельд — Изобличитель IRS — UBS

Уважаемый сенатор Левин,

Моя компания была приглашена для представления интересов мистера Брэдли Биркенфельда в делах, связанных с его деятельностью как изобличителя незаконных действий.

Я бы хотел воспользоваться предоставленной мне возможностью и выразить благодарность вам и вашим сотрудникам за письмо от 28 июля 2009 г., в котором вы описали суть и масштаб помощи, оказанной моим клиентом, Брэдли Биркенфельдом (изобличителем деятельности UBS перед IRS) Постоянному подкомитету по расследованиям. Это письмо очень нам помогло и было представлено во время слушаний относительно приговора мистеру Биркенфельду в окружной суд Соединенных Штатов Америки по Южному округу штата Флорида 21 августа 2009 г.

Однако я вынужден обратить ваше внимание на ряд очень серьезных вопросов. Они напрямую связаны с новым законом об изобличителях, инициированным IRS, и способностью правительства Соединенных Штатов гарантировать, что этот закон в полной мере отражает намерения Конгресса и описывает права изобличителей на полную сотрудничеству с Конгрессом США. С учетом негативного влияния незаконных и тайных банковских практик на Соединенные Штаты, что было в полной мере задокументировано в процессе работы вашего подкомитета, мы полагаем, что эти вопросы требуют немедленного рассмотрения.

Прежде всего у меня была возможность изучить переписку между бывшими адвокатами мистера Биркенфельда и налоговым подразделением министерства юстиции, в том числе с главным прокурором, назначенным по делу Биркенфельда, мистером Кевином Даунингом. Эта переписка, прилагаемая к настоящему письму, показывает, что министерство юстиции не понимало, что мистер Биркенфельд фактически являлся изобличителем, который изъявил желание приехать в Соединенные Штаты и добровольно поделить важную конфиденциальную информацией с министерством юстиции, подразделением IRS, работающим с изобличителями, и правительством Соединенных Штатов. Еще в марте 2007 года прокуроры отказывались считать мистера Биркенфельда «изобличителем», несмотря на его запросы о защите в соответствии с недавно предложенным IRS законом о защите изобличителей (одобренным Конгрессом в декабре 2006 г.). Бывшие адвокаты мистера Биркенфельда пытались объяснить прокурорам высокую степень важности данных, которые он планировал передать, однако их запросы остались без внимания («Не стоит преуменьшать важности информации, которую наш клиент хочет предоставить правительству... Мы хотим быть на одной стороне с вами и правительством при рассмотрении данного вопроса»). Электронная переписка, 28 марта 2007 г.

Проблема непонимания, связанная со статусом мистера Биркенфельда как изобличителя и его готовностью добровольно предоставить информацию правительству, так и не была решена. 11 июня 2007 г. прокуроры признали желание мистера Биркенфельда работать с программой изобличителей IRS, однако особо указали, что министерство юстиции не является «частью программы изобличителей IRS». См. электронную переписку от 11 июня 2007 г. Аналогично, мистер Биркенфельд как изобличитель имел информацию, важную для комиссии по ценным бумагам. Однако из-за своего отказа считать его изобличителем министерство юстиции не позволило ему в полной мере воспользоваться возможностями для беспрепятственного общения со всеми заинтересованными

федеральными правоохранительными органами.

Несмотря на то что законопроект IRS по работе с изобличителями является полноценным законом Соединенных Штатов, министерство юстиции не желало или не могло изменить свой подход в отношении мистера Биркенфельда в свете нового распоряжения, выпущенного Конгрессом. Более того, согласно закону о неправомерных претензиях (на котором основаны положения закона о работе с изобличителями) министерство юстиции должно регулярно тесно сотрудничать с ведомствами, призванными расследовать подобные злоупотребления. По какой-то причине министерство юстиции не желало считать мистера Биркенфельда изобличителем. Это повлияло на взаимодействие мистера Биркенфельда с Сенатом США и проявилось в том, что министерство юстиции возражало против его сотрудничества с Сенатом.

Конфликт между желанием мистера Биркенфельда разоблачить налоговые мошенничества в UBS и нарушение правил Комиссии по ценным бумагам и отказом министерства юстиции считать мистера Биркенфельда изобличителем повредил интересам Соединенных Штатов и федеральных правоохранительных органов.

Прежде всего это помешало разбирательству в отношении мистера Оленикоффа. В августе 2009 г. на слушаниях по избранию приговора прокурор министерства юстиции заявил, что если бы Биркенфельд предоставил информацию, связанную с мистером Оленикоффом, при встрече с представителями министерства юстиции, то Соединенные Штаты рекомендовали бы не применять в отношении его тюремного заключения. Во время слушаний относительно приговора прокурор министерства юстиции мистер Даунинг заявил, что мистер Биркенфельд не рассказал о природе своих связей с Оленикоффом. На странице 32, строки 12–16, прокурор намекает на то, что мистер Биркенфельд утаил информацию об Оленикоффе, поскольку хотел «и дальше помогать и содействовать мистеру Оленикоффу в уклонении от налогов». На с. 33, строки 14–21, прокурор более конкретно критикует мистера Биркенфельда и заявляет, что «мистер Оленикофф уже был бы в тюрьме, если бы мистер Биркенфельд пришел к нам в 2007 г. и поделился этой информацией». В заключение прокурор утверждает, что именно нежелание мистера Биркенфельда поделиться информацией об Оленикоффе определило «желание правительства США посадить мистера Биркенфельда в тюрьму». Страница 33, строки 19–21.

Однако в реальности дела обстояли иначе. Мистер Биркенфельд не утаивал информации об Оленикоффе. Мистер Биркенфельд не «продолжал и дальше помогать и содействовать» Оленикоффу в уклонении от налогов. Эти заявления полностью ложны.

Мистер Биркенфельд был готов, имел возможность и желание поделиться с министерством юстиции всей имевшейся у него информацией об Оленикоффе.

То, что мистер Биркенфельд был готов, имел желание и возможность поделиться информацией о мистере Оленикоффе (а также о других лицах, совершавших, на основании его информации, мошеннические действия), подтверждается его деятельностью как изобличителя. Министерство юстиции не хотело рассматривать его как изобличителя, но Постоянный подкомитет по расследованиям Сената США занял иную позицию. В 2007 г., прежде чем жалоба Оленикоффа была передана в суд (и задолго до того, как мистер Биркенфельд узнал об уголовном деле, открытом против Оленикоффа), мистер Биркенфельд дал показания об Оленикоффе Комиссии по ценным бумагам и Сенату. Это подтверждается вашими документами и расшифровкой показаний, которые мистер Биркенфельд дал вашему подкомитету 11 октября 2007 г. Мистер Биркенфельд не скрывал информацию об

Оленикоффе и никоим образом его не защищал. Ваш подкомитет имеет все необходимое, чтобы подтвердить, что мистер Биркенфельд добровольно огласил ему имя Оленикоффа и размер его счетов в UBS.

Тот факт, что мистер Биркенфельд не «укрывал» мистера Оленикоффа от правительственных следователей, также подтверждается перепиской между бывшими адвокатами мистера Биркенфельда и ведущим следователем Постоянного подкомитета Сената от 4 марта 2008 г.

В ходе этой переписки следователь подкомитета спросил у советника мистера Биркенфельда о том, «слышал ли Брэд когда-либо о человеке по фамилии Оленикофф». Очевидно, что вопрос об Оленикоффе и его роли в деле UBS каким-то образом вызвал интерес подкомитета.

В ответ на это юридический представитель мистера Биркенфельда проинформировал подкомитет о том, что мистер Биркенфельд поделился всей имеющейся у него информацией в отношении Оленикоффа в ходе своих показаний, данных подкомитету 11 октября 2007 г.:

«Да, вы упоминали Оленикоффа в ходе нашего общения 11 октября 2007 г. ... Оленикофф был крупнейшим клиентом Брэда, имевшим на счетах свыше 200 млн долл. Оленикофф был признан виновным в налоговом мошенничестве и, судя по отчетам прессы, которые я читал, не раскрыл информации о своих активах, находившихся в UBS в Швейцарии. Мы отправились к людям из IRS и налогового отдела министерства юстиции и сообщили им, что у Брэда есть информация, способная помочь им в деле Оленикоффа, однако министерство юстиции начало угрожать Брэду за то, что он якобы ранее утаил от них эту информацию... Надеюсь, что кто-нибудь в Конгрессе отметит, насколько плохо с Брэдом обращались представители налогового отдела министерства юстиции».

Представитель сенатского комитета, проводивший расследование, ответил на это так: *«Вы правы, я совершенно забыл об Оленикоффе...»*

ВОПРОСЫ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

После того как мы все пережили недавний банковский кризис и узнали о сомнительных действиях многих банкиров, руководствовавшихся сомнительной этикой, были ли вы удивлены интригой, сюжетом и уровнем коррупции, изображенными в книге «Игра Люцифера»? Что удивило вас сильнее всего и почему? Какая часть истории вызвала у вас наибольший дискомфорт?

Швейцарские банковские законы защищают анонимность владельцев счетов. Когда Брэд летал в Северную Америку, чтобы убедить богатых людей открывать счета в его банке, он говорил, что в его обязанности не входила проверка того, как эти американцы платят свои налоги. Согласны ли вы с этой логикой? Знаете ли вы примеры того, как кто-то не декларировал части своих доходов? Есть ли разница между нежеланием декларировать тысячи долларов (серьезное мошенничество) и сотни долларов (мелкое мошенничество)?

Кто больше всего страдает от действий богатых людей, уклоняющихся от уплаты налогов?

Начав работать в Credit Suisse, Брэд поразился тому, насколько просто ему было приводить новых клиентов и открывать для них секретные счета в Швейцарии, к тому же за эту работу ему неплохо платили. Возможно, вы думали: «Наверняка мой сын, дочь, супруга или я сам могли бы заниматься чем-то подобным несколько лет, выстроить себе гнездышко и осесть в Альпах... Кто бы оказался от такой богатой и беззаботной жизни — хороших ресторанов, дискотек и Ferrari? Понравились бы вам такая работа и такой стиль жизни? Почему да или почему нет?

Были бы вы более счастливы, если бы у вас было больше денег? Хотели бы вы положить их на секретный счет, не облагаемый налогами? Существует ли вообще такое понятие, как «слишком много денег»? Хотели бы вы попробовать поиграть с налогами, а затем, через несколько лет, включить эти суммы в свою декларацию?

Автор обладает необычным и беспощадным чувством юмора — оно проявляется и в том, как он описывает людей, и в ярких фразах типа «толку от него было как от сетчатой двери на подводной лодке». Какие юмористические фразы автора понравились вам больше всего?

Когда Брэд потерял работу в бостонском State Street Bank, он нанял клоунов с воздушными шарами, чтобы поделиться с общественностью рассказом о неблагоприятной деятельности банка. Это доказало, что он не склонен уходить без шума. Как это повлияло на принятое им впоследствии решение рассказать о сомнительной деятельности UBS? Доводилось ли вам публично рассказывать о чужих неблагоприятных поступках? Сработало ли это в ваших интересах или же вы получили ответный удар?

Автор говорит о том, что, решив рассказать о неблагоприятной деятельности UBS, он думал об американских налогоплательщиках-тружениках, которые вынуждены отвечать за богатых людей, не желающих платить свою долю. Но при этом он был зол на своего босса Бовэя и UBS за двуличие, наглядно проявившееся в истории с трехстраничным меморандумом. Как вы думаете, почему на самом деле Брэд решил раскрыть секреты UBS?

Если бы вы были на месте Брэда, то что бы вы сделали, если бы ваш босс пытался лишить вас заслуженной премии, украл у вас секретаршу, а затем отказался обсуждать с

вами трехстраничный меморандум?

Брэд был единственным банкиром UBS, приговоренным к тюремному заключению — его боссы и их начальники воспользовались Пятой поправкой, им позволили вернуться в Швейцарию. Кроме того, судья приговорил Брэда к большему сроку, чем просил прокурор. Считаете ли вы это справедливым? Как вы считаете, почему дело обернулось именно таким образом?

Очевидно, что Кевин Даунинг из министерства юстиции ненавидел Брэдли Биркенфельда и это чувство было взаимным. Как вы думаете, были ли действия Даунинга оправданны с юридической точки зрения или же он позволил своим личным пристрастиям повлиять на свои суждения?

Хоть автор и сидел в тюрьме для «белых воротничков», он все-таки провел в ней 31 месяц (в том числе и в одиночном заключении). Хотели бы вы оказаться в тюрьме, как он? Считаете ли вы, что конечный результат — поражение UBS и предание гласности имен владельцев счетов, уклонявшихся от уплаты налогов, стоило той цены, которую заплатил Брэд?

Хотя мы все получаем немалую пользу от действий отважных изобличителей, общество зачастую отвергает их и считает париями. За последние годы было предано гласности немало неблагоприятных дел — сомнительные практики в области медицинских экспериментов и добычи полезных ископаемых, проблемы на АЭС, торговля людьми, коррупция в мире политики и т. д. Считаете ли вы, что изобличители, принимающие на себя огромные риски, должны получать иммунитет от судебного преследования? Думаете ли вы, что тюремный срок для таких людей, как Брэд, сделавших решительный шаг вперед, охладил желание совершать подобные поступки у других потенциальных изобличителей? Возможны ли ситуации, когда такое наказание оправданно?

Давая показания под присягой, автор был вынужден передать комиссии имена клиентов, для которых он открыл новые счета в UBS, таких как джентльмен на выставке автомобилей в Калифорнии. Что бы вы чувствовали на месте этого клиента, кинозвезды или других клиентов Брэда, имена которых он предал огласке?

Начав искать юристов при первой поездке в Вашингтон, автор книги понял, что все большие юридические компании уже находятся на содержании UBS, а некоторые из них уже активно работали на швейцарский банк. С учетом того, что вы уже знаете о швейцарских банках, считаете ли вы безвредной практику, при которой американская юридическая компания получает значительные гонорары от компаний типа UBS, или это достойно осуждения?

Кто из героев книги понравился вам больше всего? Кто из них вызвал у вас наибольшее презрение?

Если бы по книге «Игра Люцифера» сняли фильм, то кто, по-вашему, мог бы сыграть Брэдли Биркенфельда? А его секретаршу Валери? Как насчет других актеров на те или иные роли?

Если бы вам довелось оказаться за чашкой швейцарского кофе с Брэдом, о чем бы вы хотели его спросить прежде всего?

ИНТЕРВЬЮ С АВТОРОМ

Вопрос: Брэдли, поздравляю с созданием столь захватывающей книги. Что заставило вас написать ее и рассказать свою историю?

Ответ: Я написал эту книгу, чтобы поделиться никому не известной историей о том, как я разрушил секретность швейцарской банковской системы. Банковская деятельность в Швейцарии ассоциируется с богатством, привилегированным и роскошным образом жизни. В книге «Игра Люцифера» я раскрываю темную сторону частного банковского обслуживания и рассказываю о своем мучительном путешествии, в конце которого мне удалось разрушить завесу секретности, столетиями создававшуюся в Швейцарии. Благодаря тому, что завеса секретности теперь сорвана, террористам, коррумпированным политикам, вершителям судеб и богачам в наши дни становится намного сложнее финансировать нападения на невинных людей, совращать представителей власти и чиновников, а также уклоняться от своих налоговых обязательств.

И хотя я до сих пор горжусь успехом своих усилий в борьбе со швейцарской банковской секретностью, UBS и министерство юстиции множество раз пытались агрессивно противостоять моему историческому изобличению. Я написал книгу «Игра Люцифера» в том числе и для того, чтобы рассказать, как UBS и министерство юстиции почти десять лет пытались повести следствие по неверному пути и обмануть широкую общественность. Они извратили суть правосудия для защиты собственных интересов. Они пытались укрыть от правосудия и публичного порицания своих влиятельных и могущественных благодетелей, владевших секретными номерными счетами.

Хотя мои усилия и были вознаграждены крупнейшей в мире наградой за изобличение — 104 миллионами долларов, — мир заслуживает того, чтобы знать правду об этом скандале. Я рад, что книга «Игра Люцифера» рассказала о том, о чем не смогло рассказать правительство США, и что мои откровения послужили катализатором для множества расследований на тему коррумпированной банковской деятельности в Европе и по всему миру.

Вопрос: Читатели любят книги, детально рассказывающие о какой-то истории, хотя и понимают, что их авторы рискуют, разглашая тонкости происходящего. Беспокоитесь ли вы из-за того, что делитесь множеством сокровенных деталей вашего дела? А как насчет деталей финансовой жизни других людей?

Ответ: Я совершенно не беспокоюсь, рассказывая о том, что и почему произошло в моей жизни. Беспокоиться стоит UBS, министерству юстиции и множеству богатых американцев с секретными швейцарскими счетами... Я всячески приветствую то, что у нас появилась возможность разоблачить коррупцию на другом берегу Атлантического океана и по всему миру.

Вопрос: Вы очень нежно говорите о своем отце-враче и о матери, отказавшейся от карьеры модели ради воспитания детей. Очевидно, что им удалось воспитать сильного и умного сына! Что они думали о вашей карьере, когда вы зарабатывали огромные деньги в UBS? Знали ли они какие-либо детали вашей работы, например то, что вы помогали американцам избежать уплаты налогов?

Ответ: UBS, Credit Suisse, Barclays и многие другие частные банки, многие столетия работающие в Швейцарии, гордились тем, что предлагали финансовые услуги для богатых клиентов. И этими услугами пользовались многие уважаемые и законопослушные семьи. Моя роль в каждом из этих банков состояла в том, чтобы предлагать таким клиентам доступ к стабильным и привлекательным инвестициям, обеспечивая им полную свободу действий. При этом мы не несли никакой ответственности и никак не были связаны с тем, как наши клиенты исполняют свои обязанности налогоплательщиков. У нас могли возникать такие вопросы — точно так же как у нас возникают вопросы относительно расчетов наличными без чека с таксистами и другими поставщиками услуг, но мы не были обязаны проверять, насколько точно клиенты заполняют свои налоговые декларации.

Если вернуться к вашему вопросу, то мои родители были, безусловно, рады, что после обучения по программе MBA в Швейцарии мне удалось устроиться на работу в столь уважаемые компании. Тот факт, что моя работа позволяла улучшить навыки межличностного общения, а любовь к путешествиям совпадала с возможностью обслуживать финансовые потребности клиентов по всему миру, убедил их в том, что я выбрал идеальную карьеру. Я оказывал своим клиентам банковские услуги, а не давал консультации по налогообложению.

Модель швейцарского частного банковского обслуживания начала давать сбои, когда частные банкиры принялись предлагать финансовые услуги во время встреч с клиентами в странах, где их деятельность не была лицензирована или зарегистрирована должным образом. Проблема возникла и из-за того, что банкиры принялись активно предлагать своим клиентам схемы уклонения от налогов. Финансовые законы и правила очень сложны, особенно в трансграничных ситуациях.

Работая на множестве рынков, мы полагались на внутренние и внешние законы и правила, помогавшие нам убедиться в том, что наши действия на всех рынках оправданны и правильны. Однако мы не понимали в полной мере, что наши работодатели слишком агрессивно интерпретировали местные законы и в некоторых случаях переходили черту, подвергая нас реальным юридическим рискам. Мотивом к моим действиям по изобличению практик UBS стал трехстраничный меморандум, в котором компания *прямо запрещала* действия, которые сама же нам поручала и за которые нам платила. Компания, пользовавшаяся плодами наших усилий, была готова отвергнуть нас в случае возникновения любых юридических проблем. Она совершенно не собиралась поддерживать своих «мятежных» банкиров.

Вопрос: Мне было очень интересно узнать, как вы, после начала работы в Credit Suisse, смогли так просто привлекать средства новых зажиточных клиентов. Это действительно было так просто? Или же вы не рассказываете о финансовой хватке, необходимой для такой работы? Важна ли для такой работы степень MBA?

Ответ: Финансовые услуги — это очень конкурентная область, в которой множество игроков сражаются за ограниченную сумму денег инвесторов. В конечном итоге основную роль в этом бизнесе играет качество услуг для клиентов. И хотя степень MBA важна для понимания работы внутренних механизмов множества сложных продуктов и услуг, которые мы предлагали, этого недостаточно для того, чтобы выделиться среди многих других. Думаю, что описание моей работы кажется вам простым потому, что мне это действительно легко давалось. У меня природный талант вызывать доверие у большинства людей, с

которыми я общаюсь. Я люблю людей, а клиентам нравился мой позитивный и профессиональный подход. Им было приятно находиться в моей компании.

Вопрос: Как я понял, поворотной точкой для вашего сотрудничества с UBS стал увиденный вами трехстраничный меморандум, практически запрещающий работать с американскими деньгами. Работая в Credit Suisse, вы выступили с идеей ублажения богачей — из ваших слов может показаться, что до этого банкиры не занимались ничем подобным. Можно ли сказать, что Credit Suisse отставал в игре, в которой банкиры UBS уже были настоящими экспертами?

Ответ: В то время Credit Suisse еще не развил такую же сложную и активную деятельность по сбору клиентских активов, как UBS. Значительная часть нового бизнеса возникала при работе с клиентами, уже пользовавшимися другими услугами банка (депозитами, коммерческим кредитованием, операциями с ценными бумагами, аккредитивами и т. д.). Работая в State Street мы, банкиры, имели много возможностей для перекрестных продаж услуг нашим клиентам. По сути, работая в Credit Suisse, я просто предлагал новые возможности для развития бизнеса существующим и потенциальным банковским клиентам. Как и в UBS, моя работа в Credit Suisse была полностью прозрачной и соответствовала правилам компании и требованиям законодательства.

Вопрос: После выпуска из Норвичского университета, военной академии в Вермонте вы думали о карьере в армии, однако после работы в банке в течение летних каникул решили заняться финансами. Как повлияли на вашу жизнь учеба и военное образование, полученные в Норвиче? Диктовали ли они вам, как вести себя во время вашей изобличительной битвы?

Ответ: Мой опыт, полученный в Норвичском университете, старейшей в Америке частной военной академии, закалил меня и подготовил к борьбе и неприятностям, ждавшим меня в будущем. Кадетам в Норвиче прививались такие качества, как тщательность, настойчивость и уверенность в себе, и жизнь в этой среде принесла мне немало хорошего. Все эти и многие другие качества очень помогли мне в последней битве против UBS и министерства юстиции.

Вопрос: Говоря о армии, считаете ли вы службу патриотическим занятием? Было ли патриотичным ваше поведение до того, как вы сдали властям всех этих банкиров: когда вы открывали номерные счета для все новых и новых богатых клиентов?

Ответ: Это сложный вопрос. Я не верю, что вопросы патриотизма хоть как-то связаны с тем, что я мог или не мог сделать. Открытие счетов для американских и других иностранных клиентов в швейцарских банках было моей работой. Тем же самым занимались сотни других частных банкиров по всей Швейцарии в течение десятилетий. Я делал свою работу, понимая, что компания не просит нас нарушать законы от ее имени. Интересен вопрос и о том, насколько непатриотичным является уклонение наших клиентов от своих налоговых обязательств. В Соединенных Штатах и других странах имеется немало областей бизнеса, в которых производятся расчеты наличными и значительная часть доходов не декларируется в налоговых органах. Насколько непатриотичными можно считать всех этих нарушителей? Можно ли считать непатриотичными клиентов, пользующихся такими услугами и позволяющих их поставщикам не полностью декларировать свои доходы или, хуже того, сознательно договаривающихся с ними о том, чтобы не сообщать о наличных платежах? Или

все же у этих людей есть какое-то моральное право не платить налоги правительству, не обладающему должной дисциплиной действий и имеющему слабый контроль над расходами? Это довольно сложный вопрос со множеством тонкостей.

Мое восприятие этой ситуации развивалось со временем. В книге я рассказываю о том, что мне было просто не обращать внимания на сомнительные действия и довольствоваться тем, что они были санкционированы и одобрены компанией. И конечно же, на такие вопросы сложно обращать внимание, когда вы молоды и сильны, а деньги текут к вам бурным потоком. Тем не менее с годами вы начинаете понимать, что даже законные действия не всегда оказываются допустимыми с точки зрения этики. Было ли для наших клиентов правильным уклоняться от налоговых обязательств и тем самым возлагать на плечи менее ловких и менее богатых более тяжелое бремя налогов? Конечно, вы можете спросить, почему я не послушался этих этических инстинктов раньше. Это хороший вопрос, но его можно задать большинству из нас. С подобными этическими конфликтами сталкивались многие. В таких ситуациях непросто вести себя достойно, не говоря уже о том, чтобы справиться с ними. Но для меня эта дилемма получила свое разрешение, когда я благодаря трехстраничному меморандуму осознал, что мои действия переходили границы. В этот момент я понял, что игра окончена.

Я мог бы просто уйти, однако вместо этого я набрался храбрости и решил бросить вызов самому мощному банку в мире, рассказав о его незаконной и неэтичной деятельности.

Вопрос: Давайте вспомним времена, когда вы работали в State Street в Бостоне и вас уволили за то, что вы отказались записывать на пленку, в нарушение закона, свои переговоры с клиентами. Что вы думаете о своих коллегах, которые продолжили работать, как ни в чем не бывало? Было ли вам сложно поддерживать отношения со своими друзьями, которые тихо следовали неэтичной практике компании?

Ответ: Во время скандала в State Street Bank я боролся с теми, кто предлагал заниматься незаконной деятельностью, а не с теми, кто все знал и стоял в стороне. Кроме того, никто из моих друзей в State Street не был вовлечен в подобные действия. Я понимаю, что некоторые из сотрудников этого банка, как и других крупных финансовых учреждений, не хотели рисковать своим будущим и выступать против неправомерных действий корпоративного руководства. Они сделали свой выбор, я сделал свой — и обратился к властям.

Я вижу забавную параллель между историей с State Street и тем, как швейцарские частные банкиры занимались своей работой в нарушение законов стран, в которых они действовали. Трейдеры State Street могли записывать переговоры, предполагая или надеясь, что компания сможет доказать юридическую правомерность их действий. Они просто не верили в то, что оценивать законность работы должны они сами. Однако я (так же как и потом в Швейцарии) сообщил о нарушении, как только понял, что оно действительно имело место.

Вопрос: В годы работы в UBS вы были хорошо оплачиваемой звездой и получали намного больше, чем ваши коллеги, благодаря условиям, на которых вы согласились работать на банк, в частности, благодаря тому, что вы получали долю от прибыли на привлеченные от новых клиентов Новые Деньги. Знал ли кто-то из ваших друзей того времени об этих условиях вашего трудового контракта? Зарабатывали ли вы больше денег,

чем Бовэй, ваш босс с зубами-отмычками? И если так, то не считаете ли вы, что отчасти его неприязнь к вам была вызвана именно этим? Или же это было следствием его ревности к тому, как вам удалось выбить эти условия из банка?

Ответ: Не приходится сомневаться в том, что условия моего контакта раздражали практически каждого руководителя UBS, который о них знал, не потому, что в них было что-то предосудительное, а потому что я оказался намного более эффективным, чем они могли себе представить. Это был беспрецедентный контракт для швейцарского частного банкира, а то, что его заключили не с одним из них, а с американцем, бесило их еще больше.

Вопрос: Что стало с Валери, лояльной к вам секретаршей, которую Бовэй сначала украл у вас и которой затем отказался платить нормальную зарплату и премию?

Ответ: Валери удачно вышла замуж, родила двух детей и живет в Швейцарии.

Вопрос: Вы не боитесь говорить правду, даже если предстаете после этого в далеко не идеальном свете. Поэтому простите меня за вопрос, но можете ли вы сказать, в чем все же состоял ваш главный мотив, когда вы решили предать гласности деятельность UBS и раскрыть тайны швейцарской системы? Было ли это попыткой отомстить Бовэю, который был явно настроен против вас?

Ответ: Здесь очень важно понимать, как развивались события, которые привели в итоге к моему историческому изобличению. Конечно, Кристиан Бовэй мне не нравился, но он был всего лишь ожесточившимся человеком, обиженным и ревновавшим к моим успехам. При этом он не брезговал приписывать себе славу за успехи своего подразделения (возникавшие во многом благодаря моим усилиям). Я был хорошо защищен условиями своего контракта, и у Бовэя было не так много возможностей причинить мне серьезный вред. В прошлом мне доводилось иметь дело с намного более коварными персонажами.

Как я уже говорил выше, с какого-то момента мне стало дискомфортно жить, зная мотивы, по которым многие из моих клиентов открывали свои счета в банке. Поскольку я работал в основном с американцами, имевшими вполне легитимные деловые интересы, моя основная этическая дилемма была связана с налоговыми обязательствами. Однако еще раз поясню — я был банкиром, а не налоговым консультантом, клиенты сами несли ответственность за свои обязательства. Уход от налогов — одно из самых старых занятий в мире, оно вызывает множество этических дилемм, и в этой схватке я не хотел играть роль мальчика для битья.

Основным триггером моих действий стал трехстраничный меморандум, который нашелся в глубинах корпоративной сети UBS — там, где его не мог бы найти ни один банкир. Этот меморандум говорил о том, что почти все, чем занималась наша группа, рассматривалось банком как нарушение закона. Банк был готов и дальше пользоваться плодами нашей работы, однако если бы его начали преследовать власти, он мог бы вытащить на свет этот меморандум и заявить, что не санкционировал наших действий. Иными словами, он никак не поддержал бы своих «мятежных» банкиров. Напротив, он сам накинул бы нам петлю на шею и подтолкнул бы к виселице!

Это не было философской дилеммой. Банк понимал, что подставляет нас. Он не информировал нас об этом. И он мог бы легко отмахнуться от обвинений в поддержке наших действий.

Как только я узнал о меморандуме, я решил обсудить его содержимое с отделом UBS,

занимавшимся вопросами комплаенса — соответствия законодательству. Когда на мои неоднократные письменные запросы не пришло ни одного ответа, я понял, что банк не готов признать серьезность ситуации, они были бы счастливы оставить все так, как есть, а это создавало для американских банкиров по-настоящему смертельный риск. Послушав рекомендации своего швейцарского советника, я отложил свое решение об отставке и поделился своими сомнениями напрямую с руководителями банка и его советом директоров, ссылаясь на политику самого UBS в отношении действий изобличителей. В этот момент руководство банка организовало внутреннее расследование, однако после довольно формальной работы оно пришло к заключению, что мои обвинения были построены в основном на неправильно понятой сути документа — никто так и не признался в том, что нашему подразделению было поручено заниматься, по существу, незаконной деятельностью. Именно это заставило меня обратиться к властям США, а затем публично изобличить действия банка. Кто-то считает, что в основе моих действий лежала перспектива получить значительное вознаграждение. Они, руководствуясь своими интересами, забывают о том, что закон об изобличениях, благодаря которому я в конечном итоге получил награду, еще не был принят в начале моей саги. И даже после того, как я официально стал изобличителем и после того, как я рассказал о деятельности UBS в Швейцарии, перспективы получения какого-либо вознаграждения были крайне туманными (особенно учитывая формулировки принятых законов и сложности, с которыми сталкивались другие изобличители в сходных ситуациях). Я уже не говорю о том неприятном приеме, который получил на первой же встрече с представителями министерства юстиции. Однако я настаивал на своем и продолжал делиться информацией, несмотря на то что за это я мог получить не награду, а вполне реальный тюремный срок. Так оно и вышло: я провел 31 месяц в федеральном исправительном учреждении за то, что помог раскрыть многолетнее и крупнейшее в истории США налоговое мошенничество. При этом никто из других банкиров UBS виновных в этом мошенничестве, не оказался за решеткой.

Так что мои показания были вызваны не тем, что я начал по-иному воспринимать факт возможного уклонения моих клиентов от уплаты налогов. Их причиной стало то, что UBS разработал и занимался реализацией противозаконного бизнес-плана. Он нанял меня и моих коллег, а затем принялся использовать нас втемную. А после этого он четко дал понять, что не собирается нести никакой ответственности за наши действия. Все просто. В результате моего изобличения казначейство США смогло получить не менее 12 миллиардов долларов в виде налогов, штрафов, процентов и прочих санкций, наложенных на клиентов, которые годами пренебрегали своими обязанностями налогоплательщиков. Поэтому, хотя на моей совести и лежал камень из-за того, что мои частные клиенты уклонялись от уплаты налогов, именно мое изобличение деятельности UBS помогло государству собрать значительные суммы с тех, кто уклонялся от налогов, и с тех, кто помогал им в этом.

Вопрос: Эту книгу невозможно читать, не представляя ее себе в виде фильма, как потому, что вы отлично описываете происходившее, так и потому, что в ней отлично выписаны персонажи. Так что, если такой день наступит, то кого бы вы хотели видеть на экране в роли Брэдли Биркенфельда? Кто из актеров мог бы сыграть других действующих лиц этой истории?

Ответ: Честно говоря, я не думал о том, кто мог бы изобразить всех персонажей этой саги. Однако я точно не разрешил бы играть себя актеру с ненастоящим бостонским

акцентом. Бостонский акцент — это шик. Либо он есть, либо его нет.

Вопрос: Какой урок вы вынесли из всей этой истории? Если бы вы могли вернуться в прошлое, то выступили ли бы вы с разоблачением UBS? Сделали бы вы это раньше? По всей видимости, вы бы не обратились в министерство юстиции — или же сделали все то же самое снова, зная о том, что вам грозит унылое одиночное заключение?

Ответ: Разумеется, я бы сделал это снова, если бы мне представилась такая возможность. Мои усилия позволили вернуть в казначейство США 12 миллиардов долларов и разоблачить тысячи налоговых мошенников, которые считали себя выше закона. Прямым следствием моих действий стали новые законы в отношении налогообложения. Были ратифицированы новые межгосударственные соглашения по этому вопросу. Я разрушил систему швейцарской банковской секретности, которая многие годы считалась неприступной. Единственное, что я сделал бы иначе — я бы не связывался с министерством юстиции. Я своими глазами увидел, как его разъедает внутренняя коррупция. Я не знаю, к чему они стремились, но точно не к справедливости.

Вопрос: Видели ли вы недавно опубликованное «Панамское досье» с детальным описанием офшорных счетов? Увидели ли вы в нем какие-нибудь знакомые имена? Думаете ли вы, что подобная информация может быть предана гласности и в других частях мира?

Ответ: Да, я кое-что знаю о скандале с «Панамским досье». В связи с ним меня особенно заинтересовало одно имя — в досье фигурировал не кто иной, как осужденный за налоговые преступления Игорь Оленикофф. Боже мой, похоже, этот Игорь никогда не успокоится!

«Панамское досье» представляет собой набор файлов юридической фирмы Mossack Fonseca, серьезного игрока в мире офшорных трастов. Наверняка в будущем нас ждут и другие подобные скандалы с участием других юридических фирм, бухгалтерских компаний и банков. Похожая ситуация была, когда в результате Lux Leaks (расследования, произведенного ICJ, международным консорциумом журналистов-расследователей) были преданы огласке файлы с деталями налоговых льгот, которые смогли получить крупные международные корпорации в Люксембурге для снижения своего налогового бремени в Европе. Не только частные лица не любят платить налоги!

Вопрос: Но все же, несмотря на победу над UBS и закрытие многих офшорных счетов помогающих богатым людям не платить налоги, разве законы самих Соединенных Штатов не благоволят богатым? Известны слова Уоррена Баффета о том, что он, мультимиллиардер, платит меньшую долю налогов, чем его секретарь со значительно меньшей зарплатой. Насколько ближе мы стали к реальному налоговому равенству — к тому, чтобы помочь тем американским труженикам, о которых вы думали, когда решили разоблачить банк?

Ответ: Очевидно, что богатые и влиятельные люди в Соединенных Штатах и за их пределами играют совсем не по тем правилам, что и большинство других людей. Я их не защищаю, я просто признаю эту реальность. Мои усилия по изобличению заставили многих из этих людей открыться и понести ответственность за свои действия. В этом смысле я внес свой вклад в то, чтобы вернуть равные условия игры для всех — и при этом вернул в американскую банковскую систему больше офшорных денег, чем любой другой человек в истории.

Вопрос: Хотели бы вы сказать своим читателям что-нибудь еще? **Ответ:** Известный исторический факт состоит в том, что никому и никогда не удавалось успешно вторгнуться в Швейцарию... до меня.

ОБ АВТОРЕ

Брэдли С. Биркенфельд — бывший финансист, признанный самым значительным изобличителем финансовых преступлений в истории.

Биркенфельд начал свою банковскую карьеру в Бостоне. Затем он переехал в Европу, где зарекомендовал себя как успешный частный банкир, работавший на Credit Suisse, Barclays Bank и UBS. В 2005 году он заявил руководству UBS о незаконной деятельности сотрудников, обслуживавших богатых американских клиентов, которые совершали мошеннические действия в области налогов. Когда руководство UBS отказалось обсуждать этот вопрос, Биркенфельд связался с американскими властями и запустил процесс, в результате которого его откровения помогли казначейству США вернуть в страну более 12 миллиардов долларов в виде налогов, штрафов и прочих санкций, наложенных на американских налоговых мошенников.

Дело Биркенфельда привело к активизации борьбы правительств стран Европы против мошенничества. Удары по секретности в области банковского обслуживания в Швейцарии привели к серьезнейшим изменениям в законодательной и правоохранительной среде, которые было невозможно представить себе до начала дела Биркенфельда. Швейцария поддалась давлению со стороны США и европейских правительств, приняв более жесткое банковское законодательство. В результате исторических действий Брэда риски и затраты финансовых учреждений, поддерживающих уклонение от налогов, мошенничество, коррупцию и международный терроризм, многократно выросли.

Биркенфельд имеет степень бакалавра в области экономики, полученную в Норвичском университете, и международную степень MBA, полученную в American Graduate School of Business в Швейцарии. Брэдли уделяет значительную часть своего времени поддержке инициатив по изобличению и искоренению мошенничества. Он болельщик команды Boston Bruins и крупный коллекционер символики команды. Одно из основных занятий Биркенфельда как филантропа — содействие программе хоккейной команды по поддержке детей из неблагополучных семей.

notes

Автор романов о Джеймсе Бонде. — *Прим. ред.*

Детективный роман Джона Гришема, описывающий аналогичную (вымышленную) ситуацию. — *Прим. ред.*

Цитата принадлежи Бенджамину Франклину, она взета из его писъма Жану-Батисту Леруа. — *Прим. ред.*

Первая поправка к Конституции США гарантирует свободу совести, свободу слова, свободу прессы, свободу собраний и свободу петиций. — *Прим. ред.*

Соответствует российскому званию генерал-лейтенанта. — *Прим. пер.*

Военнослужащий на этой должности обычно руководит всеми вооруженными силами штата, включая национальную гвардию. — *Прим. пер.*

Профсоюз водителей грузовиков — крупнейшее профсоюзное объединение США. —
Прим. пер.

Так называется известный сатирический роман американского писателя Джозефа Хеллера об армии. — *Прим. ред.*

Игрок между второй и третьей базами, который должен останавливать мячи, попадающие в эту зону. — *Прим. пер.*

Район Манхэттена, населенный в начале XX века выходцами из Италии, в том числе мафиози. — *Прим. пер.*

Chartered Financial Analyst — обладатель международного профессионального сертификата CFA Institute, выдаваемого финансовым аналитикам, которые успешно сдали экзамены и удовлетворяют требованиям к образованию и опыту работы. — *Прим. пер.*

Финансовый термин — ликвидные или быстрореализуемые активы. — *Прим. пер.*

Джимми Хоффа — известный американский профсоюзный деятель, пропавший без вести летом 1975 года. — *Прим. пер.*

Одна из важных черт этого закона заключается в распространении его юрисдикции за пределы США. — *Прим. пер.*

Вымышленное радиоактивное вещество, фигурирующее в комиксах компании DC Comics. — *Прим. пер.*

«Truth, justice, and the American way» — популярная фраза из комиксов о Супермене. —
Прим. ред.

По состоянию на май 1996 г. один швейцарский франк был равен в среднем 1,25 американского доллара. — *Прим. ред.*

В оригинале — долларов. Вероятно, ошибка. — *Прим. ред.*

М — глава британской секретной службы МИ-6 из книг Яна Флеминга и фильмов о Джеймсе Бонде, агенте 007 с видом на убийство; мисс Манипенни — секретарша М. — *Прим. ред.*

В оригинале: «Пожалуй, буду грустить. Пожалуй, сегодня!» — *Прим. ред.*

Изначально эта фраза относилась к политике вооруженных сил США, которая запрещает служить в армии геем и лесбиянкам, если они не скрывают свою сексуальную ориентацию; впоследствии ее стали применять, часто с оттенком юмора, по отношению к другим правилам, фактически разрешающим те или иные поступки или виды поведения, если они не разглашаются. — *Прим. ред.*

Буквально означает «чешская подружка» и звучит как «шах и мат». — *Прим. пер.*

Отрицательный персонаж одноименного фильма про Джеймса Бонда. — *Прим. пер.*

«Я думаю, что это начало прекрасной дружбы» — заключительная фраза из классического голливудского фильма «Касабланка» (1942) режиссера Майкла Кертиса с Хамфри Богартом и Ингрид Бергман в главных ролях. — *Прим. пер.*

Как и в оригинале книги, мы вводим этот термин именно здесь, хотя объяснен он будет в следующих главах. — *Прим. ред.*

Американский государственный деятель XVIII в., один из подписантов Декларации независимости США. — *Прим. ред.*

«24 часа Ле-Мана» (фр. 24 Heures du Mans) — старейшая из ныне существующих автомобильных гонок на выживание, проходящая ежегодно с 1923 г. недалеко от французского города Ле-Ман. — *Прим. пер.*

В феврале 1945 г. ВВС США и Великобритании совершили серию неоправданных бомбардировок немецкого города Дрезден, в результате которых погибли, по официальным данным, 25 000 человек. — *Прим. пер.*

Мохаммед Атта — международный террорист, один из лидеров 19 смертников, осуществивших террористический акт 11 сентября 2001 г. — *Прим. пер.*

Три Балбеса (The Three Stooges) — легендарная группа американских комиков, особенно популярных в середине XX в. — *Прим. пер.*

Омар Шариф (1932–2015) — всемирно известный египетский киноактер. — *Прим. ред.*

Хранилище золотых запасов США в штате Кентукки, существующее с 1936 года. —
Прим. пер.

В оригинале: «Does this make you Matterhorny?» — каламбур, обыгрывающий название горы и жаргонное слово «horny», означающее сексуальное возбуждение. В комедийных фильмах про «человека-загадку» Остина Пауэрса часто встречаются подобные каламбуры на тему секса. — *Прим. пер.*

Устойчивое выражение, означающее один процент самых богатых и влиятельных американцев. — *Прим. пер.*

Речь идет о гонках Гран-при Монако 26 мая 2002 г. — это было в воскресенье, а не в пятницу, как, очевидно по ошибке, пишет автор. Гонки Гран-при Монако являются одним из самых престижных этапов чемпионата «Формула-1». — *Прим. ред.*

Исполнительница роли Ванессы Кенсингтон, напарницы Остина Пауэрса, в фильме «Остин Пауэрс: Шпион, который меня соблазнил». — *Прим. пер.*

Американский актер, комик, телеведущий и писатель, наиболее известный как ведущий телепередачи The Tonight Show на канале NBC. — *Прим. пер.*

Mitsubishi A6M Zero — японский легкий палубный истребитель времен Второй мировой войны. — *Прим. пер.*

Женевский яхт-клуб. Описываемое событие произошло 19 января 2003 г. — *Прим. ред.*

Бонни Паркер и Клайд Бэрроу— известные американские грабители, действовавшие во времена Великой депрессии. — *Прим. пер.*

Слово, заимствованное из итальянского языка и означающее главаря банды в составе гангстерского синдиката. — *Прим. пер.*

В оригинале: «Net New Money» — термин, которым в банке называли доход, полученный от новых клиентов. — *Прим. ред.*

Бенедикт Арнольд — генерал-майор, участник Войны за независимость США прославился в боях на стороне американских повстанцев, но позже перешел на сторону Великобритании. — *Прим. пер.*

Добрый день, друзья мои (фр.) — *Прим. пер.*

«Искусство войны» Сунь Цзы — самый известный древнекитайский трактат, посвященный военной стратегии и политике. Используется в военном обучении в армии США, а также в области бизнес-образования. — *Прим. пер.*

Аллюзия на знаменитый рецепт приготовления коктейля Джеймса Бонда «Смешать, но не взбалтывать». — *Прим. пер.*

Право купить акции по определенной цене в определенное время вне зависимости от их текущей рыночной цены. — *Прим. пер.*

Крупное морское сражение Второй мировой войны на Тихом океане, произошедшее в июне 1942 г. Победа флота США над флотом Японии стала поворотной точкой в войне на Тихом океане. — *Прим. пер.*

Персонаж комедийного сериала «Семейка монстров», ребенок-оборотень. — *Прим. пер.*

Ничего (исп.). — *Прим. пер.*

Неформальное название штата Нью-Джерси. — *Прим. пер.*

Пандемия чумы, протекавшей преимущественно в бубонной форме в середине XIV в. в Азии, Европе и Северной Африке. — *Прим. пер.*

Намек на знаменитую фразу героя Хамфри Богарта из фильма «Касабланка»: «У нас всегда будет Париж». — *Прим. ред.*

Крупный политический скандал в США во второй половине 1980-х гг. Отдельные члены администрации США организовали тайные поставки вооружения в Иран, нарушив тем самым эмбарго против этой страны. Деньги, полученные от продажи оружия, шли на финансирование никарагуанских контрабандистов в обход запрета, наложенного Конгрессом на их финансирование. — *Прим. пер.*

May Day — День труда, праздник, который отмечается в США в первый понедельник сентября. Так же звучит международный сигнал бедствия в радиотелефонной сети. — *Прим. пер.*

Один из самых прославленных героев Американской революции. — *Прим. пер.*

Рудольф «Руди» Джулиани — американский политический деятель, в 1994–2001 гг. был мэром Нью-Йорка, участвовал в президентской избирательной кампании 2008 г., затем снял свою кандидатуру в поддержку кандидатуры Джона Маккейна. — *Прим. ред.*

Джон Маккейн — сенатор США, участвовал в президентской избирательной кампании 2008 г., проиграл выборы Бараку Обаме. — *Прим. ред.*

Элиот Несс— специальный агент министерства финансов, которому удалось посадить знаменитого гангстера Аль Капоне в тюрьму на 11 лет. — *Прим. пер.*

Знаменитый британский музыкант, гитарист The Rolling Stones и автор песен этой группы вместе с Миком Джаггером. — *Прим. ред.*

В последние десятилетия город Хуарес, расположенный неподалеку от границы с США, приобрел печальную известность как город с крайне неблагоприятной криминогенной обстановкой. — *Прим. пер.*

Авторство цитаты приписывается также Элберту Грину Хаббарду (1856–1915), американскому писателю, издателю и философу. — *Прим. ред.*

Знаменитая пьеса Реджинальда Роуза, в которой изначально предвзятое жюри присяжных выносит справедливый вердикт. Многократно экранизирована — на телевидении в 1954 г. Франклином Шеффнером и в 1997 г. Уильямом Фридкиным; в кино — в 1957 г. Сидни Люметом, его версия считается одним из лучших фильмов в истории кино. Фильм Никиты Михалкова «12» (2007) также является версией этого сюжета. — *Прим. ред.*

«Кодекс чести» у мафии, предполагающий помимо прочего отказ от сотрудничества с государством. — *Прим. пер.*

Итальянский преступник, один из лидеров организованной преступности в США в середине XX в. — *Прим. пер.*

Герой одноименного комикса и ряда фильмов. — *Прим. пер.*

Американская вещательная сеть, транслирующая заседания американского правительства и другой общественно-значимый контент. — *Прим. ред.*

Идиоматическое выражение, описывающее шпионов, которые во времена «холодной войны» возвращались с территории противника. — *Прим. пер.*

«Глубокая глотка» — псевдоним Марка Фелта, заместителя директора ФБР, которым он назвался, когда был информатором по делу об Уотергейтском скандале. — *Прим. пер.*

USS Constitution («Констительюшн»), «Old Ironsides» («Железнобокий старина») — старейший парусный корабль в мире из находящихся на плаву. Все еще числится в боевом составе американского флота. — *Прим. пер.*

Джуди Шнейдлин, судья и телеведущая собственного телевизионного судебного шоу «Судья Джуди», которое идет с 1996 г. — *Прим. пер.*

Комедийный фильм 1992 г. режиссера Джонатана Линна с Джо Пеши и Марисой Томей в главных ролях. — *Прим. ред.*

Босс семьи Гамбино в 1986–1992 гг., который так долго избегал наказания, что получил прозвище «Тефлоновый дон». — *Прим. пер.*

Главный герой одноименной детской книги Мишель Кнудсен. — *Прим. пер.*

Магистраты или мировые судьи готовят материалы для рассмотрения дел окружными судьями. Они также могут председательствовать на разбирательствах мелких преступлений и сессиях суда по рассмотрению гражданских исков. — *Прим. пер.*

Марк Рич был знаменитым нефтяным трейдером, обвиненным в уклонении от налогов и спекуляциях во время нефтяного эмбарго, наложенного США на Иран. Чтобы избежать наказания, он бежал в Швейцарию. Бывшая жена Рича, Дениз, подарила несколько миллионов долларов президентской библиотеке Клинтона и его избирательному фонду на ранних этапах кампании. В последний день своего президентского срока Билл Клинтон попросил тогдашнего генерального прокурора Эрика Холдера одобрить его решение о помиловании Рича от имени министерства юстиции. Просьбы была удовлетворена.

Лидер коммуны «Семья», отдельные члены которой в 1969 г. совершили ряд жестоких убийств. — *Прим. пер.*

Настоящее имя — Роберт Лерой Паркер, известный американский грабитель банков и поездов конца XIX в., герой вестерна «Буч Кэссиди и Санденс Кид» 1969 г. режиссера Джорджа Роя Хилла. — *Прим. пер.*

В юриспруденции Джон Доу — это неизвестное лицо, которому предъявляется иск. Ответчиком с таким именем может быть физическое лицо, юридическое лицо или группа лиц. — *Прим. пер.*

Персонаж повести Чарльза Диккенса «Рождественская песнь», а также многочисленных фильмов, поставленных по этому литературному произведению. Один из самых больших скряг в истории мировой литературы. — *Прим. пер.*

Термин, применяемый в демографии и общественных науках к поколениям людей, родившихся в разных странах с 1965 по 1979 г. — *Прим. пер.*

Знаменитый американский телекомментатор и теоретик заговоров. — *Прим. пер.*

Главный герой серии комиксов Честера Гулда, детектив в штатском. — *Прим. пер.*

«Бостонское чаепитие» — акция протеста американских колонистов 16 декабря 1773 г. в ответ на действия британского правительства, в результате которой в Бостонской гавани был уничтожен груз чая, принадлежавший Английской Ост-Индской компании. — *Прим. пер.*

100-километровое шоссе, опоясывающее Вашингтон. — *Прим. пер.*

Выстроенное в 1939 г. в колониальном стиле поместье в Мемфисе, США. Известно главным образом как дом американского певца и актера Элвиса Пресли. — *Прим. пер.*

Вид казни, применявшийся пиратами. Осужденный шел с корабля по доске, один конец которой выдавался в море. — *Прим. пер.*

Программа по спасению проблемных активов — The Troubled Asset Relief Program (TARP), — которая предполагала покупку правительством США активов и ценных бумаг у финансовых институтов с целью поддержания финансового сектора. Крупнейший компонент правительственных мер, принятых осенью 2008 г. для спасения экономики США от ипотечного кризиса. — *Прим. пер.*

Герой одноименной новеллы американского писателя Вашингтона Ирвинга, житель деревушки близ Нью-Йорка, проспавший 20 лет в горах и спустившийся оттуда, когда все, кого он знал, уже умерли. — *Прим. пер.*

Отсылка к пьесе Шекспира «Венецианский купец», по сюжету которой ростовщик Шейлок получает право вырезать из тела своего должника фунт мяса, если тот не отдаст ему занятые деньги в срок. — *Прим. пер.*

Фильм 1963 г. американского режиссера Джона Стерджеса, поставленный по одноименной книге австралийского писателя Пола Брикхилла, посвященной реальным событиям — массовому побегу военнослужащих ВВС Великобритании, США и Канады из немецкого лагеря для военнопленных «Сталаг Люфт III». — *Прим. ред.*

От английского «waddle» — ходить вразвалку, ковылять. — *Прим. пер.*

Клэрэнс Сьюард Дэрроу (18 апреля 1857 — 13 марта 1938) — американский юрист и один из руководителей Американского союза гражданских свобод, из идейных соображений выступавший в качестве адвоката на многих известных судебных процессах. — *Прим. пер.*

Motown Records — первая американская звукозаписывающая компания, созданная афроамериканцем. В 1960-е гг. здесь было разработано особое направление ритм-энд-блюза — так называемое мотаунское звучание. На этом лейбле начинали свою карьеру выдающиеся звезды афроамериканской музыки — Стиви Уандер, Марвин Гэй, Дайана Росс и Майкл Джексон. — *Прим. пер.*

«That Lady» — песня группы The Isley Brothers, изданная в 1974 г., но не на Motown Records, как ранние альбомы группы, а на ее собственном лейбле T-Neck. — *Прим. ред.*

Известная американская актриса, ассоциирующаяся с большим избыточным весом — ее вес к 1998 г. достиг 165 кг и она была вынуждена сделать ряд хирургических операций, включая шунтирование желудка. — *Прим. ред.*

Programs Evaluation Office — тайная полувоенная миссия министерства обороны США направленная, помимо прочего, на обучение солдат королевской армии Лаоса, противостоявшей коммунистам из организации «Патет Лао». — *Прим. пер.*

«Славные парни» (Goodfellas) — криминальная драма Мартина Скорсезе, основанная на реальных событиях. Главный герой фильма — Генри Хилл, гангстер, впоследствии сдавший полиции своих подельников. — *Прим. пер.*

Сенатор Чак Грассли — автор принятого в 2006 г. закона об избличителях и решительный защитник их прав. Во время своего срока работы в Сенате он десятилетиями поддерживал таких смелых людей и продвигал законопроекты, направленные на их защиту и вознаграждение их усилий. Он поддержал и Биркенфельда при рассмотрении его дела (документ 6).

Считается, что это изречение принадлежит Талейрану — знаменитому французскому политику и дипломату конца XVIII — начала XIX в. — *Прим. ред.*

Белый дым над Сикстинской капеллой в Риме извещает католиков об избрании нового понтифика. — *Прим. пер.*

Ежегодно 15 апреля жители США должны подать документы о своем подоходном налоге федеральному правительству и властям штатов. После проверки в ряде случаев они получают обратно налоговые вычеты и излишне уплаченные суммы. — *Прим. пер.*